

Н. НЕКРАСОВ

Алек. Некрасов

3

НА НЕКРАСОВ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

3

НЕКРАСОВ

***Печатается по постановлению
Совета Министров Союза ССР
от 28 ноября 1946 г.***

Н. А. НЕКРАСОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

Под общей редакцией

В. Е. ЕВГЕНЬЕВА-МАКСИМОВА, А. М. ЕГОЛИНА и К. И. ЧУКОВСКОГО

О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1949*

Н. А. НЕКРАСОВ

Т О М III

СТИХОТВОРЕНИЯ 1863—1877

О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1949*

*Редакция тома и историко-литературные
комментарии*

КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО

Подготовка вариантов и текстологические примечания

А. Максимовича

Н. А. НЕКРАСОВ
Фотография Левицкого
1864 г.

ДЕДУШКА

Посвящается З-н-ч-е

I

Раз у отца, в кабинете,
 Саша портрет увидал,
 Изображен на портрете
 Был молодой генерал.
 «Кто это? — спрашивал Саша, —
 Кто?..» — Это дедушка твой. —
 И отвернулся папаша,
 Низко поник головой.

«Что же не вижу его я?»

¹⁰ Папа ни слова в ответ.

Внук, перед дедушкой стоя,

Зорко глядит на портрет:

«Папа, чего ты вздыхаешь?

Умер он... жив? говори!»

— Вырастешь, Саша, узнаешь.

«То-то... ты скажешь, смотри!..»

II

«Дедушку знаешь, мамаша?» —

Матери сын говорит.

— Знаю, — и за руку Саша

²⁰ Маму к портрету тащит,

Мама идет против воли.

«Ты мне скажи про него,
Мама! недобрый он, что ли,
Что я не вижу его?
Ну, дорогая! ну, сделай
Милость, скажи что-нибудь!»
— Нет, он и добрый и смелый,
Только несчастный. — На грудь
Голову скрыла мамаша,
30 Тяжко вздыхает, дрожит —
И зарыдала... А Саша
Зорко на деда глядит:
«Что же ты, мама, рыдаешь,
Слова не хочешь сказать!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь.
Лучше пойдем-ка гулять...

III

В доме тревога большая.
Счастливы, светлы лицом,
Заново дом убирая,
40 Шепчутся мама с отцом.
Как весела их беседа!
Сын подмечает, молчит.
— Скоро увидишь ты деда! —
Саше отец говорит...
Дедушкой только и бредит
Саша, — не может уснуть:
«Что же он долго не едет?..»
— Друг мой! Далек ему путь! —
Саша тоскливо вздыхает,
50 Думает: «Что за ответ!»
Вот, наконец, приезжает
Этот таинственный дед.

IV

Все, уж давно поджидая.
Встретили старого вдруг...
Благословил он, рыдая,
Дом, и семейство, и слуг,
Пыль отряхнул у порога,

С шеи торжественно снял
Образ распятого бога
60 И, покрестившись, сказал:
— Днесь я со всем примирился,
Что потерпел на веку!.. —
Сын пред отцом преклонился,
Ноги омыл старику;
Белые кудри чесала
Дедушке сашина мать,
Гладила их, целовала,
Сашу звала целовать.
Правой рукою мамашу
70 Дед обхватил, а другой
Гладил румяного Сашу:
— Экой красавчик какой! —
Дедушку пристальным взглядом
Саша рассматривал, — вдруг
Слезы у мальчика градом
Хлынули, к дедушке внук
Кинулся: «Дедушка! где ты
Жил-пропадал столько лет?
Где же твои эполеты,
80 Что не в мундир ты одет?
Что на ноге ты скрываешь?
Ранена, что ли, рука?..»
— Вырастешь, Саша, узнаешь.
Ну, поделуй старика!..

V

Повеселел, оживился,
Радостью дышит весь дом.
С дедушкой Саша сдружился,
Вечно гуляют вдвоем.
Ходят лугами, лесами,
90 Рвут васильки среди нив;
Дедушка древен годами,
Но еще бодр и красив,
Зубы у дедушки целы,
Поступь, осанка тверда,
Кудри пушисты и белы,
Как серебро борода;

Строен, высокого роста,
Но как младенец глядит,
Как-то апостольски-просто,
100 Ровно всегда говорит...

VI

Выйдут на берег покатый
К русской великой реке —
Свищет кулик вороватый,
Тысячи лап на песке;
Барку ведут бечевою,
Чу, бурлаков голоса!
Ровная гладь за рекою —
Нивы, покосы, леса.
Легкой прохладой дует
110 С медленных, дремлющих вод...
Дедушка землю целует,
Плачет — и тихо поет...
«Дедушка! что ты роняешь
Крупные слезы, как град?..»
— Вырастешь, Саша, узнаешь!
Ты не печалься — я рад...

VII

Рад я, что вижу картину,
Милую с детства глазам.
Глянь-ка на эту равнину —
120 И полюби ее сам!
Две-три усадьбы дворянских,
Двадцать господних церквей,
Сто деревенок крестьянских
Как на ладони на ней!
У лесу стадо пасется —
Жаль, что скотинка мелка;
Песенка где-то поется —
Жаль — неизбежно горька!
Ропот: «подайте же руку
130 Бедным крестьянам скорей!»
Тысячелетнюю муку,
Саша, ты слышишь ли в ней?..

Надо, чтоб были здоровы
Овцы и лошади их,
Надо, чтоб были коровы
Толще московских купчих, —
Будет и в песне отрада,
Вместо унынья и мук.
Надо ли? «Дедушка, надо!»
140 — То-то! попомни же, внук!..

VIII

Озими пышному всходу,
Каждому цветику рад,
Дедушка хвалит природу,
Гладит крестьянских ребят.
Первое дело у деда
Потолковать с мужиком,
Тянется долго беседа,
Дедушка скажет потом:
«Скоро вам будет нетрудно,
150 Будете вольный народ!»
И улыбнется так чудно,
Радостью весь расцветет.
Радость его разделяя,
Прыгало сердце у всех.
То-то улыбка святая!
То-то пленительный смех!

IX

— Скоро дадут им свободу, —
Внуку старик замечал: —
Только и нужно народу.
160 Чудо я, Саша, видал:
Горсточку русских сослали
В страшную глушь, за раскол,
Волю да землю им дали;
Год незаметно прошел —
Едут туда комиссары,
Глядь — уж деревня стоит,
Риги, сараи, амбары!
В кузнице молот стучит,

Мельницу выстроят скоро.
170 Уж запаслись мужики
Зверем из темного бора,
Рыбой из вольной реки.
Вновь через год побывали,
Новое чудо нашли:
Жители хлеб собирали
С прежде бесплодной земли.
Двама одни лишь ребята
Да здоровенные псы,
Гуси кричат, поросята
180 Тычут в корыто носы...

Х

Так постепенно в полвека
Вырос огромный посад —
Воля и труд человека
Дивные дивы творят!
Всё принялось, раздобрело!
Сколько там, Сапа, свиной,
Перед селением бело
На полверсты от гусей;
Как там возделаны нивы,
190 Как там обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители, бодры всегда,
Видно — ведется копейка!
Бабу там холит мужик:
В праздник на ней душегрейка —
Из соболей воротник!

ХІ

Дети до возраста в неге,
Конь хоть сейчас на завод,
В ковакэй, прочной телеге
200 Сотню пудов увезет...
Сыты там кони-то, сыты,
Каждый там сыто живет,
Тесом там избы-то крыты,
Ну, уж зато и народ!

Варосшие в нравах суровых,
Сами творят они суд,
Рекрутов ставят здоровых,
Трезво и честно живут,
Подати платят до срока,
210 Только ты им не мешай.
«Где ж та деревня?» — Далеко,
Имя ей: *Тарбагатай*,
Страшная глушь, за Байкалом...
Так-то, голубчик ты мой,
Ты еще в возрасте малом,
Вспомнишь, как будешь большой...

XII

Ну... а покуда подумай,
То ли ты видишь кругом:
Вот он, наш пахарь угрюмый,
220 С темным, убитым лицом:
Лапти, лохмотья, шапчонка,
Рваная сбруя; едва
Тянет косулю клячонка
С голоду еле жива!
Голоден труженик вечный,
Голоден тоже, божусь!
Эй! отдохни-ко, сердечный!
Я за тебя потружусь! —
Глянул крестьянин с испугом,
230 Барину плуг уступил,
Дедушка долго за плугом,
Пот отирая, ходил;
Саша за ним торопился,
Не успевал догонять:
«Дедушка! где научился
Ты так отлично пахать?
Точно мужик, управляешь
Плугом, а был генерал!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь,
240 Как я работником стал!

XIII

Зрелище бедствий народных
Невыносимо, мой друг;
Счастье умов благородных —
Видеть довольство вскруг.
Нынче полегче народу:
Стих, притаился в тени
Барин, прослышав свободу...
Ну, а как в наши-то дни!

- 250 Словно как омут, усадьбу
Каждый мужик объезжал.
Помню ужасную свадьбу, —
Поп уже кольца менял,
Да на беду помолиться
В церковь помещик зашел:
«Кто им позволил жениться?
Стой!» — и к попу подошел...
Остановилось венчанье!
С барином шутка плоха —
- 260 Отдал наглец приказанье
В рекруты сдать жениха,
В девичью — бедную Грушу!
И не перечил никто!..
Кто же имеющий душу
Мог это вынести?.. кто?..

XIV

- Впрочем, не то еще было!
И не одни господа,
Сок из народа давила
Подлых подьячих орда.
- 270 Что ни чиновник — стяжатель,
С целью добычи в поход
Вышел... а кто неприятель?
Войско, казна и народ!
Всем доставалось исправно.
Стачка, порука кругом:
Смелые грабили явно,
Труссы тащили тайком.

Непроницаемой ночи
Мрак над странюю висел...
280 Видел — имеющий очи
И за отчизну болел.
Стоны рабов заглушая
Лестью да свистом бичей,
Хищников алчная стая
Гибель готовила ей...

XV

Солнце не вечно сияет,
Счастье не вечно везет:
Каждой стране наступает
Рано иль поздно черед,
290 Где не покорность тупая —
Дружная сила нужна;
Грянет беда роковая —
Скажется мигом страна.
Единодушие и разум
Всюду дадут торжество,
Да не придут они разом,
Вдруг не создашь ничего. —
Красноречивым воззваньем
Не разогреешь рабов,
300 Не озаришь пониманьем
Темных и грубых умов.
Поздно! Народ угнетенный
Глух перед общей бедой.
Горе стране разоренной!
Горе стране отсталой!..
Войско одно — не защита.
Да ведь и войско, дитя,
Было в то время забито,
Лямку тянудо крехтя...

XVI

310 Дедушка кстати солдата
Встретил, вином угостил,
Поцеловавши как брата,
Ласково с ним говорил:

— Нынче вам служба не бремя —
Кротко начальство теперь...
Ну, а как в наше-то время!
Что ни начальник, то зверь!
Душу вколачивать в пятки
Правилом было тогда.
320 Как ни трудись, недостатки
Сыщет начальник всегда:
«Есть в маршировке старанье,
Стойка исправна совсем,
Только заметно дыханье...»
Слышишь ли?.. дышут зачем!

XVII

А не доволен парадом,
Ругань польется рекой,
Зубы посыплются градом,
Порет, гоняет сквозь строй!
330 С пеною у рта обрывает
Весь перепуганный полк,
Жертв покрупнее прищипет
Остервенившийся волк:
«Франтики! подлые души!
Под караулом сгною!»
Слушал — имеющий уши,
Думушку думал свою.
Брань пострашней караула,
Пуль и картечи страшней...
340 Кто же, в ком честь не уснула,
Кто примирился бы с ней?..
«Дедушка! ты вспоминаешь
Страшное что-то?.. скажи!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь,
Честью всегда дорожи...

XVIII

Дед замолчал и уныло.
Голову свесил на грудь.
— Мало ли, друг мой, что было!..
Лучше пойдем отдохнуть. —

- 350 Отдых недолог у деда —
Жить он не мог без труда:
Гряды копал до обеда,
Переплетал иногда;
Вечером шилом, иголкой
Что-нибудь бойко тачал,
Песней печальной и долгой
Дедушка труд сокращал.
Внук не проронит ни звука,
Не отойдет от стола:
360 Новой загадкой для внука
Дедова песня была...

ХІХ

- Пел он о славном походе
И о великой борьбе;
Пел о свободном народе
И о народе-рабе;
Пел о пустынях безлюдных
И о железных цепях;
Пел о красавицах чудных
С ангельской лаской в очах;
370 Пел он об их увяданьи
В дикой, далекой глуши
И о чудесном влияньи
Любящей женской души...
О Трубецкой и Волконской
Дедушка пел — и вздыхал,
Пел — и тоской вавилонской
Келью свою оглашал...
«Дедушка, дальше!.. А где ты
Песенку вызнал свою?»
380 Ты повтори мне куплеты —
Я их мамаше спою.
Те имена поминаешь
Ты иногда по ночам...»
— Вырастешь, Саша, узнаешь —
Всё расскажу тебе сам:
Где научился я пенью,
С кем и когда я певал...
«Ну! приучусь я к терпенью!» —
Саша уныло сказал...

- 390 Часто каталися летом
 Наши друзья в челноке,
 С громким, веселым приветом
 Дед приближался к реке:
 — Здравствуй, красавица Волга!
 С детства тебя я любил.
 «Где ж пропадал ты так долго?» —
 Саша несмело спросил.
 — Был я далеко, далеко...
 «Где же?..» Задумался дед.
- 400 Мальчик вздыхает глубоко,
 Вечный предвидя ответ.
 «Что ж, хорошо ли там было?»
 Дед на ребенка глядит:
 — Лучше не спрашивай, милый!
 (Голос у деда дрожит):
 Глухо, пустынно, безлюдно,
 Степь полумертвая сплошь.
 Трудно, голубчик мой, трудно!
 По году весточки ждешь,
 410 Видишь, как тратятся силы —
 Лучшие божьи дары,
 Близким копаешь могилы,
 Ждешь и своей до поры...
 Медленно-медленно таешь...
 «Что ж ты там, дедушка, жил?..»
 — Вырастешь, Саша, узнаешь! —
 Саша слезу уронил...

XXI

- «Господи! слушать наскучит.
 Вырастешь! мать говорит,
 420 Папочка любит, а мучит:
 Вырастешь — тоже твердит!
 То же и дедушка... Полно!
 Я уже вырос — смотри!..
 (Стал на скамеечку чолна)
 Лучше теперь говори!..»
 Деда целует и гладит:

«Или вы все заодно?..»
Дедушка с сердцем не сладит,
Бьется как голубь оно.
430 «Дедушка, слышишь? хочу я
Всё непременно узнать!»
Дедушка, внука целуя,
Шепчет: — тебе не понять.
Надо учиться, мой милый!
Всё расскажу, погоди!
Пособерись-ка ты с силой,
Зорче кругом погляди.
Умник ты, Саша, а всё же
Надо историю знать
440 И географию тоже.
«Долго ли, дедушка, ждать?»
— Годик, другой, как случится. —
Саша к мамаше бежит:
«Мама! хочу я учиться!» —
Издали громко кричит.

XXII

Время проходит. Исправно
Учится мальчик всему —
Знает историю славно
(Лет уже десять ему),
450 Бойко на карте покажет
И Петербург, и Читту,
Лучше большого расскажет
Многое в русском быту.
Глупых и злых ненавидит,
Бедным желает добра,
Помнит, что слышит и видит...
Дед примечает: пора!
Сам же он часто хворает,
Стал ему нужен костыль...
460 Скоро уж, скоро узнает
Саша печальную быль...

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ

Поэма

(1826 год)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок;

Сам граф-отец не раз, не два
Его попробовал сперва.

Шесть лошадей в него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.

Сам граф подушки поправлял,
Медвежью полость в ноги стлал,

Творя молитву, образец
10 Повесил в правый уголок

И — зарыдал... Княгиня-дочь...
Куда-то едет в эту ночь...

I

«Да, рвем мы сердце пополам
Друг другу, но, родной,
Скажи, что ж больше делать нам?
Поможешь ли тоской!

Один, кто мог бы нам помочь
Теперь... Прости, прости!

Благослови родную дочь
20 И с миром отпусти!

II

Бог весть, увидимся ли вновь,
Увы! надежды нет.
Прости и знай: твою любовь,
Последний твой завет
Я буду помнить глубоко
В далекой стороне...
Не плачу я, но не легко
С тобой расстаться мне!

III

О, видит бог!.. Но долг другой,
30 И выше и трудней,
Меня зовет... Прости, родной!
Напрасных слез не лей!
Далек мой путь, тяжел мой путь,
Страшна судьба моя,
Но сталью я одела грудь...
Гордись — я дочь твоя!

IV

Прости и ты, мой край родной,
Прости, несчастный край!
И ты... о город роковой,
40 Гнездо царей... прощай!
Кто видел Лондон и Париж,
Венецию и Рим,
Того ты блеском не прельстишь,
Но был ты мной любим —

V

Счастливо молодость моя
Прошла в стенах твоих,
Твои балы любила я,
Катанья с гор крутых,
Любила плеск Невы твоей
50 В вечерней тишине,
И эту площадь перед ней
С героем на коне...

VI

Мне не забыть... Потом, потом
 Расскажут нашу быль...
 А ты будь проклят, мрачный дом,
 Где первую кадрили
 Я танцевала... Та рука
 Досель мне руку жжет...
 Ликуй . . . . .
 69 . . . . .

* * *

Покоен, прочен и легок,
 Катится городом возок.
 Вся в черном, мертвенно бледна,
 Княгиня едет в нем одна,
 А секретарь отца — (в крестах,
 Чтоб наводить дорогой страх)
 С прислугой скачет впереди...
 Свища бичом, крича: «пади!»,
 70 Ямщик столицу миновал...
 Далек княгине путь лежал,
 Была суровая зима...
 На каждой станции сама
 Выходит путница: «Скорей
 Перепрягайте лошадей!»
 И сыплет щедрою рукой
 Червонцы челяди ямской.
 Но труден путь! В двадцатый день
 Едва приехали в Тюмень,
 80 Еще скакали десять дней,
 «Увидим скоро Енисей, —
 Сказал княгине секретарь: —
 Не ездит так и государы!..»

Вперед! Душа полна тоски,
Дорога всё трудней,
Но грезы мирны и легки —
Приснилась юность ей.
Богатство, блеск! Высокий дом
На берегу Невы,
Обита лестница ковром,
90 Перед подъездом львы,
Изящно убран пышный зал,
Огнями весь горит.
О радость! нынче детский бал,
Чу! музыка гремит!
Ей ленты алые вплели
В две русые косы,
Цветы, наряды принесли
Невиданной красы.
Пришел папаша — сед, румян, —
100 К гостям ее зовет.
«Ну, Катя! чудо сарафан!
Он всех с ума сведет!»
Ей любо, любо без границ.
Кружится перед ней
Цветник из милых детских лиц,
Головок и кудрей.
Нарядны дети, как цветы,
Нарядней старики:
Плюмажи, ленты и кресты,
110 Со звоном каблуки...
Танцует, прыгает дитя,
Не мысля ни о чем,
И детство резвое шутя
Проносится... Потом
Другое время, бал другой
Ей снится: перед ней
Стоит красавец молодой,
Он что-то шепчет ей...
Потом опять балы, балы...
120 Она — хозяйка их,
У них сановники, послы,
Весь модный свет у них...

«О милый! что ты так угрюм?
Что на сердце твоём?»
— Дитя! мне скучен светский шум,
Уйдем скорей, уйдем!

И вот уехала она
С избранником своим.
Пред нею чудная страна,
130 Пред нею — вечный Рим...
Ах! чем бы жизнь нам помянуть —
Не будь у нас тех дней,
Когда, урвавшись как-нибудь
Из родины своей,
И скучный север миновав,
Примчимся мы на юг.
До нас нужды, над нами прав
Ни у кого... Сам друг
Всегда лишь с тем, кто дорог нам,
140 Живем мы, как хотим;
Сегодня смотрим древний храм,
А завтра посетим
Дворец, развалины, музей...
Как весело притом
Делиться мыслию своей
С любимым существом!

Под обаяньем красоты,
Во власти строгих дум,
По Ватикану бродишь ты
150 Подавлен и угрюм;
Отжившим миром окружен,
Не помнишь о живом.
Зато как странно поражен
Ты в первый миг потом,
Когда, покинув Ватикан,
Вернешься в мир живой,
Где ржет осел, шумит фонтан,
Поет мастеровой;
Торговля бойкая кипит,
160 Кричат на все лады:
Кораллов! раковин! улит!
Морской воды!

Танцует, ест, дерется голь,
Довольная собой,
И косу черную как смоль
Римлянке молодой
Старуха чешет... Жарок день,
Несносен черни гам,
Где нам найти покой и тень?
170 Заходим в первый храм.

Не слышен здесь житейский шум,
Прохлада, тишина
И полусумрак... Строгих дум
Опять душа полна.
Святых и ангелов толпой
Вверху украшен храм,
Порфир и яшма под ногой
И мрамор по стенам...

Как сладко слушать моря шум!
180 Сидишь по часу нем,
Неугнетенный, бодрый ум
Работает меж тем...
До солнца горною тропой
Взберешься высоко —
Какое утро пред тобой!
Как дышится легко!
Но жарче, жарче южный день,
На зелени долин
Росинки нет... Уйдем под тень
190 Зонтообразных пинн...

Княгине памяты те дни
Прогулок и бесед,
В душе оставили они
Неизгладимый след.
Но не вернуть ей дней былых,
Тех дней надежд и грез,
Как не вернуть потом о них
Пролитых ею слез!..

Исчезли радужные сны,
200 Пред нею ряд картин

Забытой богом стороны:
Суровый господин
И жалкий труженик-мужик
С понурой головой...
Как первый властвовать привык,
Как рабствует второй!
Ей снятся грушпы бедняков
На нивах, на лугах,
Ей снятся стоны бурлаков
210 На волжских берегах...
Наивным ужасом полна,
Она не ест, не спит,
Засыпать спутника она
Вопросами спешит:
«Скажи, ужель весь край такъв?
Довольства тени нет?..»
— Ты в царстве нищих и рабов! —
Короткий был ответ...

Она проснулась — в руку сон!
220 Чу, слышен впереди
Печальный звон — кандалный звон!
«Эй, кучер, погоди!»
То ссыльных партия идет,
Больней заняла грудь.
Княгиня деньги им дает, —
«Спасибо, добрый путь!»
Ей долго, долго лица их
Мерещатся потом,
И не прогнать ей дум своих,
230 Не позабыться сном!
«И та здесь партия была...
Да... нет других путей...
Но след их вьюга замела.
Скорей, ямщик, скорей!..»

* * *

Мороз сильней, пустынной путь,
Чем дале на восток;
На триста верст какой-нибудь
Убогий городок,

Зато как радостно глядишь
240 На темный ряд домов,
Но где же люди? Всюду тишь,
Не слышно даже псов.
Под кровлю всех загнал мороз,
Чаек от скуки пьют.
Прошел солдат, проехал воз,
Куранты где-то бьют.
Замерзли окна... огонек
В одном чуть-чуть мелькнул...
Собор... на въезде острог...
250 Ямщик кнутом махнул:
«Эй вы!» и нет уж городка,
Последний дом исчез...
Направо — горы и река,
Налево темный лес...

Кипит больной, усталый ум,
Бессонный до утра,
Тоскует сердце. Смена дум
Мучительно быстра;
Княгиня видит то друзей,
260 То мрачную тюрьму,
И тут же думается ей —
Бог знает почему,
Что небо звездное — песком
Посыпанный листок,
А месяц — красным сургучом
Оттиснутый кружок...

Пропали горы; началась
Равнина без конца.
Еще мертвей! Не встретит глаз
270 Живого деревца.
«А вот и тундра!» — говорит
Ямщик, бурят степной.
Княгиня пристально глядит
И думает с тоской:
Сюда-то жадный человек
За золотом идет!
Оно лежит по руслам рек,
Оно на дне болот.

Трудна добыча на реке,
280 Болота страшны в зной,
Но хуже, хуже в руднике,
Глубоко под землей!..
Там гробовая тишина,
Там безрассветный мрак...
Зачем, проклятая страна,
Нашел тебя Ермак?..

* * *

Чредой спустилась ночи мгла,
Опять взошла луна.
Княгиня долго не спала,
290 Тяжелых дум полна...
Уснула... Башня снится ей...
Она вверху стоит;
Знакомый город перед ней
Волнуется, шумит;
К Сенатской площади бегут
Несметные толпы:
Чиновный люд, торговый люд,
Разносчики, попы;
300 Пестреют шляпки, бархат, шелк,
Тулупы, армяки...
Стоял уж там Московский полк,
Пришли еще полки,
Побольше тысячи солдат
Сошлось. Они «ура!» кричат,
Они чего-то ждут...

Народ галдел, народ зевал,
Едва ли сотый понимал
Что делается тут...
Зато посмеивался в ус,
310 Лукаво щуря взор,
Знакомый с бурями француз,
Столичный куафер...

Приспели новые полки:
«Сдавайтесь!» — тем кричат.

Ответ им — пули и штыки,
Сдаваться не хотят.
Какой-то brave генерал,
Влетев в каре, грозиться стал —
С коня снесли его.

320 Другой приблизился к рядам:
«Прощенье царь дарует вам!»
Убили и того.

Явился сам митрополит
С хоругвями, крестом:
«Покайтесь, братия! — гласит, —
Падите пред царем!»
Солдаты слушали, крестясь,
Но дружен был ответ:

330 «Уйди, старик! молись за нас!
Тебе здесь дела нет...»

Тогда-то пушки навели,
Сам царь скомандовал: «па-ли!..»
...О милый! Жив ли ты?
Княгиня, память потеряв,
Вперед рванулась и стремглав,
Упала с высоты!

Пред нею длинный и сырой
Подземный коридор,
У каждой двери часовой,
340 Все двери на запор.
Прибою волн подобный плеск
Снаружи слышен ей;
Внутри — бряцанье, ружей блеск
При свете фонарей;
Да отдаленный шум шагов
И долгий гул от них,
Да перекрестный бой часов,
Да крики часовых...

С ключами старый и седой,
350 Усатый инвалид —
«Иди, печальница, за мной! —
Ей тихо говорит: —

Я проведу тебя к нему,
Он жив и невредим...»
Она доверилась ему,
Она пошла за ним...

Шли долго, долго... Наконец
Дверь визгнула — и вдруг
Пред нею он... живой мертвец...
360 Пред нею — бедный друг!
Упав на грудь ему, она
Торопится спросить:
«Скажи, что делать? Я сильна,
Могу я страшно мстить!
Достанет мужества в груди,
Готовность горяча,
Просить ли надо?...» — Не ходи,
Не тронешь палача!
370 «О милый! что сказал ты? Слов
Не слышу я твоих.
То этот страшный бой часов,
То крики часовых!
Зачем тут третий между нас?..»
— Наивен твой вопрос.

«Пора! пробил урочный час!» —
Тот «третий» произнес...

* * *

Княгиня вздрогнула, — глядит
Испуганно кругом,
Ей ужас сердце леденит:
380 Не всё тут было сном!..

Луна плыла среди небес
Без блеска, без лучей,
Налево был угрюмый лес,
Направо — Енисей.
Темно! Навстречу ни души,
Ямщик на козлах спал,
Голодный волк в лесной глуши
Пронзительно стонал,

Да ветер бился и ревел,
390 Играя на реке,
Да инородец где-то пел
На странном языке.
Суровым пафосом звучал
Неведомый язык,
И пуще сердце надрывал,
Как в бурю чайки крик...

Княгине холодно; в ту ночь
Мороз был нестерпим,
Упали силы; ей невмочь
100 Бороться больше с ним.
Рассудком ужас овладел,
Что не доехать ей.
Ямщик давно уже не пел,
Не понукал коней,
Передней тройки не слышать,
«Эй! жив ли ты, ямщик?
Что ты замолк? не вздумай спать!»
— Не бойтесь, я привык...

Летят... Из мерзлого окна
410 Не видно ничего,
Опасный гонит сон она,
Но не прогнать его!
Он волю женщины больной
Мгновенно покорил
И, как волшебник, в край иной
Ее переселил.
Тот край — он ей уже знаком, —
Как прежде неги полн,
И теплым солнечным лучом
420 И сладким пеньем волн
Ее приветствовал, как друг...
Куда ни поглядит:
«Да, это — юг! да, это юг!»
Всё взору говорит...

Ни тучки в небе голубом,
Долина вся в цветах,

Всё солнцем залито, — на всем,
Внизу и на горах,
Печать могучей красоты,
430 Ликует всё вокруг;
Ей солнце, море и цветы
Поют: «да — это юг!»

В долине между цепью гор
И морем голубым
Она летит во весь опор
С избранником своим.
Дорога их — роскошный сад,
С деревьев льется аромат,
На каждом дереве горит
440 Румяный, пышный плод;
Сквозь ветви темные сквозит
Лазурь небес и вод;
По морю реют корабли,
Мелькают паруса,
А горы, видные вдали,
Уходят в небеса.
Как чудны краски их! За час
Рубины рдели там,
Теперь заискрился топаз
450 По белым их хребтам...
Вот вьючный мул идет шапком,
В бубенчиках, в цветах,
За мулом — женщина с венком,
С корзинкою в руках.
Она кричит им: «Добрый путь!» —
И, засмеявшись вдруг,
Бросает быстро ей на грудь
Цветок... да! это юг!
Страна античных, смуглых дев
460 И вечных роз страна...
Чу! мелодический напев,
Чу! музыка слышна!..

«Да, это юг! да, это юг!
(Поет ей добрый сон)
Опять с тобой любимый друг,
Опять свободен он!..»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Уже два месяца почти
Бессменно день и ночь в пути

На диво слаженный возок,
470 А всё конец пути далек!

Княгинин спутник так устал,
Что под Иркутском захворал,

Два дня прождав его, она
Помчалась далее одна...

Ее в Иркутске встретил сам
Начальник городской;
Как мощи сух, как палка прям,
Высокий и седой.
480 Сползла с плеча его доха,
Под ней — кресты, мундир,
На шляпе — перья петуха.
Почтенный бригадир,
Ругнув за что-то ямщика,
Поспешно подскочил
И дверцы прочного возка
Княгине отворил...

Княгиня (входит в станционный дом)

В Нерчинск! Закладывать скорей!

Губернатор

Пришел я — встретить вас.

Княгиня

Велите ж дать мне лошадей!

Губернатор

490 Прошу помедлить час.
Дорога наша так дурна,
Вам нужно отдохнуть...

Княгиня

Благодарю вас! Я сильна...
Уж недалек мой путь...

Губернатор

Всё ж будет верст до восьмисот,
А главная беда:

Дорога хуже тут пойдет,
Опасная езда!..

500 Два слова нужно вам сказать

По службе, — и притом

Имел я счастье графа знать,

Семь лет служил при нем.

Отец ваш редкий человек,

По сердцу, по уму,

Запечатлев в душе навек

Признательность к нему,

К услугам дочери его

Готов я... весь я ваш...

Княгиня

Но мне не нужно ничего!

(отворяя дверь в сени)

510 Готов ли экипаж?

Губернатор

Покуда я не прикажу,

Его не подадут...

Княгиня

Так прикажите ж! Я прошу...

Губернатор

Но есть зацепка тут:

С последней почтой прислана

Бумага...

Княгиня

Что же в ней:

Уж не вернуться ль я должна?

Губернатор
Да-с, было бы верней.

Княгиня
Да кто ж прислал вам и о чем
320 Бумагу? что же — там
Шутили, что ли, над отцом?
Он всё устроил сам!

Губернатор
Нет... не решусь я утверждать...
Но путь еще далек...

Княгиня
Так что же даром и болтаты!
Готов ли мой возок?

Губернатор
Нет! Я еще не приказал...
Княгиня! здесь я — царь!
Садитесь! Я уже сказал,
330 Что знал я графа встарь,
А граф... хоть он вас отпустил,
По доброте своей,
Но ваш отъезд его убил...
Вернитесь поскорей!

Княгиня
Нет! что однажды решено —
Исполню до конца!
Мне вам рассказывать смешно,
Как я люблю отца,
Как любит он. Но долг другой,
340 И выше и святей,
Меня зовет. Мучитель мой!
Давайте лошадей!

Губернатор
Позвольте-с. Я согласен сам,
Что дорог каждый час,
Но хорошо ль известно вам,
Что ожидает вас?

Бесплодна наша сторона,
А та — еще бедней,
Короче нашей там весна,
550 Зима — еще длинней.
Да-с, восемь месяцев зима
Там — знаете ли вы?
Там люди редки без клейма,
И те душой черствы;
На воле рыскают кругом
Там только варнаки;
Ужасен там тюремный дом,
Глубоки рудники.
Вам не придется с мужем быть
560 Минуты глаз на глаз:
В казарме общей надо жить,
А пища: хлеб да квас.
Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам,
Убийства и разбой;
Короток им и страшен суд,
Грознее нет суда!
И вы, княгиня, вечно тут
570 Свидетельницей... Да!
Поверьте, вас не пощадят,
Не сжалятся никто!
Пускай ваш муж — он виноват...
А вам терпеть... за что?

Княгиня

Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пускай же будет и моя
Не радостней его!

Губернатор

Но вы не будете там жить:
580 Тот климат вас убьет!
Я вас обязан убедить,
Не ездите вперед!
Ах! вам ли жить в стране такой,
Где воздух у людей

Не паром — пылью ледяной
Выходит из ноздрей?
Где мрак и холод круглый год,
А в краткие жары —
Непросыхающих болот
590 Зловредные пары?
Да... страшный край! Оттуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной...

Княгиня

Живут же люди в том краю,
Привыкну я шутя...

Губернатор

Живут? Но молодость свою
Припомните... дитя!
Здесь мать — водицей снеговой,
600 Родив, омоет дочь,
Малютку грозной бури вой
Баюкает всю ночь,
А будит дикий зверь, рыча
Близ хижины лесной,
Да пурга, бешено стуча
В окно, как домовой.
С глухих лесов, с пустынных рек
Сбирая дань свою,
Окреп туземный человек
610 С природою в бою,
А вы?..

Княгиня

Пусть смерть мне суждена —
Мне нечего жалеть!..
Я еду! еду! я должна
Близ мужа умереть.

Губернатор

Да, вы умрете, но сперва
Измучите того,
Чья безвозвратно голова
Погибла. Для него

Прошу: не ездите туда!
620 Сноснее одному,
Устав от тяжкого труда,
Притти в свою тюрьму,
Притти — и лечь на голый пол
И с черствым сухарем
Заснуть... а добрый сон пришел —
И узник стал царем!
Летя мечтой к родным, к друзьям,
Увидя вас самих,
Проснется он к дневным трудам
630 И бодр, и сердцем тих,
А с вами?.. с вами не знаять
Ему счастливых грез,
В себе он будет сознавать
Причину ваших слез.

Княгиня

Ах!.. Эти речи побережь
Вам лучше для других.
Всем вашим попыткам не извлечь.
Слезы из глаз моих!
640 Покинув родину, друзей,
Любимого отца,
Приняв обет в душе моей
Исполнить до конца
Мой долг, — я слез не принесу
В проклятую тюрьму —
Я гордость, гордость в нем спасу.
Я силы дам ему!
Презренье к нашим палачам,
Сознание правоты
Опорой верной будет нам.

Губернатор

650 Прекрасные мечты!
Но их достанет на пять дней.
Не век же вам грустить?
Поверьте совести моей,
Захочется вам жить.
Здесь черствый хлеб, тюрьма, позор,
Нужда и вечный гнет,

А там балы, блестящий двор,
Свобода и почет.

Как знать? Быть может, бог судил...
660 Понравится другой,
Закон вас права не лишил...

Княгиня

Молчите!.. Боже мой!..

Губернатор

Да, откровенно говорю,
Вернитесь лучше в свет.

Княгиня

Благодарю, благодарю
За добрый ваш совет!
И прежде был там рай земной,
А нынче этот рай
Своей заботливой рукой
670 Расчистил Николай.
Там люди заживо гниют —
Ходячие гробы,
Мужчины — сборище Иуд,
А женщины — рабы.
Что там найду я? Ханжество,
Поруганную честь,
Нахальной дряни торжество.
И подленькую месть.
Нет, в этот вырубленный лес
680 Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат!
Вернуться? жить среди клевет,
Пустых и темных дел?..
Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел!
Нет, нет, я видеть не хочу
Продажных и тупых,
690 Не покажусь я палачу
Свободных и святых.
Забыть того, кто нас любил,
Вернуться — всё простя?

Губернатор

Но он же вас не пощадил?

Подумайте, дитя:

О ком тоска? к кому любовь?

Княгиня

Молчите, генерал!

Губернатор

Когда б не доблестная кровь

Текла в вас — я б молчал.

Но если рветесь вы вперед,

706 Не веря ничему,

Быть может, гордость вас спасет...

Достались вы ему

С богатством, с именем, с умом,

С доверчивой душой,

А он, не думая о том,

Что́ станется с женой,

Увлечся призраком пустым

И — вот его судьба!..

И что ж?.. бежите вы за ним,

710 Как жалкая раба!

Княгиня

Нет! я не жалкая раба,

Я женщина, жена!

Пускай горька моя судьба —

Я буду ей верна!

О, если б он меня забыл

Для женщины другой,

В моей душе достало б сил

Не быть его рабой!

Но знаю: к родине любовь

720 Соперница моя,

И если б нужно было, вновь

Ему простила б я!..

* * *

Княгиня кончила... Молчал

Упрямый старичок.

«Ну что ж? Велите, генерал,

Готовить мой возок?»
Не отвечая на вопрос,
Смотрел он долго в пол,
Потом в раздумьи произнес:
730 «До завтра» — и ушел...

* * *

Назавтра тот же разговор.
Просил и убеждал,
Но получил опять отпор
Почтенный генерал.
Все убежденья истощив
И выбившись из сил,
Он долго, важен, молчалив,
По комнате ходил
И, наконец, сказал: — Быть так!
740 Вас не спасешь, увы!..
Но знайте: сделав этот шаг,
Всего лишитесь вы!..

«Да что же мне еще терять?»

— За мужем поскакав,
Вы отречение подписать
Должны от ваших прав!

Старик эффектно замолчал,
От этих страшных слов
Он, очевидно, пользы ждал.
750 Но был ответ таков:
«У вас седая голова,
А вы еще дитя!
Вам наши кажутся права
Правами — не шутя.
Нет! ими я не дорожу,
Возьмите их скорей!
Где отречение? Подпишу!
И живо — лошадей!..»

Губернатор

Бумагу эту подписать!
760 Да что вы?.. Боже мой!
Ведь это значит нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажете прости,
Что́ вам дано отцом,
Что по наследству перейти
Должно бы к вам потом!
Права имущества, права
Дворянства потерять!
Нет, вы подумайте сперва —
770 Зайду я к вам опять!..

* * *

Ушел и не был целый день...
Когда спустилась тьма,
Княгиня, слабая как тень,
Пошла к нему сама.
Ее не принял генерал:
Хворает тяжело...
Пять дней, покуда он хворал,
Мучительных прошло,
А на шестой пришел он сам
780 И круто молвил ей:
«И отпустить не вправе вам,
Княгиня, лошадей!
Вас по этапу поведут
С конвоем...»

Княгиня

Боже мой!
Но так ведь месяцы пройдут
В дороге?..

Губернатор

Да, весной
В Нерчинск придете, если вас
Дорога не убьет.

Навряд версты четыре в час
790 Закованный идет;
Посередине дня — привал,
С закатом дня — ночлег,
А ураган в степи застал —
Закапывайся в снег!
Да-с, промедленьям нет числа,
Иной упал, ослаб...

Княгиня

Не хорошо я поняла —
Что значит ваш этап?

Губернатор

Под караулом казаков
800 С оружием в руках,
Этапом водим мы воров
И каторжных в цепях,
Они дорогою шалят,
Того гляди сбегут,
Так их канатом прикрутят
Друг к другу — и ведут.
Трудненок путь! Да вот-с каков:
Отправится пятьсот,
А до нерчинских рудников
810 И трети не дойдет!
Они, как мухи, мрут в пути,
Особенно зимой...
И вам, княгиня, так итти?..
Вернитесь-ка домой!

Княгиня

О нет! я этого ждала...
Но вы, но вы... злодей!..
Неделя целая прошла...
Нет сердца у людей!
Зачем бы разом не сказать?..
820 Уж шла бы я давно...
Велите ж партию собирать —
Иду! мне всё равно!..

— Нет! вы поедете!.. — вскричат

Нежданно старый генерал,

Закрыв рукой глаза: —

Как я вас мучил... Боже мой!..

(Из-под руки на ус седой

Скатилася слеза).

Простите! да, я мучил вас,

830 Но мучился и сам,

Но строгий я имел приказ

Преграды ставить вам!

И разве их не ставил я?

Я делал всё, что мог,

Перед царем душа моя

Чиста, свидетель бог!

Осторожным жестким сухарем

И жизнью взаперти,

Позором, ужасом, трудом

840 Этапного пути

Я вас старался напугать.

Не испугались вы!

И хоть бы мне не удержать

На плечах головы,

Я не могу, я не хочу

Тиранить больше вас...

Я вас в три дня туда домчу...

(отворяя дверь, кричит)

Эй! запрягать, сейчас!..

КНЯГИНЯ М. Н. ВОЛКОНСКАЯ

(Бабушкины записки)

(1826—27 г.)

Глава I

Проказники внуки! Сегодня они
 С прогулки опять воротились:
 «Нам, бабушка, скучно! В ненастные дни,
 Когда мы в портретной садились
 И ты начинала рассказывать нам,
 Так весело было!.. Родная,
 Еще что-нибудь расскажи!..» По углам
 Уселись. Но их прогнала я:
 «Успеете слушать; рассказов моих
 10 Достанет на целые томы,
 Но вы еще глупы: узнаете их,
 Как будете с жизнью знакомы!
 Я всё рассказала, доступное вам
 По вашим ребяческим летам:
 Идите гулять по полям, по лугам!
 Идите же... пользуйтесь летом!»
 И вот, не желая остаться в долгу
 У внуков, пишу я записки;
 Для них я портреты людей берегу,
 20 Которые были мне близки,
 Я им завещаю альбом — и цветы
 С могилы сестры-Муравьевой,
 Коллекцию бабочек, флору Читы
 И виды страны той суровой;
 Я им завещаю железный браслет...
 Пускай берегут его свято:
 В подарок жене его выковал дед
 Из собственной цепи когда-то...

- Родилась я, милые внуки мои,
30 Под Киевом, в тихой деревне;
Любимая дочь я была у семьи.
Наш род был богатый и древний,
Но пуще отец мой возвысил его:
Заманчивей славы героя,
Дороже отчизны — не знал ничего
Боец, не любивший покоя.
Творя чудеса, девятнадцати лет
Он был полковым командиром,
Он мужеством добыл и лавры побед
- 40 И почести, чтимые миром.
Воинская слава его началась
Персидским и шведским походом,
Но память о нем нераздельно слилась
С великим 12-м годом:
Тут жизнь его долгим сраженьем была.
Походы мы с ним разделяли,
И в месяц иной не zapomним числа,
Когда б за него не дрожали.
«Защитник Смоленска» всегда впереди
- 50 Опасного дела являлся...
Под Лейпцигом раненый, с пулей в груди,
Он вновь через сутки сражался,
Так летопись жизни его говорит¹:
В ряду полководцев России,
Покуда отечество наше стоит,
Он памятен будет! Витии
Отца моего осыпали хвалой,
Бессмертным его называя;
Жуковский почтил его громкой строфой,
60 Российских вождей прославляя:
Под Дашковой личного мужества жар
И жертву отца-патриота
Поэт воспевае². Воинственный дар
Являя в сраженьях без счета,
Не силой одною врагов побеждал
Ваш прадед в борьбе исполинской:
О нем говорили, что он сочетал
С отвагою гений воинский.

- Войной озабочен, в семействе своем
70 Отец ни во что не мешался,
Но крут был порою; почти божеством
Он матери нашей казался,
И сам он глубоко привязан был к ней.
Отца мы любили — в герое.
Окончив походы, в усадьбе своей
Он медленно гас на покое.
Мы жили в большом, подгородном дому.
Детей поручив англичанке,
Старик отдыхал³. Я училась всему,
80 Что нужно богатой дворянке.
А после уроков бежала я в сад
И пела весь день беззаботно,
Мой голос был очень хорош, говорят,
Отец его слушал охотно;
Записки свои приводил он к концу,
Читал он газеты, журналы,
Пиры задавал; наезжали к отцу
Седые, как он, генералы,
И шли бесконечные споры тогда;
90 Меж тем молодежь танцевала.
Сказать ли вам правду? была я всегда
В то время царицею бала:
Очей моих томных огонь голубой
И черная с синим отливом
Большая коса, и румянец густой
На личике смуглом, красивом,
И рост мой высокий, и гибкий мой стан,
И гордая поступь — пленяли
Тогдашних красавцев: гусаров, улан,
100 Что близко с полками стояли.
Но слушала я неохотно их лесть...
Отец за меня постарался:
«Не время ли замуж? Жених уже есть,
Он славно под Лейпцигом дрался,
Его полюбил государь, наш отец,
И дал ему чин генерала.
Постарше тебя... а собой молодец,
Волконский! Его ты видала.
На царском смотре... и у нас он бывал,
110 По парку с тобой всё шатался!»

— Да, помню! Высокий такой генерал...
«Он самый!» Старик засмеялся...
— Отец! он так мало со мной говорил! —
Заметила я, покраснела...
«Ты будешь с ним счастлива!» — круто решил
Старик, — возражать я не смела...

Прошло две недели — и я под венцом
С Сергеем Волконским стояла,
Не много я знала его женихом,
120 Не много и мужем узнала, —
Так мало мы жили под кровлей одной,
Так редко друг друга видали!
По дальним селеньям, на зимний постой,
Бригаду его разбросали,
Ее объезжал беспрестанно Сергей.
А я, между тем, расхворалась;
В Одессе потом, по совету врачей,
Я целое лето купалась;
130 Зимой он приехал за мною туда,
С неделю я с ним отдохнула
При главной квартире... и снова беда!
Однажды я крепко уснула,
Вдруг слышу я голос Сергея (в ночи,
Почти на рассвете то было):
«Вставай! поскорее найди мне ключи!
Камин затопи!» Я вскочила...
Взглянула: встревожен и бледен он был.
Камин затопила я живо.
Из ящиков муж мой бумаги сносил
140 К камину — и жег торопливо.
Иные прочитывал бегло, спеша,
Иные бросал, не читая.
И я помогала Сергею, дрожа
И глубже в огонь их толкая...
Потом он сказал: «Мы поедem сейчас»,
Волос моих нежно касаясь.
Всё скоро уложено было у нас,
И утром, ни с кем не прощаясь,
Мы тронулись в путь. Мы скакали три дня,

150 Сергей был угрюм, торопился,
Довез до отцовской усадьбы меня
И тотчас со мною простился.

Глава II

«Уехал!.. Что значила бледность его
И всё, что в ту ночь совершилось?
Зачем не сказал он жене ничего?
Недоброе что-то случилось!»
Я долго не знала покоя и сна,
Сомнения душу терзали:
«Уехал, уехал! опять я одна!..»
160 Родные меня утешали,
Отец торопливость его объяснял
Каким-нибудь делом случайным:
«Куда-нибудь сам император послал
Его с поручением тайным,
Не плачь! Ты походы делила со мной,
Превратности жизни военной
Ты знаешь; он скоро вернется домой!
Под сердцем залог драгоценный
Ты носишь: теперь ты беречься должна!»
170 Всё кончится ладно, родная;
Жена муженька проводила одна,
А встретит, ребенка качая!..»

Увы! предсказанье его не сбылось!
Увидеться с бедной женою
И с первенцем сыном отцу довелось
Не здесь — не под кровлей родною!

Как дорого стоил мне первенец мой!
Два месяца я прохворала.
Измучена телом, убита душой,
180 Я первую няню узнала.
Спросила о муже. — Еще не бывал!
«Писал ли?» — И писем нет даже.
«А где мой отец?» — В Петербург ускакал.
«А брат мой?» — Уехал туда же.

«Мой муж не приехал, нет даже письма,
И брат и отец ускакали, —
Сказала я матушке: — Еду сама!
Довольно, довольно мы ждали!»
И как ни старалась упрашивать дочь
190 Старушка, я твердо решилась;
Припомнила я ту последнюю ночь
И всё, что тогда совершилось,
И ясно сознала, что с мужем моим
Недоброе что-то творится...

Стояла весна, по разливам речным
Пришлось черепахой тащиться.

Доехала я чуть живая опять.
«Где муж мой?» — отца я спросила.
— В Молдавию муж твой ушел воевать.
200 «Не пишет он?..» Глянул уныло
И вышел отец... Недоволен был брат,
Прислуга молчала вздыхая.
Заметила я, что со мною хитрят,
Заботливо что-то скрывая;
Ссылаясь на то, что мне нужен покой,
Ко мне никого не пускали,
Меня окружили какой-то стеной,
Мне даже газет не давали!
Я вспомнила: много у мужа родных,
210 Пишу — отвечать умоляю.
Проходят недели, — ни слова от них!
Я плачу, я силы теряю...

Нет чувства мучительней тайной грозы.
Я клятвой отца уверяла,
Что я не пролью ни единой слезы, —
И он, и кругом всё молчало!
Любя, меня мучил мой бедный отец;
Жалея, удвоивал горе...
Узнала, узнала я всё наконец!..
220 Прочла я в самом приговоре,
Что был заговорщиком бедный Сергей:
Стояли они настороже,
Готова войска к низверженью властей.

В вину ему ставилось тоже,
Что он... Закружилась моя голова...
Я верить глазам не хотела...
«Ужели?..» В уме не вязались слова:
Сергей — и бесчестное дело!

Я помню, сто раз я прочла приговор,
230 Вникая в слова роковые:
К отцу побежала, — с отцом разговор
Меня успокоил, родные!
С души словно камень тяжелый упал.
В одном я Сергея винила:
Зачем он жене ничего не сказал?
Подумав, и то я простила:
«Как мог он болтать? Я была молода,
Когда ж он со мной расставался,
Я сына под сердцем носила тогда:
240 За мать и дитя он боялся! —
Так думала я. — Пусть беда велика,
Не всё потеряла я в мире.
Сибирь так ужасна, Сибирь далека,
Но люди живут и в Сибири!..»

Всю ночь я горела, мечтая о том,
Как буду лелеять Сергея.
Под утро глубоким, крепительным сном
Уснула, — и встала бодрее.
Поправилось скоро здоровье мое,
250 Приятельниц я повидала,
Нашла я сестру, — расспросила ее
И горького много узнала!
Несчастные люди!.. «Всё время Сергей
(Сказала сестра) содержался
В тюрьме; не видал ни родных, ни друзей...
Вчера только с ним повидался
Отец. Повидаться с ним можешь и ты:
Когда приговор прочитали,
Одели их в рубище, сняли кресты,
260 Но право свиданья им дали!..»

Подробностей ряд пропустила я тут...
Оставив следы роковые,

Доныне о мщеньи они вопиют...
Не знайте их лучше, родные.

Я в крепость поехала к мужу с сестрой.
Пришли мы сперва к «генералу»,
Потом нас привел генерал пожилой
В обширную, мрачную залу.
«Дождитесь, княгиня! мы будем сейчас!»
270 Раскланявшись вежливо с нами,
Он вышел. С дверей не спускала я глаз.
Минуты казались часами.
Шаги постепенно смолкали вдали,
За ними я мыслью летела.
Мне чудилось: связку ключей принесли,
И ржавая дверь заскрипела.
В угрюмой камерке с железным окном
Измученный узник томился.
«Жена к вам приехала!..» Бледный лицом,
280 Он весь задрожал, оживился:
— Жена!.. — Коридором он быстро бежал,
Довериться слуху не смея...

«Вот он!» — громогласно сказал генерал,
И я увидала Сергея...

Недаром над ним пронеслася гроза:
Морщины на лбу появились,
Лицо было мертвенно бледно, глаза
Не так уже ярко светились,
Но больше в них было, чем в прежние дни,
290 Той тихой, знакомой печали;
С минуту пытливо смотрели они,
И радостью вдруг заблестали,
Казалось, он в душу мою заглянул...
Я горько, припав к его груди,
Рыдала... Он обнял меня и шепнул:
«Здесь есть посторонние люди».
Потом он сказал, что полезно ему
Узнать добродетель смиренья,
Что, впрочем, легко переносит тюрьму,
300 И несколько слов ободренья
Прибавил... По комнате важно шагал

Свидетель: нам было неловко...

Сергей на одежду свою показал:

«Поздравь меня, Маша, с обновкой» —

И тихо прибавил: *«пойми и прости»* —

Глаза засверкали слезою,

Но тут соглядатай успел подойти,

Он низко поник головою.

Я громко сказала: «Да, я не ждала

310 Найти тебя в этой одежде, —

И тихо шепнула: — *я все поняла.*

Люблю тебя больше, чем прежде...»

«Что делать? И в каторге буду я жить

(*Покуда мне жизнь не наскучит*)».

— Ты жив, ты здоров, так о чем же тужить?

(*Ведь каторга нас не разлучит?*)

«Так вот ты какая!» — Сергей говорил,

Лицо его весело было...

Он вынул платок, на окно положил,

320 И рядом я свой положила,

Потом, расставаясь, сергеев платок

Взяла я — мой мужу остался...

Нам после годичной разлуки часок

Свиданья короток казался,

Но что ж было делать! Наш срок миновал —

Пришлось бы другим дожидаться...

В карету меня посадил генерал,

Счастливо желал оставаться...

Великую радость нашла я в платке:

350 Целуя его, увидала

Я несколько слов на одном уголке;

Вот что я, дрожа, прочитала:

«Мой друг, ты свободна. Пойми — не пеняй!

Душевно я бодр и — желаю

Жену мою видеть такой же. Прощай!

Малютке поклон посылаю...»

Была в Петербурге большая родня

У мужа; всё знать — да какая!

Я ездила к ним, волновалась три дня,

340 Сергея спасти умоляя.

Отец говорил: «Что ты мучишься, дочь?
Я всё испытал — бесполезно!»
И правда: они уж пытались помочь,
Моля императора слезно,
Но просьбы до сердца его не дошли...
Я с мужем еще повидалась,
И время пришло: его увезли!..
Как только одна я осталась,
Я тотчас слышала в сердце моем,
350 Что надо и мне торопиться,
Мне душен казался родительский дом,
И стала я к мужу проситься.

Теперь расскажу вам подробно, друзья,
Мою роковую победу.
Вся дружно и грозно восстала семья,
Когда я сказала: «Я еду!»
Не знаю, как мне удалось устоять,
Чего натерпелась я... Боже!..
Была из-под Киева вызвана мать,
360 И братья приехали тоже:
Отец «образумить» меня приказал.
Они убеждали, просили,
Но волю мою сам господь подкреплял,
Их речи ее не сломили!
А много и горько поплакать пришлось...
Когда собрались мы к обеду,
Отец мимоходом мне бросил вопрос:
«На что ты решилась?» — Я еду! —
Отец промолчал... промолчала семья...
370 Я вечером горько всплакнула,
Качая ребенка, задумалась я...
Вдруг входит отец, — я вздрогнула...
Ждала я грозы, но, печален и тих,
Сказал он сердечно и кротко:
«За что обижаешь ты кровных родных?
Что будет с несчастным сироткой?
Что будет с тобою, голубка моя?
Там нужно не женскую силу!
Напрасна великая жертва твоя,
380 Найдешь ты там только могилу!»
И ждал он ответа, и взгляд мой ловил,

Лаская меня и целуя...
«Я сам виноват! Я тебя погубил! —
Воскликнул он вдруг, негодуя: —
Где был мой рассудок? Где были глаза!
Уж знала вся армия наша...»
И рвал он седые свои волосы:
«Прости! не казни меня, Маша!
Останься!..» И снова молил горячо...
390 Бог знает, как я устояла!
Припав головою к нему на плечо,
«Поеду!» я тихо сказала...

«Посмотрим!..» И вдруг распрямился старик,
Глаза его гневом сверкали:
«Одно повторяет твой глупый язык:
Поеду! Сказать не пора ли,
Куда и зачем? Ты подумай сперва!
Не знаешь сама, что болтаешь!
Умеет ли думать твоя голова?
400 Врагами ты, что ли, считаешь
И мать, и отца? Или глупы они...
Что споришь ты с ними, как с ровней?
Поглубже ты в сердце свое загляни,
Вперед посмотри хладнокровней,
Подумай!.. Я завтра увижусь с тобой...»

Ушел он, грозный и гневный,
А я, чуть жива, пред иконой святой
Упала — в истоме душевной...

Г л а в а III

«Подумай!..» Я целую ночь не спала,
410 Молилась и плакала много.
Я божию мать на помощь звала,
Совета просила у бога,
Я думать училась: отец приказал
Подумать... нелегкое дело!
Давно ли он думал за нас — и решал,
И жизнь наша мирно летела?

Училась я много; на трех языках
Читала. Заметна была я
В парадных гостиных, на светских балах,
420 Искусно танцуя, играя;
Могла говорить я почти обо всем,
Я музыку знала, я пела,
Я даже отлично скакала верхом,
Но думать совсем не умела.

Я только в последний, двадцатый мой год
Узнала, что жизнь не игрушка.
Да в детстве, бывало, сердечко вздрогнет,
Как грянет нечаянно пушка.
Жилось хорошо и привольно; отец
430 Со мной не говаривал строго;
Осьмнадцати лет я пошла под венец
И тоже не думала много...

В последнее время моя голова
Работала сильно, пылала;
Меня неизвестность томила сперва.
Когда же беду я узнала,
Бессменно стоял предо мною Сергей,
Тюрьмою измученный, бледный,
И много неведомых прежде страстей
440 Посеял в душе моей бедной.

Я всё испытала, а больше всего
Жестокое чувство бессилья.
Я небо и сильных людей за него
Молила — напрасны усилья!
И гнев мою душу больную палил,
И я волновалась нестройно,
Рвалась, проклинала... но не было сил,
Ни времени думать спокойно.

Теперь непременно я думать должна —
450 Отцу моему так угодно.
Пусть воля моя неизменно одна,
Пусть всякая дума бесплодна,
Я честно исполнить отцовский приказ

Решилась, мои дорогие.
Старик говорил: «Ты подумай о нас,
Мы люди тебе не чужие:
И мать, и отца, и дитя, наконец, —
Ты всех безрассудно бросаешь,
За что же? — Я долг исполняю, отец!
460 «За что ты себя обрекаешь
На муку?» — Не буду я мучиться там!
Здесь ждет меня страшная мука.
Да, если останусь, послушная вам,
Меня истерзает разлука.
Не зная покоя ни ночью, ни днем,
Рыдая над бедным сироткой,
Всё буду я думать о муже моем
Да слышать упрек его кроткий.
Куда ни пойду я, — на лицах людей
470 Я свой приговор прочитаю:
В их шопоте — повесть измены моей,
В улыбке укор угадаю:
Что место мое не на пышном балу,
А в дальней пустыне угрюмой,
Где узник усталый в тюремном углу
Терзается лютою думой,
Один... без опоры... Скорее к нему!
Там только вздохну я свободно.
Делила с ним радость, делить и тюрьму
480 Должна я... Так небу угодно!..

Простите, родные! Мне сердце давно
Мое подсказало решенье.
И верю я твердо: от бога оно!
А в вас говорит — сожаленье.
Да, ежели выбор решить я должна
Меж мужем и сыном — не боле,
Иду я туда, где я больше нужна,
Иду я к тому, кто в неволе!
Я сына оставляю в семействе родном,
490 Он скоро меня позабудет.
Пусть дедушка будет малютке отцом,
Сестра ему матерью будет.
Он так еще мал! А когда подрастет
И страшную тайну узнает,

Я верю: он матери чувство поймет
И в сердце ее оправдает!

Но если останусь я с ним... и потом
Он тайну узнает и спросит:
«Зачем не пошла ты за бедным отцом?..»
500 И слово укора мне бросит?
О, лучше в могилу мне заживо лечь,
Чем мужа лишить утешенья
И в будущем сына презренье навлечь...
Нет, нет! не хочу я презренья!..

А может случиться — подумать боюсь! —
Я первого мужа забуду,
Условиям новой семьи подчинюсь
И сыну не матерью буду,
А мачехой лютой?.. Горю со стыда...
510 Прости меня, бедный изгнанник!
Тебя позабыть! Никогда! никогда!
Ты сердца единый избранник...

Отец! ты не знаешь, как дорог он мне!
Его ты не знаешь! Сначала,
В блестящем наряде, на гордом коне,
Его пред полком я видала;
О подвигах жизни его боевой
Рассказы товарищей боя
Я слушала жадно — и всею душой
520 Я в нем полюбила героя...

Позднее я в нем полюбила отца
Малютки, рожденного мною.
Разлука тянулась меж тем без конца.
Он твердо стоял под грозою...
Вы знаете, где мы увиделись вносвь —
Судьба всюю волю творила! —
Последнюю, лучшую сердца любовь
В тюрьме я ему подарила!
Напрасно чернила его клевета,
530 Он был безупречней, чем прежде,
И я полюбила его, как Христа...
В своей арестантской одежде

Теперь он бесменно стоит предо мной,
Величием кротким сияя.
Терновый венец над его головой,
Во взоре — любовь неземная..

Отец мой! должна я увидеть его...
Умру я, тоскуя по муже...
Ты, долгу служа, не щадил ничего
540 И нас научил ты тому же...
Герой, выводивший своих сыновей
Туда, где смертельной сраженье, —
Не верю, чтоб дочери бедной своей
Ты сам не одобрил решенье!

Вот что я продумала в долгую ночь,
И так я с отцом говорила...
Он тихо сказал: «Сумасшедшая дочь!» —
И вышел; молчали уныло
И братья, и мать... Я ушла наконец...
550 Тяжелые дни потянулись:
Как туча ходил недовольный отец,
Другие домашние дулись.
Никто не хотел ни советом помочь,
Ни делом; но я не дремала,
Опять провела я бессонную ночь,
Письмо к государю писала
(В то время молва начала разглашать,
Что будто вернуть Трубецкую
С дороги велел государь. Испытать
560 Боялась я участь такую,
Но слух был неверен). Письмо отвезла
Сестра моя, Катя Орлова.
Сам царь отвечал мне... Спасибо, нашла
В ответе я доброе слово!
Он был элегантен и мил (Николай
Писал по-французски). Сначала
Сказал государь, как ужасен тот край,
Куда я поехать желала,
Как грубы там люди, как жизнь тяжела,
570 Как возраст мой хрупок и нежен;
Потом намекнул (я не вдруг поняла)
На то, что возврат безнадежен;

А дальше — изволил хвалою почтить
Решимость мою, сожалея,
Что, долгу покорный, не мог пощадить
Преступного мужа... Не смея
Противиться чувствам высоким таким,
Давал он свое позволение;
Но лучше желал бы, чтоб с сыном моим
580 Осталась я дома...

Волнение

Меня охватило. «Я еду!» Давно
Так радостно сердце не билось...
«Я еду! я еду! Теперь решено!..»
Я плакала, жарко молилась...

В три дня я в далекий мой путь собралась,
Всё ценное я заложила,
Надежною шубой, бельем запаслась,
Простую кибитку купила.
Родные смотрели на сборы мои,
590 Загадочно как-то вздыхая;
Отъезду не верил никто из семьи...
Последнюю ночь провела я
С ребенком. Нагнувшись над сыном моим,
Улыбку малютки родного
Запомнить старалась; играла я с ним
Печатью письма рокового.
Играла и думала: «Бедный мой сын!
Не знаешь ты, чем ты играешь!
Здесь участь твоя: ты проснешься один,
600 Несчастный! Ты мать потеряешь!»
И в горе упав на ручки его
Лицом, я шептала, рыдая:
«Прости, что тебя, для отца твоего,
Мой бедный, покинуть должна я...»

А он улыбался: не думал он спать,
Любуясь красивым пакетом;
Большая и красная эта печать
Его забавляла...

С рассветом

Спокойно и крепко заснуло дитя,
610 И щечки его заалели.

С любимого личика глаз не сводя,
Молясь у его колыбели,
Я встретила утро...

Я вмиг собралась.

Сестру заклинала я снова
Быть матерью сыну... Сестра поклялась...
Кибитка была уж готова.

Сурово молчали родные мои,
Прощание было немое.
Я думала: «Я умерла для семьи,
620 Всё милое, всё дорогое
Теряю... нет счета печальных потерь!..»
Мать как-то спокойно сидела,
Казалось, не веря еще и теперь,
Чтоб дочка уехать посмела,
И каждый с вопросом смотрел на отца.
Сидел он поодаль понуро,
Не молвил словечка, не поднял лица, —
Оно было бледно и хмуро.
Последние вещи в кибитку снесли,
630 Я плакала, бодрость теряя,
Минуты мучительно медленно шли...
Сестру наконец обняла я
И мать обняла. «Ну, господь вас храни!»
Сказала я, братьев целуя.
Отцу подражая, молчали они...
Старик поднялся, негодуя,
По сжатым губам, по морщинам чела
Ходили зловещие тени...
И молча ему образок подала
640 И стала пред ним на колени:
«Я еду! хоть слово, хоть слово, отец!
Прости свою дочь, ради бога!..»
Старик на меня поглядел наконец
Задумчиво, пристально, строго,
И руки с угрозой поднимая надо мной,
Чуть слышно сказал (я дрожала):
«Смотри! через год возвращайся домой,
Не то — прокляну!..»

Я упала...

- «Довольно, довольно объятий и слез!»
 650 Я села — и тройка помчалась.
 «Прощайте, родные!» В декабрьский мороз
 Я с домом отцовским рассталась,
 И мчалась без отдыху слишком три дня;
 Меня быстрота увлекала,
 Она была лучшим врачом для меня...
 Я скоро в Москву прискакала,
 К сестре Зинаиде ⁴. Мила и умна
 Была молодая княгиня,
 Как музыку знала! Как пела она!
 660 Искусство ей было святыня.
 Она нам оставила книгу новелл ⁵,
 Исполненных грации вежной,
 Поэт Веневитинов стансы ей пел,
 Влюбленный в нее безнадежно;
 В Италии год Зинаида жила
 И к нам — по сказанью поэта —
 «Цвет южного неба в очах принесла» ⁶.
 Царица московского света,
 Она не чуждалась артистов, — житье
 670 Им было у Зины в гостиной;
 Они уважали, любили ее
 И Северной звали Коринной...

Поплакали мы. По душе ей была
 Решимость моя роковая:
 «Крепись, моя бедная! будь весела!
 Ты мрачная стала такая.
 Чем мне эти темные тучи прогнать?
 Как мы распростимся с тобою?
 А вот что! ложись ты до вечера спать,
 680 А вечером пир я устрою.
 Не бойся! всё будет во вкусе твоём,
 Друзья у меня не повесы,
 Любимые песни твои мы споем,
 Сыграем любимые пьесы...»

И вечером весть, что приехала я,
 В Москве уже многие знали.

В то время несчастные наши мужья
Вниманье Москвы занимали:
Едва огласилось решение суда,
690 Всем было неловко и жутко,
В салонах Москвы повторялась тогда
Одна Ростовчинская шутка:
«В Европе — сапожник, чтоб барином стать,
Бунтует, — понятное дело!
У нас революцию сделала знать:
В сапожники, что ль, захотела?..»

И сделалась я «героинею дня».
Не только артисты, поэты —
Вся двинулась знатная наша родня;
700 Парадные, цугом кареты
Гремели; напудрив свои парики,
Потемкину ровня по летам,
Явились бывшие тузы-старики,
С отменно-учтивым приветом;
Старушки статс-дамы былого двора
В объятья меня заключали:
«Какое геройство!.. Какая пора!..» —
И в такт головами качали.

Ну, словом, что было в Москве повидней,
710 Что в ней мимоездом гостило,
Всё вечером съехалось к Зине моей:
Артистов тут множество было,
Певцов итальянцев тут слышала я,
Что были тогда знамениты,
Отца моего сослуживцы, друзья
Тут были, печалью убиты.
Тут были родные ушедших туда,
Куда я сама торопилась,
Писателей группа, любимых тогда,
720 Со мной дружелюбно простилась:
Тут были Одоевский, Вяземский; был
Поэт вдохновенный и милый,
Поклонник кузины, что рано почил,
Безвременно взятый могилой.

И Пушкин тут был... Я узнала его...
Он другом был нашего детства,
В Юрзуфе ⁷ он жил у отца моего.
В ту пору проказ и кокетства
Смеялись, болтали мы, бегали с ним,
^{7 30} Бросали друг в друга цветами.
Всё наше семейство поехало в Крым,
И Пушкин отправился с нами.
Мы ехали весело. Вот наконец
И горы, и Черное море!
Велел постоять экипажам отец,
Гуляли мы тут на просторе.

Тогда уже был мне шестнадцатый год.
Гибка, высока не по летам,
Покинув семью, я стрелою вперед
^{7 40} Умчалась с курчавым поэтом;
Без шляпки, с распущенной, длинной косой,
Полуденным солнцем палима,
Я к морю летела, — и был предо мной
Вид южного берега Крыма!
Я радостным взором глядела кругом,
Я прыгала, с морем играла;
Когда удалялся прилив, я бегом
До самой воды добежала,
Когда же прилив возвращался опять
^{7 50} И волны грядой подступали,
От них я спешила назад убежать,
А волны меня настигали!..

И Пушкин смотрел... и смеялся, что я
Вотинки мои промочила.
«Молчите! идет гувернантка моя!» —
Сказала я строго... (Я скрыла,
Что ноги промокли)... Потом я прочла
В «Онегине» чудные строки ⁸.
Я вспыхнула вся — я довольна была...
^{7 60} Теперь я стара, так далеки
Те красные дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкин в то время казался
Влюбленным в меня... но, по правде сказать,
В кого он тогда не влюблялся!

Но, думаю, он не любил никого
Тогда, кроме Музы: едва ли
Не больше любви занимали его
Волненья ее и печали...

- Юрзуф живописен: в роскошных садах
770 Долины его потонули,
У ног его море, вдали Аюдаг...
Татарские хижины льнули
К подножию скал; виноград выбегал
На кручу лозой отягченной,
И тополь местами недвижно стоял
Зеленой и стройной колонной.
Мы заняли дом под нависшей скалой,
Поэт на верху приютился,
Он нам говорил, что доволен судьбой,
780 Что в море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по дням
И были всегда одиноки,
Он у моря часто бродил по ночам.
По-английски брал он уроки
У Лены, сестры моей: Байрон тогда
Его занимал чрезвычайно.
Случалось сестре перевести иногда
Из Байрона что-нибудь — тайно;
Она мне читала попытки свои,
790 А после рвала и бросала,
Но Пушкину кто-то сказал из семьи,
Что Лена стихи сочиняла:
Поэт подобрал лоскутки под окном
И вывел всё дело на сцену.
Хваля переводы, он долго потом
Конфузил несчастную Лену...
Окончив занятия, спускался он вниз
И с нами делился досугом;
У самой террасы стоял кипарис,
800 Поэт называл его другом,
Под ним заставлял его часто рассвет,
Он с ним уезжая прощался...
И мне говорили, что Пушкина след
В туземной легенде остался:
«К поэту летал соловей по ночам,

Как в небо луна выплывала,
И вместе с поэтом он пел — и певцам
Внимая, природа смолкала!
Потом соловей — повествует народ —
810 Летал сюда каждое лето:
И свищет, и плачет, и словно зовет
К забытому другу поэта!
Но умер поэт — прилетать перестал
Пернатый певец... Полный горя,
С тех пор кипарис сиротою стоял,
Внимая лишь ропоту моря...»
Но Пушкин надолго прославил его:
Туристы его навещают,
820 Садятся под ним и на память с него
Душистые ветки срывают...

Печальна была наша встреча. Поэт
Подавлен был истинным горем.
Припомнил он игры ребяческих лет
В далеком Юрзуфе, над морем.
Покинув привычный насмешливый тон,
С любовью, с тоской бесконечной,
С участием брата напутствовал он
Подругу той жизни беспечной!
Со мной он по комнате долго ходил,
830 Судьбой озабочен моею,
Я помню, родные, что он говорил,
Да так передать не сумею:
«Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смелым терпением богаты,
Пусть мирно свершится ваш путь роковой,
Пусть вас не смущают утраты!
Поверьте, душевной такой чистоты
Не стоит сей свет ненавистный!
Блажен, кто меняет его суеты
840 На подвиг любви бескорыстной!
Что свет? опостылевший всем маскарад!
В нем сердце черствеет и дремлет,
В нем царствует вечный, рассчитанный хлад
И пылкую правду объемлет...

Вражда умирится влияньем годов,
Пред временем рухнет преграда,
И вам возвратятся пенаты отцов
И сени домашнего сада!
Целебно вольется в усталую грудь
850 Долины наследственной сладость,
Вы гордо оглянете пройденный путь
И снова узнаете радость.

Да, верю! не долго вам горе терпеть,
Гнев царский не будет же вечным...
Но если придется в степи умереть,
Помянут вас словом сердечным:
Пленителен образ отважной жены,
Явившей душевную силу,
И в снежных пустынях суровой страны
860 Сокрывшейся рано в могилу!

Умрете, но ваших страданий рассказ
Поймется живыми сердцами,
И за полночь правнуки ваши о вас
Беседы не кончат с друзьями.
Они им покажут, вздохнув от души,
Черты незабвенные ваши,
И в память прабабки, погибшей в глуши,
Осудятся полные чаши!..
Пускай долговечнее мрамор могил,
370 Чем крест деревянный в пустыне,
Но свет Долгорукой еще не забыл,
А Бирона нет и в помине.

Но что я?.. Дай бог вам здоровья и сил!
А там и увидеться можно:
Мне царь «Пугачева» писать поручил,
Пугач меня мучит безбожно,
Расправиться с ним я на славу хочу,
Мне быть на Урале придется.
Поеду весной, поскорей захвачу
880 Что путного там соберется,
Да к вам и махну, переехав Урал...»

Поэт написал «Пугачева»,
Но в дальние наши снега не попал.
Как мог он сдержать это слово?..

Я слушала музыку, грусти полна,
Я пению жадно внимала;
Сама я не пела, — была я больна,
Я только других умоляла:
«Подумайте: я уезжаю с зарей...
890 О, пойте же, пойте! играйте!..
Ни музыки я не услышу такой,
Ни песни... Наслушаться дайте!..»

И чудные звуки лились без конца!
Торжественной песней прощальной
Окончился вечер, — не помню лица
Без грусти, без думы печальной!
Черты неподвижных, суровых старух
Утратили холод надменный,
900 И взор, что, казалось, навеки потух,
Светился слезой умиленной..
Артисты старались себя превзойти,
Не знаю я песни прелестней
Той песни-молитвы о добром пути,
Той благословляющей песни..
О, как вдохновенно играли они!
Как пели!.. и плакали сами..
И каждый сказал мне: «Господь вас храни!»
Прощаясь со мной со слезами...

Глава V

Морозно. Дорога бела и гладка,
910 Ни тучи на всем небосклоне..
Обмерзли усы, борода ямщика,
Дрожит он в своем балахоне.
Спина его, плечи и шапка в снегу,
Хрипит он, коней понукая,
И кашляют кони его на бегу,
Глубоко и трудно вздыхая..

Обычные виды: былая краса
Пустынного русского края,
Угрюмо шумят строевые леса,
920 Гигантские тени бросая;
Равнины покрыты алмазным ковром,
Деревни в снегу потонули,
Мелькнул на пригорке помещичий дом,
Церковные главы блеснули...
Обычные встречи: обоз без конца,
Толпа богомолок старушек,
Гремящая почта, фигура купца
На груди перин и подушек;
Казенная фура с десяток подвод:
930 Навалены ружья и ранцы.
Солдатики! Жидкий, безусый народ,
Должно быть, еще новобранцы;
Сынков провожают отцы-мужики
Да матери, сестры и жены:
«Уводят, уводят сердечных в полки!»
Доносятся горькие стоны...

Подняв кулаки над спиной ямщика,
Неистово мчится фельдъегерь.
На самой дороге догнав русака,
940 Усатый помещичий егерь
Махнул через ров на проворном коне,
Добычу у псов отбивает.
Со всей своей свитой стоит в стороне
Помещик — борзых подзывает...

Обычные сцены: на станциях ад —
Ругаются, спорят, толкутся.
«Ну, трогай!» Из окон ребята глядят,
Продрогшие куры дерутся;
У кузницы бьется лошадка в станке,
950 Выходит весь сажей покрытый
Кузнец с раскаленной подковой в руке:
«Эй, парень, держи ей копыты!..»

В Казани я сделала первый привал,
На жестком диване уснула;
Из окон гостиницы видела бал

И, каюсь, глубоко вздохнула!
Я вспомнила: час или два с небольшим
Осталось до нового года.
«Счастливые люди! как весело им!
960 У них и покой, и свобода,
Танцуют, смеются!.. а мне не знать
Веселья... я еду на муки!..»
Не надо бы мыслей таких допускать,
Да молодость, молодость, внуки!

Здесь снова пугали меня Трубецкой,
Что будто ее воротили:
«Но я не боюсь — позволение со мной!»
Часы уже десять пробили,
Пора! я оделась. «Готов ли ямщик?»
970 — Княгиня, вам лучше дождаться
Рассвета, — заметил смотритель старик: —
Метель начала подыматься!
«Ах! то ли придется еще испытать!
Поеду. Скорей, ради бога!..»

Звенит колокольчик, ни зги не видеть,
Что дальше, то хуже дорога,
Поталкивать начало сильно в бока,
Какими-то едем грядями,
Не вижу я даже спины ямщика:
980 Бугор намело между нами.
Чуть-чуть не упала кибитка моя,
Шарахнулась тройка и стала.
Ямщик мой заохал: «Докладывал я:
Пождать бы! дорога пропала!..»

Послала дорогу искать ямщика,
Кибитку рогожей закрыла,
Подумала: верно, уж полночь близка,
Пружинку часов подавила:
Двенадцать ударило! Кончился год,
990 И новый успел народиться!
Откинув цыновку, гляжу я вперед —
Попржнему вьюга крутится.
Какое ей дело до наших скорбей,
До нашего нового года?

И я равнодушна к тревоге твоей
И к стонам твоим, непогода!
Своя у меня роковая тоска,
И с ней я борюсь одиноко...

Поздравила я моего ямщика.
1000 «Зимовка тут есть недалеко,—
Сказал он: — рассвета дождемся мы в ней!»
Подъехали мы, разбудили
Каких-то убогих лесных сторожей,
Их дымную печь затопили.
Рассказывал ужасы житель лесной,
Да я его сказки забыла...
Согрелись мы чаем. Пора на покой!
Метель всё ужаснее выла.
Лесник покрестился, ночник погасил
1010 И с помощью пасынка Феде
Огромных два камня к дверям привалил.
«Зачем?» — Одолели медведи!

Потом он улегся на голом полу,
Всё скоро уснуло в сторожке,
Я думала, думала... лежа в углу
На мерзлой и жесткой рогожке...
Сначала веселые были мечты:
Я вспомнила праздники наши,
Огнями горящую залу, цветы,
1020 Подарки, задравные чаши,
И шумные речи, и ласки... кругом
Всё милое, всё дорогое —
Но где же Сергей?.. И подумав о нем,
Забыла я всё остальное!

Я живо вскочила, как только ямщик
Продрогший в окно постучался.
Чуть свет на дорогу нас вывел лесник,
Но деньги принять отказался.
1030 «Не надо, родная! Бог вас защити,
Дороги-то дальше опасны!»
Крепчали морозы, по мере пути,
И сделались скоро ужасны.
Совсем я закрыла кибитку мою —

И темно, и страшная скука,
Что делать? Стихи вспоминаю, пою,
Когда-нибудь кончится мука!
Пусть сердце рыдает, пусть ветер ревет,
И путь мой заносят метели,
А всё-таки я подвигаюсь вперед!
1040 Так ехала я три недели...

Однажды, услышав какой-то содом,
Цыновку мою я открыла,
Взглянула: мы едем обширным селом,
Мне сразу глаза ослепило:
Пылали костры по дороге моей...
Тут были крестьяне, крестьянки,
Солдаты и — целый табун лошадей...
«Здесь станция: ждут серебрянки*,
Сказал мой ямщик: — мы увидим ее,
1050 Она, чай, идет недалече...»

Сибирь высылала богатство свое,
Я рада была этой встрече:
«Дождусь серебрянки! Авось что-нибудь
О муже, о наших узнаю.
При ней офицер, из Нерчинска их путь...»
В харчевне сижу, поджидаю...
Вошел молодой офицер; он курил,
Он мне не кивнул головою,
Он как-то надменно глядел и ходил,
1060 И вот я сказала с тоскою:
«Вы видели, верно... известны ли вам
Те... жертвы декабрьского дела...
Здоровы они? Каково-то им там?
О муже я знать бы хотела...»
Нахально ко мне повернул он лицо, —
Черты были злы и суровы, —
И выпустив изо рта дыму кольцо,
Сказал: «Несомненно здоровы,
Но я их не знаю — и знать не хочу,
1070 Я мало ли каторжных видел!..»
Как больно мне было, родные! Молчу...

---

* Обоз с серебром.

Несчастный! меня же обидел!..
Я бросила только презрительный взгляд,
С достоинством юноша вышел...
У печки тут грелся какой-то солдат,
Проклятье мое он услышал,
И доброе слово — не варварский смех —
Нашел в своем сердце солдатском:
«Здоровы! — сказал он: — я видел их всех,
1080 Живут в руднике Благодатском!..»
Но тут возвратился надменный герой,
Поспешно ушла я в кибитку.
Спасибо, солдатик! спасибо, родной!
Не даром я вынесла пытку!

Поутру на белые степи гляжу,
Послышался звон колокольный,
Тихонько в убогую церковь вхожу,
Смешалась с толпой богомольной.
Отслушав обедню, к попу подошла,
1090 Молебен служить попросила...
Всё было спокойно — толпа не ушла...
Совсем меня горе сломило!
За что мы обижены столько, Христос?
За что поруганьем покрыты?
И реки давно накопившихся слез
Упали на жесткие плиты!
Казалось, народ мою грусть разделял,
Молясь молчаливо и строго,
И голос священника скорбью звучал,
1100 Прося об изгнанниках бога...
Убогий, в пустыне затерянный храм!
В нем плакать мне было не стыдно,
Участье страдальцев, молящихся там,
Убитой душе необходимо...

(Отец Иоани, что молебен служил
И так непритворно молился,
Потом в каземате священником был
И с нами душой породнился.)

А ночью ямщик не сдержал лошадей,
1110 Гора была страшно крутая,

И я полетела с кибиткой моей
С высской вершины Алтая!

В Иркутске проделали то же со мной,
Чем там Трубецкую терзали...
Байкал. Переправа — и холод такой,
Что слезы в глазах замерзали.
Потом я рассталась с кибиткой моей
(Пропала санная дорога).
Мне жаль ее было: я плакала в ней
1120 И думала, думала много!

Дорога без снегу — в телеге! Сперва
Телега меня занимала,
Но вскоре потом, ни жива, ни мертва,
Я престель телеги узнала.
Узнала и голод на этом пути,
К несчастью, мне не сказали,
Что тут ничего невозможно найти,
Тут почту бурята держали.
Говядину вялят на солнце они,
1130 Да греется чаем кирпичным,
И тот еще с салом! Господь сохрани
Попробовать вам, непривычным!
Зато под Нерчинском мне задали бал:
Какой-то купец тароватый
В Иркутске заметил меня, обогнал
И в честь мою праздник богатый
Устроил... Спасибо! я рада была
И вкусным пельменям, и бане...
А праздник, как мертвая, весь проспала
1140 В гостинной его на диване...

Не знала я, что впереди меня ждет!
Я утром в Нерчинск прискакала,
Не верю глазам, — Трубецкая идет!
«Догнала тебя я, догнала!»
— Они в Благодатске! — Я бросилась к ней,
Счастливые слезы роняя...
В двенадцати только верстах мой Сергей,
И Катя со мной Трубецкая!

- Кто знал одиночество в дальнем пути,
 1150 Чьи спутники — горе да вьюга,
 Кому провиденьем дано обрести
 В пустыне негаданно друга,
 Тот нашу взаимную радость поймет...
 — Устала, устала я, Маша!
 «Не плачь, моя бедная Катя! Спасет
 Нас дружба и молодость наша!
 Нас жребий один неразрывно связал,
 Судьба нас равно обманула,
 И тот же поток твое счастье умчал,
 1160 В котором мое потонуло.
 Пойдем жё мы об руку трудным путем,
 Как шли зеленеющим лугом,
 И обе достойно свой крест понесем
 И будем мы сильны друг другом.
 Что мы потеряли? подумай, сестра!
 Игрушки тщеславья... Немного!
 Теперь перед нами дорога добра,
 Дорога избранников бога!
 Найдём мы униженных, скорбных мужей,
 1170 Но будем мы им утешеньем,
 Мы кротостью нашей смягчим палачей,
 Страданье осилим терпеньем.
 Опорою гибнущим, слабым, больным
 Мы будем в тюрьме ненавистной,
 И рук не положим, пока не свершим
 Обета любви бескорыстной!..
 Чиста наша жертва, — мы всё отдаем
 Избранникам нашим и богу.
 И верю я: мы невредимо пройдем
 1180 Всю трудную нашу дорогу...»

Природа устала с собой воевать —
 День ясный, морозный и тихий.
 Снега под Нерчинском явились опять,
 В санях покатали мы лихо...
 О ссыльных рассказывал русский ямщик
 (Он знал их фамилии даже):
 «На этих конях я возил их в рудник,

Да только в другом экипаже.
Должно быть, дорога легка им была:
1100 Шутили, смешили друг дружку;
На завтрак ватрушку мне мать испекла,
Так я подарил им ватрушку,
Двугривенный дали — я брать не хотел:
— Возьми, паренек, пригодится...»

Болтая, он живо в село прилетел,
«Ну, барыни! где становиться?»
— Вези нас к начальнику прямо в острог.
«Эй, други, не дайте в обиду!»

Начальник был тучен и, кажется, строг,
1200 Спросил: — по какому мы виду?
«В Иркутске читали инструкцию нам
И выслать в Нерчинск обещали...»
— Застряла, застряла, голубушка, там!
«Вот копия, нам ее дали...»
— Что копия? с ней попадешься впросак!
«Вот царское вам позволение!»
Не знал по-французски упрямый чудак,
Не верил нам, — смех и мученье!
«Вы видите подпись царя: Николай?»
1210 До подписи нет ему дела,
Ему из Нерчинска бумагу подай!
Поехать за ней я хотела,
Но он объявил, что отправится сам
И к утру бумагу добудет.
«Да точно ли?..» — Честное слово! А вам
Полезнее выспаться будет!..

И мы добрались до какой-то избы,
О завтрашнем утре мечтая;
С оконцем из слюды, низка, без трубы,
1220 Была наша хата такая,
Что я головою касалась стены,
А в дверь упиралась ногами;
Но мелочи эти нам были смешны,
Не то уж случалось с нами.
Мы вместе! теперь бы легко я снесла
И самые трудные муки...

Проснулась я рано, а Катя спала,
Пошла по деревне от скуки:
Избушки такие ж, как наша, числом
1230 До сотни, в овраге торчали,
А вот и кирпичный с решетками дом!
При нем часовые стояли.
— Не здесь ли преступники? «Здесь, да ушли».
— Куда? «На работу вестимо!»
Какие-то дети меня повели...
Бежали мы все — нестерпимо
Хотелось мне мужа увидеть скорей;
Он близко! Он шел тут недавно!
— Вы видите их? — я спросила детей.
1240 «Да, видим! Поют они славно!
Вон дверца... гляди же! Пойдем мы теперь,
Прощай!..» Убежали ребята...

И словно под землю ведущую дверь
Увидела я — и солдата.
Сурово смотрел часовой, — на голо
В руке его сабля сверкала.
Не золото, внуки, и здесь помогло,
Хоть золото я предлагала!
Быть может, вам хочется дальше читать,
1250 Да просится слово из груди!
Помедлим немного. Хочу я сказать
Спасибо вам, русские люди!
В дороге, в изгнании, где я ни была,
Всё трудное каторги время,
Народ! я бодрее с тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебе пало на часть,
Ты делишь чужие печали,
И где мои слезы готовы упасть,
1250 Твои уж давно там упали!..
Ты любишь несчастного, русский народ!
Страдания нас породнили...
«Вас в каторге самый закон не спасет!» —
На родине мне говорили;
Но добрых людей я встречала и там,
На крайней ступени паденья,
Умели по-своему выразить нам

М. Н. ВОЛКОНСКАЯ
Акварель декабриста Н. А. Бестужева
1829 г.

Преступники дань уваженья;
1270 Меня с неразлучною Катей моей
Довольной улыбкой встречали:
«Вы — ангелы наши!» За наших мужей
Уроки они исполняли.
Не раз мне украдкой давал из полы
Картофель колодник клейменный:
«Покушай! горячий, сейчас из золы!»
Хорош был картофель печеный,
Но грудь и теперь занывает с тоски,
Когда я о нем вспоминаю...
Примите мой низкий поклон, бедняки!
1280 Спасибо вам всем посылаю!
Спасибо!.. Считали свой труд ни во что
Для нас эти люди простые,
Но горечи в чашу не подлил никто,
Никто — из народа, родные!..

Рыданьям моим часовой уступил,
Как бога его я просила! —
Светильник (род факела) он засветил,
В какой-то подвал я вступила
И долго спускалась всё ниже; потом
1290 Пошла я глухим коридором,
Уступами шел он; темно было в нем
И душно; где плесень узором
Лежала; где тихо струилась вода
И лужами книзу стекала.
Я слышала шорох; земля иногда
Комками со стен упадала;
Я видела страшные ямы в стенах;
Казалось, такие ж дороги
От них начинались. Забыла я страх,
1300 Проворно несли меня ноги!

И вдруг я услышала крики: «Куда,
Куда вы? Убиться хотите?
Ходить не позволено дамам туда!
Вернитесь скорей! Погодите!»
Беда моя! видно, дежурный пришел
(Его часовой так боялся),
Кричал он так грозно, так голос был зол,

Шум скорых шагов приближался...
Что делать? Я факел задула. Вперед
1310 Впотьмах наугад побежала...
Господь коли хочет, везде проведет!
Не знаю, как я не упала,
Как голову я не оставила там!
Судьба берегла меня. Мимо
Ужасных расселин, провалов и ям
Бог вывел меня невредимо:
Я скоро увидела свет впереди,
Там звездочка словно светилась...
И вылетел радостный крик из груди:
1320 «Огонь!» Я крестом осенилась...
Я сбросила шубу... Бегу на огонь,
Как бог уберег во мне душу!
Попавший в трясины испуганный конь
Так рвется, завидевши сушу...

И стало, родные, светлей и светлей!
Увидела я возвышенья:
Какая-то площадь... и тени на ней...
Чу... молот! работа, движенье...
Там люди! Увидят ли только они?
1330 Фигуры отчетливей стали...
Вот ближе, сильнее замелькали огни.
Должно быть, меня увидали...
И кто-то стоявший на самом краю
Воскликнул: «Не ангел ли божий?
Смотрите, смотрите!» — Ведь мы не в раю:
Проклятая шахта похожей
На ад! — говорили другие, смеясь,
И быстро на край выбегали,
И я приближалась поспешно. Дивясь,
1340 Недвижно они ожидали.

«Волконская!» — вдруг закричал Трубецкой
(Узнала я голос). Спустили
Мне лестницу; я поднялася стрелой!
Всё люди знакомые были:
Сергей Трубецкой, Артамон Муравьев,
Борисовы, князь Оболенской...
Потоком сердечных, восторженных слов,

Похвал моей дерзости женской
 Была я осыпана; слезы текли
 1350 По лицам их, полным участья...
 Но где же Сергей мой? «За ним уж пошли,
 Не умер бы только от счастья!
 Кончает урок: по три пуда руды
 Мы в день достаем для России,
 Как видите, нас не убили труды!»
 Веселые были такие,
 Шутили, но я под веселостью их
 Печальную повесть читала
 (Мне новостью были оковы на них,
 1360 Что их закуют — я не знала)...
 Известьем о Кате, о милой жене
 Утешила я Трубецкого;
 Все письма, по счастью, были при мне,
 С приветом из края родного
 Спешила я их передать. Между тем,
 Внизу офицер горячился:
 «Кто лестницу принял? Куда и зачем
 Смотритель работ отлучился?
 Сударыня! Вспомните слово мое,
 1370 Убьетесь!.. Эй, лестницу, черти!
 Живей!..» (Но никто не подставил ее...)
 «Убьетесь, убьетесь до смерти!
 Извольте спуститься! да что ж вы?..» Но мы
 Всё вглубь уходили... Отвеюду
 Бежали к нам мрачные дети тюрьмы,
 Дивясь небывалому чуду.
 Они пролагали мне путь впереди,
 Носилки свои предлагали...

Орудья подземных работ на пути,
 1380 Провалы, бугры мы встречали.
 Работа кипела под звуки оков,
 Под песни — работа над бездной!
 Стучались в упругую грудь рудников
 И заступ и молот железный.
 Там с ношею узник шагал по бревну,
 Невольно кричала я: «тише!»
 Там новую мину вели в глубину,
 Там люди карабкались выше

По шатким подпоркам... Какие труды!
1390 Какая отвага!.. Сверкали
Местами добытые глыбы руды
И щедрую дань обещали...

Вдруг кто-то воскликнул: «идет он! идет!»
Окинув пространство глазами,
Я чуть не упала, рванувшись вперед —
Канава была перед нами.
«Потише, потише! Ужели затем
Вы тысячи верст пролетели, —
Сказал Трубецкой, — чтоб на горе нам всем
1400 В канаве погибнуть — у цели?»
И за руку крепко меня он держал:
«Что б было, когда б вы упали?»
Сергей торопился, но тихо шагал.
Оковы уныло звучали.
Да, цепи! Палач не забыл ничего
(О, мстительный трус и мучитель!), —
Но кроток он был, как избравший его
Орудьем своим искупитель.
Пред ним расступались, молчанье храня,
1410 Рабочие люди и стража...
И вот он увидел, увидел меня!
И руки простер ко мне: «Маша!»
И стал, обессиленный словно, вдали...
Два ссыльных его поддержали.
По бледным щекам его слезы текли,
Простертые руки дрожали...

Душе моей милого голоса звук
Мгновенно послал обновленье,
Отраду, надежду, забвение мук,
1420 Отцовской угрозы забвенье!
И с криком: «иду!» я бежала бегом,
Рванув неожиданно руку,
По узкой доске над висящим рвом
Навстречу призывному звуку...
«Иду!..» Посылало мне ласку свою
Улыбкой лицо испитое...

- И я побежала... И душу мою
Наполнило чувство святое.
Я только теперь, в руднике роковом,
1430 Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моем,
Вполне поняла его муки,
Он много страдал и умел он страдать!..
Невольню пред ним я склонила
Колени, — и прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!..
И тихого ангела бог ниспослал
В подземные копи, — в мгновенье
И говор, и грохот работ замолчал,
1440 И замерло словно движенье,
Чужие, свои — со слезами в глазах,
Взволнованы, бледны, суровы
Стояли кругом. На недвижных ногах
Не издали звука оковы,
И в воздухе поднятый молот застыл...
Всё тихо — ни песни, ни речи...
Казалось, что каждый здесь с нами делил
И горечь, и счастье встречи!
Святая, святая была тишина!
1450 Какой-то высокой печали,
Какой-то торжественной думы полна.

- «Да где же вы все запропали?» —
Вдруг снизу донесся неистовый крик.
Смотритель работ появился.
«Уйдите! — сказал со слезами старик: —
Нарочно я, барыня, скрылся,
Теперь уходите. Пора! Забранят!
Начальники люди крутые...»
И словно из рая спустилась я в ад...
1460 И только... и только, родные!
По-русски меня офицер обругал
Внизу, ожидавший в тревоге,
А сверху мне муж по-французски сказал:
«Увидимся, Маша, — в остроге!..»

ПРИМЕЧАНИЯ К ПОЭМЕ «КН. М. Н. ВОЛКОНСКАЯ»

¹ См. «Деяния российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну с Франциею, в 1812—1815 годах». С.-Петербург. 1822 года. Часть 3, стр. 30—64. Биография генерала от кавалерии Николая Николаевича Раевского.

² См. соч. Жуковского, изд. 1849 года, том 1, «Певец в стане русских воинов», стр. 280:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый — грудь против мечей
С отважными сынами...

Факт, о котором здесь упоминается, в «Деяниях» рассказан следующим образом, часть 3, стр. 52:

«В сражении при Дашкове, когда храбрые Россияне, от чрезвычайного превосходства в силах и ужасного действия артиллерии неприятеля, несколько поколебались, генерал Раевский, зная, сколько личный пример начальника одушевляет подчиненных ему воинов, *взяв за руки двух своих сыновей, не достигших еще двадцатилетнего возраста, бросился с ними вперед на одну неприятельскую батарею*, упорствовавшую еще покориться мужеству героев, вскричал: *«Вперед, ребята, за царя и отечество! я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам путь!..»* и что могло после сего противостоять усилиям и рвению предводимых таким начальником войск! Батарея была тотчас взята».

Этот факт рассказан и у Михайловского-Данилевского (т. 1, стр. 329, изд. 1839 года), с тою разницею, что, по рассказу Данилевского, дело происходило не под *Дашковой*, а при *Салтанове*, и при этом случае упомянут подвиг шестнадцатилетнего юнкера, ровесника с Раевским, несшего впереди полка знамя, при переходе через греблю, под убийственным огнем, и когда младший из Раевских (Николай Николаевич) просил у него знамя, под предлогом, что тот устал: «Дайте мне нести знамя», юнкер, не отдавая оно, отвечал: «Я сам умею умирать!» Подлинность всего этого подтверждает и генерал Липранди, заметка которого (из дневника и воспоминаний И. П. Липранди) помещена в «Архиве» г. Бартенева (1866 года, стр. 1, 214).

³ Наша поэма была уже написана, когда мы вспомнили, что генерал Раевский и по возвращении из похода, окончившегося взятием Парижа, продолжал служить. Мы не сочли нужным изменить нашего текста, так как это обстоятельство чисто внешнее; притом Раевский, командовавший корпусом, расположенным близ Киева, под старость, действительно, часто жила в деревне, где, по свидетельству Пушкина, который хорошо знал Н. Н. Раевского, и был другом с его сыновьями, занимался, между прочим, домашнею медициною и садоводством. Приводим кстати свидетельство Пушкина о Раевском в одном из писем брату:

«Мой друг, счастливейшие минуты в жизни моей провела я среди семейства почтенного Раевского. Я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душой; снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель

екатерининского века, памятник 12-го года, человек без предрас-судков, с сильным характером и чувствительный, он невольно при-вяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества».

⁴ Зинаида Волконская, урожденная кн. Белосельская, была родственницей нашей героине по муже.

⁵ Quatre Nouvelles. Par M-me La Princesse Zénéïde Wolkonsky, née P-sse Béloselsky. Moscou, dans l'imprimerie d'Auguste Semen. 1819.

⁶ См. стихотворения Д. В. Вeneвитинова, изд. А. Пятков-ского. Спб. 1862 (Элегия, стр. 96):

«На цвет небес ты долго нагляделась
И цвет небес в очах нам принесла».

Пушкин также посвятил З. В(олконс)кой стихотворение (1827 год), начинающееся стихом:

«Царица муз и красоты» и пр.

⁷ Юрзуф, очаровательный уголок южного берега Крыма — лежит на восточной оконечности южного берега, на пути между Яйлою и Ялтою. Заметим здесь, что во всем нашем рассказе о пре-бывании Пушкина у Раевских в Юрзуфе не вымышлено нами ни одного слова. Анекдот о шалости Пушкина по поводу переводов Елены Николаевны Раевской рассказан в статье г. Бартевева: «Пушкин в Южной России» («Русский Архив» 1866 года, ст. 1,118) О друге своем кипарисе упоминает сам Пушкин в известном письме к Дельвигу: «В двух шагах от дома рос кипарис; каждое утро я посещал его и привязался к нему чувством, похожим на дружество». Легенда, связавшаяся впоследствии с этим другом Пушкина, рассказана в «Крымских письмах» Евгении Тур («С.-Петербургские ведомости» 1854 года, письмо 5-е) и повторена в упомянутой выше статье г. Бартевева.

⁸ Я помню море пред грозою,
Как я завидовал волнам,
Бежавшим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам,

и проч.

(Онегин Пушкина).

СОВРЕМЕННОИКИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЮБИЛЯРЫ И ТРИУМФАТОРЫ

Я книгу взял, восстав от сна,
И прочитал я в ней:
«Бывали хуже времена,
Но не было подлей».

Швырнул далеко книгу я.
Ужели мы с тобой
Такого века сыновья,
О друг-читатель мой?..

Конечно, нет! Конечно, нет!
10 Клеветец наш зоил.
Лакей принес пучок газет;
Я жадно их раскрыл,

Минуя кражу и пожар
И ряд самоубийц,
Встречаю слово: «юбiliar»,
Читаю список лиц,

Стяжавших лавры. Счета нет!
Стипендия... медаль...
Аренда... памятник... обед...
20 Обед... обед... О, враль!

Протри глаза!.. Иду к друзьям:
Готовит спич один,
Другой десяток телеграмм —
В Москву, в Рязань, в Тульчин.

Пошел я с ним «на телеграф».
Лакеи, кучера,
Депеши кверху приподняв,
Толпились там с утра.

Мелькают крупные слова:
30 «Герою много лет...»
«Ликуй, Орел!..» «Гордись, Москва!»
«Бердичеву привет...»

Не мало тут «друзей добра»,
«Отцов» не перечесть,
А вот листок: одно — «ура!..»
Пора, однако, есть.

Я пришел в трактир и тоже
Счет теряю торжествам.
Книга дерзкая! за что же
40 Ты укор послала нам?..

У Дюссо готовят славно
Юбилейные столы;
Там обедают издавна
Триумфаторы-орлы.
Посмотрите — что за рыба!
Еле внес ее лакей.
Слышно «русское спасибо»
Из отворенных дверей.
Заказав бульон и дичи,
50 Коридором я брожу;
Дверь растворят — слышу спичи,
На пирующих гляжу:
Люди заняты в трактирах,
Не мешают... я и рад...

Зала № 1

В первой зале все в мундирах,
В белых галстуках, стоят.
Юбиляр-администратор,

Древен, весь шитьем залит,
Две звезды... Ему оратор,
60 Тоже старец, говорит:
«Ты отец! До населенья
Добр и милостив ты был,
Не довел до разоренья,
Пищи, крова не лишил!
Ты герой — до кассы частной,
До казенного добра
Не простер руки всевластной —
Благодарность и... ура!..»

70 Вдруг курьер вошел, сияя,
Засиял и юбиляр.
Юбиляру, поздравляя,
Поднесли достойный дар.

№ 2

Речь долго, долго длилась,
Расплакался старик...
Я сделал шаг... открылась
Другая дверь — на миг,
И тут героя чтили,
Кричали: много лет!
Герою подносили
80 Магницкого портрет:
Крамольники лукавы,
Рази — и не жалей! —

Исчезла сцена славы —
Захлопнул дверь лакей...

№ 3

На столе лежат «подарки»,
В Петербурге лучших нет.
Две брильянтовые арки —
Восхитительный браслет!
Бриллиантовые звезды...
90 Чудо!.. Несколько ребят
С упоением невесты
На сокровища глядят.

(Были тут и лицеисты,
И пажи, и юнкера,
И незрелые юристы,
И купцы... et cetera...)

— Чудо! — дядька их почтенный
Восклицает, князь Иван,
И, летами удрученный,
100 Упадает на диван...

Князь Иван — колосс по брюху,
Руки — род пуховика,
Пьедесталом служит уху
Ожиревшая щека.
По устройству верхней губы
Он — бульдог; с оскалом зубы,
Под гребенку волоса
И добрейшие глаза.
Он — известный объедало,

110 Говорит умно,
Словно в бочку из-под сала
Льет в себя вино.

Дома редко пребывает,
До шестидесяти лет
Водевиль посещает,
Оперетку и балет.
У него друзья — кадеты,
Именитый дед его

120 Был шутом Елизаветы,
Сам он — ровно ничего.
Презирает аксельбанты,
Не охотник до чинов.
Унаследовав таланты
Исторических шутов,
С языком своим проворным,
С дерзким смехом, в век иной
Был бы он шутом придворным,
А теперь он — шут простой.

«Да! дары такие редки! —
130 Восклицает князь Иван: —
Надо sprыснуть... sprыснуть, детки!..
Наливай полной стакан!..

Нет, постой! В начале пира
Совершим один обряд:
Перед нами нет кумира,
Но... и камни говорят!
Эта брошка приютится
У богини на груди,
Значит, должно преклониться
140 Перед нею... Подходи!..»

И почтительно к алмазам
Приложился князь Иван;
И потом уж выпил разом
Свой вместительный стакан.
И, вослед за командиром,
Приложились юнцы
К бриллиантам и сафирам...

— На колени, молодцы!
Гимн!..

150 Глядит умильным взором
Старый шут на небеса,
И поют согласным хором
Молодые голоса:

Мадонны лик,
Взор херувима...
Мадам Жюдик
Непостижима!

Жизнь наша — пуф,
Пустей ореха,
Заехать в Буфф —
160 Одна утеха.

Восторга крик,
Порыв блаженства...
Мадам Жюдик
Верх совершенства!

№ 4

«...Первоприсутствуя в сенате,
Радел ли ты о меньшем брате?»

Всегда ли ты служил добру?
Всегда ли к истине стремился?..»

— Позвольте-с! —

Я посторонился
170 И дал дорогу осетру..

№ 5

Большая зала... шума нет...
Ученое собрание,
Агрономический обед,
Вернее — заседание.
Встает известный агроном,
Член общества — Коленов
(Докладчик пасмурен лицом,
Печальны лица членов).
Он говорит: «Я посвятил
180 Досуг мой скотоводству,
Я восемь лет в Тироле жил.
Поверив превосходству
Швейцарских, английских пород,
В отечестве любезном
Старался я улучшить скот
И думал быть полезным.
Увы! напрасная мечта!
Убил я даром годы:
Соломы мало для скота
190 Улучшенной породы!
В крови у русской клячи есть
Привычка золотая:
«Работать много, мало есть» —
Основа вековая!
Печальный вид: голодный конь
На почве истощенной,
С голодным пахарем... А тронь
Рукой непосвященной —
Еще печальней что-нибудь
200 Получится в итоге...
Покинул я опасный путь,
Увы! на полдороге...
Трудитесь дальше без меня...»

— Прискорбны речи ваши!
Придется с нынешнего дня
Закреть собрания наши! —
Сказал ученый президент
(Толстяк, заплывший жиром): —
Разделим скромный дивиденд
210 И разойдемся с миром!
Оставим бедный наш народ
Судьбам его — и богу!
Без нас скорее он найдет
К развитию дорогу...

«Закреть! закрыть, хотя и жаль! —
Решило всё собрание: —
И дать Коленову медаль:
«За резвость и старанье».

«Ура!.. Подписку!».. Увлечлись —
220 Не скупо подписали, —
И благодушно занялись
Моделью для медали...

№ 6

Шаг вперед — и снова зала,
Всё заводчики-тузы;
Слышен голос: «Ты сначала
Много выдержал грозы.
Весь души прекрасной пламень
Ты принес на подвиг свой,
Но пошел ко дну как камень
230 Броненосец первый твой!
Смертоносные гранаты
Изобрел ты на врагов...
Были б чудо — результаты,
Кабы дельных мастеров!
То-то их принять бы в прутья!..
Ты гранатою своей
Переранил из орудья
Только собственных людей...
Ты поклялся, как заразы,
240 Новых опытов бежать,

Но казенные заказы
Увлекли тебя опять,
Ты вступил...»
Лакей суровый
Дверь захлопнул, как на зло.

№ 7

Я вперед... Из залы новой
Мертвечиной понесло...
Пир тут, видно, не секретный —
Настежь дверь... народу тьма...
Господин Ветхозаветный
250 Говорит:

«Судьба сама
Нас свела сегодня вместе;
Шел я радостно сюда,
Как жених грядет к невесте —
Новость, новость, господа!
Отзывался часто Пушкин
Из могилы... Наконец,
Отозвался и Тяпушкин,
Скромный труженик-певец:
260 Драгоценную находку
Отыскал товарищ наш!
В бедной лавочке селедку
Завернул в нее торгаш.
Грязный синенький листочек,
А какие перлы в нем!..»

— Прочитай-ка хоть кусочек! —
Закричали...

«Мы начнем
С детства. Видно, что в разъезды
Посылал его отец;
Где иной считал бы звезды,
270 Он...» — Читай же! — Начал чтец:

ОТРЫВОК ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК ЮНОШИ ТЯПУШКИНА,
ВЕДЕННЫХ ИМ ВО ВРЕМЯ РАЗЪЕЗДОВ ЕГО ПО РОССИИ
ПО ДЕЛАМ ОТЦА

(Найден случайно между оберточной бумагой в лавке
купца С. С. Подгеккина; подлинник — собственность
Зосима Терептэвича Ветхозаветного)

На реке на Свири
Рыба, как в Сибири,
Окуни, лини
Средней долины.
На реке же Лене
Хуже, чем на Оби:
Ноги по колени
Отморозил обе,
А прибыв в Ирбит,
290 Дядей был прибит...

— Превосходно! поэтично!.. —
Каждый в лупу смотрит лист.
«И притом характерно, —
Замечает журналист: —
То-то мы ударим в трубы!
То-то праздник будет нам!»
И прикладывает губы
К полуграмотным строкам.
Приложил — и к делу рьяный,
290 Примечание строчит:
«Отморозил ноги — пьяный
И — за пьянство был побит;
Чужды нравственности узкой,
Не решаемся мы скрыть
Этот знак природы русской...
Да! «веселье Руси — пить!»...»
Прим. ред.

«Уж знакомлюсь я с поэтом,
Биографию пишу...»

— Не снабдите ли портретом? —

300 «Дорогонько... погляжу...
Случай редкий! Мы России
Явим вновь труды свои:
Восстановим запятые,
Двоеточие над і;
Можно будет в духе «Миши»
Предисловье написать:
Пощадили даже мыши
Драгоценную тетрадь —
Провидения печать!..

310 Позавидует Бартеуев,
И Семейский затрецит,
Но заметку сам Тургенев
В «Петербургских» поместит...»

— Верно! царь ты русской прессы,
Хоть и служишь мертвецам;
Все живые интересы
Уступают поле нам...

«Так... и так да будет вечно!..
Дарованья в наши дни
220 Гибнут рано... Жаль, конечно,
Да бестактны и они...
Жаль!.. Но боги справедливы
В начертаниях своих!
Нам без смерти — нет поживы,
Как аптеке без больных!
Дарованием богатый
Служит обществу пером,
Служим мы ему лопатой...
Други! пьем! За мертвых пьем!..»

350 Вместо влаги искрометной,
Пили запросто марсал,
А Зосим Ветхозаветный
Умиленно лепетал:
«Я люблю живых писателей,
Но — мне мертвые милей!..»

Это — пир гробовскрывателей!..
Дальше, дальше поскорей!..

«Получай же по проценту! —
 Говорит седой банкир
 340 Полицейскому агенту: —
 В честь твою сегодня пир!»
 Рад банкир, как сумасшедший;
 Все довольны; сыщик пьян;
 От детей сюда зашедший,
 По знакомству, князь Иван
 Держит спич:

— «Свои законы
 Есть у века, господа!
 Как пропали миллионы,
 Я подумал: не беда!
 350 Верьте, нет глупей несчастья:
 Потерять последний грош —
 Ни пропажи, ни участья,
 Хоть повесься, не найдешь!
 А украдут у банкира
 Из десятка миллион —
 Растревожится полмира...
 «Миллион!..» Со всех сторон
 Сожаленья раздадутся,
 Все правительства снесутся,
 360 Телеграммами в набат
 Приударят! Все газеты
 Похитителя приметы
 Многократно возвестят,
 Обозначат каждый прыщик...
 И глядишь: нашелся вор!
 На два дня банкир и сыщик —
 Самый модный разговор!
 Им улыбки, им поклоны,
 Поздравленья добрых душ...
 370 Уж терять — так миллионы,
 Царь вселенной — куш!..»

Чу! пенье! Я туда скорей,
 То пела светская плеяда

Благотворителей посредством лотерей,
Концерта, бала, маскарада...

Да-с! Марья Львовна
За бедных в воду,
Мы Марье Львовне
Сложили оду.

330 Где Марья Львовна?
На вдовьем бале!
Где Марья Львовна?
В читальной зале...

Кто на эстраде
Поет романсы?
Чьи в маскараде
Вернее шансы?

У Марьи Львовны
Так милы речи,
330 У Марьи Львовны
Так круглы плечи!..

Гласит афиша:
«Народный праздник».
Купил корову
Один прсказник:

«— Да-с, Марья Львовна,
Не ваши речи,
Да-с, Марья Львовна,
Не ваши плечи,

400 С народом нужны
Иные шансы...»
В саду корова
Псет романсы,

В саду толпится
Народ наивный,
Рискуют прачки
Последней гривной,

За грош корову
Кому не надо?
410 И побелели
Дорожки сада,

Как будто в мае
Послал бог снегу...
Пустых билетов
Свезли телегу

Из сада ночью.
Ай! Марья Львовна!
Пятнадцать тысяч
Собрали ровно!

42) Пятнадцать — с нищих!
Что значит — масса!
Да процветает
Приюта касса!

Да процветает
И Марья Львовна,
Пусть ей живется
Легко и ровно!..

Да-с, Марья Львовна
За бедных в воду...
430 Ее призванье —
Служить народу!

№ 10

Слышен голос — и знакомый —
«Ананас — не огурец!»
Возложили гастронемы
На товарища венец.
Это — круг интимный, близкий.
Тише! слышен жаркий спор:
Над какою-то сосиской
Произносят приговор.
440 Поросенку ставят баллы,
Рассуждая о вине,

Тычут градусник в бокалы...
«Как! четыре — ветчине?..»
И поссорились... Стыдитесь!
Вредно ссориться, друзья!
Благодушно веселитесь!
Скоро к вам приду и я.
Буду новую сосиску
Каждый день изобретать,
450 Буду мнение без риску
О салате подавать.
Буду кушать плотно, жирно,
Обленюся, как верблюд,
И засну навеки мирно
Между двух изящных блюд...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЕРОИ ВРЕМЕНИ

Траги-комедия

«Кушать подано!» — Мне дали
Очень маленький салон.
За стеной «ура!» кричали,
По тарелкам шел трезвон.
460 Кто ж они — с моим чуланом
Рядом — пьющие теперь?
Я чуть-чуть открыл диваном
Загороженную дверь,
Поглядел из-за портьеры:
Зала публикой кишит —
Всё тузы-акционеры!
На ловца и зверь бежит...

Производитель работ
Акционерной компании,
470 Сдавший недавно отчет
В общем годичном собрании,
В группе директоров Шкурин сидит
(Синяя чуйка и крупные губы).
Старец, прошедший сквозь медные трубы —
Савва Антихристов — спич говорит.

(Общество пестрое: франты, гусары,
И генерал, и банкир, и кулак).

— Да, господа! самородок-русак
Стоит немецких философов пары!
480 Был он мужик, не имел ничего,
Часто гуляла по мальчику палка.
Дальше скажу вам словами его
(Тут и отвага, и ум, и смекалка):

«Я — уроженец степей;
Дав пастухам по алтыну,
Я из хребта у свиной
В младости дергал щетину.

Мечется стадо, ревет.
Знамо: живая скотина!
490 Мальчик не трусит — дерет,
Первого сорту щетина!

Стал я теперь богачом;
Дом у меня, как картинка,
Думаю, глядя на дом:
Это — свиная щетинка!..»

Великорусская, меткая речь!..
С детства умел он добыть и сберечь.
Сняли мы линию; много заботы;
Надо сдавать земляные работы.
500 Еду я раз по делам в Перекоп,
Вижу, с артелью идет землекоп.
— Кто ты? «Я — Федор Никифоров

Шкурин».

(Обращается к Шкурину).

Чокнемся! Выпьем, христов мужичок!
Ну, господа генералы! чок-чок!..
Выбор-то мой оказался недурен...

(Чокаются и пьют).

Прибыл подрядчик на место работ,
Вместо науки, с одним «глазомером»,
Ездит по селам с своим инженером,
Рядит рабочих — никто не идет!

- 510 Земли кругом тут дворянские были —
Только дворяне о них позабыли.
Всем тут орудовал грубый «кустарь»,
Пренебреженной окраины царь.
Жители рыбу в озерах ловили,
Гнали безданно из пеньев смолу,
Брали морошку, опенки солили
И говорили: «нейдем в кабалу!»
Нет послушанья, порядка и прочего,
Прежде всего: создавай тут «рабочего».
- 520 Как же создашь его? Шкурин не спит:
Земли, озера, болота, графит —
Всё откупил у помещика,
«Всё — до последнего лещика!»
(Как энергически сам говорит).
Дрогнула грубая сила «кустарная»,
Как из-под ног ее почва ушла...
Мысль эта, смею сказать, лучезарная
Наши доходы спасла.
Плод этой меры в графе дивиденда
- 630 Акционеры найдут:
На сорок три с половиной процента
Разом понизился труд!..
- Ходко пошла земляная работа.
Шкурин, трудясь до кровавого пота,
Не раздевался в ночи,
Жил без семейства в степи безотрадной,
Обувь, одежду, перцовку, харчи
Сам поставлял для артели громадной.
Он, разделяя с рабочим труды,
- 540 Не пренебрег гигиеной народной:
Вместо болотной, стоячей воды,
Дал он рабочему квас превосходный!
Этим и наша достигнута цель:
В жаркие дни, довалившись до кваса,
Меньше харчей потребляла артель
И обходилась охотно без мяса!
Быстро в артели упал аппетит
На двадцать два с половиной процента.
Я умолкаю... графа дивиденда
- 550 Красноречивее слов говорит!..

«Ура!» прокричали, героя сравнили
 С находчивым «янки». А я, между тем,
 Покамест здоровье подрядчика пили,
 Успел присмотреться ко всем:
 Во-первых, тут были почетные лица
 В чинах, с орденами. Их видит столица
 В сенате, в палатах, в судах.
 Служа безупречно и пользуясь весом,
 Они посвящают досуг интересам
 570 Коммерческих фирм на паях.
 Тут были плебеи, из праха и пыли
 Достигшие денег, крестов,
 И рядом вельможи тут русские были,
 Погрязшие в тине долгов
 (То имя, что деды в безумной отваге
 Прославили — гордость страны —
 Они за паи подмахнут на бумаге,
 Нестожащей трети цены)...
 Сидели тут важно, в сознании силы
 570 «Зацепа» и «Савва» — столпы-воротилы
 (Зацепа был мрачен, а Савва сиял).
 Тут были банкиры, дельцы биржевые,
 И земская сила — дворяне степные, —
 Тут было с десяток менял.
 Сидели тут рядом тузы-иноземцы:
 Остзейские, русские, прусские немцы,
 Евреи и греки и много других —
 В Варшаве, в Одессе, в Крыму, в Петербурге
 Банкирские фирмы у них —
 580 На *аки*, на *раки*, на *берги* и *бурги*
 Кончаются прозвища их.
 Зацепа — красивый старик белокудрый,
 Наживший богатство политикой мудрой, —
 Был сборища главным вождем.
 Профессор, юрист, адвокат знаменитый
 И два инженера — с ученым значком —
 Его окружали почетною свитой.
 Григорий Аркадьич Зацепин стяжал
 В коммерческом мире великую славу
 590 И львиную долю себе выделял
 Из каждого крупного дела по праву.

Сей старец находчив, умен, даровит,
В нем чудная тайна успеха таится,
Не даром он в каждом правлении сидит...
Придет вам охота в аферы пуститься,
Старайтесь его к предприятью привлечь —
Пойдет как по маслу!..

Герой-триумфатор
Раскланялся... Выступил новый оратор,
Меняло — писклива была его речь: .

«Мм. гг.

- 600 Времена наступают тревожные,
Кризис близится: мало дают
Предприятия железнодорожные,
Банки тоже не бойко идут:
«Половину закрыть не мешало бы!» —
Слышен в публике хор голосов,
Как недавно мы слышали жалобы
На избыток питейных домов.
Время выйти на поприще новое,
Честь имею проект предложить,
610 Всё обдуманно — дело готовсе,
Стоит только устав сочинить.
*(Пауза. Выпив глоток воды, оратор про-
должает с одушевлением.)*
Мысль — «Центрального Дома Терпимости»,
Такова наша мысль! Скажут нам:
Прежде Невский целковыми вымости,
И на то я согласие дам!
Вам порукою наше серьезное
Отношение к делам вообще,
Что развитие ей грандиозное
Мы надеемся дать не вотще:
620 Лишь бы нам разрешили концессию...
Учредим капитал на паях
И, убив мелочную профессию.
Двинем дело на всех парусах!
Нет сомненья, что цель учреждения
Наше общество скоро поймет:
Понесут нам свои сбережения
Все, кутящие ныне в разброд!
Предприятия с точки вещественной

Невозможно вернее желать,
«30 Равным образом, с точки общественной
Трудно пользу его отрицать.
Без надзора строжайшего, честного
Не оставим мы дело никак,
Мы найдем адвоката известного
Для разбора скандалов и драк.
Будет много у нас подражателей,
Но не будет такого нигде
Наблюденья: возьмем наблюдателей
В нашей скромной меняльной среде...»

«40 — В тихом омуте водятся черти! —
Кто-то рядом со мной прошептал;
Некто Грош испугался до смерти
Остроумной затей меняя
И подвинулся дальше со стулом.
На проект отвечала толпа
Нерешительным, сдержанным гулом,
Ждали мненья Зацепы-столпа.

«Да (сказал он), доходное дело,
Но советую вам подождать.
«50 Ново... странно... до дерзости смело...
Преждевременно, смею сказать!
Кто не знает? Пророки событий,
Пропагандисты новых путей,
Провозвестники важных открытий —
Побиваются грудой камней.
Двинув раньше вперед спекуляцию,
Чем прогресс узаконит ее,
Потеряете вы репутацию
И погубите дело свое.
«60 Подождите! Прогресс подвигается,
И движенью не видно конца:
Что сегодня постыдным считается,
Удостоится завтра венца...»

«Браво!» Залп громоподобный...
На арену вышел Грош
И проекту спич надгробный

Довершил: «Проект хорош,
Исполнители опасны!» —
Он язвительно сказал.
670 Пренья были долги, страстны,
Впрочем, я их не слышал,
Я заснул...

Мне снились планы
О походах на карманы
Благодушных россиян,
И, ощупав мой карман,
Я проснулся...

Шумно... В уши
Словно бьют колокола,
Гомерические куши,
Миллионные дела,
680 Баснословные оклады,
Недовыручка, дележ,
Рельсы, шпалы, банки, вклады —
Ничего не разберешь!..
Я сидел тупой и мрачный,
Долго мне понять мешал
Этот крик и дым табачный:
Где я? Как сюда попал?..

Через дверь, чуть-чуть открытую,
Вижу лиц усталых ряд,
690 Вижу жжонку недопитую,
Землянику, виноград.
К англичанину с объятьями
Лезет русский человек.
— Выпьем, Борух! Будем братьями! —
Говорит еврею грек.
Кто-то низко клонит голову,
Кто-то на пол льет вино,
Кто-то Утина Ермолову
Уподобил... Всё пьяно!..

700 Я понял: кончили дела
И нараспашку закутили.
Одни сидели у стола,
Другие парами ходили.

Сюда пришел и князь Иван ¹

И, на диване отдыхая,
Не умолкал, как барабан,
Чужие речи заглушая.

Старик с друзьями продолжал

Пить вдохновляющую жжонку

- ⁷¹⁰ И мимо шедшим посылал
Свои любезности вдогонку.
Теперь циннизм у них царил,
И разговор был часто страшен:
— С какой иконы ты скусил
Тот перл, которым ты украшен? —
«Да с той, которой помолясь,
Ты Гасферу подсыпал яду...»
Так остроумно веселясь,
Одни смеялись доупаду,
⁷²⁰ Другие хмурились... Журча,
Лился поток суждений, споров...
Вот вам отрывки разговоров,
Ищите сами к ним ключа...

1 - й г о л о с

- Отложили на неделю,
Миллиончик пропадет.
Вот господь послал Емелю!
Доложил наоборот:
Позабыл о братьях Примах,
Знай наладил: Цах да Цах!
⁷³⁰ Образец непроходимых
Государственных нерях!
С ним теперь и смех и горе.
Прежний много лучше был:
Не сажал нас на мель в море
И на суше не топил.

2 - й г о л о с (к н я з я И в а н а)

Чу! как орут: «Казань!..», «Ветлуга!..»
Адепты севера и юга.
Немного фактов, бездна слов...
Одно тут каждый понимает,

---

¹ См. часть 1-ю: «Юбилеры и триумфаторы», зала № 3-й.

740 Что на пути до рудников
Постлать соломки не мешает!

3 - й г о л о с

У нас был директор дороги,
Кондукторам красть не давал:
В вагоны как тать проникал,
У сонных сосчитывал ноги,
Чтоб видеть: придется иль нет
На каждую пару билет?
Но дальше билетов и ног
Считать ничего он не мог!..

Г о л о с князя И в а н а (*кому-то навстречу*)

750 Сотню рублей серебра
В день получаю...
Сорок четыре ребра
В сутки ломаю...
А! господин костолом!
Радуюсь встрече случайной.
Правда ли? мы создаем
Новый проект чрезвычайный:
Предупредительных мер
Мы отрицаем полезность...
760 (Так! господин инженер!
Благодарим за любезность.)
Вечно мы будем ломать
Едущим руки и ноги:
Надо врачей насажать
На протяженьи дороги,
С правого боку возвесть
Раненым нужно жилища,
А для убитых отвесть
С левого боку кладбища.
770 Так-с! Выражаясь точней,
Вы узаконить хотите
Право увечить людей...
Мало еще вы кутите!
Что же? Дай бог вам успеть!
Можете руки вы знатно,
Строя больницы, нагреть,
И пассажирам приятно:

780   Вместо того, чтоб зевать,
В наших пустынях унылых —
Впредь до крушенья — считать
Будут кресты на могилах!

Д в о е (4 - й и 5 - й) (*проходя мимо двери, негромко*)

— Вам дадут пай строители,
Я готов держать пари
На тысчонку! Не хотите ли?
«В чем же дело, говори!»
— Это — путь из самых прибыльных,
Но ведь это — тоже дверь
Для обмена мыслей гибельных...
Понимаете теперь?
790 «Верно! малый ты практический!
Как пари не заплатить?
С точки зренья стратегической
Можно Волгу запрудить!»

Г о л о с   к н я з я   И в а н а (*кому-то вдогонку*)

Пестрый галстук с черным фраком,
Ряд нечищенных зубов
И подернутая лаком
Рожа — признак дураков.
В перстне камень изумрудный.
Неотесанный болван:
800 Содержатель кассы ссудной,
Главной кассы — важный сан!
Этот тип безмерно гнусен.
Современный Митрофан
Глуп во всем, в одном искусен:
Залезать в чужой карман!
И на нем дух века виден,
Он по трусости — скупец,
По невежеству — бесстыден,
И по глупости — подлец!

6 - й   г о л о с

810 За что швырнул в меня он карточкой своей
И завтра обещал прислать мне секунданта?
Ведь я не отрицал у Душкиной таланта,
Я только говорил, что Радина милей!

Военный человек, не спорю я, прекрасен,
Но дальше от него держаться должно нам.
Во времена войны — опасен он врагам,
А в мирное — он всем опасен.

Г о л о с к н я з я И в а н а (*кому-то навстречу*)

Тысяч восемьдесят в банках
Получает этот франт,
820 Он живет бесшумно в санках —
В этом весь его талант.
Есть другой счастливец в мире,
Полу-немец, полу-грек,
Получает *сто четыре...*
Заурядный человек!
Дай мне легонькие санки
И рысистого коня,
Я и сам все наши банки
Облечу в теченьи дня!

7 - й г о л о с

830 Человека накачали
И забыли... Как тут быть?
Если нет цыган, нельзя ли
Хоть арфисток пригласить?
Без прекрасного-то пола
Скучновато во хмелю.
Пить так пить — *до протокола,*
Середины не люблю!

Г о л о с к н я з я И в а н а

На французском масле,
840 Сделанном из сала,
Испекла природа
Этого нахала.
Экой ратоборец!
Железнодорожник,
И гостинодворец,
И во всем — художник!

8 - й г о л о с

В нашем банке заседают
Пять ростовщиков,

Фортель их таков:
Меж собой распределяют
850 Весь наличный капитал
Из осьми... а выручают
Сорок... Подло! я отстал.

Г о л о с к н я з я И в а н а (*кому-то вдогонку*):

Слыл умником и в ус себе не дул,
Поклонники в нем видели мессню;
Попал на министерский стул
И — наглупил на всю Россию!

9 - й г о л о с

... Говорю: помиритесь добром!
Не советую знаться с судом!..

На Литейной такое есть здание,
860 Где виновного ждет наказание,
А невинен — отпустят домой,
Окативши ушатом помой.
Я там был. Не последнее бедствие,
Доложу вам, судебное следствие —
Юный пристав меня истерзал;
Прокурор, поседевший во бдении,
Так копался в моем поведении,
Что с натуги в истерику впал;
870 Сторона утверждала противная,
Что вся жизнь моя — цепь непрерывная
Вопиющих каких-то картин,
И, содрав гонорар неумеренный,
Восклидал мой присяжный поверенный:
«Перед вами стоит гражданин
Чище снега альпийских вершин!..»

Невеселое вышло решение:
Без лишения прав заключение.
Две недели пришлось проскучать,
Да с полгода ругала печать!

10 - й г о л о с

880 Печать? У ней строитель — вор!
Железные дороги — душегубки!

Суды?.. По платью приговор!
А им любезны только полушубки.
Теперь не в моде уважать
По капиталу, чину, званью...
Как!? под арестом содержать
Игуменью — честную Митрофанью?..

11 - й г о л о с

Не щадят ни заслуги, ни звания!
Адвокатам одним только рай:
390 За лишение прав состояния
И за то теперь деньги подай!

Г о л о с к н я з я И в а н а (*кому-то вдогонку*)

Не люблю австрийца!
Думается мне:
Вот — сыноубийца!
Чу! призыв к войне!
Брошены парады,
Дети в бой идут,
А отцы подряды
На войска берут...
400 Юные герои
Гибнут в каждом бос,
Не поймут никак:
Отчего в атаке,
В самой жаркой драке,
Невредим прусак?
Дети! вас надули
Ваши старики:
Глиняные пули
Ставили в полки!

---

410 Неразлучной бродят парой
Суетливый коммерсант
И еврей, процентщик ярый,
В драгоценных камнях франт.
Вот подходят к самой двери,
Продолжая рассуждать:
— Мне «товарища на вере»
Было легче отыскать.

- Выручай! надеждой прочной
Остаешься ты один.
- 920 Выручай! ты — безупречный,
Полноправный гражданин!
Ты — писатель! Ты брошюрой
«О процентах» заявил
Связь свою с литературой,
Ты Тиблену кумом был.
Ты — художник по натуре...
«Не желательно прослыть
Подставным в литературе...»
— Вот нашел о чем тужить!
- 930 Полно! Мы с тобой — не детки.
Нынче — царство подставных,
Настоящие-то редки,
Да и спроса нет на них.
Погляди: моряк на суше,
Инженер на корабле,
А дела идут не хуже
И не лучше на земле.
Не у нас — во всей Европе
Прессой правит капитал,
- 940 Был же Генкель, есть же Гоппе...
Ты бы ярче их сиял!
Прессе нужны коммерсанты.
Поспешив на помощь ей,
Как направим мы таланты,
Как устроимся!

Еврей

- Отвечает, убежденью
Начиная уступать:
«Если нужно просвещенью
Руку помощи подать,
950 Я готов, но — бог свидетель —
Я от грамоты отвык...»
— Тут нужна лишь добродетель! —
Восклицает биржевик...

— Дай еще им пять бутылок! —
Испустил внезапный крик.

Некто — стриженный затылок,
Голова «à la мужик».
Рост высокий, стан не гибкий,
А лицо... странней всего,
960 Как не высекли ошибкой
    По лицу его!
Выпив первую бутылку,
Лизоблюдов пьяный хор
Тароватому затылку
Лестью выпалил в упор:

— Сколько вы божьих храмов построили!
— Сколько выдали замуж невест!
— Сколько вдов и сирот успокоили!
— Сколько роздали пенсий и мест!
970 «А какие вы строите линии!
Подвиг ваш — достоянье веков! —
Поправляя очки свои синие,
Заклучил запевало льстецов; —
На Урале, на Лене, на Тереке
Предстоят еще подвиги вам.
Были люди в Европе, в Америке,
А таких не встречалось и там!»

— Будто? Вот как! Скажите! Неужели? —
Восклицал осовевший герой; —
980 Мы, однако, так плотно покушали,
Что пора, господа, и домой...

И вскочили «орлы» его верные.
И героя домой повели...

Про таланты его непомерные
Очень громкие слухи прошли.
Как шаман, он обвешан жетонами
(А на шее владимирский крест).
С телеграммами, спичами, звонами
Колокольными — ездит и ест,
990 Упивается тонкими винами,
Сыплет золото щедрой рукой,
В предприятиях долями львиными
Наделяется... Чем не герой?..

Есть, однако, и мненье противное:
Говорят: у него никаких
Дарований, богатство фиктивное;
Говорят: он — игрушка других,
Нужен он для одной декорации;
Три-четыре искусных дельца
1000 В омут самой шальной спекуляции,
Словно мячик, бросают глупца.

Как вопьются раки жирные
В тело белое его,
Эти люди, с виду смиренные,
Обрывают их с него,
И потом дружка сердечного
В новый омут повлекут...
Ничего нет в мире вечного —
Скоро будет он банкрот!

Г о л о с к н я з я И в а н а (*навстречу вновь вошедшему*)

1010 А! Авраам изыскатель!
Мимо прошел: не узнал,
Чем возгордился, приятель?
Я пастухом тебя знал...

Лота отца попрекает,
Берка от Лоты бежит,
Месяца три пропадает
И, возвратясь, говорит:

1020 «Радуйся! дочь моя Лота!
Радуйся, Янкель, мой сын!
Дети! купил я болота
Семьдесят семь десятин!»

Лота оделася в шубку,
Янкель за шапкой бежит,
Едут смотреть на покуску —
Лошадь с натуги хрипит,

Местность всё ниже и ниже,
Множество кочек и ям,
«Вот оно! Лота! смотри же!»
Лота не верит глазам:

1030 Нету ничем ничего-то,
Кроме трясины и мхов!
Только слетели с болота
Семьдесят семь куликов!

Едучи шагом обратно,
Янкель трунил над отцом,
Лота работала знатно
Длинным своим языком.

Берка на жалобы эти
Молвил, подыхав к крыльцу:
1040 «Не угодил я вам, дети,
Да угодил продавцу!»

Утром он с ними простился,
Месяца три пропадал.
Ночью домой воротился,
«Радуйтесь!» — снова сказал.

Янкель и Лота не рады,
Думают: глупость опять!
«Взял я большие подряды!»
Берка пустился плясать.

1050 «Четверть с рубля обойдется,
Четверть с рубля... без гроша...
Семьдесят семь остается,
Семьдесят семь барыша!»

Денег у Берки без счета,
Берка — давно дворянин,
Благословляя болота
Семьдесят семь десятин!..

Чу! песня! Полные вином,
Два инженера ликовали
1060 И пели песенку о том,
Как «непреклонного» сломали:

Я проект мой излагал
Ясно, непреложно —

Сухо молвил генерал:
«Это невозможно!»

Я протекцию сыскал,
Всё обставил чудно,
Грустно молвил генерал:
«Это очень трудно!»

1070 . В третий раз понять я дал:
Будет — гривна со ста,
И воскликнул генерал:
«Это — очень просто!»

Г о л о с к н я з я И в а н а

На уме чины да куши,
Пассажиров бьет гуртом:
Христианские-то души
Жидовине нипочем.
Добиваясь генеральства,
Мнит высоко о себе.
1080 «Плутоватость и нахальство» —
Два словца в его гербе.
До пределов незаконных
Глуп, а денежки гребет...
Всё равно, что резать сонных —
Обирать народ!

Слышны толки: «леность... пьянство...
Земство... волость... мужики...»
Это — местное дворянство
И дворяне-степняки.
1090 У степного дворянина
Речь любимая своя:
«Чебоксарская щетина»,
«Миргородская свинья»,
«Свекловица, мериносы»,
«Спрос на водку и барду»,
А у местного вопросы
«Всесословные» в ходу,
Граф Д<авы>дов, князь Л<оба>нов
В центре этого кружка

1100 Излагают пользу планов,
Неудавшихся пока.

«Вся беда России
В недостатке власти!» —
Говорят витии
По сословной части.

— Мало толку в словопреньи, —
Грянул некто Хватунов, —
Лучше петь об орошеньи
(Был уж он давно «готов»).

ПЕСНЯ ОБ «ОРОШЕНИИ»

1110 Комитету «Поощренья
Земледельческих Трудов»
Сделать опыт орошенья
Наших пашен и лугов

Предложил я: снарядили
Две комиссии в наш край
И потом благословили,
Дали денег: «Орошай!»

1120 Я поехал за-границу,
Пожуировал; затем
Начал сеять свекловицу.
Время мчалось между тем,

Дом мой стал богаче, краше,
Сам толстею, что ни год.
Вдруг запрос: «Успешно ль ваше
Орошение идет?»

— При ближайшем наблюденьи,
Отвечаю в комитет: —
Нахожу, что в орошеньи
В нашем крае — нужды нет,

3130 Труд притом безмерно дорог... —
Согласились: Нет нужды!

Копия рукописи
 из архива В. В. Маяковского

Вечер в саду

Казимир, твои советы
 Звонят в моем сердце,
 Свободен от твоих оговорок
 Неужели я не твой?

Огневой в твоих глазах
 Ты, Казимир, в мои глаза
 И роман — романиста,
 Как в Париже — роман?

Я не могу сказать,
 И не могу сказать,
 Но в твоих глазах
 Я вижу и любовь и страсть

Ты же не от меня, Казимир,
 Ты же не от меня, Казимир,
 Ты же не от меня, Казимир,
 Ты же не от меня, Казимир

Ты же не от меня, Казимир,
 Ты же не от меня, Казимир,
 Ты же не от меня, Казимир,
 Ты же не от меня, Казимир

Ты же не от меня, Казимир,
 Ты же не от меня, Казимир,
 Ты же не от меня, Казимир,
 Ты же не от меня, Казимир

Ты же не от меня, Казимир,
 Ты же не от меня, Казимир,
 Ты же не от меня, Казимир,
 Ты же не от меня, Казимир

Автограф Н. А. Некрасова.
 Лист из рукописи «Современников».

А задаток — тысяч сорок —
За посильные труды

Комитет — не без участия
Добрых душ — с меня сложил,
И тогда — слезами счастья
Грудь жены я *оросил!*..

В каждой группе плутократов —
Русских, немцев ли, жидов —
1140 Замечаю ренегатов
Из семьи профессоров.
Их история известна:
Скромным тружеником жил
И, служа науке честно,
Плутократию громил,
Был профессором, ученым
Лет до тридцати,
И, казалось, миллионом
Не собьешь его с пути...
1150 Вдруг — конец истории —
В тридцать лет герой —
Прыг с обсерватории
В омут биржевой!..

Вот москвич — родоначальник
Этой фракции дельцов:
Об отечестве печальник,
Лучший тип профессоров,
Встарь он пел иные песни,
Искандер был друг его,
1160 Кроме каменной болезни,
Не имел он ничего;
Под опалой в óны годы
Находился демократ,
Друг народа и свободы,
А теперь он — плутократ!
Спекуляторские штуки
Ловко двигает вперед
При содействии науки
Этот старый патриот...

- 1170 Вот другой — слывет за чудо:
 Говорун и остролов,
 («Леонид» — ему пскуда
 Кличка у тузев).
 Он *машинным красноречьем*
 Плутократию дивит;
 Никаким противоречьем
 Не смущаясь, говорит
 В интересах господина.
 Заплати да тему дай,
- 1180 Говорильная машина
 Загудит: поднимет лай,
 Будет плакать и смеяться,
 Цифры, факты извращать,
 На Бутовского ссылаться,
 Марксом тону задавать.
 Предпочтя ученой славе
 Соблазнительный металл,
 Леонид сперва при Савве
 На посылках состоял,
- 1190 Подавал ему «идейки»
 (И сигары — иногда),
 Знал к редакторам лазейки,
 К представителям суда,
 Составлял «записки», «мненья»,
 Сплетни прессы отражал,
 И в директоры правленья
 Наконец попал!
- Тут уж торная дорога:
 Нахватав десяток мест,
- 1200 Как за пазухой у бога
 Он живет; по-барски ест,
 На балы к концессионерам
 Возит куколку-жену
 И поет акционерам
 Вечно песенку одну;
 Смысл известный: «дивидендов
 Нет покамест — ожидай!
 И не медля шесть процентов
 Нам в награду отчислай!»
- 1210 Кризис: дело не спорится,
 Денег нет, должны кругом,

В дверь правления стучится
С исполнительным листом
Пристаз: кассу запирает,
Мебель штемпелем клеймит.
Леонид не унывает
И цинически острит:
«Мат, конечно, предприятию,
А правлению — не беда!
1220 Стул с казенною печатью
Так же мягок, господа!..»

Нынче счету нет артистам,
Что таким путем пошли,
И на помощь аферистам
Силу знания принесли.
Всякий план, в основе шаткий,
Как на сваях утвердят:
Исторической подкладкой,
Перспективами снабдят!
1230 Дело их — стоять на страже
«Государственных идей».
Нет еще идеи даже,
Есть один намек о ней,
Уж бегут они к патронам,
Выговаривают пай.
Начинают скромным тоном:
«Нужный банк»... «Забывтый край»...
Дальше — громче пропаганда,
Загорается война,
1240 Кто за Шмита, кто за Странда!
Правду вывернув до дна,
Чудо сделают из края,
Этнографией блеснут,
И статистика такая...
Где они ее берут?

Аргумент экономический,
Аргумент патриотический,
И важнейший, наконец,
С точки зренья стратегической
1250 Аргумент — всему венец!..

Из пяти одна затея
Удалась — набит карман!
А гуманная идея
Отошла на дальний план.
Новый туз-богач — в итоге,
И сказались барыши
Лишней гривною в налоге
С податной души...

3260 Надо честь отдать почину —
Разбудили Русь они:
И купцу, и дворянину
Плохо спится в наши дни;
Прежде Русь стихи писала,
Рифмам не было числа,
А теперь практичней стала:
На проекты налегла!
Предприимчивостью чудной
Преисполнились сердца,
3270 Нет теперь задачи трудной,
Каждый план найдет дельца.
Запрудят Неву, каналы
По Сахаре проведут!..
Дайте только капиталы,
Обеспечьте риск и труд...

Да, постигла и Россия
Тайну жизни, наконец:
Тайна жизни — гарантия,
А субсидия — венец!
Будешь в славе равен Фидию,
3280 Антокольский! изваяй
ГАРАНТИЮ и СУБСИДИЮ,
Идеалам форму дай!
Окружи свое творенье
Барельефами: толпой
Пусть идут на поклоненье
И ученый и герой;
Пусть идут израильтяне
И другие пришлецы,
3290 И моршанские скопцы...

Беседа кипит, не смолкая,
И льется рекою вино,
Великих и малых равняя;
Все группы смешались давно.
Зацепин в ударе, как воду,
Венгерское пьет; Леонид,
Великому мужу в угоду,
Вистует ему и лисит.
Из оперы новые лица
1300 Явились; затеялся спор:
Которая выше певица,
Который пошлее актер.
Веселый толстяк, краснорожий,
Хохочет Иванушка шут,
И муж государственный тоже,
Подвыпив, беседует тут:
«Да-с, наша тропа не без терний!
Энергия — свойство мое,
1310 Но на сорок восемь губерний
Всегда ли достанет ее?..»

Но был один — он общества чуждался;
Построивши дорогу в восемь верст,
На собственном величьи помешался
Остзейский туз — барон фон-Клоппенгорст.
Он вынуждал к невольному респекту —
Торжественность в осанке и в лице;
Пусти нагим по Невскому проспекту —
Покажется он — в тоге и венце.
Он не сгибал своей баронской выи
1320 Ни перед кем; на лбу его крутом
Начертано: «Трудился для России
И памятник воздвиг себе притом!»
Он был смешон картинно, грандиозно
И шумный пир эффектно оттенял.
Он пил один, насупив брови грозно,
По слову в час медлительно ронял.
Молчит ли он — особая манера
Молчать... глядит — победоносный взор!
Идет ли он — незыблемая вера,
1330 Что долг других давать ему простор.

Среди судов обычного размера
Так шествовал в Россию «Монитор»...

- Остроумная случайность!
На соседа не похож,
Представлял другую крайность
Эдуард Ивэныч Грош —
Господин на ножках низких,
Весел, юрок и румян,
Из породы самых близких
1340 К человеку обезьян.
К разным группам подбегает,
Щурит глазки, руки жмет
И головкою кивает,
И хихикает, и врет.
Голосок его пискливый
Раздается там и тут,
Толстый, маленький, плешивый,
Сибарит, делец и шут —
Он, как ртуть, на всяком месте,
1350 Слышит — кто-то говорит:
— Нужно завтра акций двести...
«На наличность? на кредит?..»
По рукам в минуту хлопнул
И бежит туда бегом,
Где услышал слово: лопнул.
«Кто? Какой торговый дом?..»
— Лопнул — шар!.. Зимой в санках
Вечно встретите его;
Он на бирже, в думе, в банках,
1360 Нет собранья без него:
Это высшего разряда
Фактор — сила наших дней.
Телеграфов с ним не надо,
Ни газетных новостей.
Светский мир и мир подпольный
Дань равно ему несут,
Как револьвер шестиствольный,
Он заряжен! С виду шут,
Он неспроста бьет баклуши,
1370 Он трудится больше нас:
Настороженные уши,

Волчий зуб и лисий глаз!
 Что вам нужно? Закладную?
 Моську, мужа... дачу, дом,
 Капитал?.. Рекомендую:
 Не ударит в грязь лицом!
 Честолюбье ль вас тревожит?
 Он карьере даст толчок,
 Даже выхлопотать может
 1380 Португальский орденк!
По руке пригнать перчатку —
 Дело Гроша! Всюду вхож,
 Он туда протиснет взятку,
 Что руками разведешь!..
 Гроша вывели из мрака
 Случай, ловкость и родня,
 Не выходит он из фрака,
 Пробудясь, кричит: коня!
 В девять рыщет по трущобам,
 1390 Ищет нужного дельца,
 В десять — шествует за гробом
 Сановитого лица;
 До двенадцати — в передних
 У влиятельных господ,
 В час — в приюте малолетних,
 Где молебен и отчет,
 В два — за завтраком с кокоткой
 (Он — кокоток первый друг),
 С трех — на бирже... День короткий —
 1400 Пообедать недосуг!
 Вечер: два, три комитета,
 Оперетка и балет
 И у дамы полусвета
 За рулеткой — дня рассвет!

Тихе!.. новый гость явился;
 Все вскочили, сам барон
 Клоппенгорст пред ним склонился,
 Подал руку... Кто же он?

Кто он? Действуя практически,
 1410 Я обязан умолчать,

Но могу аллегорически
Петухом его назвать.
Нет вернее аттестации:
Золото клюет —
Возвращает... ассигнации!
Плавни он идет
С видом скромного достоинства:
Словно пред вождем
Дрессированное воинство,
1420 Смокло всё кругом...

Поздоровался с Саввой Степанычем,
Крепко палец Зацепе сдавил,
Пошутил с Эдуардом Иванычем:
«У! как бледен! Опять пошалил?»

— Испугался проекта Дерницына:
Об общественной пользе поет,
А в душе — идеалы Плотицына!
Завейся — . . . . .

А затем, неизвестность полнейшая!
1430 К сожаленью, беседа дальнейшая
Шла вполголоса... «Время на бал!» —
Уходя, незнакомец сказал.

К счастью, он вернулся снова,
На минуту сел,
И тогда четыре слова
Я поймать успел.
«Нужно выждать две недели, —
Савве он сказал: —
1440 Нужно выждать: не созрели...»
И, допив бокал,
Вышел...

Экс-писатель бледнолицый
Появился Пьер Кульков;
Был он долго за границей
По комиссиям дельцов
И друзьям поклон собрата

Из Италии привез.
Вожделений плутократа,
Так сказать, апофеоз
1450 Совмещал в себе фон-Руге;
Ухватив громадный куш,
Он ушел — на светлом юге
Отдыхать. «Великий муж! —
Говорят ему витии: —
Не пугайся клеветы!
Предприимчивость России
На такие высоты
Ты вознес, что миллиарда
Увезенного не жаль!..»
1450 Не без чувства и азарта,
Устремляя очи в даль,
Рассказал турист свиданье
С удалившимся дельцом;
Было общее молчанье,
Цел рассказчик соловьем:

Я посетил отшельника Севильи,
На виллу Мирт хотелось мне взглянуть;
Пред ней поэт преклонится — в бессильи
Вообразить прекрасней что-нибудь!

1470 Из мрамора каррарского колонны,
На потолках сибирский малахит,
И в воздухе висящие балконы,
И с одного — в Европе лучший вид!

Там он любил сидеть после обеда
И несколько тревожился лишь тем,
Что тот же вид доступен для соседа;
Его девиз: я не делюсь ни с кем!

Он этим был глубоко опечален
И наконец соседа победил:
1430 Настроил он искусственных развалин
И чудный вид соседу заградил!..

Весь под шатром навесов виноградных
Шел путь к нему извилистой тропой;

Не пожалев расходов беспощадных,
Он срыл сады — и сделал путь прямой!

Так он живет, так тратит он доходы,
Всем жертвуя комфорту своему...
Кругом цветы... искусственные воды...
Его оркестр обходится ему

1480 В огромный куш. Устроив род престола,
Уходит он в свой музыкальный зал,
И, так сказать, оркестру внемлет *solò*,
Вот жизнь его... вот жизни идеал!.

«По такому идеалу
Может только жить — кретин!» —
Вдруг сказал вошедший в валу
Незадолго господин.

(Сумасшедший или гений?
Возникал в уме вопрос,
1500 После кратких наблюдений
Над вошедшим): «Он унес
Из России миллионы
И, построив пышный гроб,
На визиты, на поклоны
Чуть не царственных особ
Он рассчитывал, сгорая
Честолюбием... Увы!
Едут мимо, не склоняя
Перед Руге головы!

1510 У него в груди есть рана.

Нанесенная ему
Катастрофою Седана.
Угадайте: почему?
Перед боем франко-прусским
Переписывался он
С императором французским,
За серебряный мильон
Титул герцога — я слышал —
Уж совсем приторговал...

1520 Вдруг скандал седанский вышел —
Продавец банкротом стал!
И теперь о том герое

(Не забавный ли пассаж?)
В целом мире плачут трое —
Сын, жена... да Руге наш!
Пожалей честная публика!
Где купить высокий сан?
Уж во Франции — республика!
Титлов нет у англичан
1530 На продажу... а Германия?..
Он и так — немецкий фон...
Таковы его страдания...
Где же счастье?.. Дурень он!

Дайте мне его миллионы,
Я бы им протер глаза!
Не висячие балконы —
Я бы создал чудеса!
Петр Великий в Сестербеке
Порт громадный замыслил;
1540 Здесь в великом человеке
Гений видимо дремал,
Но и в малом человечке
Он не дремлет иногда:
Нужен порт... *на Черной реке!*
Вот идея, господа!
Все другие планы к чорту!
Составляйте капитал:
Смело строй дорогу к порту
И веди к нему канал!
1550 Подойдут вагон и барка
И корабль... Сдавай, грузи!
Как маяк, горящий ярко,
Будет порт мой на Руси!
Я уж рельсы дал дорогам,
Я войскам оружие дал...
В новый путь иду я с богом...
Составляйте капитал!

С деньгами, с гением
1560 Чудным движением
Русь оживим.
Море Балтийское,
Море Каспийское
Соединим!

Вот занятие! вот дело!
Можно душу положить!
Ненавижу нежить тело,
Нервы праздностью томить.
Уж давно я был бы Крезом,
Мог бы лавры пожинать,
1570 Но беспощинным железом
Не хочу я торговать.
Металлических заводов
С пивоваренным котлом
Я не строю для доходов...
Наживаться воровством
Сродно подлому холопу!
Цель моя: к окну в Европу,
Что прорублено Петром,
Вековой пристроить дом!

*(Уходит быстро и с эффектом, еще в комнате
надев шляпу).*

Г о л о с к н я з я И в а н а

1550 Появился метеором,
Метеором — и пропал!
Никогда он не был вором,
А людей с сумой пускал.
У него своя контора:
«Переписки векселей»,
Нужно штат удвоить скоро.
В день до тысячи рублей
Платит он одних процентов.
Тс-то жизнь! топи камин
1590 Грудой старых документов,
Да на новых ставь: *Ладьян*.
А в стяжании не грешен,
Сам последнее отдаст...

Ч ь е - т о з а м е ч а н и е
Но зато ведь он помешан?

Г о л о с к н я з я И в а н а

Нет, большой энтузиаст!
Занимая всюду деньги
И *простроить* их спеша,

Ищет он по шапке Сеньки...
Идеальная душа!..

- 1600 В летний день, у пристани канала
Собралась толпа, чего-то ждет...
Духовенство шествует сначала,
А за ним комиссия идет:
Шитые мундиры, эполеты!
Чу! вдали запели бурлаки!
Но они не тощи, как скелеты,
На подбор красавцы-мужики,
«В шелковых рубахах!» — шепчут бабы.
«Глянь: и Савва!» — гаркнула толпа.
- 1610 С деревянной ложкою у шляпы
И с железным гребнем у пупа,
Сам купец-подрядчик бичевою
Тянет барку... К пристани пришли...
Отслужив молебен чередою,
Пировать в палатку побрели.
В торжестве открытия канала
Сам министр участие принимал,
Но не струсил Саввушка нисколько —
Речь его сиятельству сказал!
- 1620 Был тогда вельможа этот в силе,
Затевал громадные дела...
Эта речь «в народном, русском стиле»
Миллионы Савве принесла.
Нынче он... да словом: нет другого!
Савву надо в летописи внести:
Савву бог сподобил даром слова
На Руси богатство приобрести!
- Но, начав карьеру бичевою,
Любит он простого «мужичка»,
- 1630 Вспоминая прошлое порою,
Напевает песню бурлака,
Ту, что пел когда-то на канале...
Выпив тост за «братьев мужиков»,
Он запел... что было русских в зале,
Подожли — и стройный хор готов:

В ГОРУ
(Бурлацкая песня)

Хлебушка нет,
Валится дом,
Сколько уж лет
Кама поем
1640 Горе свое,
Плохо житье!

Братцы, подъем!
Ухнем! напред!

Ухни, ребята! гора-то высокая...
Кама угрюмая! Кама глубокая!

Хлебушка дай!
Экой песок!
Эка гора!
Экой денек!
1650 Эка жара!

Камушка! сколько мы слез в тебя пролили!
Мы ли, родная, тебя не доволили?

Денежек дай!
Бросили дом,
Малых ребят...
Ухнем, напред!..
Кости трещат!
На печь бы лечь
1660 Зиму проспять,
Летом утечь
С бабой гулять!
Экой песок!
Эка гора!
Экой денек!
Эка жара!

Ухни, ребята! гора-то высокая!..
Кама угрюмая! Кама глубокая!

Нет те конца!..
Эдак бы впрячь
1670 В ляжку купца —
Лег бы богач!..

Экой песок!
Эка гора!
Экой денек!
Эка жара!
Эй! ветерок!
Дуй посильней!
Нам хоть часок
Дай повольней!..

- 1680 Два-три подрядчика с дедушкой Саввой
В пение душу кладут;
Спой так певец — наградили бы славой!
За сердце звуки берут.
Что ж это, господи! Всех задушевней
Шкурина голос звучит!
Веет лесами, рекою, деревней,
Русской истомой томит!
Всё в этой песне: тупое терпение,
Долгое рабство, укор...
1690 Чуть и меня не привел в умиление
Этот разбойничий хор!..

ЭПИЛОГ

- «Я — вор!» — вдруг громко прозвучал
Какой-то голос иступленный.
По зале шопот пробежал
И смолк. Глубоко удивленный,
Плотнее к двери я приник:
Изнеможенный и печальный,
Перед столом сидел старик...
Ужель Зацепа гениальный?
1700 Да, верно! Бледен, как мертвец,
В очах глубокое страданье...
Чу! новый вопль! И наконец —
Неудержимое рыданье!

К н я з ь И в а н

Полно! полно! плакать стыдно,
Сядем лучше в домино.
Постороннему — обидно,

А друзьям твоим — смешно!
Ты подобен той гетере,
Что на склоне блудных дней
17 10 Горько плачет о потере
Добродетели своей!
Не воротится невинность,
Как глубоко ни грусти,
Лишь нарушишь пира чинность
И заставишь нас уйти!

Ушел Эфруси, важный грек,
Кивнув собранью величаво...
«Куда же вы? — воскликнул Савва: —
Зацепян — умный человек,
17 20 Но человек немного странный:
Впадает он, напившись пьян,
Как древле Грозный Иоанн,
В какой-то пафос покаянный...
Но — ничего! Гроза пройдет,
И завтра ж — побожиться смею —
Великий ум изобретет
Золотоносную идею!
Как под дождем цветы растут
Сильней, — прибавил он к евреям, —
17 30 Так эти бури придают
Наутро блеск его идеям!..»

З а ц е п и н

Я — вор! Я — рыцарь шайки той
Из всех племен, наречий, наций,
Что исповедует разбой
Под видом честных спекуляций!
Где сплошь да рядом — видит бог! —
Лежат в основе состоянья
Два-три фальшивых завещанья,
Убийство, кража и поджог!
17 40 Где позабудь покой и сон,
Добычу зорко карауля,
Где в результате — миллион
Или конническая пуля!

Как огорошенные градом,
Ушли остзейские тузы,
Жиды вскочили... стали рядом...
«Куда? Сейчас — конец грозы!»
И любопытные евреи
Остались... Воздух душен стал...
1750 Зацепа рвал рубашку с шеи
И истерически рыдал...

Князь Иван

На миллион согреша,
На миллиарды тоскует!
То-то святая душа!
Что же сей сон знаменует?

Бедный Зацепа — поэт,
Горе его — непрактичность;
Нынче раскаянья нет.
Как ни зацапай наличность,

1760 Мы оправданье найдем!
Нынче твердит и бородка:
«Американский прием»,
«Великорусская сметка!»

Грош у новейших господ
Выше стыда и закона;
Нынче тоскует лишь тот,
Кто не украл миллиона.

Бредит Америкой Русь,
К ней тяготея сердечно...
1770 Шуйско-Ивановский гусь —
Американец?.. Конечно!

Что ни попало — тащат,
«Наш идеал, — говорят, —
Заатлантический брат:
Бог его — тоже ведь доллар!..»

Правда! но разница в том:
Бог его — доллар, добытый трудом,
А не украденный доллар!

Зацепин

К религии наклонность я питал,
1780 Мечтал носить железные вериги,
А кончил тем, что утверждал
Заведомо подчищенные книги...

(Рыдает).

Князь Иван

Ты книги подчистил? И только!
Уйми щекотливую честь!
Ах! если б все выпили столько,
Не то услышали б мы здесь!

Тернисты пути совершенства,
И Русь помешалась на том:
Нельзя ли земного блаженства
1790 Достигнуть обратным путем?

Позорные пятна на чести,
Торжественный, крупный скандал
И тысяч четыреста... двести
В итоге — вот наш идеал!

Тебя угнетает сознание,
Что шатко общественный крест
Ты нес, получая даяние
С пятнадцати прибыльных мест?

Утешься! Под жертвою крупной
1800 Таится подход к грабежу,
Под маской добра неприступной
Холодный расчет докажу!

Завидуешь доблестям мужа,
Что несколько раз устоял
И, плутни других обпаружа,
Копеечки сам не украл?

Гонитель воров беспощадный,
Блестящий честностью муж
Ждет случая хапнуть громадный,
1810 Приличный амбиции куш!

Дождется — и маску смиренья
Цинически сбросит с лица...
Утешься! *Блаженство паденья* —
Конечная цель мудреца!..

Редела дружная семья,
Поочередно подходили
К Зацепе верные друзья
И успокоиться просили:
«Не плачь! безгрешен только бог,
1820 Не плачь! Не хуже ты другого!»
Ответ: рыданье, тяжкий вздох
Или язвительное слово!

Тронут ближнего несчастьем,
Миллионщик-мукомол
К удрученному с участием
И с советом подошел:
«Чтобы совесть успокоить,
Поговей-ка ты постом
1830 Да советую устроить
    Богадельный дом.
Перед ризницей святою
В ночь лампадки зажигай,
Да получше, без отстою,
    Масло наливай!»

Подошел и Федор Шкурин.
— Прочь! не подходи!
Вместо сердца, грош фальшивый
У тебя в груди!

Ты ребенком драл щетину
1840 Из живых свиней,
А теперь ты жилы тянешь
Из живых людей! —

Шкурин голову повесил,
«Тык-с!» — пробормотал...

Князь Иван один был весел,
«Браво!» — он сказал.

Дружен был старик с Зацепой,
Он к нему подсел —
1850 Укротить порыв свирепый
В свой черед хотел...

Князь Иван

Ты Шиллера, должно быть, начитался
Иль чересчур венгерского хлебнул!
Кто не мечтал... и кто не оказался
Отступником? Кто круто не свернул
С прямых путей — по воле... по неволе?..
Припомним-ка товарищей по школе:

Окончив курс, на лекции студентам
Ученый Швабс с энергией внушал
1860 Любовь к труду, презрение к процентам,
Громя тариф, налоги, капитал.
Сочувственно ему внимали классы...
А ныне он — директор ссудной кассы...

«Судья лишь тот, кто богу сам не грешен,
А мой принцип — прощенье и любовь! —
Говаривал Володя Перелешин: —
Кто низко пал — воспрянуть может вновь,
Не бичевать, жалеть должны мы вора...»
А ныне он — товарищ прокурора...

Граф Твердышов... уж он ли над Россией,
1870 Над мужичком голодным не грустил?
А кончил тем, что с земской гарантией
По пустырям дорогу проложил
И с помощью ненужной той дороги
Отяготил крестьянские налоги...

З а ц е п и н (*внезапно вскакивает*).

Хлебушка нет,
Валится дом,
Сколько уж лет
Каме поем
Горе свое!

Князь Иван

1880 Эх, ты! нехстати перервал!
Шумит, как угли в самоваре!
А я бы верно перебрал
Весь Петербург: я был в ударе!

Зацепин

Горе! Горе! хищник смелый
Ворвался в толпу!
Где же Руси неумелой
Выдержать борьбу?
Ох! горька твоя судьбина,
Русская земля!
1890 У мужицкого алтына,
У дворянского рубля
Плутократ, как караульный,
Станет на часах,
И пойдет грабеж огульный
И — случится крррах!

Он осушил стакан воды,
Порывы грусти тише стали;
Неуходившие жида
Его почти не понимали;

1900 Они подумали, что он
Свершил в России преступленье,
Украд казенный миллион,
И — предложили наставленье.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Денежки есть — нет беды,
Денежки есть — нет опасности
(Так говорили жида,
Слог я исправил для ясности).
Вытрите слезы свои,
Преодолейте истерику.
1910 Вы нам продайте пай,
Деньги пошлите в Америку.
Вы рассчитайте людей,

1920

Вы распустите по городу
Слух о болезни своей,
Выкрасьте голову, бороду,
Брови... Оденьтесь тепло.
Вы до Кронштадта на катере,
Вы на корабль... под крыло
К насей финансовой матери¹.
Денежки — добрый товар —
Вы поселяйтесь на жительство,
Где не достанет правительство,
И поживайте как — *царр!*..

З а ц е п и н

Прочь! гнушаюсь ваших уз!..
Проклинаю процветающий,
Всеберущий, всехватающий,
Всеворующий союз!..

1930

Ушли, полны негодованья,
Жиды-банкиры... Леонид
С последним словом увещанья
Перед Зацепиным стоит.

Л е о н и д

1940

Явленье — строго говоря —
Не ново с русскими великими умами:
С Ивана Грозного царя
До переписки Гоголя с друзьями,
Самобичующий протест —
Российских граждан достоянье!
Его, как ржа железо, ест
Душевной немощи сознанье;
Забыта истина одна,
Что рыцарская честь в России невозможна...
Мы искалечены безбожно
И разве наша в том вина?

(Пауза. Оратор всматривается в лицо Зацепы, наблюдая впечатление своей речи. Зацепин закрывает глаза).

¹ Англия.

Русской души не понять иноверцу...

Пусть он бичует себя, господа!

Дайте излиться прекрасному сердцу!

Нет в покаянии стыда.

Что за нелепость — крестьянин не сеченый?

Нечем тут хвастать, а лучше молчать:

1950 Темные пятна души изувеченной

Русскому глупо скрывать,

Неисчислимы орудья клеймящие!

Если кого не коснулись они,

Это — не Руси сыны настоящие,

Это — уроды! Куда ни взгляни,

Всё под гребенку подстрижено,

Сбито с прямого пути,

Неотразимо обижено...

Где же спасенье найти?

1960 Где? «В миллионах!» так жизнь подсказала,

Гений достигнуть помог...

Горе одно: он убить идеала

В сердце прекрасном не мог...

О, роковая судеб неизбежность!

В практике — строгий делец,

Голубь в душе — благородство и нежность!..

Вот его драма... Уснул, наконец...

(Пауза. Оратор снова всматривается в лицо Зацепы, сидящего с закрытыми глазами, и продолжает более развязным тоном).

Уж лучше бить, чем битым быть,

Уж лучше есть арбузы, чем солому...

1970 Сознал ты эту аксиому?

Так, стало, не о чем тужить!

Знай свой шесток и дань плати культуре!

На Западе — Мишле, Эдгар Кине,

Овсянников — в родной твоей стране

Явленья — верные натуре!

И то уж хорошо, что выиграл ты бой...

Толпа идет избитою тропой;

Рабы довольны, если сыты,

Но нам даны иные аппетиты...

1980 О господи! удвой желудок мой!

Утрой гортань! учетвери мой разум!

Дай ножницы такие изобрести,

Чтоб целый мир остричь вплотную разом.
Вот русская невыблемая честь!..

(Зацепин кидается к Леониду с кулаками, его удерживают).

К н я з ь И в а н

Дай венгерского старейшего!
Дружно тост провозгласим:
«За философа новейшего!»
Вы — мальчишки перед ним!
Ничего не будет нового,
1900 Если завтра у него
На спине туза бубнового
Мы увидим... ничего!
Но гораздо вероятнее,
Что его карьера ждет
Деликатнее, опрятнее.
Миллионы наживет!

С а в в а

(хлопоча, между тем, около Зацепы, говорит вполголоса).

Опомнись, Гриша! что с тобой?
Себя клеймишь, друзей порочишь,
Нехорошо! Уйди домой
2000 И там беснуйся сколько хочешь.
Или ты выгодным нашел
Пустить молву между врагами,
Что состоянье приобрел
Ты незаконными путями?
Опомнись! У тебя есть сын...
Услышит...

З а ц е п и н

У меня нет сына...

(Бросает Савве телеграмму).

С а в в а *(читает).*

«Сегодня умер Константин.
Так вот разгадка! вот причина!
Недаром он с утра ходил
2010 Угрюм и зол, в хандре глубокой,

Недаром так безумно пил...
Удар, действительно, жестокий!..

Гриша — образчик широких натур —
Смолоду в крайности дерзко бросался,
То миллионов желал самодур,
То в монастырь запереться собирался.
И богомолец и ротмистр лихой,
И хлебосол — предводитель дворянства,
Стал он современем туз откупной —
2020 Эксплуататор народного пьянства.
Откуп решили; герой не хотел
Праздно сидеть на своем капитале
И провалился — по новости дел...
Многие так провалились вначале.
Бывший гусар, зарядив пистолет,
Дерзко на бирже сыграл на остатки —
Вывезло счастье!.. Уверовал свет
В гений Зацепы... Постигнув порядки
Новой эпохи, и он не дремал:
2030 Счастливо, нет ли, на бирже играя,
Давние связи Зацепа скреплял,
Ловко услуги свои предлагая:
Деньги «свободные» взять у друзей
И возратить с дивидендом высоким —
Чудное средство для скрепы связей!
Гриша прослыл финансистом глубоким.
Стали к нему, как ручьи в океан,
Тайные нити успеха стекаться,
Мысль озарила — неси к нему план,
2040 А без Зацепы не смей и соваться...

Слух по столице пронесся один —
Сделано слишком уж дерзкое дело!
Входит к Зацепе единственный сын:
«Правда ли?» «Правда ли?» юноша смело
Сыцлет вопросы — и нет им конца;
Вспыхнула ссора. Зацепа взбесился.
Чтоб не встречать и случайно отца,
Сын непокорный в Москву удалился.
Там он оканчивал курс, голодал,

2050 Письма и деньги отцу возвращая.
Втайне Зацепа о нем тосковал...
Вдруг телеграмма пришла роковая:
«Ранен твой сын». Через сутки письмом
Друг объяснил и причину дуэли:
«*Вором отца обозвали при нем*»...
Черные мысли отцом овладели,
Утром он к сыну поехать хотел,
Но и другая пришла телеграмма...
Как ни крепился старик — не стерпел.
2060 И разыгралась воочию драма...

Князь острил, бурлил Зацепа,
Леонид не уходил,
Он посматривал свирено,
Да с азартом соду пил.
Савва — честь ему и слава! —
«Сядем в горку!» — вдруг сказал.
Стол раскрыт — пошла забава,
Что ни ставка — капитал!
Рассчитал недурно Савва:
2070 И Зацепин к ним подстал.

**КОМУ НА РУСИ
ЖИТЬ ХОРОШО**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

В каком году — рассчитывай,
 В какой земле — угадывай,
 На столбовой дороженьке
 Сошлись семь мужиков:
 Семь временно-обязанных,
 Подтянутой губернии,
 Уезда Терпигорева,
 Пустопорожней волости,
 Из смежных деревень —
 10 Заплатава, Дырявина,
 Разутова, Знобишина,
 Горелова, Неелова,
 Неурожайка тож,
 Сошлись — и заспорили:
 Кому живется весело,
 Вольготно на Руси?

Роман сказал: помещику,
 Демьян сказал: чиновнику,
 Лука сказал: попу.
 20 Купчине толстопузому! —
 Сказали братья Губины,
 Иван и Митродор.
 Старик Пахом потужился
 И молвил, в землю глядячи:
 Вельможному боярину,
 Министру государеву.
 А Пров сказал: царю...

Мужик, что бык: втемяшится
В башку какая блажь,
30 Колом ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всяк на своем стоит!
Такой ли спор затеяли,
Что думают прохожие —
Знать, клад нашли ребятушки
И делят меж собой...
По делу всяк по своему
До полдня вышел из дому:
Тот путь держал до кузницы,
40 Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофия
Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое,
А два братана Губины
Так просто с недоуздочком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
50 Вернуть своей дорогою —
Они рядком идут!
Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале — то скорей,
Идут — перекоряются!
Кричат — не образумятся!
А времечко не ждет.
За спором не заметили,
Как село солнце красное,
60 Как вечер наступил.
Наверно б ночью целую
Так шли — куда, не ведая,
Когда б им баба встречная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «Почтенные!
Куда вы на ночь гляючи
Надумали идти?..»

Възвѣстивъ о себѣ, о своемъ родѣ,

Проще.

Во всемъ роде своемъ рожденъ
Во всемъ роде своемъ рожденъ
Во всемъ роде своемъ рожденъ

Нашъ грамматицъ, Свѣдѣнъ о семъ роде,
Занеже, Псалтирь и свѣдѣнъ
Убо иже роде,
Нашъ грамматицъ, Свѣдѣнъ о семъ роде,
Занеже, Псалтирь и свѣдѣнъ
Убо иже роде,
Нашъ грамматицъ, Свѣдѣнъ о семъ роде,
Занеже, Псалтирь и свѣдѣнъ
Убо иже роде,

Убо иже роде,
Убо иже роде,
Убо иже роде,
Убо иже роде,

Убо иже роде,
Убо иже роде,
Убо иже роде,
Убо иже роде,

Убо иже роде,
Убо иже роде,
Убо иже роде,
Убо иже роде,

Астрографъ Н. А. Некрасова.
Листъ изъ рукописи пролога къ «Кому на Руси жить хорошо».

Спросила, засмеялася,
Хлестнула, ведьма, мерина
70 И укатила вскачь...

— Куда?... — Переглянулись
Тут наши мужики,
Стоят, молчат, потупились...
Уж ночь давно сошла,
Зажглися звезды частые
В высоких небесах,
Всплыл месяц, тени черные
Дорогу перерезали
Ретивым ходакам.
80 Ой тени! тени черные!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Вас только, тени черные,
Нельзя поймать — обнять!

На лес, на путь-дороженьку
Глядел, молчал Пахом,
Глядел — умом раскидывал
И молвил, наконец:

«Ну! леший шутку слазную
90 Над нами подшутил!
Никак ведь мы без малого
Верст тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться
Устали — не дойдем,
Присядем, — делать нечего,
До солнца отдохнем!..»

Свалив беду на лешего,
Под лесом при дороженьке
Уселись мужики.
100 Зажгли костер, сложились,
За водкой двое сбегали,
А прочие покудова
Стаканчик изготовили,
Бересты понадрав.
Приспела скоро водочка,

Приспела и закусочка —
Пируют мужички!
Косушки по три выпили,
Поели — и заспорили
110 Оять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Роман кричит: помещику,
Демьян кричит: чиновнику,
Лука кричит: попу;
Купчине толстопузому, —
Кричат братаны Губины,
Иван и Митродор;
Пахом кричит: светлейшему
Вельможному боярину,
120 Министру государеву,
А Пров кричит: царю!

Забрало пуще прежнего
Задорных мужиков,
Ругательски ругаются,
Немудрено, что вцепятся
Друг другу в волоса...

Гляди — уж и вцепились!
Роман тужит Пахомушку,
Демьян тужит Луку.
130 А два братана Губины
Утюжат Прова дюжего —
И всяк свое кричит!

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать
Упрямых мужиков.
Царю! направо слышится,
Налево отзывается:
140 Попу! попу! попу!
Весь лес переполошился,
С летающими птицами,
Зверями быстроногими

И гадами ползущими,
И стон, и рев, и гул!

Всех прежде заяка серенький
Из кустика соседнего
Вдруг выскочил, как встрепанный,
И наутек пошел!

150 За ним галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, резкий писк.
А тут еще у пеночки
С испугу птенчик крохотный
Из гнездышка упал;
Щебечет, плачет пеночка,
Где птенчик? — не найдет!
Потом кукушка старая
Проснулась и надумала

160 Кому-то куковать;
Раз десять принималася,
Да всякий раз сбивалася
И начинала вновь...
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлеб,
Подавишься ты колосом —
Не будешь куковать! ¹
Слетелися семь филинов,
Любуются побоищем

170 С семи больших дерев,
Хохочут, полуночники!
А их глазищи желтые
Горят, как воску ярого
Четырнадцать свечей!
И ворон, птица умная,
Приспел, сидит на дереве
У самого костра,
Сидит да чорту молится,
Чтоб до смерти ухлопали

180 Которого-нибудь!
Корова с колокольчиком,

---

¹ Кукушка перестает куковать, когда заколосится хлеб («подавившись колосом», говорит народ).

Что с вечера отбилася
От стада, чуть послышала
Людские голоса —
Пришла к костру, устала
Глаза на мужиков,
Шальных речей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

190 Мычит корова глупая,
Пищат галчата малые,
Кричат ребята буйные,
А эхо вторит всем.
Ему одна заботушка
Честных людей поддразнивать,
Пугать ребят и баб!
Никто его не видывал,
А слышать всякий слыхивал,
Без тела — а живет оно,
200 Без языка — кричит!

Сова — замоскворецкая
Княгиня — тут же мычется,
Летает над крестьянами,
Шарахаясь то о землю,
То о кусты крылом...

Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему
Подкралась к мужикам,
Послушала, послушала,
210 И прочь пошла, подумавши:
«И чорт их не поймет!»
И вправду: сами спорщики
Едва ли знали, помнили —
О чем они шумят...

Намяв бока порядочно
Друг другу, образумились
Крестьяне, наконец,
Из лужицы напились,

Умылись, освежились,
220 Сон начал их кренить...

Тем часом птенчик крохотный,
По малу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
К костру подобрался. \

Поймал его Пахомушка,
Поднес к огню, разглядывал
И молвил: «пташка малая,
А поготовок востер!
Дыхну — с ладони скатишься,
230 Чихну — в огонь укаатишься.
Щелкну — мертва покатишься,
А всё ж ты, пташка малая,
Сильнее мужика!
Окрепнут скоро крылышки,
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга малая!
Отдай свои нам крылышки,
Всё царство облетим,
240 Посмотрим, поразведем,
Поспросим — и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?»

— Не надо бы и крылышек,
Кабы нам только хлебушка:
По полупуду в день, —
И так бы мы Русь матушку \

Ногами перемеряли! —
Сказал угрюмый Пров.

250 — Да по ведру бы водочки, \ —
Прибавили охочие:
До водки братья Губины,
Иван и Митродор.

— Да утром бы огурчиков
Соленых по десяточку, —
Шутили мужики.

— А в полдень бы по жбанчику
Холодного кваску.

— А вечером по чайничку
269 Горячего чайку...

Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пеночка
Над ними: всё прослушала
И села у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человеческим голосом
Пахому говорит:

«Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малого
270 Я выкуп дам большой».

— А что ты дашь?

«Дам хлебушка

По полупуду в день,
Дам водки по ведерочку,
Поутру дам огурчиков,
А в полдень квасу кислого,
А вечером чайку!»

— А где, пичуга малая, —
Спросили братья Губины, —
Найдешь вина и хлебушка
280 Ты на семь мужиков?

«Найти — найдете сами вы,
А я, пичуга малая,
Скажу вам, как найти».

— Скажи!

«Идите по лесу,
Против столба тридцатого
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,
Стоят на той поляночке
Две старые сосны,
290 Под этими под соснами
Закопана коробочка.

Добудьте вы ее, —
Коробка та волшебная:
В ней скатерть самобранная,
Когда ни пожелаете,
Накормит, напоит!
Тихонько только молвите:
— *Эй, скатерть самобранная!*
Попотчуй мужиков!

300 По вашему хотению,
По моему велению,
Всё явится тотчас.
Теперь — пустите птенчика!»

— Постой! мы люди бедные,
Идем в дорогу дальнюю, —
Ответил ей Пахом: —
Ты, вижу, птица мудрая,
Уважь — одёжу старую
На нас заворижи!

310 — Чтоб армяки мужицкие
Носились, не спосились! —
Потребовал Роман.

— Чтоб липовые лапотки
Служили, не разбилися, —
Потребовал Демьян.

— Чтоб вошь, блоха паскудная,
В рубахах не плодилася, —
Потребовал Лука.

— Не прели бы онученьки... —
320 Потребовали Губины...

А птичка им в ответ:
«Всё скатерть самобранная
Чинить, стирать, просушивать
Вам будет... Ну, пусти!..»

Раскрыв ладонь широкую,
Пахом птенца пустил.

Пустил — и птенчик крохотный,
По малу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
339 Направился к дуплу.
За ним взвилася пеночка
И налету прибавила:
«Смотрите, чур одно!
Съестного сколько вынесет
Утроба — то и спрашивай,
А водки можно требовать
В день ровно по ведру.
Коли вы больше спросите,
И раз и два — исполнится,
340 По вашему желанию,
А в третий быть беде!»

И улетела пеночка
С своим родимым птенчиком,
А мужики гуськом
К дороге потянулись
Искать столба тридцатого.
Нашли! — Молчком идут
Прямехонько, вернехонько
По лесу, по дремучему,
350 Считают каждый шаг.
И как версту отмеряли,
Увидели поляночку —
Стоят на той поляночке
Две старые сосны...

Крестьяне покопались,
Достали ту коробочку,
Открыли — и нашли
Ту скатерть самобранную!
Нашли и разом вскрикнули:
360 «Эй, скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!»

Глядь — скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,

Горой наклали хлебушка
И спрягались опять.

— А что же нет огурчиков?

— Что нет чайку горячего?

370 — Что нет кваску холодного?

Всё появилось вдруг...

Крестьяне распоясались,
У скатерти уселися,
Пошел тут пир горой!
На радости целуются,
Друг дружке обещаются
Вперед не драться зря,
А с толком дело спорное

380 На чести повести —
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда делу спорному
Решенья не найдут,
Покуда не доведает
Как ни на есть — доподлинно,
Кому живется счастливо,
390 Вольготно на Руси?

Зарок такой поставивши,
Под утро как убитые
Заснули мужики...

Глава I

поп

Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Далеко протянулася,
Песчана и глуха.
По сторонам дороженьки

Идут холмы пологие
С полями, с сенокосами,
А чаще с неудобною,
Заброшенной землей;
10 Стоят деревни старые,
Стоят деревни новые,
У речек, у прудов...
Леса, луга поемные,
Ручьи и реки русские
Весною хороши.
Но вы, поля весенние!
На ваши всходы бедные
Невесело глядеть!
«Недаром в зиму долгую
20 (Толкуют наши странники)
Снег каждый день валил.
Пришла весна — сказался снег!
Он смирен до поры:
У Летит — молчит, лежит — молчит,
Когда умрет, тогда ревет.
Вода — куда ни глянь!
Поля совсем затоплены,
Навоз возить — дороги нет,
А время уж не раннее —
30 Подходит месяц май!»
Нелюбо и на старые,
Больней того на новые
Деревни им глядеть.
Ой, избы, избы новые!
Нарядны вы, да строит вас
Не лишняя копеечка,
А кровная беда!..

С утра встречались странникам
Всё больше люди малые:
40 Свой брат крестьянин-лапотник,
Мастеровые, нищие,
Солдаты, ямщики.
У нищих, у солдатиков
Не спрашивали странники,
Как им — легко ли, трудно ли
Живется на Руси?

Солдаты шилом бреются,
Солдаты дымом греются,
Какое счастье тут?..

50 Уж день клонился к вечеру,
Идут путем-дорогою,
Навстречу едет поп.
Крестьяне сняли шапочки,
Низенько поклонились,
Повыстроились в ряд
И мерину саврасому
Загородили путь.
Священник поднял голову,
Глядел, глазами спрашивал:
60 Чего они хотят?

— Небось! мы не грабители! —
Сказал попу Лука.
(Лука — мужик присадистый
С широкой бородищею,
Упрям, речист и глуп.
Лука похож на мельницу:
Одним не птица мельница,
Что как ни машет крыльями,
Небось, не полетит).

70 — Мы мужики степенные,
Из временно-обязанных,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Окольных деревень,
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова,
Неурожайка-тож.
Идем по делу важному:
80 У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово верное

На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По совести, по разуму,
По правде отвечать,
90 Не то с своей заботушкой
К другому мы пойдём...

«Даю вам слово верное:
Коли вы дело спросите,
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно отвечать,
Аминь!..»

— Спасибо. Слушай же!

Идя путем-дорогою,
Сошлись мы незначай,
100 Сошлись и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
А я сказал: попу.
Купчине толстопузому,
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
110 Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...
Мужик, что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь: как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши — повздорили,
Повздоривши — подрались,
120 Подравшись — одумали:
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,

Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведем
Как ни на есть — доподлинно:
130 Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?
Скажи ж ты нам по-божески:
Сладка ли жизнь поповская?
Ты как — вольготно, счастливо
Живешь, честной отец?..

Потутился, задумался,
В тележке сидя, поп
И молвил: «Православные!
Роптать на бога грех,
140 Несу мой крест с терпением,
Живу... а как? Послушайте!
Скажу вам правду истину,
А вы крестьянским разумом
Смекайте!»

— Начинай!

«В чем счастье по-вашему?
Покой, богатство, честь —
Не так ли, други милые?»

Они сказали: так...

«Теперь посмотрим, братия,
150 Каков попу *покой*?
Начать, признаться, надо бы
Почти с рожденья самого,
Как достается грамота
Поповскому сынку,
Какой ценой поповичем
Священство покупается,
Да лучше помолчим!
.....
.....

160 Дороги наши трудные,
Приход у нас большой.
Болящий, умирающий,
Рождающийся в мир
Не избирают времени:
В жнитво и в сенокос,
В глухую ночь осеннюю,
Зимой, в морозы лютые
И в половодье вешнее
Иди — куда зовут!
170 Идешь безотговорочно.
И пусть бы только косточки
Ломались одни,
Нет! всякий раз намается,
Переболит душа.
Не верьте, православные,
Привычке есть предел:
Нет сердца, выносящего
Без некоего трепета
Предемертное хрипение,
180 Надгробное рыдание.
Сиротскую печаль!
Аминь!.. Теперь подумайте,
Каков попу покой?..»

Крестьяне мало думали,
Дав отдохнуть священнику,
Они с поклоном молвили:
— Что скажешь нам еще?

«Теперь посмотрим, братня,
Каков попу почет?
190 Задача щекотливая,
Не прогневить бы вас?..

Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребьячьей?
Чур! отвечать на спрос!»
Крестьяне позамялися,
Молчат — и поп молчит...

«С кем встречи вы боитесь,
Идя путем-дорогою?
200 Чур! отвечать на спрос!» .

Крехтят, переминаются,
Молчат!

«О ком слагаете
Вы сказки балагурные
И песни непристойные,
И всякую хулу?..

Мать попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого —
Как чувствуете вы?

210 Кому вдогон, злорадствуя,
Кричите: го-го-го?..»

Потупились ребятушки,
Молчат — и поп молчит...
Крестьяне думу думали,
А поп широкой шляпою
В лицо себе помахивал
Да на небо глядел.
Весной, что внуки малые,
С румяным солнцем дедушкой
220 Играют облака:
Вот правая сторонюшка
Одной сплошною тучею
Покрылась — ватуманилась,
Стемнела и заплакала:
Рядами нити серые
Повисли до земли.
А ближе, над крестьянами,
Из небольших, разорванных,
Веселых облачков
230 Смеется солнце красное,
Как девка из снопов.
Но туча передвинулась,
Поп шляпой накрывается,

Быть сильному дождю.
А правая сторонушка
Уже светла и радостна,
Там дождь перестает.
Не дождь, там чудо божие:
Там с золотыми нитками
240 Развешаны мотки...

«Не сами... по родителям
Мы так-то»... — братья Губины
Сказали наконец.
И прочие поддакнули:
«Не сами, по родителям!»
А поп сказал: «Аминь!
Простите, православные!
Не в осужденье ближнего,
А по желанью вашему
250 Я правду вам сказал.
Таков почет священнику
В крестьянстве. А помещики...»

— Ты мимо их, помещиков!
Известны нам они!

«Теперь посмотрим, братия,
Откудова *богачество*
Поповское идет?..
Во время педалекое
Империя российская
260 Дворянскими усадьбами
Была полным-полна.
И жили там помещики,
Владельцы именитые,
Каких теперь уж нет!
Плодились и множились
И нам давали жить.
Что свадеб там игралось,
Что деток нарождалось
На даровых хлебах!
270 Хоть часто крутонравные,
Однако доброхотные
То были господа,
Прихода не чуждались:

У нас они венчались,
У нас крестили детушек,
К нам приходили каяться,
Мы отпевали их.
А если и случалось,
Что жил помещик в городе,
250 Так умирать наверное
В деревню приезжал.
Коли умрет нечаянно,
И тут накажет накрепко
В приходе схоронить.
Глядишь, ко храму сельскому
На колеснице траурной
В шесть лошадей наследники
Покойника везут —
Попу поправка добрая,
290 Мирянам праздник праздником...
А ныне уж не то!
Как племя иудейское
Рассеялись помещики
По дальней чужеземщине
И по Руси родной.
Теперь уж не до гордости
Лежать в родном владении
Рядком с отцами, с дедами,
Да и владенья многие
300 Барышникам пошли.
Ой, холеные косточки
Российские, дворянские!
Где вы не позакопаны?
В какой земле вас нет?

Потом статья... раскольники...
Не грешен, не живился я
С раскольников ничем.
По счастью, нужды не было:
В моем приходе числится
310 Живущих в православии
Две трети прихожан.
А есть такие волости,
Где сплошь почти раскольники,
Так тут как быть попу?

Всё в мире переменчиво,
 Прейдет и самый мир...
 Законы, прежде строгие
 К раскольникам, смягчились,
 А с ними и поповскому
 320 Доходу мат пришел.
 Перевелись помещики,
 В усадьбах не живут они
 И умирать на старости
 Уже не едут к нам.
 Богатые помещицы,
 Старушки богомерлые,
 Которые повымерли,
 Которые пристроились
 Вблизи монастырей.
 330 Никто теперь подрясника
 Попу не подарит!
 Никто не вышьет воздухов...
 Живи с одних крестьян,
 Сбирай мирские гривенки
 Да пироги по праздникам,
 Да яйца о святой.
 Крестьянин сам нуждается
 И рад бы дал, да нечего...

А то еще не всякому
 340 И мил крестьянский грош.
 Угоды наши скудные,
 Пески, болота, мхи,
 Скотинка ходит вироголодь,
 Родится хлеб сам-друг,
 А если и раздобрится
 Сыра земля-кормилица,
 Так новая беда:
 Деваться с хлебом некуда!
 Припрет нужда, продашь его
 350 За сущую безделицу,
 А там — неурожай!
 Тогда плати в три-дорога,
 Скотинку продавай.
 Молитесь, православные!
 Грозит беда великая

И в нынешнем году:
Зима стояла лютая,
Весна стоит дождливая,
Давно бы сеять надобно,
360 А на полях — вода!
Умилосердись, господи!
Пошли крутую радугу
На наши небеса! ¹
(Сняв шляпу, пастырь крестится
И слушатели тож).

Деревни наши бедные,
А в них крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
370 Рабыни, богомолицы
И труженицы вечные,
Господь прибавь им сил!
С таких трудов копейками
Живиться тяжело!
Случается, к недужному
Придешь: не умирающий,
Страшна семья крестьянская
В тот час, как ей приходится
Кормильца потерять!
380 Напутствуешь усопшего
И поддержать в оставшихся
По мере сил стараешься
Дух бодр! А тут к тебе
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется с костлявою,
Мозолистой рукой.
Душа переверотится,
Как звякнут в этой рученьке
Два медных пятака!
390 Конечно, дело чистое —
За требу воздаяние
Не брать — так нечем жить,
Да слово утешения
Замрет на языке,

---

¹ Крутая радуга — к вёдру; пологая — к дождю.

И словно как обиженный,
Уйдешь домой... Аминь...»

Покончил речь — и мерина
Хлестнул легонько поп.
Крестьяне расступились,
400 Низенько поклонились,
Конь медленно побрел.
А шестеро товарищией,
Как будто стоварищией,
Накинулись с упреками,
С отборной крупной руганью
На бедного Луку.

— Что, взял? башка упрямая!
Дубина деревенская!
Туда же лезет в спор!
410 Дворяне колокольные —
Попы живут по-княжески.
Идут под небо самое
Поповы терема,
Гудит попова вотчина —
Колокола горластые —
На целый божий мир.
Три года я, робятушки,
Жил у попа в работниках,
Малина — не житье!
420 Попова каша — с маслицом,
Попов пирог — с начинкою,
Поповы щи — с сметком!
Жена попова толстая,
Попова дочка белая,
Попова лошадь жирная,
Пчела попова сытая,
Как колокол гудет!
Ну, вот тебе хваленое,
Поповское житье!
430 Чего орал, куражился?
На драку лез, анафема?
Не тем ли думал взять,
Что борода лопатую?

Так с бородой козел
Гулял по свету ранее,
Чем праотец Адам,
А дураком считается
И по сей час козел!..

Лука стоял, помалчивал,
440 Боялся, не наклали бы
Товарищи в бока.
Оно быть так и случилось,
Да к счастью крестьянина
Дорога позагнулася —
Лицо попово строгое
Явилось на бугре...

√ Глава II СЕЛЬСКАЯ ЯРМОНКА

Недаром наши странники
Поругивали мокрую,
Холодную весну.
Весна нужна крестьянину
И ранняя и дружная,
А тут — хоть волком вой!
Не греет землю солнышко,
И облака дождливые,
Как дойные коровушки,
10 Идут по небесам.
Согнало снег, а зелени
Ни травки, ни листа!
Вода не убирается,
Земля не одевается
Зеленым ярким бархатом
И, как мертвец без савана,
Лежит под небом пасмурным
Печальна и нага.

Жаль бедного крестьянина,
20 А пуще жаль скотинушку;
Скормив запасы скудные,
Хозяин хворостиною
Прогнал ее в луга,

А что там взять? Чернехонько!
Лишь на Николу вешнего
Погода поуставилась,
Зеленой свежей травушкой
Полакомился скот.

День жаркий. Под березками
30 Крестьяне пробираются,
Гуторят меж собой:
«Идем одной деревнею,
Идем другой — пустехонько!
А день сегодня праздничный.
Куда пропал народ?..»
Идут селом — на улице
Одни ребята малые,
В домах — старухи старые,
А то и вовсе заперты —
40 Калитки на замок.
Замок — собачка верная:
Не лает, не кусается,
А не пускает в дом!

Прошли село, увидели
В зеленой раме зеркало:
С краями полный пруд.
Над прудом реют ласточки;
Какие-то комарики,
Проворные и тощие,
50 Вприпрыжку, словно по суху,
Гуляют по воде.
По берегам, в раkitнике,
Коростели скрыпят.
На длинном, шатком плотике
С вальком поповна толстая
Стоит, как стог подщипанный,
Подтыкавши подол.
На этом же на плотике
Спит уточка с утятами...
60 Чу! лошадиный храп!
Крестьяне разом глянули
И над водой увидели

Две головы: мужицкую,
Курчавую и смуглую,
С серьгой (мигало солнышко
На белой той серьге),
Другую — лошадиную
С веревкой сажен в пять.
Мужик берет веревку в рот,
70 Мужик плывет — и конь плывет,
Мужик заржал — и конь заржал.
Плывут, орут! Под бабою,
Под малыми утятами
Плот ходит ходенем.

Догнал коня — за холку хватя!
Векочил и на луг выехал
Детина: тело белое,
А шея, как смола;
Вода ручьями катится
80 С коня и седока.

— А что у вас в селении
Ни старого, ни малого,
Как вымер весь народ?
«Ушли в село Кузьминское,
Сегодня там и ярмонка
И праздник храмовой».
— А далеко Кузьминское?

«Да будет версты три».

— Пойдем в село Кузьминское.
90 Посмотрим праздник-ярмонку! —
Решили мужики,
А про себя подумали:
Не там ли он скрывается,
Кто счастливо живет?..

Кузьминское богатое,
А пуще того — грязное
Торговое село.
По косогору тянется,
Потом в овраг спускается,...

- 100 А там опять на горочку —
Как грязи тут не быть?
Две церкви в нем старинные,
Одна старообрядская,
Другая православная,
Дом с надписью: училище,
Пустой, забитый наглухо,
Изба в одно окошечко,
С изображеньем фельдшера,
Пускающего кровь.
- 110 Есть грязная гостиница,
Украшенная вывеской
(С большим носатым чайником
Поднос в руках подносчика,
И маленькими чашками,
Как гусыня гусятами,
Тот чайник окружен).
Есть лавки постоянные
В подобие уездного
Гостиного двора...
- 120 Пришли на площадь странники:
Товару много всякого
И видимо-невидимо
Народу! Не потеха ли?
Кажись, нет ходу крестного,
А словно пред иконами
Без шапок мужики.
Такая уж сторонушка!
Гляди, куда деваются
Крестьянские шлыки:
- 130 Помимо складу винного,
Харчевни, ресторации,
Десятка штэфных лавочек,
Трех постоянных двориков
Да «ренского погреба»
Да пары кабаков,
Одиннадцать кабачников
Для праздника поставили
Палатки на селе.
При каждой пять подносчиков;
- 140 Подносчики — молодчики,

Наметанные, дошлые,
А всё им не поспеть,
Со сдачей не управиться!
Гляди, что протянулося
Крестьянских рук, со шляпами
С платками, с рукавицами.
Ой, жажда православная,
Куда ты велика!
Лишь окатить бы душеньку,
150 А там добудут шапочки,
Как отойдет базар.

По пьяным по головушкам
Играет солнце вешнее.
Хмельно, горласто, празднично,
Пестро, красно кругом!
Штаны на парнях плисовы,
Жилетки полосатые,
Рубахи всех цветов;
На бабах платья красные,
160 У девок косы с лентами,
Лебедками плывут!
А есть еще затейницы,
Одеты по столичному —
И ширится, и дуется
Подол на обручах!
Заступишь — расфуфырятся!
Вольно же, новомодницы,
Вам снасти рыболовные
Под юбками носить!
170 На баб нарядных гляючи,
Старообрядка злющая
Товарке говорит:
«Быть голоду! быть голоду!
Дивись, что всходы вымокли,
Что половодье вешнее
Стоит до Петрова!
С тех пор, как бабы начали
Рядиться в ситцы красные, —
Леса не поднимаются,
180 А хлеба хоть не сей!»

— Да чем же ситцы красные
Тут провинились, матушка?
Ума не приложу!

«А ситцы те французские —
Собачьей кровью крашены!
Ну... поняла теперь?..»

По конной потолкались,
По взгорью, где навалены
Косули, грабли, бороны,
190 Багры, станки тележные,
Ободья, топоры.
Там шла торговля бойкая,
С божбою, с прибаутками,
С здоровым, громким хохотом.
И как не хохотать?
Мужик какой-то крохотный
Ходил, ободья пробовал:
Погнул один — не нравится,
Погнул другой, потужился,
200 А обод как распрямится —
Шелк по лбу мужика!
Мужик ревет над ободом,
«Вязовою дубиною»
Ругает драчуна.
Другой приехал с разною
Поделкой деревянною —
И вывалил весь воз!
Пьяненок! Ось сломалася,
А стал ее уделывать —
210 Топор сломал! Раздумался
Мужик над топором,
Бранит его, корит его,
Как будто дело делает:
«Подлец ты, не топор!
Пустую службу, плевую
И ту не сослужил.
Всю жизнь свою ты кланялся,
А ласков не бывал!»

Пошли по лавкам странники:
 220 Любуются платочками,
 Ивановскими ситцами,
 Шлеями, новой обувью,
 Издельем кимряков.
 У той сапожной лавочки
 Опять смеются странники:
 Тут бапмаки козловые
 Дед внучке торговал,
 Пять раз про цену спрашивал,
 Вертел в руках, оглядывал:
 230 Товар первейший сорт!
 — Ну, дядя! два двугривенных
 Плати, не то проваливай! —
 Сказал ему купец.
 «А ты постой!» Любуется
 Старик ботинкой крохотной,
 Такую держит речь:
 «Мне зять — плевать, и дочь смолчит,
 Жена — плевать, пускай ворчит!
 А внучку жаль! Повесилась
 240 На шею, егоза:
 Купи гостинчик, дедушка,
 Купи! — Головкой шелковой
 Лицо щекочет, ластится,
 Целует старика.
 Постой, ползунья босая!
 Постой, юла! Козловые
 Ботиночки куплю...
 Расхвастался Вавилушка;
 И старому и малому
 250 Подарков насулил,
 А пропился до грошика!
 Как я глаза бесстыжие
 Домашним покажу?..
 Мне зять — плевать, и дочь смолчит,
 Жена — плевать, пускай ворчит!
 А внучку жаль!..» Пошел опять
 Про внучку! Убивается!..
 Народ собрался, слушает,
 Не смеючись, жалеючи;

- 260 Случись, работой, хлебушком
Ему бы помогли,
А вынуть два двугривенных,
Так сам ни с чем останешься.
Да был тут человек,
Павлуша Веретенников.
(Какого роду-звания,
Не знали мужики,
Однако звали «баринном».
Горазд он был балясничать,
- 270 Носил рубаху красную,
Поддевичку суконную,
Смазные сапоги;
Пел складно песни русские
И слушать их любил.
Его видали многие
На постоянных двориках,
В харчевнях, в кабаках).
Так он Вавилу выручил —
Купил ему ботиночки.
- 280 Вавило их схватил
И был таков! — На радости
Спасибо даже барину
Забыл сказать старик,
Зато крестьяне прочие
Так были разутешены,
Так рады, словно каждого
Он подарил рублем!
- Была тут также лавочка
С картинами и книгами,
- 290 Офени запасались
Своим товаром в ней.
— А генералов надобно? —
Спросил их купчик-выжига.
«И генералов дай!
Да только ты по совести,
Чтоб были настоящие —
Потолще, погрозней».
- Чудные! как вы смотрите! —
Сказал купец с усмешкою, —
- 300 Тут дело не в комплекции...

«А в чем же? шутишь, друг!
Дрянь, что ли, сбить желательню,
А мы куда с ней денемся?
Шалишь! Перед крестьянином
Все генералы равные,
Как шишки на ели:
Чтобы продать невзрачного,
Попасть на доку надобно,
А толстого да грозного
310 Я всякому всучу...
Давай больших осанистых,
Грудь с гору, глаз навывкате,
Да чтобы больше звезд!»

— А статских не желаете?
«Ну, вот еще со статскими!»
(Однако взяли — дешево! —
Какого-то сановника
За брюхо с бочку винную
И за семнадцать звезд).
320 Купец — со всем почтением,
Что любо, тем и потчует
(С Лубянки — первый вор!);
Спустил по сотне Блюхера,
Архимандрита Фотия,
Разбойника Сипко,
Сбыл книги: «шут Балакирев»
И «Английский милорд»...
Легли в коробку книжечки,
Пошли гулять портретики
330 По царству всероссийскому,
Покамест не пристроятся
В крестьянской летней горенке,
На невысокой стеночке...
Чорт знает для чего!

Эх! эх! придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?

- 340 Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?
Ой, люди, люди русские!
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великие,
Носили их, прославили
- 350 Заступники народные!
Вот вам бы их портретки
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать...

«И рад бы в рай, да дверь-то где?» —
Такая речь врывается
В лавчонку неожиданно.
— Тебе какую дверь?
«Да в балаган. Чу! музыка!..»
— Пойдем, я укажу!

- 360 Про балаган прослышавши,
Пошли и наши странники
Послушать, поглазеть.

Комедию с Петрушкою,
С козою с барабанщицей
И не с простой шарманкою,
А с настоящей музыкой
Смотрели тут они.
Комедия немудрая,
Однако и неглупая,

370 Хожалому, квартальному
Не в бровь, а прямо в глаз!
Шалаш полным полнехонек,
Народ орешки щелкает,
А то два-три крестьянина
Словечком перекинутся —
Гляди, явилась водочка:
Посмотрят да попьют!

Хохочут, утешаются
И часто в речь Петрушкину
380 Вставляют слово меткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!
Такие есть любители —
Как кончится комедия,
За ширмочки пойдут,
Целуются, братаются,
Гуторят с музыкантами:
— Откуда, молодцы?
«А были мы господские,
390 Играли на помещика,
Теперь мы люди вольные,
Кто поднесет-попотчует,
Тот нам и господин!»

— И дело, други милые,
Довольно бар вы тешили,
Потешьте мужиков!
Эй! малой! сладкой водочки!
Наливки! чаю! полпива!
Цимлянского — живей!..

400 И море разливанное
Пойдет, щедрее барского
Ребяток угостят.

—
Не ветры веют буйные,
Не мать-земля колышется—
Шумит, поет, ругается,
Качается, валяется,
Дерется и целуется
У праздника народ!
Крестьянам показалось,
410 Как вышли на пригорочек,
Что всё село шатается,
Что даже церковь старую
С высокой колокольнею
Шатнуло раз-другой!—

Тут трезвому, что голому
Неловко... Наши странники
Прошлись еще по площади
И к вечеру покинули
Бурливое село...

Глава III

√ пьяная ночь

Не ригой, не амбарами,
Не кабаком, не мельницей,
Как часто на Руси,
Село кончалось низеньким
Бревенчатым строением
С железными решетками
В окошках небольших.
За тем этапным зданием
Широкая дороженька,
¹⁰ Березками обставлена,
Открылась тут как тут.
По будням малолюдная,
Печальная и тихая,
Не та она теперь!

По всей по той дороженьке
И по окольным тропочкам,
Докуда глаз хватал,
Ползли, лежали, ехали,
Барахтались пьяные,
²⁰ И стоном стон стоял!

Скрыпят телеги грузные,
И как телячьи головы,
Качаются, мотаются
Победные головушки
Уснувших мужиков!

Народ идет — и падает,
Как будто из-за валиков
Картечью неприятели
Палят по мужикам!

Ночь тихая спускается,
Уж вышла в небо темное
Луна, уж пишет грамоту
Господь червонным золотом
По синему по бархату,
Ту грамоту мудреную,
Которой ни разумникам,
Ни глупым не прочесть.

Дорога стоголосая
Гудит! Что море синее,
Смолкает, подымается
Народная молва.

«А мы полтинник писарю:
Прошение изготовили
К начальнику губернии...»

— Эй! с возу куль упал!

«Куда же ты, Оленушка?
Постой! еще дам пряничка,
Ты, как блоха проворная,
Наелась — и упрыгнула,
⁵⁰ Погладить не далась!»
— Добра ты, царска грамота,
Да не при нас ты писана...

«Посторонись народ!»
(Акцизные чиновники
С бубенчиками, с бляхами
С базара пронеслись.)

— А я к тому тепереча:
И веник дрянь, Иван Ильич,
А погуляет по полу,
⁶⁰ Куда как напылит!

«Избави бог, Парашенька,
Ты в Питер не ходи!
Такие есть чиновники,
Ты день у них кухаркою,
А ночь у них сударкою —
Так это наплевать!»

— Куда ты скачешь, Саввушка? —
(Кричит священник сотскому
Верхом, с казенной бляхою.)

⁷⁰ «В Кузьминское скачу
За становым. Оказия:
Там впереди крестьянина
Убили... — Эх!.. грехи!..»

— Худа ты стала, Дарьюшка!
«Не веретенце, друг!
Вот то, чем больше вертится,
Пузатее становится,
А я как день-деньской!..»

«Эй, парень, парень глупенькой,
⁸⁰ Оборванной, паршивенькой,
Эй, полюби меня!
Меня, простоволосую,
Хмельную бабу, старую,
Зааа-паааа-чканую!..»

Крестьяне наши трезвые,
Поглядывая, слушая,
Идут своим путем.

Средь самой средь дороженьки
Какой-то парень тихонький
⁹⁰ Большую яму выкопал:
— Что делаешь ты тут?
«А хороню я матушку!»
— Дурак! какая матушка!
Гляди: подлевку новую
Ты в землю закопал!
Иди скорей, да хрюкалом
В канаву ляг, воды испей!
Авось соскочит дурь!

«А ну, давай потянемся!»

¹⁰⁰ Садятся два крестьянина,
Ногами упираются,
И жилиятся и тужатся,

Кряхтят — на скалке тянутся,
Суставчики трещат!
На скалке не понравилось:
«Давай теперь попробуем
Тянуться бородой!»
Когда порядком бороды
Друг дружке поубавили,
110 Вцепились за скулы!
Пыхтят, краснеют, корчатся,
Мычат, визжат, а тянутся!
«Да будет вам, проклятые!»
Не разольешь водой!

В канаве бабы ссорятся,
Одна кричит: «домой идти
Тошнее, чем на каторгу!»
Другая: «врешь, в моем дому
Похуже твоего!»
120 Мне старший зять ребро сломал,
Средний зять клубок украл,
Клубок плевков, да дело в том —
Полтинник был замотан в нем,
А младший зять всё нож берет,
Того гляди убьет, убьет!..»

«Ну, полно, полно, миленькой!
Ну, не сердись!» За валиком
Неподалеку слышится:
«Я ничего... пойдём!»
130 Такая ночь бедовая!
Направо ли, налево ли
С дороги поглядишь:
Идут друженько парочки,
Не к той ли роще правятся?
Та роща манит всякого,
В той роще голосистые
Соловухи поют...

Дорога многолюдная
Что позже — безобразнее:
140 Всё чаще попадают
Избитые, ползущие,
Лежащие пластом.

Без ругани, как водится,
Словечко не промолвится,
Шальная, непотребная,
Слышней всего она!
У кабаков смятение,
Подводы перепутались,
Испуганные лошади
150 Без седоков бегут;
Тут плачут дети малые,
Тоскуют жены, матери:
Легко ли из питейного
Дозваться мужиков?..

У столбика дорожного
Знакомый голос слышится,
Подходят наши странники
И видят: Веретенников
(Что башмачки козловые
160 Вавиле подарил)
Беседует с крестьянами.
Крестьяне открываются
Миляге по душе:
Похвалит Павел песенку —
Пять раз споют, записывай!
Понравится пословица —
Пословицу пиши!
Позаписав достаточно,
Сказал им Веретенников:
170 «Умны крестьяне русские,
Одно нехорошо,
Что пьют до одурения,
Во рвы, в канавы валяются —
Обидно поглядеть!»

Крестьяне речь ту слушали,
Поддакивали барину.
Павлуша что-то в книжечку
Хотел уже писать,
Да выискался пьяненький
180 Мужик, — он против барина
На животе лежал,

В глаза ему поглядывал,
 Помалчивал, — да вдруг
 Как вскочит! Прямо к барину —
 Хвать карандаш из рук!
 «Постой, башка порожняя!
 Шальных вестей, бессовестных
 Про нас не разноси!
 Чему ты позавидовал!
 190 Что веселится бедная
 Крестьянская душа?
 Пьем много мы по времени,
 А больше мы работаем,
 Нас пьяных много видится,
 А больше трезвых нас.
 По деревням ты хаживал?
 Возьмем ведерко с водкою,
 Пойдем-ка по избам:
 В одной, в другой навалятся,
 200 А в третьей не притронутся —
 У нас на семью пьющую
 Непьющая семья!
 Не пьют, а так же маются,
 Уж лучше б пили, глупые,
 Да совесть такова...
 Чудно смотреть, как ввалится
 В такую избу трезвую
 Мужичья беда,
 И не глядел бы!.. Видывал
 210 В страду деревни русские?
 В питейном, что ль, народ?
 У нас поля обширные,
 А не гораздо щедрые,
 Скажи-ка, чьей рукой
 С весны они оденутся,
 А осенью разденутся?
 Встречал ты мужика
 После работы вечером?
 На пожне гору добрую
 220 Поставил, съел с горошину:
 — Эй! богатырь! соломинкой
 Сшибу, посторонись! —

Сладка еда крестьянская,
Весь век пила железная
Жует, а есть не ест!
Да брюхо-то не зеркало,
Мы на еду не плачемся...
Работаешь один,
А чуть работа кончена,
230 Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!
А есть еще губитель-тать
Четвертый, злей татарина,
Так тот и не поделится,
Всё слопаёт один!
У нас пристал третьеводни
Такой же барин плохонькой,
Как ты, из-под Москвы.
Записывает песенки,
240 Скажи ему пословицу,
Загадку загани.
А был другой — допытывал,
На сколько в день сработаешь
По малу ли, по многу ли
Кусков пихаешь в рот?
Иной угоды меряет,
Иной в селеньи жителей
По пальцам перечтет,
А вот не сосчитали же,
250 По скольку в лето каждое
Пожар пускает на ветер
Крестьянского труда?..

Нет меры хмелю русскому.
А горе наше меряли?
Работе мера есть?
Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит?
Мужик беды не меряет,
260 Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужик, трудясь, не думает,
Что силы надорвет,

Так неужли над чаркою
Задуматься, что с лишнего.
В канаву угодишь?
А что глядеть вазорно вам,
Как пьяные валяются,
Так погляди поди,
270 Как из болота волоком
Крестьяне сено мокрое,
Скосивши, волокут:
Где не пробраться лошади,
Где и без ноши пешему
Опасно перейти,
Там рать-орда крестьянская
По кочам, по зажоринам
Ползком-ползет с плетюхами, —
Трещит крестьянский пуп!

280 Под солнышком без шалочек,
В поту, в грязи по макушку,
Осокою изрезаны,
Болотным гадом-мошкой
Изъеденные в кровь, —
Небось мы тут красивее?

Жалеть — желей умеючи,
На мерочку господскую
Крестьянина не мерь!
Не белоручки нежные,
290 А люди мы великие
В работе и в гульбе!..

У каждого крестьянина
Душа что туча черная —
Гневна, грозна, — и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям,
А всё вином кончается.
Пошла по жилам чарочка,
И рассмеялась добрая
300 Крестьянская душа!
Не горевать тут надобно,

Гляди кругом, — возрадуйся!
Ай парни, ай молодушки,
Умеют погулять!
Повымахали косточки,
Повымотали душеньку,
А удаль молодецкую
Про случай сберегли!..»

Мужик стоял на валике,
310 Притопывал лаптишками
И, помолчав минуточку,
Прибавил громким голосом,
Любуясь на веселую,
Ревущую толпу:
«Эй! царство ты мужицкое,
Бешапочное, пьяное,
Шуми — вольней шуми!..»

— Как звать тебя, старинушка?

«А что? запишешь в книжечку?
320 Пожалуй, нужды нет!
Пиши: *«В деревне Босове
Яким Нагой живет,
Он до смерти работает,
До полусмерти пьет!..»*

Крестьяне рассмеялись
И рассказали барину,
Каков мужик Яким.

Яким старик убогонький,
Живал когда-то в Питере,
330 Да угодил в тюрьму:
С купцом тягаться вздумалось!
Как липочка ободранный,
Вернулся он на родину
И за соху взялся.
С тех пор лет тридцать жарится
На полосе под солнышком,
Под бороной спасается
От частого дождя,

Живет — с сохою возится,
340 А смерть придет Якимушке —
Как ком земли отвалится,
Что на сохе присох...

С ним случай был: картиночек;
Он сыну закупил,
Развешал их по стеночкам
И сам не меньше мальчика
Любил на них глядеть.
Пришла немилость божия,
Деревня загорелася —
350 А было у Якимушки
За целый век накоплено
Целковых тридцать пять.
Скорей бы взять целковые,
А он сперва картиночки
Стал со стены срывать;
Жена его тем временем
С иконами возилася,
А тут изба и рухнула —
Так оплошал Яким!
360 Слились в комок целковики,
За тот комок дают ему
Одиннадцать рублей...
«Ой, брат Яким! не дешево
Картинки обошлись!
Зато и в избу новую
Повесил их, небось?»

— Повесил — есть и новые, —
Сказал Яким — и смолк.

Вгляделся барин в пахаря:
370 Грудь впалая; как вдавленный
Живот; у глаз, у рта
Излучины, как трещины
На высохшей земле;
И сам на землю матушку
Похож он: шея бурая,
Как пласт, сохой отрезанный,
Кирпичное лицо,

Рука — кора древесная,
А волосы — песок.

380 Крестьяне как заметили,
Что не обидны барину
Якимовы слова,
И сами согласились
С Якимом: «Слово верное:
Нам подобает пить!
Пьем — значит силу чувствуем!
Придет печаль великая,
Как перестанем пить!..
390 Работа не свалила бы,
Беда не одолела бы,
Нас хмель не одолит!
Не так ли?»
«Да, бог милостив!»

— Ну, выпей с нами чарочку!

Достали водки, выпили.
Якиму Веретенников
Два шкалика поднес.

«Ай, барин! не прогневался,
Разумная головушка!
(Сказал ему Яким):
400 Разумной-то головушке
Как не понять крестьянина?
А свиньи ходят по́ земи —
Не видят неба век!..»

Вдруг песня хором грянула
Удалая, согласная:
Десятка три молодчиков,
Хмельненьки, а не валяются,
Идут рядком, поют,
Поют про Волгу матушку,
410 Про удаль молодецкую,
Про девичью красу.
Притихла вся дороженька,
Одна та песня складная

Широко, вольно катится,
Как рожь под ветром стелется,
По сердцу по крестьянскому
Идет огнем-тоской!..

- Под песню ту удалую
Раздумалась, расплакалась
- 420 Молодушка одна:
«Мой век — что день без солнышка,
Мой век — что ночь без месяца,
А я, млада-младешенька,
Что борзый конь на привязи,
Что ласточка без крыл!
Мой старый муж, ревнивый муж
Напился пьян, храпом храпит,
Меня, младу-младешеньку,
И сонный сторожит!»
- 430 Так плакалась молодушка
Да с возу вдруг и спрыгнула!
«Куда?» — кричит ревнивый муж,
Привстал — и бабу за косу,
Как редьку за вихор!

- Ой! ночка, ночка пьяная!
Не светлая, а звездная,
Не жаркая, а с ласковым
Весенним ветерком!
И нашим добрым молодцам
- 440 Ты даром не прошла!
Сгрустнулось им по женушкам,
Оно и правда: с женушкой
Теперь бы веселей!
Иван кричит: «я спать хочу»,
А Марьюшка: «и я с тобой!»
Иван кричит: «постель узка»,
А Марьюшка: «уляжемся!»
Иван кричит: «ой, холодно»,
А Марьюшка: «угреемся!»
- 450 Как вспомнили ту песенку,
Без слова — согласился
Ларец свой попытать.

Одна — зачем, бог ведает,
Меж полем и дорогою
Густая липа выросла.
Под ней присели странники
И осторожно молвили:
«Эй! скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков!»

⁴⁶⁰ И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебushка
И спрятались опять.

Крестьяне подкрепились,
Роман за караульного
Остался у ведра,
А прочие вмешались
⁴⁷⁰ В толпу — искать счастливого:
Им крепко захотелось
Скорей попасть домой...

Г л а в а I V ↓ С Ч А С Т Л И В Ы Е

В толпе горластой, праздничной
Похаживали странники,
Прокликивали клич:
«Эй! нет ли где счастливого?
Явись! Коли окажется,
Что счастливо живешь,
У нас ведро готовое:
Пей даром сколько вздумаешь —
На славу угостим!..»
¹⁰ Таким речам неслыханным
Смеялись люди трезвые,
А пьяные, да умные
Чуть не плевали в бороду
Ретивым крикунам.
Однако и охотников
Хлебнуть вина бесплатного

Достаточно нашлось.
Когда вернулись странники
Под липу, клич прокликавши,
20 Их обступил народ.
Пришел дьячок уволенный,
Тошдой как спичка серная,
И лясы распустил,
Что счастье не в пажитях,
Не в соболях, не в золоте,
Не в дорогих камнях.
— А в чем же?

«В благодушестве!
Пределы есть владениям
Господ, вельмож, царей земных,
30 А мудрого владение —
Весь вертоград христов!
Коль обогреет солнышко,
Да пропущу косушечку,
Так вот и счастлив я!»
— А где возьмешь косушечку?
«Да вы же дать сулилися...»

— Проваливай! шалишы!..

Пришла старуха старая,
Рябая, одноглазая
40 И объявила, кланяясь,
Что счастлива она:
Что у нее по осени
Родилось реп до тысячи
На небольшой гряде.
«Такая репа крупная,
Такая репа вкусная,
А вся гряда — сажени три,
А впоперечь — аршин!»
Над бабой посмеялися,
50 А водки капли не дали:
«Ты дома выпей, старая,
Той репой закуси!»

Пришел солдат с медалями.
Чуть жив, а выпить хочется:
«Я счастлив!» — говорит.

— Ну, открывай, старинушка,
В чем счастье солдатское?
Да не таись, смотри!
«А в том, во-первых, счастье,
60 Что в двадцати сражениях
Я был, а не убит!
А во-вторых, важней того,
Я и во время мирное
Ходил ни сыт, ни голоден,
А смерти не дался!
А в-третьих — за провинности,
Великие и малые,
Нещадно бит я палками,
А хоть пощупай — жив!»

71 — На! выпивай, служивенькой!
С тобой и спорить нечего:
Ты счастлив — слова нет!

Пришел с тяжелым молотом
Каменотес олончанин,
Плечистый, молодой:
«И я живу — не жалуюсь, —
Сказал он: — с женкой, с магушкой
Не знаем мы нужды!»

— Да в чем же ваше счастье?

80 «А вот гляди (и молотом,
Как перышком, махнул):
Коли проснусь до солнышка
Да разогнусь о полночи,
Так гору сокрушу!
Случалось, не похвастаю,
Щебенки наколачивать
В день на пять серебром!»

Пахом приподнял «счастье»
И, крякнувши порядочно,
90 Работнику поднес:

— Ну, веско! а не будет ли
Носиться с этим счастьем
Под старость тяжело?..

- «Смотри, не хвастай силою», —
Сказал мужик с одышкой,
Расслабленный, худой
(Нос вострый, как у мертвого,
Как грабли руки тощие,
Как спицы ноги длинные,
100 Не человек — комар).
«Я был — не хуже каменщик,
Да тоже хвастал силою,
Вот бог и наказал!
Смелнул подрядчик, бестия,
Что простоват детинушка,
Учал меня хвалить,
А я-то сдуру радуюсь,
За четверых работаю!
Однажды ношу добрую
110 Наклад я кирпичей,
А тут его, проклятого,
И нанеси нелегкая:
«Что это? — говорит, —
Не узнаю Трофима я!
Идти с такою ношею
Не стыдно молодцу?»
— А коли мало кажется,
Прибавь рукой хозяйскою! —
Сказал я, осердясь.
120 Ну, с полчаса, я думаю,
Я ждал, а он подкладывал,
И подложил, подлец!
Сам слышу — тяга страшная,
Да не хотелось пятиться.
И внес ту ношу чортову
Я во второй этаж!
Глядит подрядчик, дивится,
Кричит, подлец, отудова:
«Ай, молодец, Трофим!
130 Не знаешь сам, что сделал ты:

Ты снес один по крайности
Четырнадцать пудов!»
Ой, знаю! сердце молотом
Стучит в груди, кровавые
В глазах круги стоят,
Спина как будто треснула...
Дрожат, ослабли ноженьки.
Зачах я с той поры!..
Налей, брат, полстаканчика!»

140 — Налить? Да где ж тут счастье?
Мы потчует счастливого,
А ты что рассказал!

«Дослушай! будет счастье!»

— Да в чем же, говори!

«А вот в чем. Мне на родине,
Как всякому крестьянину,
Хотелось умереть.
Из Питера, расслабленный,
Шальной, почти без памяти

150 Я на машину сел.
Ну, вот мы и поехали.
В вагоне лихорадочных,
Горячечных работничков
Нас много набралось,
Всем одного желалось,
Как мне, попасть на родину,
Чтоб дома помереть.
Однако нужно счастье
И тут: мы летом ехали,
160 В жарнице, в духоте
У многих помутились
Вконец больные головы,
В вагоне ад пошел:
Тот стонет, тот катается,
Как оглашенный, по полу,
Тот бредит женкой, матушкой.
Ну, на ближайшей станции

Такого и долой!
Глядел я на товарищей,
170 Сам весь горел, подумывал —
Несдобровать и мне.
В глазах кружки багровые,
И всё мне, братец, чудится,
Что режу пеунов
(Мы тоже пеунятники,
Случалась в год откармливать
До тысячи зобов).
Где вспомнились, проклятые!
Уж я молиться пробовал,
180 Нет! всё с ума нейдут!
Поверишь ли? вся партия
Передо мной трепещется!
Гортани перерезаны,
Кровь хлещет, а поют!
А я с ножом: «Да полно вам!»
Уж как господь помиловал,
Что я не закричал?
Сижу, креплюсь... по счастью
День кончился, а к вечеру
190 Похолодало, — сжалился
Над сиротами бог!
Ну, так мы и доехали,
И я добрел на родину,
А здесь, по божьей милости,
И легче стало мне...»

— Чего вы тут расхвастались
Своим мужицким счастьем? —
Кричит, разбитый на ноги,
Дворовый человек. —
200 А вы меня попотчуйте:
Я счастлив, видит бог!
У первого боярина,
У князя Переметьева
Я был любимый раб.
Жена — раба любимая,
А дочка вместе с барышней
Училась и французскому
И всяким языкам,

Садиться позволялось ей
210 В присутствии княжны...
Ой! как кольнуло!.. батюшки!..
(И начал ногу правую
Ладонями тереть).
Крестьяне рассмеялся.
— Чего смеетесь, глупые, —
Озлившись неожиданно
Дворовый закричал: —
Я болен, а сказать ли вам,
О чем молюсь я господу,
220 Вставая и ложась?
Молюсь: «Оставь мне, господи,
Болезнь мою почетную,
По ней я дворянин!»
Не вашей подлой хворостью,
Не хрипотой, не грыжею —
Болезнью благородною,
Какая только водится
У первых лиц в империи,
Я болен, мужичье!
230 По-да-грой именуется!
Чтоб получить ее —
Шампанское, бургонское,
Токайское, венгерское
Лет тридцать надо пить...
За стулом у светлейшего
У князя Переметьева
Я сорок лет стоял,
С французским лучшим трюфелем
Тарелки я лизал,
240 Напитки иностранные
Из рюмок допивал...
Ну, наливай!
«Проваливай!
У нас вино мужицкое,
Простое, не заморское —
Не по твоим губам!»

Желтоволосый, сгорбленный,
Подкрался робко к странникам
Крестьянин-белорусс,

Туда же к водке тянется:
250 «Налей и мне маненичко,
Я счастлив!» — говорит.

— А ты не лезь с ручищами!
Докладывай, доказывай
Сперва, чем счастлив ты?

«А счастье наше — в хлебушке:
Я дома в Белоруссии
С мякиною, с кострикою
Ячменный хлеб жевал,
Бывало, вопишь голосом,
260 Как роженица корчишься,
Как схватит животы.
А ныне, милость божия! —
Досыта у Губонина
Дают ржаного хлебушка,
Жую — не нажуюсь!»

Пришел какой-то пасмурный
Мужик с скулой свороченной,
Направо всё глядит:
«Хожу я за медведями,
270 И счастье мне великое:
Троих моих товарищей
Сломали мишуки,
А я живу, бог милостив!»

— А ну-ка влево глянь!

Не глянул, как ни пробовал,
Какие рожи страшные
Ни корчил мужичек:
«Свернула мне медведица
Маненичко скулу!»
280 — А ты с другой померяйся,
Подставь ей щеку правую —
Поправит... — Посмеялися,
Однако поднесли.

Оборванные нищие,
Послышав запах пенного,
И те пришли доказывать,
Как счастливы они:
«Нас у порога лавочник
Встречает подаянием,
290 А в дом войдем, так из дому
Проводят до ворот...
Чуть запоем мы песенку,
Бежит к окну хозяйшка
С краяхою, с ножом,
А мы-то заливаемся:
«Давать давай — весь каравай,
Не мнется и не крошится,
Тебе скорей, а нам спорей...»

Смекнули наши странники,
300 Что даром водку тратили,
Да кстати и ведерочку
Конец. «Ну, будет с вас!
Эй, счастье мужицкое!
Дырявое с заплатами,
Горбатое с мозолями,
Проваливай домой!»

«А вам бы, други милые,
Спросить Ермилу Гирина, —
Сказал, подсевши к странникам,
310 Деревни Дымоглотова
Крестьянин Федосей: —
Коли Ермил не выручит,
Счастливецем не объявится,
Так и шататься нечего...»

— А кто такой Ермил?
Князь, что ли, граф сиятельный?

«Не князь, не граф сиятельный,
А просто он — мужик!»

— Ты говори толковее,
320 Садись, а мы слушаем,
Какой такой Ермил?

«А вот какой: сиротскую
Держал Ермило мельницу
На Унже. По суду
Продать решили мельницу:
Пришел Ермило с прочими
В палату на торги.
Пустые покупатели

Скоренько отвалилися,
330 Один купец Алтынников
С Ермилом в бой вступил,
Не отстает, торгуется,
Наносит по копеечке.
Ермило, как рассердится —
Хвать сразу пять рублей!
Купец опять копеечку,
Пошло у них сражение:
Купец его копейкою,
А тот его рублем!

340 Не устоял Алтынников!
Да вышла тут оказия:
Тотчас же стали требовать
Задатков третью часть,
А третья часть — до тысячи.
С Ермилом денег не было,
Уж сам ли он сплосшал,
Схитрили ли подьячие,
А дело вышло дрянь!
Повеселел Алтынников:

350 — Моя, выходит, мельница!
«Нет! — говорит Ермил,
Подходит к председателю: —
Нельзя ли вашей милости
Помешкать полчаса?»

— Что в полчаса ты сделаешь?

«Я деньги принесу!»

— А где найдешь? В уме ли ты?

Верст тридцать пять до мельницы,
А через час присутствию
360 Конец, любезный мой!

«Так полчаса позволите?»

— Пожалуй, час промешкаем! —
Пошел Ермил; подьячие
С купцом переглянулись,
Смеются, подлецы!
На площадь на торговую
Пришел Ермило (в городе
Тот день базарный был),
Стал на воз, видим: крестится,
370 На все четыре стороны
Поклон, — и громким голосом
Кричит: «Эй, люди добрые!
Притихните, послушайте,
Я слово вам скажу!»
Притихла площадь людная,
И тут Ермил про мельницу
Народу рассказал:
«Давно купец Алтынников
Присватывался к мельнице,
380 Да не плошал и я,
Раз пять справлялся в городе,
Сказали: с переторжкою
Назначены торги.
Без дела, сами знаете,
Возить казну крестьянину
Проселком не рука:
Приехал я без грошика,
Ан глядь — они спроворили
Без переторжки торг!
390 Схитрили души подлые,
Да и смеются нехристи:
«Что часом ты поделаешь?
Где денег ты найдешь?»
Авось найду, бог милостив!
Хитры, сильны подьячие,
А мир их посильней,
Богат купец Алтынников,

А всё не устоять ему
Против мирской казны —
400 Ее, как рыбу из моря,
Века ловить не выловить.
Ну, братцы! видит бог
Разделаюсь в ту пятницу!
Не дорога мне мельница,
Обида велика!
Коли Ермила знает,
Коли Ермилу верите,
Так выручайте, что ль!..»

И чудо сотворился —
410 На всей базарной площади
У каждого крестьянина,
Как ветром, полу левую
Заворотило вдруг!
Крестьянство раскошело,
Несут Ермилу денежки,
Дают, кто чем богат.
Ермилу парень грамотный,
Да некогда записывать,
Успей пересчитать!
420 Наклали шляпу полную
Целковиков, лабанчиков,
Прожженной, битой, трепаной
Крестьянской ассигнации.
Ермилу брал — не брезговал
И медным пятакон.
Еще бы стал он брезговать,
Когда тут попадалась
Иная гривна медная
Дороже ста рублей!

430 Уж сумма вся исполнилась,
А щедрота народная
Росла: «бери, Ермил Ильич,
Отдашь, не пропадет!»
Ермил народу кланялся
На все четыре стороны,
В палату шел со шляпою,
Зажавши в ней казну.

Сдвинулись подьячие,
Позеленел Алтынников,
440 Как он сполна всю тысячу
Им выложил на стол!..
Не волчий зуб, так лисий хвост, —
Пошли юлить подьячие,
С покупкой поздравлять!
Да не таков Ермил Ильич,
Не молвил слова лишнего,
Копейки не дал им!

Глядеть весь город съехался,
Как в день базарный пятницу
450 Через неделю времени
Ермил на той же площади
Рассчитывал народ.
Упомнить где же всякого?
В ту пору дело делалось
В горячке, второпях!
Однако споров не было,
И выдать гроша лишнего
Ермилу не пришлось.
Еще — он сам рассказывал —
460 Рубль лишний — чей, бог ведает! —
Остался у него.
Весь день с мощной раскрытою
Ходил Ермил, допытывал
Чей рубль? да не нашел.
Уж солнце закатилось,
Когда с базарной площади
Ермил последний тронулся,
Отдав тот рубль слепым...
Так вот каков Ермил Ильич».

470 — Чуден! — сказали странники: —
Однако знать желательно —
Каким же колдовством
Мужик над всей округою
Такую силу взял?

«Не колдовством, а правдою.
Слыхали про Адовщину,
Юрлова князя вотчину?»

— Слыхали, ну так что ж?

«В ней главный управляющий
480 Был корпуса жандармского
Полковник со звездой,
При нем пять-шесть помощников,
А наш Ермило писарем
В конторе состоял.

Лет двадцать было малому, —
Какая воля писарю?
Однако для крестьянина
И писарь человек.
К нему подходишь к первому,
490 А он и посоветует
И справку наведет;
Где хватит силы — выручит,
Не спросит благодарности,
И дашь, так не возьмет!
Худую совесть надобно
Крестьянину с крестьянина
Копейку вымогать.

Таким путем вся вотчина
В пять лет Ермилу Гирина
500 Узнала хорошо,
А тут его и выгнали...
Жалели крепко Гирина,
Трудненько, было к новому,
Хапуге, привыкать,
Однако делать нечего,
По времени приладились
И к новому писцу.
Тот ни строки без трешника,
Ни слова без семишника,
510 Прожженный, из кутейников —
Ему и бог велел!

Однако волей божией
Недолго он поцарствовал, —
Скончался старый князь,

Приехал князь молоденькой,
Прогнал того полковника,
Прогнал его помощника,
Контору всю прогнал,
А нам велел из вотчины
520 Бурмистра изобрать.
Ну, мы не долго думали,
Шесть тысяч душ, всей вотчиной
Кричим: «Ермилу Гирина!»
Как человек один!
Зовут Ермилу к барину.
Поговорив с крестьянином,
С балкона князь кричит:
«Ну, братцы! будь по-вашему.
Моей печатью княжеской
530 Ваш выбор утвержден:
Мужик проворный, грамотный,
Одно скажу: не молод ли?..»

А мы: «нужды нет, батюшка,
И молод, да умен!»
Пошел Ермило царствовать
Над всей княжою вотчиной,
И царствовал же он!
В семь лет мирской копеечки
Под ноготь не зажал,
540 В семь лет не тронул правого,
Не попустил виновному,
Душой не покривил...»

— Стой! — крикнул укорительно
Какой-то попик седенький
Рассказчику: — грешишь!
Шла борона прямехонько,
Да вдруг махнула в сторону —
На камень зуб попал!
Коли взялся рассказывать,
550 Так слова не выкидывай
Из песни: или странникам
Ты сказку говоришь?..
Я знал Ермилу Гирина...

«А я, небось, не знал?
Одной мы были вотчины,
Одной и той же волости,
Да нас перевели...»

— А коли знал ты Гирина,
Так знал и брата Митрия,
560 Подумай-ка, дружок.

Рассказчик призадумался
И, помолчав, сказал:
«Соврал я: слово лишнее
Сорвался на маху!
Был случай, и Ермил мужик
Свихнулся: из рекрутчины
Меньшого брата Митрия
Повыгородил он.
Молчим: тут спорить нечего,
570 Сам барин брата старосты
Забрить бы не велел,
Одна Ненила Власьевна
По сыне горько плачется,
Кричит: не наш черед!
Известно, покричала бы
Да с тем бы и отъехала.
Так что же? Сам Ермил,
Покончивши с рекрутчиной,
Стал тосковать, печалиться,
580 Не пьет, не ест: тем кончилось,
Что в деннике с веревкою
Застал его отец. —
Тут сын отцу покаялся:
«С тех пор, как сына Власьевны
Поставил я не в очередь,
Постыл мне белый свет!»
А сам к веревке тянется.
Пытали уговаривать
Отец его и брат,
590 Он всё одно: «преступник я!
Злодей! вяжите руки мне,
Ведите в суд меня!»

Чтоб хуже не случилось,
Отец связал сердечного,
Приставил караул.

Сошелся мир, шумит, галдит,
Такого дела чудного
Вовек не приходилось
Ни видеть, ни решать.
600 Ермиловы семейные
Уж не о том старались,
Чтоб мы им помирволили,
А строже рассуди —
Верни парнишку Власьевне,
Нето Ермил повесится,
За ним не углядишь!
Пришел и сам Ермил Ильич,
Босой, худой, с колодками,
С веревкой на руках,
610 Пришел, сказал: «была пора,
Судил я вас по совести,
Теперь я сам грешнее вас:
Судите вы меня!»
И в ноги поклонился нам.
Ни дать, ни взять юродивый,
Стоит, вздыхает, крестится,
Жаль было нам глядеть,
Как он перед старухою,
Перед Ненилой Власьевной
620 Вдруг на колени пал!

Ну, дело всё обладилось,
У господина сильного
Везде рука: сын Власьевны
Вернулся, сдали Митрия,
Да, говорят, и Митрию
Нетяжело служить,
Сам князь о нем заботится.
А за провинность с Гирина
Мы положили штраф:
630 Штрафные деньги рекруту,
Часть небольшая Власьевне,
Часть миру на вино...

Однако после этого
Ермил не скоро справился,
С год как шальной ходил.
Как ни просила вотчина,
От должности уволился,
В аренду снял ту мельницу
И стал он пуще прежнего
⁶⁴⁰ Всеми народу люб:
Брал за помол по совести,
Народу не задерживал —
Приказчик, управляющий,
Богатые помещики
И мужики беднейшие —
Все очереди слушались,
Порядок строгий вел!
Я сам уж в той губернии
Давненько не бывал,
⁶⁵⁰ А про Ермилу слыхивал,
Народ им не нахвалится,
Сходите вы к нему».

— Напрасно вы проходите, —
Сказал, уж раз заспоривший,
Седоволосый поп: —
Я знал Ермила Гирина,
Попал я в ту губернию,
Назад тому лет пять
(Я в жизни много странствовал,
⁶⁶⁰ Преосвященный наш
Переводить священников
Любил)... С Ермилой Гириным
Соседи были мы.
Да! был мужик единственный!
Имел он всё, что надобно
Для счастья: и спокойствие,
И деньги, и почет,
Почет завидный, истинный,
Не купленный ни деньгами,
⁶⁷⁰ Ни страхом: строгой правдою,
Умом и добротой!
Да только, повторяю вам,

Напрасно вы проходите,
В остроге он сидит...

«Как так?»

— А воля божия!

Слышал ли кто из вас,
Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Испуганной губернии,
680 Уезда Недыханьева,
Деревня Столбняки?..
Как о пожарах пишется
В газетах (я их читывал):
«Осталась неизвестною
Причина» — так и тут:
До сей поры неведомо
Ни земскому исправнику,
Ни высшему правительству,
Ни столбнякам самим,
690 С чего стряслась оказия,
А вышло дело дрянь.
Потребовалось воинство,
Сам государев посланный
К народу речь держал,
То руганью попробует
И плечи с эполетами
Подымет высоко,
То ласкою попробует,
Да брань была тут лишняя,
700 А ласка непонятная:
«Крестьянство православное!
Русь матушка! царь батюшка!»
И больше ничего!
Побившись так достаточно,
Хотели уж солдатам
Скомандовать: пали!
Да волостному писарю
Пришла тут мысль счастливая,
Он про Ермилу Гирина
710 Начальнику сказал:
«Народ поверит Гирина,

Народ его послушает...»

— Позвать его, живей!

.....

Вдруг крик: «ай, ай! помилуйте!» —

Раздавшись неожиданно,

Нарушил речь священника,

Все бросились глядеть:

У валика дорожного

720 Секут лакея пьяного —

Попался в воровстве!

Где пойман, тут и суд ему:

Судей сошлось десятка три,

Решили дать по лозочке,

И каждый дал лозу!

Лакей вскочил и, шлепая

Худыми сапожнишками,

Без слова тягу дал.

«Вишь, побежал, как встрепанный!» —

730 Шутили наши странники,

Узнавши в нем балясника,

Что хвастался какою-то

Особенной болезнью

От иностранных вин:

«Откуда прыть явилася!

Болезнь ту благородную

Вдруг сняло, как рукой!»

— Эй, эй! куда ж ты, батюшка!

Ты доскажи историю,

740 Как бунтовалась вотчина

Помещика Обрубкова,

Деревни Столбняки?

«Пора домой, родимые.

Бог даст опять мы встретимся,

Тогда и доскажу!»

Под утро поразъехалась,
Поразбредлась толпа.
Крестьяне спать надумали,
Вдруг тройка с колокольчиком
750 Откуда ни взялась,
Летит! а в ней качается
Какой-то барин кругленький,
Усатенький, пузатенький,
С сигарочкой во рту.
Крестьяне разом бросились
К дороге, сняли шапочки,
Низенько поклонились,
Повыстроились в ряд,
И тройке с колокольчиком
760 Загородили путь...

Глава V

ПОМЕЩИК

Соседнего помещика
Гаврилу Афанасьича
Оболта-Оболдуева
Та троечка везла.
Помещик был румяненский,
Осанистый, присадистый,
Шестидесяти лет;
Усы седые, длинные,
Ухватки молодецкие,
10 Венгерка с бранденбурами,
Широкие штаны.
Гаврило Афанасьевич
Должно быть перетрусился,
Увидев перед тройкою
Семь рослых мужиков.
Он пистолетик выхватил,
Как сам, такой же толстенский,
И дуло шестиствольное
На странников навел:
20 — Ни с места! Если тронетесь,
Разбойники! грабители!
На месте уложу!.. —
Крестьяне рассмеялись:

«Какие мы разбойники,
Гляди — у нас ни ножика,
Ни топоров, ни вил!»
— Кто ж вы? чего вам надобно?

«У нас забота есть.
Такая ли заботушка,
30 Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово крепкое
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно отвечать,
Тогда свою заботушку
Поведаем тебе...»

40 — Извольте: слово честное,
Дворянское даю!
«Нет, ты нам не дворянское,
Дай слово христианское!
Дворянское с побранкою,
С толчком да с зуботычиной,
То непригодно нам!»

— Эге! какие новости!
А, впрочем, будь по-вашему!
Ну, в чем же ваша речь?..
30 «Спрячь пистолетик! выслушай!
Вот так! мы не грабители,
Мы мужики смиренные,
Из временно-обязанных
Подтянутой губернии,
Пустопорожней волости,
Из разных деревень —
Несытова, Неелова,
Заплатова, Дырявина,
Горелок, Голодухина,
40 Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,

Сошлись мы — и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал — попу,
Купчине толстопузому,
79 Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...

Мужик, что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь! Как ни спорили,
80 Не согласились мы!
Поспоривши, повздорили,
Повздоривши — подрались,
Подравшись, удумали
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
90 Решенья не найдем,
Покуда не доведем
Как ни на есть — доподлинно,
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?

Скажи ж ты нам по-божески,
Сладка ли жизнь помещичья?
Ты как — вольготно, счастливо,
Помещичек, живешь?»

Гаврило Афанасьевич
100 Из тарантаса выпрыгнул,
К крестьянам подошел:

Как лекарь, руку каждому
Пощупал, в лица глянул им,
Схватился за бока
И покатился со смеху...
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
Здоровый смех помещичий
По утреннему воздуху
Раскатываться стал...

- 110 Нахохотавшись досыта,
Помещик не без горечи
Сказал: «Наденьте шапочки,
Садитесь, *господа!*»

— Мы господа не важные,
Перед твоею милостью
И постоим...

«Нет! нет!

Прошу садиться, *граждане!*»
Крестьяне поупрямились,
Однако, делать нечего,

- 120 Уселись на валу.

«И мне присесть позволите?
Эй, Прощка! рюмку хересу,
Подушку и ковер!»

Расположась на коврике
И выпив рюмку хересу,
Помещик начал так:

«Я дал вам слово честное
Ответ держать по совести,
А нелегко оно!

- 130 Хоть люди вы почтенные,
Однако не ученые,
Как с вами говорить?
Сперва понять вам надо бы,
Что значит слово самое:
Помещик, дворянин.
Скажите вы, любезные,

О родословном древе
Слыхали что-нибудь?»
— Леса нам не заказаны —
140 Видали древо всякое! —
Сказали мужики.
«Попали пальцем в небо вы!..
Скажу вам вразумительней:
Я роду именитого,
Мой предок Оболдуй
Впервые поминается
В старинных русских грамотах
Два века с половиною
Назад тому. Гласит
150 Та грамота: «татарину
Оболту Оболдуеву
Дано суконце доброе,
Ценою в два рубля:
Волками и лисицами
Он тешил государыню,
В день царских именин
Спускал медведя дикого
С своим, и Оболдуева
Медведь тот ободрал...»
160 Ну, поняли, любезные?»
— Как не понять! С медведями
Не мало их шатается
Прохвостов и теперь.

«Вы всё свое, любезные!
Молчать! уж лучше слушайте,
К чему я речь веду:
Тот Оболдуй, потешивший
Зверьями государыню,
Был корень роду нашему,
170 А было то, как сказано,
С залишком двести лет.
• Прапрадед мой по матери
Был и того древней:
«Князь Щепин с Васькой Гусевым
(Гласит другая грамота)
Пыгал поджечь Москву,
Казну пограбить думали,

Да их казнили смертью»,
А было то, любезные,
180 Без мала триста лет.

Так вот оно откуда
То дерево дворянское
Идет, друзья мои!»

— А ты, примерно, яблочко
С того выходишь дерева? —
Сказали мужики.

«Ну, яблочко, так яблочко!
Согласен! Благо поняли
Вы дело наконец.

190 Теперь — вы сами знаете —
Чем дерево дворянское
Древней, тем именитее,
Почетней дворянин.
Не так ли, благодетели?»

— Так! — отвечали странники: —
Кость белая, кость черная,
И поглядеть, так разные, —
Им разный и почет!

«Ну, вижу, вижу: поняли!
200 Так вот, друзья — и жили мы,
Как у Христа за пазухой,
И знали мы почет.

Не только люди русские,
Сама природа русская
Покорствсвала нам.
Бывало, ты в окружности
Один, как солнце на небе,
Твои деревни скромные,
Твои леса дремучие,

210 Твои поля кругом!
Пойдешь ли деревенькою,
Крестьяне в ноги валятся,
Пойдешь лесными дачами —
Столетними деревьями
Преклонятся леса!

Пойдешь ли пашней, нивою,
Вся нива спелым колосом
К ногам господским стелется,
Ласкает слух и взор!
220 Там рыба в речке плещется:
«Жирей-жирей до времени!»
Там заяц лугом крадется:
«Гуляй-гуляй до осени!»
Всё веселило барина,
Любовно травка каждая
Шептала: «я твоя!»

Краса и гордость русская,
Белели церкви божии
По горкам, по холмам,
230 И с ними в славе спорили
Дворянские дома.
Дома с оранжереями,
С китайскими беседками
И с английскими парками;
На каждом флаг играл,
Играл-манил приветливо,
Гостеприимство русское
И ласку обещал.
Французу не привидится
240 Во сне — какие праздники,
Не день, не два — по месяцу
Мы задавали тут.
Свои индейки жирные,
Свои наливки сочные,
Свои актеры, музыка,
Прислуги — целый полк!

Пять поваров, да пекаря,
Двух кузнецов, обойщика,
Семнадцать музыкантиков.
250 И двадцать два охотника
Держал я... Боже мой!..»

Помещик закручинился,
Упал лицом в подушечку.

Потом привстал, поправился:
 — Эй, Прошка! — закричал.
 Лакей, по слову барскому,
 Принес кувшинчик с водкою.
 Гаврило Афанасьевич,
 Откушав, продолжал:
 260 «Бывало, в осень позднюю
 Леса твои, Русь-матушка,
 Одушевляли громкие
 Охотничьи рога.
 Унылые, поблекшие
 Леса полураздетые
 Жить начинали вновь,
 Стояли по опушкам
 Борзовщики-разбойники,
 Стоял помещик сам,
 270 А там, в лесу, выжлятники
 Ревели, сорви-головы,
 Варили-варом гончие.
 Чу! подзывают рог!..
 Чу! стая воет! сгрудилась!
 Никак по зверю красному
 Погнались?.. улю-лю!
 Лисица чернбурая,
 Пушистая, матерая
 Летит, хвостом метет!
 280 Присели, притаились,
 Дрожа всем телом, рьяные,
 Догадливые псы:
 Пожалуй, гостяжданная!
 Поближе к нам, молодчикам,
 Подальше от кустов!
 Пора! Ну, ну! не выдай конь!
 Не выдайте собаченьки!
 Эй! улю-лю! родимые!
 Эй! — улю-лю!.. а-ту!..»
 290 Гаврило Афанасьевич,
 Вскочив с ковра персидского,
 Махал рукой, подпрыгивал,
 Кричал! Ему мерещилось,
 Что травит он лису...

Крестьяне молча слушали,
Глядели, любовались,
Посмеивались в ус...

«Ой ты, охота псовая!
Забудут всё помещики,
300 Но ты, исконно-русская
Потеха! не забудешься
Ни во веки веков!
Не о себе печалимся,
Нам жаль, что ты, Русь-матушка,
С охотою утратила
Свой рыцарский, воинственный,
Величественный вид!
Бывало, нас по осени
До полусотни съедется
310 В отъезжие поля;
У каждого помещика
Сто гончих в напуску,
У каждого по дюжине
Борзовщиков верхом,
При каждом с кашеварами,
С провизией обоз.
Как с песнями да с музыкой
Мы двинемся вперед,
На что кавалерийская
320 Дивизия твоя!
Летело время соколом,
Дышала грудь помещичья
Свободно и легко.
Во времена боярские,
В порядки древнерусские
Переносился дух!
Ни в ком противоречия,
Кого хочу — помилую,
Кого хочу — казню.
330 Закон — мое желание!
Кулак — моя полиция!
Удар искросыпительный,
Удар зубдробительный,
Удар скуловорррот!..»

Вдруг как струна порвалась,
Осеклась речь помещичья.
Потушился, нахмурился,
— Эй, Прошка! — закричал.
Глонул — и мягким голосом
340 Сказал: «вы сами знаете,
Нельзя же и без строгости?
Но я карал — любя.
Порвалась цепь великая, —
Теперь не бьем крестьянина,
Зато уж и отечески
Не милуем его.
Да, был я строг по времени,
А впрочем, больше ласкою
Я привлекал сердца.

350 Я в воскресенье светлое
Со всей своею вотчиной
Христосовался сам!
Бывало, накрывается
В гостиной стол огромнейший,
На нем и яйца красные,
И пасха и кулич!
Моя супруга, бабушка,
Сынишки, даже барышни
Не брезгают, целуются
360 С последним мужиком.
«Христос воскрес!» — «Воистину!»
Крестьяне разговляются,
Пьют брагу и вино...

Пред каждым почитаемым,
Двунадесятым праздником
В моих парадных горницах
Поп всенощну служил.
И к той домашней всенощной
Крестьяне допускались,
370 Молись — хоть лоб разбей!
Страдало обоняние,
Сбивали после с вотчины
Баб отмывать полы!
Да чистота духовная

Тем самым сберегалася,
Духовное родство!
Не так ли, благодетели?»

— Так! — отвечали странники,
А про себя подумали:
380 «Колом сбивал их, что ли, ты
Молиться в барский дом?..»

«Зато, скажу не хвастая,
Любил меня мужик!
В моей сурминской вотчине
Крестьяне всё подрядчики,
Бывало, дома скучно им,
Все на чужую сторону
Отпросятся с весны...
Ждешь — не дождешься осени,
390 Жена, детишки малые
И те гадают, ссорятся:
«Какого им гостинчику
Крестьяне принесут!»
И точно: поверх барщины,
Холста, яиц и живности,
Всего, что на помещика
Сбиралось искони, —
Гостинцы добровольные
Крестьяне нам несли!
400 Из Киева — с вареньями,
Из Астрахани — с рыбою,
А тот, кто подостаточней,
И с шелковой материей:
Глядь, чмокнул руку барыне
И сверток подает!
Детям игрушки, лакомства,
А мне, седому бражнику,
Из Питера вина!
Толк вызнали, разбойники,
410 Небось, не к Кривоногову,
К французу забежит.
Тут с ними разгуляешься,
По-братски побеседуешь,
Жена рукою собственной

По чарке им нальет.
А детки тут же малые
Посасывают прянички
Да слушают досужие
Рассказы мужиков —
420 Про трудные их промыслы,
Про чужедальные стороны,
Про Петербург, про Астрахань,
Про Киев, про Казань...

Так вот как, благодетели,
Я жил с моею вотчиной,
Не правда ль, хорошо?..»
— Да, было вам, помещикам,
Житье куда завидное,
Не надо умирать!

430 «И всё прошло! всё минуло!..»
Чу! похоронный звон!..

Прислушались странники,
И точно: из Кузьминского
По утреннему воздуху
Те звуки, грудь щемящие,
Неслись: «Покой крестьянину
И царствие небесное!» —
Проговорили странники
И покрестились все...

440 Гаврило Афанасьевич
Снял шапочку — и набожно
Перекрестился тож:
«Звонят не по крестьянину!
По жизни по помещицкой
Звонят!.. Ой, жизнь широкая!
Прости — прощай навек!
Прощай и Русь помещицья!
Теперь не та уж Русь!
Эй, Прошка!» (выпил водочки
450 И посвистал)...

«Не весело

Глядеть, как изменилось
Лицо твое, несчастная
Родная сторона!
Сословье благородное
Как будто всё попряталось,
Повымерло! Куда
Ни едешь, попадаются
Одни крестьяне пьяные,
Акцизные чиновники,
460 Поляки пересыльные
Да глупые посредники,
Да иногда пройдет
Команда. Догадаешься:
Должно быть, забунтовалось
В избытке благодарности
Селенье где-нибудь!
А прежде что тут мчалось
Колясок, бричек троечных,
Дормезов шестерней!
470 Катит семья помещичья —
Тут маменьки солидные,
Тут дочки миловидные
И резвые сынки!
Поющих колокольчиков,
Воркующих бубенчиков
Наслушаешься всласть.
А нынче чем рассеешься?
Картиной возмутительной
Что шаг — ты поражен:
480 Кладбищем вдруг повеяло,
Ну, значит, приближаемся
К усадьбе... Боже мой!
Разобран по кирпичику
Красивый дом помещичий,
И аккуратно сложены
В колонны кирпичи!
Обширный сад помещичий,
Столетиями взлелеянный,
Под топором крестьянина
490 Весь лег, — мужик любитесь,
Как много вышло дров!

Черства душа крестьянина,
Подумает ли он,
Что дуб, сейчас им сваленный,
Мой дед рукою собственной
Когда-то насадил?
Что вон под той рябиною
Резвились наши детушки
И Ганичка и Верочка
500 Аукались со мной?
Что тут, под этой липою
Жена моя призналась мне,
Что тяжела она
Гаврюшей, нашим первенцем,
И спрятала на грудь мою
Как вишня покрасневшее
Прелестное лицо?..
Ему была бы выгода —
Радехонек помещицы
510 Усадьбы изводить!
Деревней ехать совестно,
Мужик сидит — не двинется,
Не гордость благородную —
Желчь чувствуешь в груди.
В лесу не рог охотничий
Звучит — топор разбойничий.
Шалят!.. а что поделаешь?
Кем лес убережешь?..
Поля — недоработаны,
520 Посевы — недосеяны,
Порядку нет следа!
О матушка! о родина!
Не о себе печалимся,
Тебя, родная, жаль.
Ты, как вдова печальная,
Стоишь с косою распущенной,
С неубранным лицом!..

Усадьбы переводятся,
Взамен их распложаются
530 Питейные дома!..
Поят народ распущенный,
Зовут на службы земские,

Сажают, учат грамоте, —
Нужна ему она!
На всей тебе, Русь матушка,
Как клейма на преступнике,
Как на коне тавро,
Два слова нацарапаны:
«На вынос и распивочно».
540 Чтоб их читать, крестьянина
Мудреной русской грамоте
Не стоит обучать!..

А нам земля осталась... ..
Ой ты, земля помещичья!
Ты нам не мать, а мачеха
Теперь... «А кто велел? —
Кричат писаки праздные: —
Так вымогать, насиловать
Кормилицу свою!»
550 А я скажу: а кто же ждал?
Ох! эти проповедники!
Кричат: «довольно барствовать!
Проснись, помещик заспанный!
Вставай! — учись! трудись!..»

Трудись! Кому вы вздумали
Читать такую проповедь.
Я не крестьянин-лапотник —
Я божиею милостью
Российский дворянин!
560 Россия — не неметчина,
Нам чувства деликатные,
Нам гордость внушена!
Ссловья благородные
У нас труду не учатся.
У нас чювник плохонький
И тот полов не выметет,
Не станет печь топить...
Скажу я вам, не хвастая,
Живу почти безвыездно
670 В деревне сорок лет,
А от ржаного колоса

Не отличу ячменного,
А мне поют: «трудись!»

А если и действительно
Свой долг мы ложно поняли,
И наше назначение
Не в том, чтоб имя древнее,
Достоинство дворянское
Поддерживать охотою,
580 Пирами, всякой роскошью
И жить чужим трудом,
Так надо было ранее
Сказать... Чему учился я?
Что видел я вокруг?
Коптил я небо божие,
Носил ливрею царскую,
Сорил казну народную
И думал век так жить...
И вдруг... Владыко праведный!..»

590 Помещик зарыдал...

Крестьяне добродушные
Чуть тоже не заплакали,
Подумав про себя:
«Порвалась цепь великая,
Порвалась, — расскочилась:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..»

КРЕСТЬЯНКА

(Из третьей части)

ПРОЛОГ

«Не всё между мужчинами
Отыскивать счастливого,
Пощупаем-ка баб!» —
Решили наши странники
И стали баб опрашивать.
В селе Наготине
Сказали, как отрезали:
«У нас такой не водится,
А есть в селе Клину:
10 Корова холмогорская,
Не баба! доброумнее
И глаже — бабы нет.
Спросите вы Корчагину,
Матрену Тимофееву,
Она же: губернаторша...»

Подумали — пошли.

Уж налились колосики.
Стоят столбы точеные,
Головки золоченые,
20 Задумчиво и ласково
Шумят. Пора чудесная!
Нет веселей, наряднее,
Богаче нет поры!
«Ой, поле многохлебное!
Теперь и не подумаешь,
Как много люди божии
Побились над тобой,

Покамест ты оделся
Тяжелым, ровным колосом
30 И стало перед пахарем,
Как войско пред царем!
Не столько росы теплые,
Как пот с лица крестьянского
Увлажнили тебя!..»

Довольны наши странники,
То рожью, то пшэницею,
То ячменем идут.
Пшеница их не радует:
Ты тем перед крестьянином,
40 Пшеница, провинилася,
Что кормишь ты *по выбору*,
Зато не налюбуются
На рожь, что *кормит всех*.

«Льны тоже нонче знатные...
Ай! бедненькой! застрял!»
Тут жаворонка малого,
Застрявшего во льну,
Роман распутал бережно,
Поцеловал: «лети!»
50 И птичка ввысь помчалася,
За нею умиленные
Следили мужики...

Поспел горох! Накинулись
Как саранча на полосу:
Горох, что девку красную,
Кто ни пройдет — щипнёт!
Теперь горох у всякого,
У старого, у малого,
Рассыпался горох
60 На семьдесят дорог!

Вся овощь огородная
Поспела: дети носятся
Кто с репой, кто с морковкою,
Подсолнечник лущат,
А бабы свеклу дергают,

Такая свекла добрая!
Точь-в-точь сапожки красные
Лежит на полосе.

Шли долго ли, коротко ли,
70 Шли близко ли, далеко ли,
Вот, наконец, и Клин.
Селенье незавидное:
Что ни изба — с подпоркою,
Как нищий с костылем;
А с крыш солома скормлена
Скоту. Стоят как остовы
Убогие дома.
Ненастной, поздней осенью
Так смотрят гнезда галочки,
80 Когда галчата вылетят
И ветер придорожные
Березы обнажит...
Народ в полях — работает.
Заметив за селением
Усадьбу на пригорочке,
Пошли пока — глядеть.

Огромный дом, широкий двор,
Пруд, ивами обсаженный,
Посереде двора.
90 Над домом башня высится,
Балконом окруженная,
Над башней шпиль торчит.

В воротах с ними встретился
Лакей, какой-то бурксю
Прикрытый: «Вам кого?
Помещик за границую,
А управитель при смерти!..»
И спину показал.
Крестьяне наши прыснули:
100 По всей спине дворового
Был нарисован лев.
«Ну, штука!» Долго спорили,
Что за наряд диковинный,
Пока Пахом догадливый

Загадки не решил:
«Халуй хитер: стащит ковер,
В ковре дыру проделает,
В дыру просунет голову,
Да и гуляет так!..»

- 110 Как прусаки слоняются
По нетопленной горнице,
Когда их вымораживать
Надумает мужик,
В усадьбе той слонялися
Голодные дворовые,
Покинутые баринном
На произвол судьбы.
Всё старые, всё хворые
И как в цыганском таборе
120 Одеты. По пруду
Тащили бредень пятеро.

«Бог на-помочь! Как ловится?..»

— Всего один карась!
А было их до пропасти,
Да крепко навалились мы,
Теперь — свищи в кулак!

- «Хоть бы пяточек вынули!» —
Проговорила бледная,
Беременная женщина,
130 Усердно раздувавшая
Костер на берегу.

— Точеные-то столбики
С балкону, что ли, умница? —
Спросили мужики.

«С балкону!»

— То-то высохли!
А ты не дуй! Сгорят они
Скорее, чем карасиков
Изловят на уху!

«Жду — не дождусь. Измаялся
140 На черством хлебе Митенька,
Эх, горе — не житье!»

И тут она погладила
Полунагого мальчика
(Сидел в тазу заржавленном
Курносый мальчуган).

— А что? ему, чай, холодно, —
Сказал сурово Провушка: —

— В железном-то тазу? —
И в руки взять ребенка
150 Хотел. Дитя заплакало,
А мать кричит: «Не тронь его!
Не видишь? Он катается!
Ну, ну! пошел! Колясочка
Ведь это у него!..»

Что шаг, то натыкались
Крестьяне на диковину:
Особая и странная
Работа всюду шла.
Один дворовый мучился
160 У двери: ручки медные
Отвинчивал; другой
Нес изразцы какие-то.
«Наковырял, Егорушка?» —
Окликнули с пруда.
В саду ребята яблоню
Качали. «Мало, дяденька!
Теперь они остались
Уж только наверху,
А было их до пропасти!»

170 — Да что в них проку? велены!

«Мы рады и таким!»

Бродили долго по саду:
«Затей-то! горы, пропасти!
И пруд опять... Чай, лебеди

Гуляли по пруду?..
Беседка... стойте! с надписью!..
Демьян, крестьянин грамотный,
Читает по складам.

«Эй, врешь!» Хохочут странники...
180 Опять — и то же самое
Читает им Демьян.
(Насилу догадались,
Что надпись переправлена:
Затерты две-три литеры,
Из слова благородного
Такая вышла дрянь!).

Заметив любознательность
Крестьян, дворовый седенький
К ним с книгой подошел:
190 «Купите!» Как ни тужился,
Мудреного заглавия
Не одолел Демьян:
— Садись-ка ты помещиком
Под липой на скамеечку,
Да сам её читай!

«А тоже грамотеями
Считаетесь! — с досадою
Дворовый прошипел: —
На что вам книги умные?
200 Вам вывески питейные
Да слово: воспрещается,
Что на столбах встречается,
Достаточно читать!»

— Дорожки так загажены,
Что срам! у девок каменных
Отшибены носы!
Пропали фрукты-ягоды,
Пропали гуси-лебеди
У халуя в вобу!
210 Что церкви без священника,
Угодам без крестьянина,

То саду без помещика! —
 Решили мужики: —
 Помещик прочно строился,
 Такую даль загадывал,
 А вот... — (Смеются шестеро,
 Седьмой повесил нос).
 Вдруг с вышины откуда-то
 Как грянет песня! головы
 220 Задрали мужики:
 Вкруг башни по балкончику
 Похаживал в подрыснике
 Какой-то человек
 И пел... В вечернем воздухе
 Как колокол серебряный
 Гудел громовый бас...
 Гудел — и прямо за сердце
 Хватал он наших странников:
 Нерусские слова,
 230 А горе в них такое же,
 Как в русской песне слышалось,
 Без берегу, без дна.
 Такие звуки плавные,
 Рыдающие... «Умница,
 Какой мужчина там?» —
 Спросил Роман у женщины,
 Уже кормившей Митеньку
 Горяченькой ухой.
 — Певец Ново-Архангельской.
 240 Его из Малороссии
 Сманили господа.
 Свезти его в Италию
 Сулились, да уехали...
 А он бы рад радехонек
 (Какая уж Италия?)
 Обрато в Конотоп,
 Ему здесь делать нечего..
 Собаки дом покинули
 (Озлилась круто женщина),
 250 Кому здесь дело есть?..
 Да у него ни спереди,
 Ни сзади... кроме голосу...

«Зато уж голосок!»

— Не то еще услышите,
Как до утра пробудете:
Отсюда версты три
Есть дьякон... тоже с голосом...
Так вот они затеяли
По-своему здороваться
260 На утренней заре.
На башню как подыметя
Да рявкнет наш: «Здо-ро-во-ли
Жи-вешь, о-тец И-пат?»
Так стекла затрещат!
А тот ему, оттуда-то:
«Здо-ро-во, наш со-ло-ву-шко!
Жду вод-ку пить!» — И-ду!.. —
Иду-то это в воздухе
Час целый откликается...
270 Такие жеребцы!.. —

Домой скотина гонится,
Дорога запылилася,
Запахло молоком.
Вздохнула мать Митюхина:
Хоть бы одна коровушка
На барский двор вошла!
— Чу! песня за деревнею,
Прощай, горюшка бедная!
Идем встречать народ.

280 Легко вздохнули странники:
Им после дворни ноющей
Красива показалася
Здоровая, поющая
Толпа жнецов и жниц,
Всё дело девки красили
(Толпа без красных девушек,
Что рожь без васильков).

— Путь добрый! А которая
Матрена Тимофеевна?

Матрена Тимофеевна
 Осанистая женщина,
 Широкая и плотная,
 Лет тридцати осьми.
 Красива; волос с проседью,
 Глаза большие, строгие,
 Ресницы богатыйшие,
 Сурова и смугла.
 На ней рубаха белая,
 300 Да сарафан коротенький,
 Да серп через плечо.

«Что нужно вам, молодчики?»

Помалчивали странники,
 Покамест бабы прочие
 Не поушли вперед,
 Потом поклон отвесили:
 — Мы люди чужестранные,
 У нас забота есть,
 Такая ли заботушка,
 310 Что из домов повыжила,
 С работой раздружила нас,
 Отбила от еды.
 Мы мужики степенные,
 Из временно-обязанных,
 Подтянутой губернии,
 Пустопорожней волости
 Из смежных деревень:
 Несытова, Неелова,
 Заплатова, Дырявина,
 320 Горелок, Голодухина,
 Неурожайка тож.
 Идя путем дорогою,
 Сошлись мы невзначай,
 Сошлись мы — и заспорили:
 Кому живется счастливо,
 Вольготно на Руси?
 Роман сказал: помещику,
 Демьян сказал: чиновнику,

- Лука сказал: попу,
330 Купчине толстопузому,
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...
Мужик, что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее отгудова
- 340 Не выбьешь! Как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши, повздорили,
Повздоривши, подралися,
Подравшись, удумали
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
- 350 Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведем
Как ни на есть — доподлинно,
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?..

- Попа уж мы довели,
Довели помещика,
Да прямо мы к тебе!
Чем нам искать чиновника,
- 360 Купца, министра царского,
Царя (еще допустит ли
Нас, мужичонков, царь?), —
Освободи нас, выручи!
Молва идет всесветная,
Что ты вольготно, счастливо
Живешь... Скажи по-божески:
В чем счастье твое? —

Не то, чтоб удивилася
Матрена Тимофеевна,
:370 А как-то закручинилась,
Задумалась она...

«Не дело вы затеяли!
Теперь пора рабочая,
Досуг ли толковать?..»

— Полцарства мы промеряли,
Никто нам не отказывал! —
Просили мужики.

«У нас уж колос сыпется,
Рук не хватает, милые...»

:380 — А мы на что, кума?
Давай серпы! Все семеро
Как станем завтра, — к вечеру
Всю рожь твою сожнем!

Смекнула Тимофеевна,
Что дело подходящее.
«Согласна, — говорит: —
Такие-то вы бравые,
Нажнете, не заметите
Снопов по десяти».

:390 — А ты нам душу выложи!

«Не скрою ничего!»

Покуда Тимофеевна
С хозяйством управлялася,
Крестьяне место знатное
Избрали за избой:
Тут рига, конопляники,
Два стога здоровенные,
Богатый огород.
И дуб тут рос — дубов краса.
:400 Под ним присели странники:

*«Эй, скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков».*

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять...
Гогочут братья Губины:
410 Таковую редьку схапали
На огороде — страсть!

Уж звезды рассажалися
По небу темносинему,
Высоко месяц стал,
Когда пришла хозяйюшка
И стала нашим странникам
«Всю душу открывать...»

Глава I

до замужства

Мне счастье в девках выпало:
У нас была хорошая,
420 Непьющая семья.
За батюшкой, за матушкой,
Как у Христа за пазухой,
Жила я, молодцы.
Отец, поднявшись до-свету,
Будил дочурку ласкою,
А брат веселой песенкой;
Покамест одевается,
Поет: «вставай, сестра!
По избам обряжаются,
430 В часовеньках спасаются —
Пора вставать, пора!
Пастух уж со скотиною
Угнался; за малиною
Ушли подружки в бор,
В полях трудятся пахари,
В лесу стучит топор!»

Управится с горшечками,
Всё вымоет, всё выскребет,
Посадит хлебы в печь, —
440 Идет родная матушка,
Не будит — пуще кутает:
«Спи, милая, касатушка,
Спи, силу запасай!
В чужой семье — не долог сон!
Уложат спать позднихонько,
Придут будить до солнышка,
Лукошко припасут,
На донце бросят корочку:
Сгложи ее — да полное
450 Лукошко набери!..»

Да не в лесу родилася,
Не пеньям я молилася,
Не много я спала.
В день Симеона батюшка
Сажал меня на бурушку
И вывел из младенчества¹
По пятому годку,
А на седьмом за бурушкой
Сама я в стадо бегала,
460 Отцу носила завтракать,
Утятчек пасла.
Потом грибы, да ягоды,
Потом: «бери-ка грабельки
Да сено вороши!»
Так к делу прибыхла я...
И добрая работница,
И петь-плясать охотница
Я с молоду была.
День в поле проработаешь,
470 Грязна домой воротисься,
А банька-то на что?

Спасибо жаркой баенке,
Березовому веничку,
Студеному ключу, —
Опять бела, свежихонька,

За прямицей с подружками
До полночи поешь!

На парней я не вешалась,
Наянов обрывала я,
480 А тихому шепну:
«Я личиком разгарчива,
А матушка догадлива,
Не тронь! уйди!..» уйдет...

Да как я их ни бегала,
А выискался суженый,
На горе — чужанин!
Филипп Корчагин — питерщик,
По мастерству печвик.
Родительница плакала:
490 «Как рыбка в море синее
Юркнешь ты! как соловушко
Из гнездышка порхнешь!
Чужая-то сторонушка
Не сахаром посыпана,
Не медом полита!
Там холодно, там голодно,
Там холеную доченьку
Обвеют ветры буйные,
Обграют черны вороны,
500 Облают псы косматые,
И люди засмеют!..»
А батюшка со сватами
Подвыпил. Закручинилась,
Всю ночь я не спала...

Ах! что ты, парень, в девице
Нашел во мне хорошего?
Где высмотрел меня?
О святках ли, как с горок я
С ребятами, с подругами
510 Каталась, смеючись?
Ошибся ты, отецкий сын!
С игры, с катанья, с беганья,
С морозу разгорелось
У девушки лицо!

На тихой ли беседушке?
Я там была нарядная,
Дородства и пригожества
Понакопила за зиму,
Цвела, как маков цвет!
:520 А ты бы поглядел меня,
Как лен треплю, как снопики
На риге молочу...
В дому ли во родительском?..
Ах! кабы знаты! Послала бы
Я в город братца-сокола:
«Мил-братец! шелку, гарусу
Купи — семи цветов,
Да гарнитуру синего!»
Я по углам бы вышила
:530 Москву, царя с царицею,
Да Киев, да Царьград,
А посередке — солнышко,
И эту занавесочку
В окошке бы повесила,
Авось ты загляделся бы, —
Меня бы промигал!..

Всю ночку я продумала.
«Оставь, — я парню молвила: —
Я в подневолье с волюшки,
:540 Бог видит, не пойду!»

— Такую даль мы ехали!
Иди! — сказая Филиппушка: —
Не стану обижать!

Тужила, горько плакала,
А дело девка делала:
На суженого искоса
Поглядывала втай.
Пригож-румян, широк-могуч,
Рус волосом, тих говором —
:550 Пал на сердце Филипп!

— Ты стань-ка, добрый молодец,
Против меня прямехонько,

Стань на одной доске!
Гляди мне в очи ясные,
Гляди в лицо румяное,
Подумывай, смекай:
Чтоб жить со мной — не каяться,
А мне с тобой не плакаться...
Я вся тут такова!

560 — Небось, не буду каяться,
Небось, не будешь плакаться! —
Филиппушка сказал.

Пока мы торговались:
Филиппу я: — уйди ты прочь! —
А он: «иди со мной!»
Известно: «ненаглядная,
Хорошая... пригожая...»
— Ай!.. — Вдруг рванулась я...
«Чего ты? Эка силища!»

570 Не удержи — не видеть бы
Вовек ему Матренушки,
Да удержал Филипп!
Пока мы торговались,
Должно быть, так я думаю,
Тогда и было счастьецо...
А больше вряд когда!

Я помню, ночка звездная,
Такая же хорошая,
Как и теперь была...

580 Вдохнула Тимофеевна,
Ко стогу приклонилася,
Унынным, тихим голосом
Пропела про себя:

Ты скажи, за что,
Молодой купец,
Полюбил меня,
Дочь крестьянскую?
Я не в серебре,
Я не в золоте,

Жемчугами я
Не увешена!

— Чисто серебро —
Чистота твоя,
Красно золото —
Красота твоя,
Бел-крупен жемчуг —
Из очей твоих
Слезы катятся...

Велел родимый батюшка,
600 Благословила матушка,
Поставили родители
К дубовому столу,
С краями чары налили:
«Бери поднос, гостей-чужан
С поклоном обноси!»
Впервой я поклонилася —
Вздвогнули ноги резвые;
Второй я поклонилася —
Поблекло бело личико,
610 Я в третий поклонилася,
И волюшка ² скатилася
С девичьей головы...

— Так значит: свадьба? Следует, —
Сказал один из Губиных: —
Проздравить молодых.

— Давай! Начин с хозяйюшки,
— Пьешь водку, Тимофеевна?
— Старухе — да не пить?..

Глава II

ПЕСНИ

У суда стоять
620 Ломит ноженьки,
Под венцом стоять

Голова болит,
Голова болит,
Вспоминается
Песня старая,
Песня грозная.
На широкий двор
Гости въехали,
Молоду жену
630 Муж домой привез,
А роденька-то
Как набросится!
Деверек ее —
Расточиною,
А золовушка —
Щеголиною,
Свекор батюшка —
Тот медведицей,
А свекровушка —
640 Людоедицей,
Кто неряхою,
Кто непряхою..

Всё, что в песенке
Той певалось,
Всё со мной теперь
То и сталося!
Чай, певали вы?
Чай, вы знаете?..

— Начинай, кума!
650 Нам подхватывать...

М а т р е н а

Спится мне, младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,
Свекор-батюшка по сеничкам похаживает,
Сердитый по новым погуливает.

С т р а н н и к и (хором)

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты — сонливая!

Встань, встань, встань, ты — дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

М а т р е н а

660 Спится мне, младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,
Свекровь-матушка по сеничкам похаживает
Сердитая по новым погуливает.

С т р а н н и к и (хором)

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты — сонливая!
Встань, встань, встань, ты — дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

---

670 Семья была большущая,
Сварливая... попала я
С девичьей холи в ад!
В работу муж отправился,
Молчать, терпеть советовал:
Не плюй на раскаленное
Железо — зашипит!
Осталась я с золовками,
Со свекром, со свекровушкой,
Любить-голубить некому,
А есть кому журить!
680 На старшую золовушку,
На Марфу богомольную
Работай, как раба;
За свекром приглядывай,
Сплошаешь — у кабатчика
Пропажу выкупай.
И встань, и сядь с приметою,
Не то свекровь обидится;
А где их все-то знать?
Приметы есть хорошие,
690 А есть и бедокурные.
Случилось так: свекровь
Надула в уши свекору,
Что рожь добрее родится

Из краденых семян.
Поехал ночью Тихоньч,
Поймали, — полумертвого
Подкинули в сарай...

Как велено, так сделано:
Ходила с гневом на сердце,
700 А лишнего не молвила
Словечка никому.
Зимой пришел Филиппушка,
Привез платочек шелковый,
Да прокатил на саночках
В Екатеринин день³,
И горя словно не было!
Запела, как певала я
В родительском доме.
Мы были однолеточки,
710 Не трогай нас — нам весело,
Всегда у нас лады.
То правда, что и мужа-то
Такого, как Филиппушка,
Со свечкой поискать...

— Уж будто не колачивал?

Замялась Тимофеевна:
— Рав только, — тихим голосом
Промолвила она.

— За что? — спросили странники.

720 — Уж будто вы не знаете,
Как ссоры деревенские
Выходят? К муженьку
Сестра гостить приехала,
У ней коты разбились.
— Дай башмаки Оленушке,
Жена! — сказал Филипп.
А я не вдруг ответила.
Корчагу подымала я,
Такая тяга; вымолвить
730 Я слова не могла.
Филипп Ильич прогневался,

Пождал, пока поставила
Корчагу на шесток,
Да хлоп меня в висок!
— Ну, благо ты приехала,
И так походишь! — молвила
Другая, незамужняя
Филиппова сестра.

Филипп подбавил женушке.

740 — Давненько не видались мы,
А знать бы — так не ехать бы! —
Сказала тут свекровь.

Еще подбавил Филюшка...
И всё тут! Не годилось бы
Жене побои мужнины
Считать; да уж сказала я:
Не скрою ничего!

— Ну, женщины! с такими-то
Змеями подколодными
750 И мертвый плеть возьмет!

Хозяйка не ответила.
Крестьяне, ради случаю,
По новой чарке выпили
И хором песню грянули
Про шелковую плеточку,
Про мужнину родню.

* *

*

Мой постылый муж
Подымается:
За шелкову плеть
760 Принимается.

х о р

Плетка свиснула,
Кровь пробрызнула..
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула..

* * *

Свекру-батюшке
Поклонилася:
Свекор-батюшка,
Отними меня
770 Змея лютого!
Свекор-батюшка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить...

х о р

Плетка свиснула,
Кровь пробрызнула...
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

* * *

Свекровь-матушке
Поклонилася:
780 Свекровь-матушка,
Отними меня
От лиха-мужа,
Змея лютого!
Свекровь-матушка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить...

х о р

Плетка свиснула,
Кровь пробрызнула...
Ах! лели! лели!
790 Кровь пробрызнула.

Филипп на Благовещенье
Ушел, а на Казанскую
Я сына родила.
Как писанный был Дёмушка!
Краса взята у солнышка,
У снегу белизна,
У маку губы алые,

Бровь черная у соболя,
У соболя сибирского,
800 У сокола глаза!
Весь гнев с души красавец мой
Согнал улыбкой ангельской,
Как солнышко весеннее
Сгоняет снег с полей...
Не стала я тревожиться,
Что ни велят — работаю,
Как ни бранят — молчу.

Да тут беда подсунулась:
Абрам Гордеич Ситников,
810 Господский управляющий,
Стал крепко докучать:
— Ты писаная кралечка,
Ты наливная ягодка...
«Отстань, бесстыдник! ягодка,
Да бору не того!»
Укланяла золовушку,
Сама нейду на барщину,
Так в избу прикатит!
В сарае, в риге спрячуся, —
820 Свекровь оттуда вытащит:
«Эй, не шути с огнем!»
— Гони его, родимая,
По шее! «А не хочешь ты
Солдаткой быть?» Я к дедушке:
— Что делать? Научи!

Из всей семейки мужниной
Один Савелий, дедушка,
Родитель свекра-батюшки,
Жалел меня... Рассказывать
830 Про деда, молодцы?

— Вали всю подноготную!
Накинем по два снопика, —
Сказали мужики.

— Ну, то-то! речь особая.
Грех промолчать про дедушку,
Счастливец тоже был...

Глава III

САВЕЛИЙ, БОГАТЫРЬ СВЯТОРУССКИЙ

- С большущей сивой гривой,
Чай, двадцать лет нестриженной,
С большущей бородой,
840 Дед на медведя смахивал,
Особенно как из лесу,
Согнувшись, выходил.
Дугой спина у дедушки.
Сначала всё боялась я,
Как в низенькую горенку
Входил он: ну, распрямится?
Пробьет дыру медведице
В светелке головой!
Да распрямится дедушка
850 Не мог: ему уж стукнуло,
По сказкам, сто годов.
Дед жил в особой горнице,
Семейки недолюбливал,
В свой угол не пускал;
А та сердилась, лаялась,
Его «клеименым, каторжным»
Честил родной сынок.
Савелий не рассердится.
Уйдет в свою светелочку,
860 Читает святцы, крестится,
Да вдруг и скажет весело:
«Клейменный, да не раб!»...
А крепко досадят ему,
Подшутит: «поглядите-тко,
К нам сваты!» Незамужняя
Золушка — к окну:
Ан вместо сватов — нищие!
Из оловянной пуговки
Дед вылепил двугривенный,
870 Подбросил на полу —
Попался свекор-батюшка!
Не пьяный из питейного,
Побитый приплелся!
Сидят, молчат за ужином:
У свекра бровь рассечена,

У деда, словно радуга,
Усмешка на лице.

С весны до поздней осени
Дед брал грибы да ягоды,
850 Силочки становил
На глухарей, на рябчиков.
А зиму разговаривал
На печке сам с собой.
Имел слова любимые,
И выпускал их дедушка
По слову через час.

. . . . .
«Погибшие... пропащие...»

. . . . .
900 «Эх вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать!»

. . . . .
«Недотерпеть — пропасть,
Перетерпеть — пропасть!..»

. . . . .
«Эх, доля святорусского
Богатыря сермяжного!
Всю жизнь его дерут,
950 Раздумается временем
О смерти — муки адские
В ту-светной жизни ждут».

. . . . .
«Надумалась Корёжина,
Наддай! наддай! наддай!..»

. . . . .
И много! да забыла я...
Как свекор развоюется,
Бежала я к нему.
980 Запремся. Я работаю,
А Дёма, словно яблочко
В вершине старой яблони,
У деда на плече
Сидит румяный, свеженький...

Вот раз и говорю:
— За что тебя, Савельюшка,
Зовут клейменым, каторжным?

— Я каторжником был.

— Ты, дедушка?

— Я, внученька!

⁹²⁰ Я в землю немца Фогеля
Христьяна Христианыча
Живого закопал...

— И полно! шутишь, дедушка!

— Нет, не шучу. Послушай-ка!
И всё мне рассказал.

«Во времена досюльные
Мы были тоже барские,
Да только ни помещиков,
Ни немцев управителей
⁹³⁰ Не знали мы тогда.
Не правили мы барщины,
Оброков не платили мы,
А так, когда рассудится,
В три года раз пошлем».

— Да как же так, Савельюшка?

«А были благодатные
Такие времена.
Недаром есть пословица,
Что нашей-то сторонушки
⁹⁴⁰ Три года чорт искал,
Кругом леса дремучие,
Кругом болота топкие,
Ни конному проехать к нам,
Ни пешему пройти!
Помещик наш Шалашников
Через тропы звериные
С полком своим — военный был —
К нам достучиться пробовал,

Да лыжи повернул!
350 К нам земская полиция
Не попадала по году,
Вот были времена!
А нынче — барин под боком,
Дорога скатерть-скатертью...
Тьфу! прах ее возьми!..
Нас только и тревожили
Медведи... да с медведями
Справлялись мы легко.
С ножищем да с рогатиной
360 Я сам страшной сохатого,
По заповедным тропочкам
Иду: «мой лес!» — кричу.
Раз только испугался я,
Как наступил на сонную
Медведицу в лесу.
И то бежать не бросился,
А так всадил рогатину,
Что словно как на вертеле
Цыпленок — завертелася,
370 И часу не жила!
Спина в то время хрустнула,
Побаливала изредка,
Покуда молод был,
А к старости согнулася.
Не правда ли, Матренушка,
На оцеп⁴ я похож?»

— Ты начал, так досказывай!
Ну, жили — не тужили вы,
Что ж дальше, голова?

380 «По времени Шалашников
Удумал штуку новую,
Приходит к нам приказ:
«Явиться!» Не явились мы,
Притихли, не шелохнемся
В болотине своей.
Была засуха сильная,
Наехала полиция,
Мы дань ей — медом, рыбою!

Наехала опять,
190 Грозит с конвоем выправить,
Мы — шкурами звериными!
А в третий — мы ничем!
Обули лапти старые,
Надели шапки рваные,
Худые армяки —
И тронулась Корёжина!..
Пришли... (В губернском городе
Стоял с полком Шалашников.)
«Оброк!» — Оброку нет!
1000 Хлеба не уродились,
Снеточки не ловились...
«Оброк!» — Оброку нет! —
Не стал и разговаривать:
«Эй, перемена первая!» —
И начал нас пороть.

Туга мошна корёжская!
Да стоек и Шалашников:
Уж языки мешались,
Мозги уж потрясались
2010 В головушках — дерет!
Укрепа богатырская,
Не розги!.. Делать нечего!
Кричим: постой, дай срок!
Онучи распороли мы
И барину «лобанчиков»⁵
Полшапки поднесли.

Утих боец Шалашников!
Такого-то горчайшего
Поднес нам травнику,
1020 Сам выпил с нами, чокнулся
С Корёгой покоренною:
«Ну, благо вы сдались!
А то — вот бог! — решил я
Содрать с вас шкуру начисто...
На барабан напялил бы
И подарил полку!
Ха-ха, ха-ха! ха-ха! ха-ха!»

(Хохочет — рад придумочке:)
«Вот был бы барабан!»

- 1030 Идем домой понурые...
Два старика кряжистые
Смеются... Ай, кряжи!
Бумажки сторублевые
Домой под подоплекою
Нетронуты несут!
Как уперлись: мы нищие,
Так тем и отбоярились!
Подумал я тогда:
Ну, ладно ж! черти сивые,
1040 Вперед не доведется вам
Смеяться надо мной!
И прочим стало совестно,
На церковь побожились:
«Вперед не посрамятся мы,
Под розгами умрем!»

Понравились помещику
Корёжские лобанчики,
Что год — зовет... дерет...

- Отменно драл Шалашников,
1050 А не ахти великие
Доходы получал:
Сдавались люди слабые,
А сильные за вотчину
Стояли хорошо.
Я тоже перетерпывал:
Помалчивал, подумывал:
«Как ни дери, собачий сын,
А всей души не вышибешь,
Оставишь что-нибудь!»
1060 Как примет дань Шалашников,
Уйдем — и за заставою
Поделим барыши:
«Что денег-то осталось!
Дурак же ты, Шалашников!»
И тешилась над барином
Корёга в свой черед!

Вот были люди гордые!
А нынче дай затрещину —
Исправнику, помещику
1070 Тащат последний грош!

Зато купцами жили мы...

Подходит лето красное,
Ждем грамоты... Пришла...
А в ней уведомление,
Что господин Шалашников
Под Варною убит.
Жалеть не пожалели мы,
А пала дума на сердце:
«Приходит благоденствию
1080 Крестьянскому конец!»
И точно: небывалое
Наследник средство выдумал:
К нам немца подослал.
Через леса дремучие,
Через болота тонкие
Пешком пришел, шельмец!
Один как перст: фуражечка
Да тросточка, а в тросточке
Для уженья снаряд.
1090 И был сначала тихонькой:
«Платите, сколько можете».
— Не можем ничего!
«Я барина уведомлю»,
— Уведомь!.. — Тем и кончилось.
Стал жить да поживать;
Питался больше рыбою,
Сидит на речке с удочкой
Да сам себя то по носу,
То по лбу — бац да бац!
1100 Смеялись мы: «Не любишь ты
Корёжского комарика...
Не любишь, немчура?..»
Катается по бережку,
Гогочет диким голосом,
Как в бане на полке...

С ребятами, с девочками
Сдружился, бродит по лесу...
Не даром он бродил!
«Коли платить не можете,
1110 Работайте!» — А в чем твоя
Работа? «Окопать
Канавами желательно
Болото...» Окопали мы...
«Теперь рубите лес...»
— Ну, хорошо! — Рубили мы,
А немчура показывал,
Где надобно рубить.
Глядим: выходит просека!
Как просеку прочистили,
1120 К болоту поперечины
Велел по ней возить.
Ну, словом: спохватились мы,
Как уж дорогу сделали,
Что немец нас поймал!

Поехал в город парочкой!
Глядим, везет из города
Коробки, тюфяки,
Откудова ни взялися
У немца босоногого
1130 Детишки и жена.
Повел хлеб-соль с исправником
И с прочей земской властью,
Гостишек полон двор!

И тут настала каторга
Корёжскому крестьянину —
До нитки разорил!
А драл... как сам Шалашников!
Да тот был прост: накинется
Со всей воинской силою,
1140 Подумаешь: убьет!
А деньги сунь, отвалится,
Ни дать, ни взять раздувшийся
В собачьем ухе клещ.
У немца — хватка мертвая:

Пока не пустит по-миру,
Не отойдя, сосет!»

— Как вы терпели, дедушка?

«А потому терпели мы,
Что мы — богатыри.

1150 В том богатырство русское.
Ты думаешь, Матренушка,
Мужик — не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
В бою — а богатыри!

Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина... леса дремучие
Прошли по ней — сломались.

1160 А грудь? Илья пророк
По ней гремит-катается
На колеснице огненной...
Всё терпит богатыри!

И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится...
Ужли не богатырь?»

— Ты шутишь шутики, дедушка! --
Сказала я. — Такого-то
Богатыря могучего,

1170 Чай, мыши заедят!

«Не знаю я, Матренушка.
Покамест тягу страшную
Поднять-то поднял он,
Да в землю сам ушел по грудь
С натуги! По лицу его
Не слезы — кровь течет!
Не знаю, не придумаю,
Что будет? Богу ведомо!
А про себя скажу:

1180 Как выли вьюги зимние,
Как ныли кости старые,

Лежал я на печи;
Полеживал, подумывал:
Куда ты, сила, делася?
На что ты пригодилася?
— Под розгами, под палками
По мелочам ушла!»

— А что же немец, дедушка?

«А немец, как ни властвовал,
1190 Да наши топоры
Лежали — до поры!

Осьмнадцать лет терпели мы.
Застроил немец фабрику,
Велел колодец рыть.
Вдевятером копали мы,
До полдня проработали,
Позавтракать хотим.
Приходит немец: «Только-то?..»
И начал нас по-своему,
1200 Не торопясь, пилить.
Стояли мы голодные,
А немец нас поругивал,
Да в яму землю мокрую
Пошвыривал ногой.
Была уж яма добрая...
Случилось, я легонечко
Толкнул его плечом,
Потом другой толкнул его,
И третий... Мы погрудились...
1210 До ямы два шага...
Мы слова не промолвили,
Друг другу не глядели мы
В глаза... а всей гурьбой
Христьяна Христьяныча
Поталкивали бережно
Всё к яме... всё на край...
И немец в яму бухнулся,
Кричит: веревку! лестницу!
Мы девятью лопатами
1220 Ответили ему.

«Наддай!» — я слово выронил, —
Под слово люди русские
Работают дружной. —
«Наддай! наддай!» Так наддали,
Что ямы словно не было —
Сравнялася с землей!
Тут мы переглянулись...»

Остановился дедушка.

— Что ж дальше?

«Дальше: дрань!»

1230 Кабак... острог в Буй-городе,
Там я учился грамоте,
Пока решили нас.
Решенье вышло: каторга
И плети предварительно;
Не выдрали — помазали,
Плохое там дранье!
Потом... бежал я с каторги...
Поймали! не погладили
И тут по голове.

1240 Заводские начальники
По всей Сибири славятся —
Собаку съели драть.
Да нас дирал Шалашников
Больней — я не поморщился
С заводского дранья.
Тот мастер был — умел пороть!
Он так мне шкуру выделал,
Что носится сто лет.

А жизнь была не легкая.

1250 Лет двадцать строгой каторги,
Лет двадцать поселения.
Я денег прикопил,
По манифесту царскому
Попал опять на родину,
Пристроил эту горенку,
И здесь давно живу.
Покуда были денежки,

Любили деда, холили,
Теперь в глаза плюют!
1260. Эх! вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать...»

Тут кончил речь Савельюшка...

— Ну, что ж? — сказали странники:
Досказывай, хозяйюшка,
Свое житье-бытье!

— Невесело досказывать.
Одной беды бог миловал:
Холерой умер Ситников, —
1270 Другая подошла.

«Наддай!» — сказали странники
(Им слово полюбилось)
И выпили винца...

Глава IV

ДЕМУШКА

Зажгло грозою дерево,
А было соловьиное
На дереве гнездо.
Горит и стонет дерево,
Горят и стонут птенчики:
«Ой, матушка! где ты?
1280 А ты бы нас похолила,
Пока не оперились мы:
Как крылья отрастим,
В долины, в роци тихие
Мы сами улетим!»
Дотла сгорело дерево,
Дотла сгорели птенчики,
Тут прилетела мать.
Ни дерева... ни гнездышка...
Ни птенчиков!.. Поет-зовет...
1290 Поет, рыдает, кружится,
Так быстро, быстро кружится,

Что крылышки свистят!..
Настала ночь, весь мир затих,
Одна рыдала пташечка,
Да мертвых недокликалась
До белого утра!..

Носила я Демидушку
По поженкам... лелеяла...
Да взъелася свекровь,
1300 Как зыкнула, как рыкнула:
«Оставь его у дедушки,
Немного с ним важнешь!»
Запугана, заругана,
Перечить не посмела я,
Оставила дитя.

Такая рожь богатая
В тот год у нас родилася,
Мы землю не ленясь
Удобрали, ухостили, —
1310 Трудненько было пахарю,
Да весело жнсе!
Снопками нагружала я
Телегу со стропилами
И пела, молодцы.
(Телега нагружается
Всегда с веселой песнею,
А сани с горькой думою:
Телега хлеб домой везет,
А сани — на базар!)

1320 Вдруг стоны я услышала:
Ползком ползет Савелий -дед,
Бледнешенек, как смерть:
«Прости, прости, Матренушка! —
И повалился в ноженки: —
Мой грех — недоглядел!..»

Ой, ласточка! ой, глупая!
Не вей гнезда под берегом,
Под берегом крутым!
Что день — то прибавляется
1330 Вода в реке: зальет она

Детенышей твоих.
Ой, бедная молодушка!
Сноха в дому последняя,
Последняя раба!
Стерпи грозу великую,
Прими побои лишние,
А с глазу неразумного
Младенца не спускай!..

Заснул старик на солнышке,
1310 Скормил свиньям Демидушку
Придурковатый дед!..
Я клубышком каталася,
Я червышком свивалася,
Звала, будила Дёмушку —
Да поздно было звать!..

Чу! конь стучит копытами,
Чу, сбруя золоченая
Звенит... еще беда!
Ребята испугались,
1350 По избам разбежались,
У окон заметались
Старухи, старики.
Бежит деревней староста,
Стучит в окошки палочкой,
Бежит в поля, в луга.
Собрал народ: идут — кряхтят!
Беда! Господь прогневался,
Наслал гостей непрошенных,
Неправедных судей!
1360 Знать, деньги издержались,
Сапожки притоптались,
Знать, голод разобрал!..

Молитвы Иисусовой
Не сотворив, уселися
У земского стола,
Налой и крест поставили,
Привел наш поп, отец Иван,
К присяге понятых.

Допрашивали дедушку,
 1370 Потом за мной десятника
 Прислали. Становсй
 По горнице похаживал,
 Как зверь в лесу порывивал...
 «Эй! женка! состояла ты
 С крестьянином Савелием
 В сожительстве? Винись!»
 Я шепотком ответила:
 «Обидно, барин, шутите!
 Жена я мужу честная,
 1380 А старику Савелию
 Сто лет... Чай, знаешь сам?»
 Как в стойле конь подкованный
 Затапал; о кленовый стол
 Ударил кулаком:
 «Молчать! Не по согласью ли
 С крестьянином Савелием
 Убила ты дитя?..»
 Владычица! что вздумали!
 Чуть мироеда этого
 1390 Не назвала я нехристом,
 Вся закипела я...
 Да лекаря увидела:
 Ножи, ланцеты, ножницы
 Натачивал он тут.
 Вадрогнула я, одумалась.
 — Нет, — говорю, — я Дёмушку
 Любила, берегла...
 «А зельем не поила ты?
 А мышьяку не сыпала?»
 1400 — Нет! сохрани господь!.. —
 И тут я покорилася,
 Я в ноги поклонилася:
 «Будь жалостлив, будь добр!
 Вели без поругания
 Честному погребению
 Ребеночка предать!
 Я мать ему!..» Упросишь ли?
 В груди у них нет душеньки,
 В глазах у них нет совести,
 1410 На шее — нет креста!

Из тонкой из пеленочки
Повыкатали Дёмушку
И стали тело белое
Терзать и пластовать.
Тут свету я не взвидела, —
Металась и кричала я:
«Злодеи! палачи!..
Падите мои слезоньки
Не на землю, не на воду,
1420 Не на господень храм!
Падите прямо на сердце
Злодею моему!
Ты дай же, боже господи!
Чтоб тлен пришел на платьце,
Безумье на головушку
Злодея моего!
Жену ему неумную
Пошли, детей — юродивых!
Прими, услыши, господи,
1430 Молитвы, слезы матери,
Злодея накажи!..»⁶
— Никак, она помешана? —
Сказал начальник сотскому: —
Что ж ты не упредил?
Эй! не дури! связать велю!..

Присела я на лавочку.
Ослабла, вся дрожу.
Дрожу, гляжу на лекаря:
Рукавчики засучены,
1440 Грудь фартуком завешана,
В одной руке — широкий нож,
В другой ручник — и кровь на нем,
А на носу очки!
Так тихо стало в горнице...
Начальничек помалчивал,
Поскрипывал пером,
Поп трубочкой попыхивал,
Не шелохнувшись, хмурые
Стояли мужики.
1450 «Ножом в сердцах читаете», —
Сказал священник лекарю,

Когда злодей у Дёмушки
Сердечко распластал.
Тут я опять рванулася...
«Ну, так и есть — помешана!
Связать ее!» — десятнику
Начальник закричал.
Стал понятых опрашивать:
«В крестьянке Тимофеевой
1460 И прежде помешательство
Вы примечали?»

— Нет!

Спросили свекра, деверя,
Свекровушку, золовушку:

— Не примечали, нет!

Спросили деда старого:

— Не примечал! ровна была...
Одно: к начальству кликнули,
Пошла... а ни целковица,
Ни новины, пропащая,
1470 С собой и не взяла!

Заплакал навзрыд дедушка.
Начальничек нахмурился,
Ни слова не сказал.
И тут я спохватилася!
Прогневался бог: разуму
Лишил! была готовая
В коробке новина!
Да поздно было каяться.
В моих глазах по косточкам
1480 Изрезал лекарь Дёмушку,
Цыновочкой прикрыл.
Я словно деревянная
Вдруг стала: загляделась я,
Как лекарь руки мыл,
Как водку пил. Священнику
Сказал: прошу покорнейше!
А поп ему: «Что просите?»

Без прутика, без кнута
Все ходим, люди грешные,
1400 На этот водоной!»

Крестьяне настоялися,
Крестьяне надрожалися.
(Откуда только бралися
У коршуна налетного
Корыстные дела!)
Без церкви намолилися,
Без образа наклонялись!
Как вихорь налетал —
Рвал бороды начальничек,
1500 Как лютый зверь наскакивал —
Ломал перстни значеные...
Потом он кушать стал.
Пил-ел, с попом беседовал,
Я слышала, как шопотом
Поп плакался ему:
«У нас народ — всё голь да пьянь,
За свадьбу, за исповедь
Должают по годам.
Несут гроши последние
1510 В кабак! А благочинному
Одни грехи тащат!»
Потом я песни слышала,
Всё голоса знакомые,
Девичьи голоса:
Наташа, Глаша, Дарьюшка...
Чу, пляска! чу! гармония!..
И вдруг затихло всё...
Заснула, видно, что ли, я?..
Легко вдруг стало: чудилось,
1520 Что кто-то наклоняется
И шепчет надо мной:
«Усни, многокручинная!
Усни, многострадальная!»
И крестит... С рук скатилися
Веревки... Я не помнила
Потом уж ничего...

Очнулась я. Темно кругом,
Гляжу в окно — глухая ночь!
Да где же я? да что со мной?
1530 Не помню, хоть убей!
Я выбралась на улицу —
Пуста. На небо глянула —
Ни месяца, ни звезд.
Сплошная туча черная
Висела над деревнею,
Темны дома крестьянские,
Одна пристройка дедова
Сияла, как чертог.
Вошла — и всё я вспомнила:
1540 Свечами воску ярого
Обставлен, среди горенки
Дубовый стол стоял,
На нем гробочек крохотный,
Прикрыт камчатной скатертью,
Икона в головах...
«Ой, плотнички-работнички!
Какой вы дом построили
Сыночку моему?
Окошки не прорублены,
1550 Стеколышки не вставлены,
Ни печи, ни скамьи!
Пуховой нет перинушки...
Ой, жестоко будет Дёмушке,
Ой, страшно будет спать!..»

«Уйди!..» — вдруг закричала я,
Увидела я дедушку:
В очках, с раскрытой книгою
Стоял он перед гробиком,
Над Дёмою читал.
1560 Я старика столетнего
Звала клейменым, каторжным.
Гневна, грозна, кричала я:
«Уйди! убил ты Дёмушку!
Будь проклят ты... уйди!..»

Старик ни с места. Крестится,
Читает... Уходила я,

Тут дедко подошел:
 «Зимой тебе, Матренушка,
 Я жизнь мою рассказывал,
 1570 Да рассказал не всё:
 Леса у нас угрюмые,
 Озера нелюдимые,
 Народ у нас дикарь.
 Суровы наши промыслы:
 Дави тетерю петлею,
 Медведя режь рогатиной,
 Сплошаешь — сам пропал!
 А господин Шалашников
 С своей воинской силою?
 1580 А немец-душегуб?
 Потом острог да каторга...
 Окаменел я, внученька,
 Лютее зверя был.
 Сто лет зима бессменная
 Стояла. Растопил ее
 Твой Дёма-богатырь!
 Однажды я качал его,
 Вдруг улыбнулся Дёмушка...
 И я ему в ответ!
 1590 Со мною чудо сталося:
 Третьеводни прицелился
 Я в белку: на суку
 Качалась белка... лапочкой,
 Как кошка, умывалась...
 Не выпалил: живи!
 Брожу по рощам, по лугу,
 Любуюсь каждым цветиком.
 Иду домой, опять
 Смеюсь, играю с Дёмушкой...
 1600 Бог видит, как я милого
 Младенца полюбил!
 И я же, по грехам моим,
 Сгубил дитя невинное...
 Кори, казни меня!
 А с богом спорить нечего.
 Стань! помолись за Дёмушку!
 Бог знает, что творит:
 Сладка ли жизнь крестьянина?»

И долго, долго дедушка
1610 О горькой доле пахаря
С тоскою говорил...
Случись купцы московские,
Вельможи государевы,
Сам царь случись: не надо бы
Ладнее говорить!

«Теперь в раю твой Дёмушка,
Легко ему, светло ему...»

Заплакал старый дед.

— Я не ропщу, — сказала я, —
1620 Что бог прибрал младенчика,
А больно то, зачем они
Ругались над ним?
Зачем, как черны вёроны,
На части тело белое
Терзали?.. Неужли
Ни бог, ни царь не вступится?..

«Высоко бог, далеко царь...»

— Нужды нет: я дойду!

«Ах! что ты? что ты, внученька?..
1630 Терпи, многокручинная!
Терпи, многострадальная!
Нам правды не найти».

— Да почему же, дедушка?

«Ты — крепостная женщина!» —
Савельюшка сказал.

Я долго, горько думала...
Гром грянул, окна дрогнули,
И я вздрогнула... К гробику
Подвел меня старик:
1640 «Молись, чтоб к лику ангелов
Господь причислил Дёмушку!»

И дал мне в руки дедушка
Горящую свечу.

Всю ночь до свету белого
Молилась я, а дедушка
Протяжным, ровным голосом
Над Дёмою читал...

Глава V

волчица

Уж двадцать лет, как Дёмушка
Дерновым одеялечком
1650 Прикрыт, — всё жаль сердечного!
Молюсь о нем, в рот яблока
До Спаса не беру⁷.
Нескоро я оправилась.
Ни с кем не говорила я,
А старика Савелия
Я видеть не могла.
Работать не работала.
Надумал свекор-батюшка
Вожжами поучить,
1660 Так я ему ответила:
«Убей!» Я в ноги кланялась:
«Убей! один конец!»
Повесил вожжи батюшка.
На Дёминой могилочке
Я день и ночь жила.
Платочком обметала я
Могилу, чтобы травушкой
Скорее поросла,
Молилась за покойничка,
1670 Тужила по родителям:
Забыли дочь свою!
Собак моих боитесь?
Семьи моей стыдитесь?
— Ах, нет, родная, нет!
Собак твоих не боязно,
Семьи твоей не совестно,
А ехать сорок верст
Свои беды рассказывать,

Твои беды выпрашивать
1680 Жаль бурушку гонять!
Давно бы мы приехали,
Да ту мы думу думали:
Приедем — ты расплачешься,
Уедем — заревешь!

Пришла зима: кручиною
Я с мужем поделилася,
В Савельевой пристроечке
Тужили мы вдвоем.

— Что ж, умер, что ли, дедушка?

1690 — Нет. Он в своей коморочке
Шесть дней лежал безвыходно,
Потом ушел в леса,
Так пел, так плакал дедушка,
Что лес стонал! А осенью
Ушел на покаяние
В Песочный монастырь.

У батюшки, у матушки
С Филиппом побывала я,
За дело принялась.
1700 Три года, так считаю я,
Неделя за неделю,
Одним порядком шли,
Что год, то дети: некогда
Ни думать, ни печалиться,
Дай бог с работой справиться
Да лоб перекрестить.
Поешь — когда останется
От старших да от деточек,
Уснешь — когда больна...
1710 А на четвертый новое
Подкралось горе лютое —
К кому оно привяжется,
До смерти не избыть!

Вперед летит — ясным соколом,
Позади летит — черным вороном,

Впереди летит — не укатится,
Позади летит — не останется...

1720   Лишилась я родителей...
Слыхали ночи темные,
Слыхали ветры буйные
Сиротскую печаль,
А вам нет нужды сказывать...
На Дёмину могилочку
Поплакать я пошла.
Гляжу: могилка прибрана,
На деревянном крестике
Складная, золоченая
Икона. Перед ней
1730   Я старца распростертого
Увидела. — Савельюшка!
Откуда ты взялся?

«Пришел я из Песочного...
Молюсь за Дёму бедного,
За все страдное русское
Крестьянство я молюсь!
Еще молюсь (не образу
Теперь Савелий кланялся),
Чтоб сердце гневной матери
Смягчил господь... Прости!»

1740   — Давно простила, дедушка!

Вздохнул Савелий... «Внученька!
А, внученька!» — Что, дедушка?
«Попрежнему взгляни!»

Взглянула я попережнему.

Савельюшка засматривал
Мне в очи; спину старую
Пытался разогнуть.
Совсем стал белый дедушка.
Я обняла старинушку
1750   И долго у креста
Сидели мы и плакали.

Я деду горе новое
Поведала свое...

- Недолго прожил дедушка.
По осени у старого
Какая-то глубокая
На шее рана сделалась,
Он трудно умирал:
Сто дней не ел; хирел да сох,
1760 Сам над собой подтрунивал:
«Не правда ли, Матренушка,
На комара корёжского
Костлявый я похож?»
То добрый был, сговорчивый,
То злился, привередничал,
Пугал нас: «Не наши,
Не сей, крестьянин! Сгорбившись
За пряжей, за полотнами,
Крестьянка, не сиди!
1770 Как вы ни бейтесь, глупые,
Что на роду написано,
Того не миновать!
Мужчинам три дороженьки:
Кабак, острог, да каторга,
А бабам на Руси
Три петли: шелку белого,
Вторая — шелку красного,
А третья — шелку черного,
Любую выбирай!..
1780 В любую полезай...»
Так засмеялся дедушка,
Что все в коморке вздрогнули, —
И к ночи умер он.
Как приказал — исполнили:
Зарыли рядом с Дёмою...
Он жил сто семь годов.
-

- Четыре года тихие,
Как близнецы похожие,
Прошли потом... Всему
1790 Я покорила: первая

С постели Тимофеевна,
 Последняя — в постель;
 За всех, про всех работаю, —
 С свекрови, с свекра пьяного,
 С золовочки бракованой⁸
 Снимаю сапоги...
 Лишь деточек не трогайте!
 За них горой стояла я...
 Случилось, молодцы,
 1200 Зашла к нам богомолочка;
 Сладкоречивой страницы
 Заслушивались мы;
 Спасаться, жить по-божески
 Учила нас угодница,
 По праздникам к заутрени
 Будила... а потом
 Потребовала страница,
 Чтоб грудью не кормили мы
 Детей по постным дням.
 1310 Село переполошилось!
 Голодные младенчики
 По середам, по пятницам
 Кричат! Иная мать
 Сама над сыном плачущим
 Слезами заливаётся:
 И бога-то ей боязно,
 И дитятка-то жаль!
 Я только не послушалась,
 Судила я по-своему:
 1320 Коли терпеть, так матери,
 Я перед богом грешница,
 А не дитя мое!

Да, видно, бог прогневался.
 Как восемь лет исполнилось
 Сыночку моему,
 В подпаски свекор сдал его.
 Однажды жду Федотушку —
 Скотина уж пригналася —
 На улицу иду.
 1330 Там видимо-невидимо
 Нареду! Я прислушалась

И бросилась в толпу.
Гляжу, Федота бледного
Силантий держит за ухо.
— Что держишь ты его?
«Посечь хотим маненичко:
Овечками прикармливать
Надумал он волков!»
Я вырвала Федотушку
1840 Да с ног Силантья старосту
И сбила невзначай.

Случилось дело дивнсе:
Пастух ушел; Федотушка
При стаде был один.
«Сижу я, — так рассказывал
Сынок мой, — на пригорочке,
Откуда ни возьмись
Волчица преогромная
И хватъ овечку марьину!
1850 Пустился я за ней,
Кричу, кнутищем хлопаю,
Свищу Валетку, уськаю...
Я бегать молодец,
Да где бы окаянную
Нагнать, кабы не щенная:
У ней сосцы волочились,
Кровавым следом, матушка,
За нею я гнался!

Пошла потише серая,
1860 Идет, идет — оглянется,
А я как припущу!
И села... Я кнутом ее:
«Отдай овцу, проклятая!»
Не отдает, сидит...
Я не сробел: «так вырву же,
Хоть умереть!..» И бросился.
И вырвал... Ничего —
Не укусила серая!
Сама едва живехонька,
1870 Зубами только щелкает,
Да дышит тяжело.

Под ней река кровавая,
Сосцы травой изрезаны,
Все ребра на счету,
Глядит, поднявши голову,
Мне в очи... и завывла вдруг!
Завывла, как заплакала.
Пощупал я овцу:
Овца была уж мертвая...
1350 Волчица так ли жалобно
Глядела, выла... Матушка!
Я бросил ей овцу!..»

Так вот что с парнем случилось.
Пришел в село, да, глупенький,
Всё сам и рассказал,
За то и сечь надумали.
Да благо подоспела я...
Силантий осерчал,
1390 Кричит: «чего толкаешься?
Самой под розги хочется?»
А Марья, та свое:
«Дай, пусть проучат глупого!»
И рвет из рук Федотушку.
Федот как лист дрожит.

Трубят рога охотничьи,
Помещик возвращается
С охоты. Я к нему:
— Не выдай! Будь заступником!
1900 «В чем дело?» Кликнул старосту
И мигом порешил:
«Подпaska малолетнего
По младости; по глупости
Простить... а бабу дерзкую
Примерно наказать!»

«Ай, барин!» Я подпрыгнула:
«Освободил Федотушку!
Иди домой, Федот!»

— Исполним повеленное! —
Сказал мирянам староста: —
1910 Эй! погоди плясать!

Соседка тут подсунулась.
— А ты бы в ноги старосте...

«Иди домой, Федот!»

Я мальчика погладила:
«Смотри, коли оглянешься,
Я осержусь... Иди!»

Из песни слово выкинуть,
Так песня вся нарушится.
Легла я, молодцы...

1920

В Федотову коморочку,
Как кошка, я прокралася:
Спит мальчик, бредит, мечется;
Одна ручонка свесилась,
Другая на глазу
Лежит, в кулак зажатая:
Ты плакал, что ли, бедненький?
Спи. Ничего. Я тут!

1930

Тужила я по Дёмушке,
Как им была беременна —
Слабенец родился,
Однако вышел умница:
На фабрике Алферова
Трубу такую вывели
С родителем, что страсть!
Всю ночь над ним сидела я,
Я пастушка любезного
До солнца подняла,
Сама обула в лапотки,
1940 Перекрестила; шапочку,
Рожок и кнут дала.
Проснулась вся семеюшка,
Да я не показалась ей,
На пожню не пошла.

Я пошла на речку быструю,
Избрала я место тихое
У ракитова куста.

Села я на серый камушек,
Подперла рукой головушку,
1350 Зарыдала, сирота!

Громко я звала родителя:
Ты приди, заступник батюшка!
Посмотри на дочь любимую...
Понапрасну я звала.
Нет великой оборонушки!
Рано гостья бесподсудная,
Бесплемянная, безродная,
Смерть родного унесла!

Громко кликала я матушку.
1960 Отзывались ветры буйные,
Откликались горы дальние,
А родная не пришла!
День денна моя печальница,
В ночь — ночная богомолица!
Никогда тебя, желанная,
Не увижу я теперь!
Ты ушла в бесповоротную,
Незнакомую дороженьку,
Куда ветер не доносится,
1970 Не дорыскивает зверь...

Нет великой оборонушки!
Кабы знали вы да ведали,
На кого вы дочь покинули,
Что без вас я выношу?
Ночь — слезами обливаюся,
День — как травка пристилаюся...
Я потупленную голову,
Сердце гневное ношу!..

Глава VI

ТРУДНЫЙ ГОД

В тот год необычайная
1990 Звезда играла на небе;
Одни судили так:
Господь по небу шествует,

- И ангелы его
 Метут метлою огненной⁹
 Перед стопами божьими
 В небесном поле путь;
 Другие то же думали,
 Да только на Антихриста,
 И чужали беду.
- 1990 Сбылось: пришла бесхлебица!
 Брат брату не уламывал
 Куска! Был страшный год...
 Волчицу ту Федотову
 Я вспомнила — голодную,
 Похожа с рябятишками
 Я на нее была!
 Да тут еще свекровушка
 Приметой прислужилася,
 Соседкам наплела,
- 2000 Что я беду накликкала,
 А чем? *Рубаху чистую*
*Надела в Рождество*¹⁰.
 За мужем, за заступником,
 Я дешево отдалася;
 А женщину одну
 Никак за то же самое
 Убили на смерть кольями.
 С голодным не шути!..
- Одной бедой не кончилось:
 2010 Чуть справились с бесхлебицей —
 Рекрутчина пришла.
 Да я не беспокоилась:
 Уж за семью Филиппову
 В солдаты брат ушел.
 Сижу одна, работаю,
 И муж и оба девера
 Уехали с утра;
 На сходку свекор-батюшка
 Отправился, а женщины
- 2020 К соседкам разбрелись.
 Мне крепко нездоровилось,
 Была я Лиодорушкой
 Беременна: последние

Дохаживала дни.
Управившись с ребятами,
В большой избе под шубою
На печку я легла.
Вернулись бабы к вечеру,
Нет только свекра-батюшки,
2030 Ждут ужинать его.
Пришел: «Ох-ох! умаялся,
А дело не поправилось,
Пропали мы, жена!
Где видано, где слыхано:
Давно ли взяли старшего,
Теперь меньшого дай!
Я по годам высчитывал,
Я миру в ноги кланялся,
Да мир у нас какой?
2040 Просил бурмистра: божится,
Что жаль, да делать нечего!
И писаря просил,
Да правды из мошенника
И топором не вырубишь,
Что тени из стены!
Задарен... все задарены...
Сказать бы губернатору,
Так он бы задал им!
Всего и попросить-то бы,
2050 Чтоб он по нашей волости
Очередные росписи
Поверить повелел.
Да сунься-ка!..» Заплакали
Свекровушка, золовушка,
А я... То было холодно,
Теперь огнем горю!
Горю... Бог весть, что думаю...
Не дума... бред... Голодные
Стоят сиротки-деточки
2060 Передо мной... Неласково
Глядит на них семья,
Они в дому шумливые,
На улице драчливые,
Обжоры за столом...
И стали их пощипывать,

В головку поколачивать..
Молчи, солдатка-мать!

.....
2070 Теперь уж я не дольщица
Участку деревенскому,
Хоромному строеньицу,
Одеже и скоту.
Теперь одно богатство:
Три озера наплакано
Горючих слез, засеяно
Три полосы бедой!

.....
2080 Теперь, как виноватая,
Стою перед соседями:
Простите! я была
Спесива, непоклончива,
Не чаяла я, глупая,
Остаться сиротой...
Простите, люди добрые,
Учите уму-разуму.
Как жить самой? Как деточек
Поить, кормить, растить?..

.....
2090 Послала деток по-миру:
Просите, детки, ласкою,
Не смейте воровать!
А дети в слезы: «Холодно!
На нас одежда рваная,
С крылечка на крылечко-то
Устанем мы ступать,
Под окнами натопчемся,
Иззябнем... У богатого
Нам боязно просить,
«Бог даст!» — ответят бедные...
2100 Ни с чем домой воротимся —
Ты станешь нас бранить!..»

.....
Собрала ужин; матушку
Зову, золовок, деверя,
Сама стою голодная
У двери, как раба.

Свекровь кричит: «Лукавая!
В постель скорей торопишься?»
А деверь говорит:
2110 «Немного ты работала!
Весь день за деревиночкой
Стояла: дожидалася,
Как солнышко зайдет!»

.....
Получше нарядилась я,
Пошла я в церковь божию,
Смех слышу за собой!

.....
Хорошо не одевайся,
2120 До бела не умывайся,
У соседок очи зорки,
Востры языки!
Ходи улицей потише,
Носи голову пониже,
Коли весело — не смейся,
Не поплачь с тоски!

.....
Пришла зима бессменная,
Поля, луга зеленые
2130 Попрятались под снег.
На белом, снежном саване
Ни талой нет талиночки —
Нет у солдатки-матери
Во всем миру дружка!
С кем думушку подумати?
С кем словом перемолвиться?
Как справиться с убожеством?
Куда обиду сбить?
В леса — леса повяли бы,
2140 В луга — луга сгорели бы!
Во быстрюю реку?
Вода бы остоялася!
Носи, солдатка бедная,
С собой ее по гроб!

.....
Нет мужа, нет заступника!
Чу, барабан! Солдатики

- Идут... Остановились...
Построились в ряды.
2150 «Живей!» Филиппа вывели
На середину площади:
«Эй! перемена первая!» —
Шалашников кричит.
Упал Филипп: — Помилуйте!
«А ты попробуй! слюбится!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
Укрепа богатырская,
Не розги у меня!..»
- . . . . .
2160 И тут я с печи прыгнула,
Обулась. Долго слушала —
Всё тихо, спит семья!
Чуть-чуть я дверью скрипнула
И вышла. Ночь морозная...
Из доминой избы,
Где парни деревенские
И девки собиралися,
Гремела песня складная,
Любимая моя...
- 2170 «На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней батюшка,
Будил ее, побуживал:
Ты, Машенька, пойдем домой!
Ты, Ефимовна, пойдем домой!
Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немесячна,
Реки быстры, перевозов нет,
2180 Леса темны, караулов нет...
На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходила к ней матушка,
Будила, побуживала:
Машенька, пойдем домой!
Ефимовна, пойдем домой!
Я не йду и не слушаю:

2190 Ночь темна и немесячна,
Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет...
На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней Петр,
Петр, сударь Петрович,
Будил ее, побуживал:
Машенька, пойдем домой!
2200 Душа, Ефимовна, пойдем домой!
Я иду, сударь, и слушаю:
Ночь светла и месячна,
Реки тихи, перевозки есть,
Леса темны, караулы есть».

Глава VII

ГУБЕРНАТОРША

Почти бегом бежала я
Через деревню, — чудилось,
Что с песней парни гонятся
И девицы за мной.
За Клином огляделась я:
Равнина белоснежная,
2210 Да небо с ясным месяцем,
Да я, да тень моя...
Не жутко и не боязно
Вдруг стало, — словно радостью
Так и взмывало грудь...
Спасибо ветру зимнему!
Он, как водой студеною,
Большую напоил:
Обвеял буйну голову,
Рассеял думы черные,
2220 Рассудок воротил.
Упала на колени я:
«Открой мне, мать божия,
Чем бога прогневила я?
Владычица! во мне
Нет косточки неломаной,
Нет жилочки нетянутой,

Кровинки нет непорченной —
Терплю и не ропщу!
Всю силу, богом данную,
2230 В работу полагаю я,
Всю в деточек любовь!
Ты видишь всё, владычица,
Ты можешь всё, заступница!
Спаси рабу свою!..»

Молиться в ночь морозную
Под звездным небом божием
Люблю я с той поры.
Беда пристигнет — вспомните
И женам посоветуйте:
2240 Усердней не помолишься
Нигде и никогда.
Чем больше я молилася,
Тем легче становилось,
И силы прибавлялося,
Чем чаще я касалася
До белой, снежной скатерти
Горящей головой...

Потом — в дорогу тронулась,
Знакомая дороженька!
2250 Езжала я по ней.
Поедешь ранним вечером,
Так утром вместе с солнышком
Поспеешь на базар.
Всю ночь я шла, не встретила
Живой души, под городом
Обозы начались.
Высокие, высокие
Возы сенца крестьянского,
Жалела я коней:
2260 Свои кормы законные
Везут с двора, сердечные,
Чтоб после голодать.
И так-то всё, я думала:
Рабочий конь солому ест,
А пустопяс — овес!
Нужда с кулем тащилася, —

Мучица, чай, не лишняя,
Да подати не ждут!
С посада подгородного
2270 Торговцы-колотырники
Бежали к мужикам;
Божба, обман, ругательство!

Ударили к заутрени,
Как в город я вошла.
Ищу соборной площади,
Я знала: губернаторский
Дворец на площади.
Темна, пуста площадочка,
Перед дворцом начальника
2280 Шагает часовой.

— Скажи, служивый, рано ли
Начальник просыпается?
«Не знаю. Ты иди!
Нам говорить не велено!»
(Дала ему двугривенный):
«На то у губернатора
Особый есть швейцар».
— А где он? как назвать его?
«Макаром Федосеичем...
2290 На лестницу поди!»
Пошла, да двери заперты,
Присела я, задумалась,
Уж начало светать.
Пришел фонарщик с лестницей,
Два тусклые фонарика
На площади задул.

«Эй! что ты тут расселся?»

Вскочила, испугалась я:
В дверях стоял в халатике
2300 Плешивый человек.
Скоренько я целковенькой
Макару Федосеичу
С поклоном подала:

— Такая есть великая
Нужда до губернатора,
Хоть умереть — дойти!

«Пускать-то вас не велено,
Да... ничего!.. толкнись-ка ты
Так... через два часа...»

2310 Ушла. Бреду тихохонько...

Стоит из меди кованный,
Точь-в-точь Савелий дедушка,
Мужик на площади.
— Чей памятник? «Сусанина».

Я перед ним помешкала,
На рынок побрела.
Там крепко испугалась я,
Чего? Вы не поверите,
Коли сказать теперь:

2320 У поваренка вырвался
Матерый серый селезень,
Стал парень догонять его,
А он как закричит!

Такой был крик, что за душу
Хватил — чуть не упала я,
Так под ножом кричат!
Поймали! шею вытянул
И зашипел с угрозою,
Как будто думал повара,

2330 Бедняга, испугать.

Я прочь бежала, думала:
Утихнет серый селезень
Под поварским ножом!

Теперь дворец начальника
С балконом, с башней, с лестницей,
Ковром богатым устланной,
Весь стал передо мной.

На окна поглядела я:
Завешаны. «В котором-то

2340 Твоя опочиваленка?

Ты сладко ль спишь, желанный мой,
Какие видишь сны?..»

Сторонкой, не по коврику,
Прокралась я в швейцарскую.

«Раненько ты, кума!»

Опять я испугалася,
Макара Федосейча
Я не узнала: выбрился,
Надел ливрею шитую,
2350 Взял в руки булаву,
Как не бывало лысины.
Смеется. «Что ты вадрогнула?»
— Устала я, родной!

«А ты не трусы! Бог милостив!
Ты дай еще целковенькой,
Увидишь — удружу!»

Дала еще целковенькой.
«Пойдем в мою коморочку,
Попьешь пока чайку!»

2360 Коморочка под лестницей:
Кровать да печь железная,
Шандал да самовар.
В углу лампадка теплится,
А по стене картиночки.
«Вот он! — сказал Макар: —
Его превосходительство!»
И щелкнул пальцем бравого
Военного в звездах.

— Да добрый ли? — спросила я.

2370 «Как стих найдет! Сегодня вот
Я тоже добр, а временем —
Как пес бываю зол».

— Скучаешь, видно, дяденька?
«Нет, тут статья особая,
Не скука тут — война!
И Сам, и люди вечером

Уйдут, а к Федосеичу
В коморку враг: поборемся!
Борюсь я десять лет.
2380 Как выпьешь рюмку лишнюю,
Махорки как накуришься,
Как эта печь накалится,
Да свечка нагорит —
Так тут устой!..»

Я вспомнила
Про богатырство дедово:
— Ты, дядюшка, — сказала я, —
Должно быть, богатырь.

«Не богатырь я, милая,
А силой тот не хвастайся,
2390 Кто сна не поборал!»

В коморку постучались,
Макар ушел... Сидела я,
Ждала, ждала, соскучилась,
Приотворила дверь.
К крыльцу карету подали.
— Сам едет? «Губернаторша!» —
Ответил мне Макар
И бросился на лестницу.
По лестнице спускалася
2400 В собольей шубе барыня,
Чиновничек при ней.

Не знала я, что делала.
(Да видно надоумила
Владычица!)... Как брошусь я
Ей в ноги: «Заступись!
Обманом, не по-божески
Кормильца и родителя
У деточек берут!»

— Откуда ты, голубушка?

2410 Впопад ли я ответила —
Не знаю... Мука смертная
Под сердце подошла...

Очнулась я, молодчики,
В богатой, светлой горнице,
Под пологом лежу;
Против меня — кормилица,
Нарядная, в кокошнике,
С ребеночком сидит:
— Чье дитятко, красавица?
2420 «Твое!» Поцеловала я
Рожоное дитя...

Как в ноги губернаторше
Я пала, как заплакала,
Как стала говорить,
Сказалась усталъ долгая,
Истома непомерная,
Упередилося времечко —
Пришла моя пора!
Спасибо губернаторше,
2430 Елене Александровне,
Я столько благодарна ей,
Как матери родной!
Сама крестила мальчика
И имя: Лиодорушка
Младенцу избрала...

— А что же с мужем сталося?

— Послали в Клин нарочного,
Всю истину довели —
Филиппушку спасли.
2440 Елена Александровна
Ко мне его, голубчика,
Сама — дай бог ей счастье! —
За ручку подвела.
Добра была, умна была,
Красивая, здоровая,
А деток не дал бог!
Пока у ней гостила я,
Всё время с Лиодорушкой
Носилась, как с родным.

2450   Весна уж начиналася,
Березка распускалася,
Как мы домой пошли...

Хорошо, светло
В мире божием!
Хорошо, легко,
Ясно на сердце.

          Мы идем, идем —
Остановимся,
На леса, луга
2460   Полюбujemy,
Полюбujemy
Да послушаем,
Как шумят-бегут
Воды вешние,
Как поет-звенит
Жавороночек!
Мы стоим, глядим...
Очи встретятся —
Усмехнемся мы,
2470   Усмехнется нам
Лиодорушка.

А увидим мы
Старца нищего,
Подадим ему
Мы копеечку:
«Не за нас молись, —
Скажем старому: —
Ты молись, старик,
За Еленушку,
2480   За красавицу
Александровну!»

А увидим мы
Церковь божию,
Перед церковью
Долго крестимся:
«Дай ей, господи,

Радость — счастье,
Доброй душеньке
Александровне!»

2490 Зеленеет лес,
Зеленеет луг,
Где низиночка —
Там и зеркало!
Хорошо, светло
В мире божием,
Хорошо, легко,
Ясно на сердце.
По водам плыву
Белым лебедем,
2500 По степям бегу —
Перепелочкой.

Прилетела в дом
Сизым голубем...
Поклонился мне
Свекор-батюшка;
Поклонилась
Мать-свекровушка,
Деверья, зятя
Поклонились,
2510 Поклонились,
Повинились!
Вы садитесь-ка,
Вы не кланяйтесь,
Вы послушайте,
Что скажу я вам:
Тому кланяться,
Кто сильнее меня, —
Кто добрей меня,
Тому славу петь.
2520 Кому славу петь?
Губернаторше!
Доброй душеньке
Александровне!

Глава VIII

БАБЬЯ ПРИТЧА

Замолкла Тимофеевна.
Конечно, наши странники
Не пропустили случая
За здравье губернаторши
По чарке осушить.

И видя, что хозяйюшка
2530 Ко стогу приклонилася,
К ней подошли гуськом:
— Что ж дальше?

— Сами знаете:

Ославили счастливицей,
Прозвали губернаторшей
Матрену с той поры...
Что дальше? Домом правлю я,
Рощу детей... На радость ли?
Вам тоже надо знать.

Пять сыновей! Крестьянские
2540 Порядки нескончаемы —
Уж взяли одного!

Красивыми ресницами
Моргнула Тимофеевна,
Поспешно приклонилася
Ко стогу головой.
Крестьяне мялись, мешкали,
Шептались. — Ну, хозяйюшка!
Что скажешь нам еще?

— А то, что вы затеяли
2550 Не дело — между бабами
Счастливую искать!..

— Да всё ли рассказала ты?

— Чего же вам еще?
Не то ли вам рассказывать,
Что дважды погорели мы,
Что бог сибирской язвою
Нас трижды посетил?

Потуги лошадиные
Несли мы; погуляла я,
2560 Как мерин в бороне!..

Ногами я не топтана,
Веревками не вязана,
Иголками не колота...
Чего же вам еще?
Сулилась душу выложить,
Да, видно, не сумела я, —
Простите, молодцы!
Не горы с места сдвинулись,
Упали на головушку,
2570 Не бог стрелой громовою
Во гневе грудь пронзил,
По мне — тиха, невидима —
Прошла гроза душевная,
Покажешь ли ее?
По матери поруганной,
Как по змее растоптанной,
Кровь первенца прошла,
По мне обиды смертные
Прошли неотплаченные,
2580 И плеть по мне прошла!
И только не отведала —
Спасибо! умер Ситников —
Стыда неискупимого,
Последнего стыда!
А вы — за счастьем сунулись!
Обидно, молодцы!
Идите вы к чиновнику,
К вельможному боярину,
Идите вы к царю,
2590 А женщин вы не трогайте,
Вот бог! ни с чем проходите
До гробовой доски!
К нам на ночь попросилася
Одна старушка божия:
Вся жизнь убогой старицы —
Убийство плоти, пост;
У гроба Иисусова
Молилась, на Афонские

Всходила высоты,
2600 В Иордань-реке купалася...
И та святая старица
Рассказывала мне:
«Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки
Зброшены, потеряны
У бога самого!
Отцы-пустынножители
И жены непорочные,
И книжники-начетчики
2610 Их ищут — не найдут!
Пропали! думать надобно,
Сглонула рыба их...
В веригах, изможденные,
Голодные, холодные,
Прошли господни ратники
Пустыни, города —
И у волхвов выпрашивать,
И по звездам высчитывать
Пытались — нет ключей!
2620 Весь божий мир изведали,
В горах, в подземных пропастях
Искали... Наконеп,
Нашли ключи сподвижники!
Ключи неоценимые,
А всё -- не те ключи!
Пришлись они, — великое
Избранным людям божим
То было торжество, —
Пришлись к рабам-невольникам:
2630 Темницы растворилися,
По миру вздох прошел,
Такой ли громкий, радостный!..
А к нашей женской волюшке
Всё нет и нет ключей!
Великие сподвижники
И по сей день стараются —
На дно морей спускаются,
Под небо поднимаются —
Всё нет и нет ключей!
2640 Да вряд они и сыщутся...

Какою рыбой сглонуты
Ключи те заповедные,
В каких морях та рыбина
Гуляет — бог забыл!..»

ПРИМЕЧАНИЯ К «КРЕСТЬЯНКЕ»

¹ Обычай.

² Во время последней вечеринки, или порученья, с невесты снимают *волю*, т. е. ленту, которую носят девицы до замужства.

³ Первое катанье на санях.

⁴ Деревенский колодец.

⁵ Полуимпералы.

⁶ Взято почти буквально из народного причитанья.

⁷ Примета: Если мать умершего младенца станет есть яблоки до Спаса (когда они поспевают), то бог, в наказание, не даст на том свете ее умершему младенцу «яблочка поиграть».

⁸ Если младшая сестра выйдет замуж ранее старшей, то последняя называется бракованной.

⁹ Комета.

¹⁰ Примета: не надевай чистую рубаху в Рождество: не то жди неурожая. (Есть у Даля.)

ПОСЛЕДЫШ

(из второй части)

I

Петровки. Время жаркое.
В разгаре сенокос.

Минув деревню бедную,
Безграмотной губернии,
Старо-Вахлацкой волости,
Большие Вахлаки,
Пришли на Волгу странники...
Над Волгой чайки носятся;
Гуляют кулики
10 По отмели. А по лугу,
Что гол, как у подъячего
Щека, вчера побритая,
Стоят «Князя Волконские»*
И детки их, что ранее
Родятся, чем отцы**.

— Прокосы широчайшие! —
Сказал Пахом Онисимыч: —
Здесь богатырь народ! —
Смеются братья Губины:
20 Давно они заметили
Высокого крестьянина
Со жбаном — на стогу;
Он пил, а баба с вилами,
Здравши кверху голову,

---

* Стоги.

** Кошны.

Глядела на него.
Со стогом поровнялися —
Всё пьет мужик! Отмерили
Еще шагов пол-ста,
Все разом оглянулись:
30 Попрежнему, закинувшись,
Стоит мужик; посудина
Дном кверху поднята...

Под берегом раскинуты
Шатры; старухи, лошади
С порожними телегами
Да дети видны тут.
А дальше, где кончается
Отава подкошенная,
Народу тьма! Там белые
40 Рубахи баб, да пестрые
Рубахи мужиков,
Да голоса, да звяканье
Проворных кос. «Бог на помочь!»
— Спасибо, молодцы!

Остановились странники...
Размахи сенокосные
Идут чредою правильной:
Все разом занесенные
Сверкнули косы, звякнули,
60 Трава мгновенно дрогнула
И пала, прошумев!

По низменному берегу,
На Волге, травы рослые,
Веселая косьба.
Не выдержали странники:
«Давно мы не работали,
Давайте — покосим!»
Семь баб им косы отдали.
Проснулась, разгорелась
60 Привычка позабытая
К труду! Как зубы с голоду,
Работает у каждого
Проворная рука.

Валят траву высокѹю,
Под песню незнакомую
Вахлацкой стороне;
Под песню, что навеяна
Мятелями и вьюгами
Родимых деревень:
70 Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова,
Неурожайка-тож...

Натешившись, усталые,
Присели к стогу завтракать...

«Откуда, молодцы? —
Спросил у наших странников
Седой мужик (которого
Бабенки звали Власушкой): —
80 Куда вас бог несет?»

— А мы... — сказали странники
И замолчали вдруг:
Послышалась им музыка!
«Помещик наш катается, —
Промолвил Влас — и бросился
К рабочим: — Не зевать!
Коси дружней! А главное:
Не огорчить помещика.
Рассердится — поклон ему!
90 Похвалит вас: ура кричи...
Эй, бабы! не галдеть!»
Другой мужик, присадистый,
С широкой бородищею,
Почти что то же самое
Народу приказал,
Надел кафтан — и барина
Бежит встречать. «Что за люди? —
Оторопелым странникам
Кричит он на бегу: —
100 Снимите шапки!»

* К берегу

Причалили три лодочки.
В одной прислуга, музыка,
В другой — кормилка дюжая
С ребенком, няня старая
И приживалка тихая,
А в третьей — господа:
Две барыни красивые
(Потоньше — белокурая,
Потолще — чернобровая),
110 Усатые два барина,
Три барчонка-погодочки
Да старый старичок:
Худой! как зайцы зимние
Весь бел, и шапка белая,
Высокая, с околышем
Из красного сукна.
Нос клювом, как у ястреба,
Усы седые, длинные
И — разные глаза:
120 Один здоровый — светится,
А левый — мутный, пасмурный,
Как оловянный греш!

При них: собачки белые,
Мохнатые, с султанчиком,
На крохотных ногах...

Старик, поднявшись на берег,
На красном, мягком коврикe
Долгонько отдыхал,
Потом покос осматривал:
130 Его водичи под руки
То господа усатые,
То молодые барыни, —
И так, со всею свитою,
С детьми и приживалками,
С кормилкою и вяньюкою,
И с белыми собачками,
Всё поле сенокосное
Помещик обошел.
Крестьяне низко кланялись,

140 Бурмистр (сметнули странники,
Что тот мужик присадистый
Бурмистр) перед помещиком,
Как бес перед заутреней,
Юлил: «Так точно! Слушаю-с!»
И кланялся помещику
Чуть-чуть не до земли.

В один стожище мäterой,
Сегодня только сметанный,
Помещик пальцем ткнул,
150 Нашел, что сено мокрое,
Вспылил: «Добро господское
Гноить? Я вас, мошенников,
Самих сгною на барщине!
Пересушить сейчас!..»
Засуетился староста:
«Недосмотрел маненичко!
Сыренько: виноват!»
Созвал народ — и вилами
Богатыря кряжистого,
160 В присутствии помещика,
По ключьям разнесли.
Помещик успокоился.

(Попробовали странники:
Сухохонько сенцо!)

Бежит лакей с салфеткою,
Хромает: «Кушать подано!»
Со всей своею свитою,
С детьми и приживалками,
С кормилкою и нянькою,
170 И с белыми собачками,
Пошел помещик завтракать,
Работы осмотрев.
С реки из лодки грянула
Навстречу барам музыка,
Накрытый стол белеется
На самом берегу...

Дивятся наши странники.
Пристали к Власу: — Дедушка!
Что за порядки чудные?
180 Что за чудной старик?

«Помещик наш: Утятин князь!»

— Чего же он куражится?
Теперь порядки новые,
А он дурит по-старому:
Сенцо сухим-сухохонько —
Велел пересушить!

«А то еще диковинней,
Что и сенцо-то самое,
И пожня — не его!»

190 — А чья же?

«Нашей вотчины».

— Чего же он тут суется?
Ин вы у бога не люди?

«Нет, мы, по божьей милости,
Теперь крестьяне вольные,
У нас, как у людей,
Порядки тоже новые,
Да тут статья особая...»

— Какая же статья?

Под стогом лег старинушка
200 И — больше ни словца!
К тому же стогу странники
Присели; тихо молвили:
— *Эй! скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков!*
И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки:
Ведро вина поставили,

Горой наклали хлебушка
210 И спрятались опять...

Налив стаканчик дедушке,
Опять пристали странники:
«Уважь! скажи нам, Власушка,
Какая тут статья?»

— Да пустяки! Тут нечего
Рассказывать... А сами вы
Что за люди? Откуда вы?
Куда вас бог несет?

«Мы люди чужестранные,
220 Давно, по делу важному,
Домишки мы покинули,
У нас забота есть...
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды...»

Остановились странники...

— О чем же вы хлопочете?

«Да помолчим! Поели мы,
230 Так отдохнуть желательно».
И улеглись. Молчат!

— Вы так-то! а по-нашему,
Коль начал, так досказывай!

«А сам, небось, молчишь!
Мы не в тебя, старинушка!
Изволь, мы скажем: видишь ли,
Мы ищем, дядя Влас,
Непоротой Губернии,
Непотрешеной Волости,
240 Избыткова села!..»

И рассказали странники,
Как встретились нечаянно,
Как подрались, заспоривши,
Как дали свой зарок
И как потом шаталися,
Искали по губерниям
Подтянутой, Подстреленой,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

250 Влас слушал — и рассказчиков
Глазами мерял: «Вижу я,
Вы тоже люди странные!
Сказал он, наконец: —
Чудим и мы достаточно,
А вы — и нас чудней!»

— Да что ж у вас-то дееся?
Еще стаканчик, дедушка!

Как выпил два стаканчика,
Разговорился Влас:

II

260 — Помещик наш особенный,
Богатство непомерное,
Чин важный, род вельможеский,
Весь век чудил, дурил,
Да вдруг гроза и грянула...
Не верит: врут, разбойники!
Посредника, исправника
Прогнал! дурит по-старому.
Стал крепко подозрителен,
Не поклонись — дерет!
270 Сам губернатор к барину
Приехал: долго спорили,
Сердитый голос барина
В застольной дворя слышала;
Озлился так, что к вечеру
Хватил его удар!
Всю половину левую

Отбило: словно мертвая,
И как земля черна...
Пропал ни за копеечку!
280 Известно, не корысть,
А спесь его подрезала,
Соринку он терял.

— Что значит, други милые,
Привычка-то помещицья! —
Заметил Митродор.

— Не только над помещиком,
Привычка над крестьянином
Сильна, — сказал Пахом. —
Я раз по подозрению
290 В острог попавши — чудного
Там видел мужика.
За конокрадство, кажется,
Судился, звали Сидором,
Так из острога барину
Он посылал оброк!
(Доходы арестантские
Известны: подаяние,
Да что-нибудь сработает,
Да стащит что-нибудь).
300 Ему смеялись прочие:
— А ну, на поселение
Сошлют — пропали денежки!
«Всё лучше», — говорит...

— Ну, дальше, дальше, дедушка!

— Соринка дело плевое,
Да только не в глазу:
Пал дуб на море тихое,
И море всё заплакало —
Лежит старик без памяти
310 (Не встанет, так и думали)!
Приехали сыны,
Гвардейцы черноусые
(Вы их на пожне видели,

А барыни красивые,
То жены молодцов).
У старшего доверенность
Была: по ней с посредником
Установили грамоту...
Ан вдруг и встал старик!
320 Чуть заикнулись... Господи!
Как зверь метнулся раненый,
И загремел, как гром!
Дела-то всё недавние,
Я был в то время старостой,
Случился тут — так слышал сам,
Как он честил помещиков,
До слова помню всё:
«Корят жидов, что предали
Христа... а вы что сделали?
330 Права свои дворянские,
Веками освященные,
Вы предали!..» Сынам
Сказал: «Вы трусы подлые!
Не дети вы мои!
Пускай бы люди мелкие,
Что вышли из поповичей,
Да, понажившись взятками,
Купили мужиков,
Пускай бы... им простительно!
340 А вы... князя Утятини?
Какие вы У-тя-ти-ны!
Идите вон!.. подкидыши,
Не дети вы мои!»

Орбелли наследники:
А ну, как перед смертью
Лишит наследства? Мало ли
Лесов, земель у батюшки?
Что денег понакоплено,
Куда пойдет добро?
350 Гадай! У князя в Питере
Три дочери побочные
За генералов выданы,
Не отказал бы им!

А князь опять больнехонек...
Чтоб только время выиграть,
Придумать: как тут быть?
Которая-то барыня
(Должно быть, белокурая:
Она ему, сердечному,
360 Слыхал я, терла щеткою
В то время левый бок)
Возьми и брякни барину,
Что мужиков помещикам
Велели воротить!

Поверил! Проще малого
Ребенка стал старинушка,
Как паралич расшиб!
Заплакал! пред иконами
Со всей семьею молится,
370 Велит служить молебствие,
Звонить в колокола!

И силы словно прибыло,
Опять: охота, музыка,
Дворовых дует палкою,
Велит созвать крестьян.

С дворовыми наследники
Стакнулись, разумеется,
А есть один (он давеча
С салфеткой прибежал),
380 Того и уговаривать
Не надо было: барина
Столь много любит он!
Ипатов прозывается.
Как воля нам готовилась,
Так он не верил ей:
«Шалишь! Князя Утятини
Останутся без вотчины?
Нет, руки коротки!»
Явилось «Положение»,
390 Ипат сказал: «балуйтесь вы!
А я князей Утятиних
Холоп — и весь тут сказ!»

Не может барских милостей
 Забыть Ипат! Потешные
 О детстве и о младости,
 Да и о самой старости
 Рассказы у него
 (Придешь, бывало, к барину,
 Ждешь, ждешь... Неволей слушаешь,
 400 Сто раз я слышал их):
 «Как был я мал, наш князюшка
 Меня рукою собственной
 В тележку запрягал;
 Достиг я резвой младости:
 Приехал в отпуск князюшка
 И, подгулявши, выкупал
 Меня, раба последнего,
 Зимою в проруби!
 Да как чудно! Две проруби:
 410 В одну опустит в неводе,
 В другую мигом вытянет —
 И водки поднесет.
 Клониться стал я к старости.
 Зимой дороги узкие,
 Так часто с князем ездили
 Мы гусем в пять коней.
 Однажды князь — затейник же! —
 И посади фалетуром
 Меня, раба последнего,
 420 Со скрипкой — впереди.
 Любил он крепко музыку.
 «Играй, Ипат!» А кучеру
 Кричит: пошел живей!
 Мятель была изрядная,
 Играл я: руки заняты,
 А лошадь спотыкливая —
 Свалился я с нее!
 Ну, сани, разумеется,
 Через меня проехали,
 430 Попридавили грудь.
 Не то беда: а холодно,
 Замерзнешь — нет спасения,
 Кругом пустыня, снег...
 Гляжу на звезды частые

Да каюсь во грехах.
Так что же, друг ты истинный?
Послышал я бубенчики,
Чу, ближе! чу, звончей!
Вернулся князь (закапали
440 Тут слезы у дворового,
И сколько ни рассказывал,
Всегда тут плакал он!),
Одел меня, согрел меня
И рядом, недостойного,
С своей особой княжеской
В санях привез домой!»

Поохотали странники...
Глонув вина (в четвертый раз),
Влас продолжал: — Наследники.
450 Ударили и вотчине
Челом: «Нам жаль родителя,
Порядков новых, нынешних
Ему не перенести.
Поберегите батюшку!
Помалчивайте, кланяйтесь,
Да не перечьте хворому,
Мы вас вознаградим:
За лишний труд, за барщину,
За слово даже бранное,
460 За всё заплатим вам.
Недолго жить сердечному,
Навряд ли два-три месяца,
Сам дохтур объявил!
Уважьте нас, послушайтесь,
Мы вам луга поемные
По Волге подарим;
Сейчас пошлем посреднику
Бумагу, дело верное!»

Собрался мир, галдит!

470 Луга-то (эти самые)
Да водка, да с три короба
Посулов то и сделали,
Что мир решил помалчивать

До смерти старика.
Поехали к посреднику:
Смеется! «Дело доброе,
Да и луга хорошие,
Дурачьтесь, бог простит!
Нет на Руси, вы знаете,
480 Помалчивать да кланяться
Запрета никому!»
Однако я противился:
— Вам, мужикам, с-полагоря,
А мне-то какво?
Что ни случится: к барину
Бурмистра! что ни вздумает,
За мной пошлет! Как буду я
На спросы бестолковые
Ответствовать? дурацкие
490 Приказы исполнять?
«Ты стой пред ним без шапочки,
Помалчивай да кланяйся,
Уйдешь — и дело кончено.
Старик больной, расслабленный,
Не помнит ничего!»

Оно и правда: можно бы!
Морочить полоумного
Нехитрая статья,
Да быть шутком гороховым,
500 Признаться, не хотелось.
И так я на веку
У притолоки стоючи
Помялся перед барином
Досыта! «Коли мир
(Сказал я, миру кланяясь):
Дозволит покуражиться
Уволенному барину
В останные часы,
Молчу и я — покорствую,
510 А только что от должности
Увольте вы меня!»

Чуть дело не разладилось.
Да Климка Лавин выручил:

«А вы бурмистром сделайте
Меня! Я удовольствую
И старика, и вас.
Бог приберет «Последыша»
Скоренько, а у вотчины
Останутся луга.

520 Так будем мы начальствовать,
Такие мы строжайшие
Порядки заведем,
Что надорвет животики
Вся вотчина... Увидите!»

Долгонько думал мир.
Что ни на есть отчаянный
Был Клим мужик: и пьяница,
И наруку нечист.
Работать не работает,
530 С цыганами возжается,
Бродяга, коновал!
Смеется над трудящимся:
С работы, как ни мучайся,
Не будешь ты богат,
А будешь ты горбат!
А впрочем, парень грамотный,
Бывал в Москве и в Питере,
В Сибирь ездил с купечеством,
Жаль, не остался там!
540 Умен, а грош не держится,
Хитер, а попадается
Впросак! Бахвал мужик!
Каких-то слов особенных
Наслушался: Атечество,
Москва первопрестольная,
Душа великорусская.
«Я — русский мужичок!» —
Горланил диким голссом
И, кокнув в лоб посудю,
550 Пил залпом полуштоф!
Как рукомойник кланяться
Готов за водку всякому,
А есть казна — поделится,

Со встречным всё пропъет!
Горазд орать, балясничать,
Гнилой товар показывать
С хазового конца.
Нахвастает с три короба,
А уличишь — отшутится
560 Бесстыжей поговоркою,
Что «за погудку правую
Смычком по роже бьют!»

Подумавши, оставили
Меня бурмистром: правлю я
Делами и теперь.
А перед старым барином
Бурмистром Климку назвали,
Пускай его! По барину
Бурмистр! перед «Последышем»
570 Последний человек!

У Клина совесть глиняна,
А бородища Минина,
Посмотришь, так подумаешь,
Что не найти крестьянина
Степенней и трезвей.
Наследники построили
Кафтан ему: одел его,
И сделался Клим Яковлич
Из Климки беспшашного
580 Бурмистр первейший сорт.

Пошли порядки старые!
Последышу-то нашему,
Как на беду, приказаны
Прогулки. Что ни день
Через деревню катится
Рессорная колясочка:
Вставай! картуз долой!
Бог весть с чего накинется,
Бранит, корит; с угрозою
590 Подступит — ты молчи!
Увидит в поле пахаря
И за его же полосу

Облает: и лентяи-то,
 И лежебоки мы!
 А псласа сработана,
 Как никогда на барина
 Не работал мужик,
 Да невдомек последышу,
 Что уж давно не барская,
 600 А наша полоса!
 Сойдемся — смех! У каждого
 Свой сказ про юродивого
 Помещика: икается,
 Я думаю, ему!
 А тут еще Клим Яковлич.
 Придет, глядит начальником
 (Горда свинья: чесалася
 О барское крыльцо!),
 Кричит: «приказ по вотчине!»
 610 Ну, слушаем приказ:
 «Докладывал я барину,
 Что у вдовы Терентьевны
 Избенка развалилася,
 Что баба побирается
 Христовым подаяннем,
 Так барин приказал:
 На той вдове Терентьевой
 Женить Гаврилу Жохова,
 Избу поправить заново,
 620 Чтоб жили в ней, плодился
 И правили тягло!»
 А той вдове — под семьдесят,
 А жениху — шесть лет!
 Ну, хохот, разумеется!..
 Другой приказ: «Коровушки
 Вчера гнались до солнышка
 Близ барского двора,
 И так мычали, глупые,
 Что разбудили барина, —
 630 Так пастухам приказано
 Впредь унимать коров!»
 Опять смеется вотчина.
 «А что смеетесь? Всякие
 Бывают приказания:

Сидел на губернаторстве
В Якутске генерал.
Так на кол тот коровушек
Сажал! Долгонько слушались:
Весь город разукрасили,
640 Как Питер монументами,
Казненными коровами,
Пока не догадались,
Что спятил он с ума!»
Еще приказ: «У сторожа,
У ундера Софронова
Собака непочтительна:
Залаяла на барина,
Так ундера прогнать,
А сторожем к помещицъей
650 Усадьбе назначается
Ерёмка!..» Покатились
Опять крестьяне со смеху:
Ерёмка тот с рождения
Глухонемой дурак!

Доволен Клим. Нашел-таки
По праву должность! Бегаёт,
Чудит, во всё мешается,
Пить даже меньше стал!
Бабенка есть тут бойкая,
660 Орефьевна, кума ему,
Так с ней Климаха барина
Дурачит заодно.
Лафа бабенкам! бегают
На барский двор с полотнами,
С грибами, с земляникою:
Всё покупают барыни
И кормят, и поят!

Шутили мы, дурачились,
Да вдруг и дошутились
670 До сущей до беды:
Был грубый, непоклаистый
У нас мужик Агап Петров,
Он много нас корил:
«Ай, мужики! Царь сжалился,

Так вы в хомут охотою...
Бог с ними, с сенокосами!
Знать не хочу господ!..»
Тем только успокоили,
Что штоф вина поставили
650 (Винцо-то он любил).
Да чорт его современем
Нанес-таки на барина:
Везет Агап бревно —
(Вишь, мало ночи глупому,
Так воровать отправился
Лес — среди бела дня!),
Навстречу та колясочка
И барин в ней: «Откудова
Бревно такое славное
690 Везешь ты, мужичок?..»
А сам смекнул, откудага.
Агап молчит: бревешко-то
Из лесу из господского,
Так что тут говорить!
Да больно уж окрысился
Старик: пилил, пилил его,
Права свои дворянские
Высчитывал ему!

Крестьянское терпение
700 Выносливо, а временем
Есть и ему конец.
Агап раненько выехал,
Без завтрака: крестьянина
Тошнило уж и так,
А тут еще речь барская,
Как муха неотвязная,
Жужжит под ухо самое...

Захотел Агап!
«Ах, шут ты, шут гороховый!
710 Никшни!» — да и пошел!
Досталось тут последышу
За дедов и за прадедов,
Не только за себя.
Известно, гневу нашему

Дай волю! Брань господская,
Что жало комариное,
Мужицкая — обух!
Опешил барин! Легче бы
Стоять ему под пулями,
720 Под каменным дождем!
Опешили и сродники,
Бабенки было бросались
К Агапу с угговорами,
Так он вскричал: убую!..
«Что брага раскуражились
Подонки из поганого
Корыта... Цыц! Никшни!
Крестьянских душ владение
Покончено. Последыш ты!
730 Последыш ты! По милости
Мужицкой нашей глупости
Сегодня ты начальствуешь,
А завтра мы последышу
Пинка — и кончен бад!
Иди домой, похаживай,
Поджавши хвост, по горницам,
А нас оставь! Никшни!..»

— Ты — бунтовщик! — с хрипотою
Сказал старик; затрясся весь
740 И полумертвый пал!
«Теперь конец!» — подумали
Гвардейцы черноусые
И барыни красивые;
Ан вышло — не конец!

Приказ: пред всею вотчиной,
В присутствии помещика,
За дерзость беспримерную
Агапа наказать.
Забегали наследники
750 И жены их — к Агапушке,
И к Климу, и ко мне!
«Спасите нас, голубчики!
Спасите!» Ходят бледные:
«Коли обман откроется,

Пропали мы совсем!»
Пошел бурмистр орудовать!
С Агапом пил до вечера,
Обнявшись, до полуночи
Деревней с ним гулял,
760 Потом опять с полуночи
Поил его — и пьяного
Привел на барский двор.
Всё обошлось любехонько:
Не мог с крылечка сдвинуться
Последыш — так расстроился...
Ну, Климке и лафа!

В конюшню плут преступника
Привел, перед крестьянином
Поставил штоф вина:
770 «Пей, да кричи: помилуйте!
Ой, батюшки! ой, матушки!»
Послушался Агап,
Чу, вопит! Словно музыку
Последыш стоны слушает,
Чуть мы не рассмеялися,
Как стал он приговаривать:
«Ка-тай его, раз-бой-ника,
Бун-тов-щи-ка... Ка-тай!»
Ни дать, ни взять под розгами
780 Кричал Агап, дурачился,
Пока не допил штоф:
Как из конюшни вынесли
Его мертвецки пьяного
Четыре мужика,
Так барин даже сжалился:
«Сам виноват, Агапушка!» —
Он ласково сказал...

«Вишь, тоже добрый! сжалился», —
Заметил Пров, а Влас ему:
790 — Не зол... да есть пословица:
Хвали траву в стогу,
А барина — в гробу!
Всё лучше, кабы бог его
Прибрал... Уж нет Агапушки...

— Как! умер?

— Да, почтенные:

Почти что в тот же день!
Он к вечеру разохался,
К полуночи попросил,
К белу свету преставился.
800 Зарыли и поставили
Животворящий крест...
С чего? Один бог ведает!
Конечно, мы не тронули
Его не только розгами —
И пальцем. Ну а всё ж
Нет, нет — да и подумаешь:
Не будь такой оказии,
Не умер бы Агап!
Мужик сырой, особенный,
810 Головка непоклончива,
А тут: иди, ложись!
Положим: ладно кончилось,
А всё Агап надумался:
Упрешься — мир осердится,
А мир дурак — доймет!
Всё разом так подстроилось:
Чуть молодые барыни
Не целовали старого,
Полсотни, чай, подсунули,
820 А пуще: Клим бессовестный,
Сгубил его, анафема,
Винищем!..

— Вон от барина
Посол идет: откушали!
Совет, должно быть, старосту,
Пойду взгляну камедь!

III

Пошли за Власом странники;
Бабенок тоже несколько
И парней с ними тронулось;
Был полдень, время отдыха,
830 Так набралось порядочно

Народу — поглазеть.
Все стали в ряд почтительно
Поодаль от господ...

За длинным, белым столиком,
Уставленным бутылками
И кушаньями разными,
Сидели господа:
На первом месте — старый князь,
Седой, одетый в белое,
840 Лицо перекошонсе,
И — разные глаза.
В петлице крестик беленький
(Влас говорит: Георгия
Победоносца крест).
За стулом в белом галстуке
Ипат, дворовый преданный,
Обмахивает мух.
По сторонам помещика
Две молодые барыни:
850 Одна черноволосая,
Как свекла губы красные,
По яблоку — глаза!
Другая белокурая,
С распущенной косой,
Ай, косонька! как золото
На солнышке горит!
На трех высоких стульчиках
Три мальчика нарядные,
Салфеточки подвязаны
860 Под горло у детей.
При них старуха нянюшка,
А дальше — челядь разная:
Учительницы, бедные
Дворянки. Против барина —
Гвардейцы черноусые,
Последыша сыны.

За каждым стулом девочка,
А то и баба с веткою —
Обмахивает мух.
870 А под столом мохнатые

Собачки белошорстые.
Барчонки дразнят их...

Без шапки перед баршином
Стоял бурмистр:

«А скоро ли? —
Спросил помещик, кушая: —
Окончим сенокос?»

— Да как теперь прикажете:
У нас по положению
Три дня в неделю барские,
880 С тягла: работник с лошадыю,
Подросток или женщина,
Да полстарухи в день.
Господский срок кончается...

«Тсс! тсс! — сказал Утятин князь,
Как человек, заметивший,
Что на тончайшей хитрости
Другого изловил: —
Какой такой *господский срок?*
Откуда ты взял его?»
890 И на бурмистра верного
Навел пытливо глаз.

Бурмистр потупил голову.
— Как приказать изволите!
Два-три денька хорошие,
И сено вашей милости
Всё уберем, бог даст!
Не правда ли, ребятушки?..
(Бурмистр воротит к барщине
Широкое лицо).
900 За барщину ответила
Проворная Орефьевна,
Бурмистрова кума:
— Вестимо так, Клиим Яковлич,
Покуда вёдро держится,
Убрать бы сено барское,
А наше — подождет!

«Бабенка, а умней тебя!»
Помещик вдруг осклабился
И начал хохотать.
910 «Ха-ха! дурак!.. Ха-ха-ха-ха!
Дурак! дурак! дурак!
Придумали: господский срок!
Ха-ха... дурак! ха-ха-ха-ха!
Господский срок — вся жизнь раба!
Забыли, что ли, вы:
Я божиею милостью,
И древней царской грамотой,
И родом и заслугами
Над вами господин!..»

920 Влас наземь опускается.
— Что так? — спросили странники.
«Да отдохну пока!
Теперь нескоро князюшка
Сойдет с коня любимого!
С тех пор, как слух прошел,
Что воля нам готовится,
У князя речь одна:
Что мужику у барина
До светопреставления
930 Зажату быть в горсти!..»

И точно: час без малого
Последыш говорил!
Язык его не слушался:
Старик слюною брызгался,
Шипел! И так расстроился,
Что правый глаз задергало,
А левый вдруг расширился
И — круглый, как у филина —
Вертелся колесом.
940 Права свои дворянские,
Веками освященные,
Заслуги, имя древнее
Помещик поминал,
Царевым гневом, божиим
Грозил крестьянам, ежели
Взбунтуются они,

И накрепко приказывал,
Чтоб пустяков не думала,
Не баловалась вотчина,
950 А слушалась господ!

— Отцы! — сказал Клим Яковлич
С каким-то визгом в голосе,
Как будто вся утроба в нем,
При мысли о помещиках,
Заликовала вдруг: —
Кого же нам и слушаться?
Кого любить? надеяться
Крестьянству на кого?
Бедами упиваемся,
960 Слезами умываемся,
Куда нам бунтовать?
Всё ваше, всё господское —
Домишки наши ветхие
И животинки хворые
И сами — ваши мы!
Зерно, что в землю брошено,
И овощ огородная,
И волос на нечесаной
Мужицкой голове —
970 Всё ваше, всё господское!
В могилках наши прадеды,
На печках деды старые
И в выбках дети малые —
Всё ваше, всё господское!
А мы, как рыба в неводе,
Хозяева в дому!

Бурмистра речь покорная
Понравилась помещику:
Здоровый глаз на старосту
980 Глядел с благоволением,
А левый успокоился:
Как месяц в небе стал!
Налив рукою собственной
Стакан вина заморского,
«Пей!» — барин говорит.
Вино на солнце искрится,

Густое, маслянистое.
Клим выпил, не поморщился
И вновь сказал: «Отцы!
990 Живем за вашей милостью,
Как у Христа за пазухой:
Попробуй-ка без барина
Крестьянин так пожить!
(И снова, плут естественный,
Глонул вина заморского):
Куда нам без господ?
Бояре — кипарисовы,
Стоят, не гнут головушки!
Над ними — царь один!
1000 А мужики вязовые —
И гнутся-то и тянутся,
Скрипят! Где мат крестьянину,
Там барину сполагоря:
Под мужиком лед ломится,
Под барином трещит!
Отцы! руководители!
Не будь у нас помещиков,
Не наготовим хлебушка,
Не запасем травы!
1010 Хранители! радетели!
И мир давно бы рушился
Без разума господского,
Без нашей простоты!
Вам на роду написано
Блюсти крестьянство глупое,
А нам работать, слушаться,
Молиться за господ!»

Дворовый, что у барина
Стоял за стулом с веткою,
1020 Вдруг всхлипнул! Слезы катятся
По старому лицу.
«Помолимся же господу
За долголетье барина!» —
Сказал халуй чувствительный
И стал креститься дряхлою,
Дрожащею рукой.
Гвардейцы черноусые

Кисленько как-то глянули
На верного слугу;
1030 Однако — делать нечего! —
Фуражки сняли, крестятся.
Перекрестились барыни,
Перекрестилась нянюшка,
Перекрестился Клим...

Да и мигнул Орефьевне:
И бабы, что протискались
Поближе к господам,
Креститься тоже начали.
Одна так даже всхлипнула
1040 Вподобие дворового.
(«Урчи! вдова Терентьевна!
Старуха полоумная!» —
Сказал сердито Влас).
Из тучи солнце красное
Вдруг выглянуло; музыка
Протяжная и тихая
Послышалась с реки...

Помещик так растрогался,
Что правый глаз заплаканный
1050 Ему платочком вытерла
Сноха с косою распущенной
И чмокнула старинушку
В здоровый этот глаз.
«Вот! — молвил он торжественно
Сынам своим наследникам
И молодым снохам: —
Желал бы я, чтоб видели
Шуты, ввали столичные,
Что обзывают дикими
1060 Крепостниками нас,
Чтоб видели, чтоб слышали...»

Тут случай неожиданный
Нарушил речь господскую:
Один мужик не выдержал —
Как захохочет вдруг!

Задергало Последыша.
Вскочил, лицом уставился
Вперед! Как рысь высматривал
Добычу. Левый глаз
1070 Заколесил... «Сы-скать его!
Сы-скать бун-тов-щи-ка!»

Бурмистр в толпу отправился;
Не ищет виноватого,
А думает: как быть?
Пришел в ряды последние,
Где были наши странники.
И ласково сказал:
«Вы люди чужестранные,
Что с вами он поделает?»
1080 Подите кто-нибудь!»
Замялись наши странники,
Желательно бы выручить
Несчастных вахлаков,
Да барин глуп: судись потом,
Как влечит сотню добрую
При всем честном миру!
— Иди-ка ты, Романушка! —
Сказали братья Губины: —
Иди! ты любишь бар!

1090 «Нет, сами вы попробуйте!»
И стали наши странники
Друг дружку посылать.
Клим плюнул. «Ну-ка, Власушка,
Придумай, что тут сделаем?
А я устал; мне мочи нет!»

— Ну, да и врал же ты!

«Эх, Влас Ильич! где враки-то? —
Сказал бурмистр с досадою, —
Не в их руках мы, что ль?..
1100 Придет пора последняя:
Заедем все в ухаб*»

---

* Могила.

Не выедем никак,
В крошечный ад провалимся,
Так ждет и там крестьянина
Работа на господ!»

— Что ж там-то будет, Климушка?

«А будет, что назначено:
Они в котле кипеть,
А мы дрова подкладывать!»

1110 (Смеются мужики).

Пришли сыны Последыша:
«Эх! Клим-чуда! до смеху ли!
Старик прислал нас; сердится,
Что долго нет виновного...
Да кто у вас сплосал?»

— А кто сплосал, и надо бы
Того тащить к помещику,
Да всё испортит он!
Мужик богатый... Питерщик...
1120 Вишь, принесла нелегкая
Домой его на грех!
Порядки наши чудные
Ему пока вдиковину,
Так смех и разобрал!
А мы теперь расхлебывай!

«Ну... вы его не трогайте,
А лучше киньте жеребий.
Заплатим мы: вот пять рублей...»

— Нет! разбегутся все...

1130 «Ну, так скажите барину,
Что виноватый спрятался».

— А завтра как? Забыли вы
Агапа неповинного?

«Что ж делать?.. Вот беда!»

— Давай сюда бумажку ту!
Постойте! я вас выручу! —

Вдруг объявила бойкая

Бурмистрова кума

И побежала к барину;

¹¹⁴⁰ Бух в ноги: «Красно солнышко!

Прости, не погуби!

Сыночек мой единственный,

Сыночек надурил!

Господь его без разуму

Пустил на свет! Глупешенек:

Идет из бани — чешется!

Лаптишком, вместо ковшика,

Напиться норовит!

Работать не работает,

¹¹⁵⁰ Знай, скалит зубы белые,

Смешлив... так бог родил!

В дому-то мало радости:

Избенка развалилася,

Случается, есть нечего —

Смеется дурачок!

Подает ли кто копеечку,

Ударит ли по темени —

Смеется дурачок!

Смешлив... что с ним подемаешь?

¹¹⁶⁰ Из дурака, родименький,

И горе смехом прет!»

Такая баба ловкая!

Орет, как на девишнике,

Целует ноги барину.

«Ну бог с тобой! Иди! —

Сказал Последыш ласково: —

Я не сержусь на глупого,

Я сам над ним смеюсь!»

— Какой ты добрый! — молвила

¹¹⁷⁰ Сноха черноволосая

И старика погладила

По белой голове.

Гвардейцы черноусые

Словечко тоже вставили:
Где ж дурню деревенскому
Понять слова господские,
Особенно Последыша
Столь умные слова?
А Клиим полой суконною
1180 Отер глаза бесстыжие
И пробурчал: «Отцы!
Отцы! сыны атечества!
Умеют наказать,
Умеют и помиловать!»

Повеселел старик!
Спросил вина шипучего.
Высоко пробки прынули,
Попадали на баб.
С испугу бабы визгнули,
1190 Шарахнулись. Старинушка
Захохотал! За ним
Захохотали барыни,
За ними — их мужья,
Потом дворецкий преданный,
Потом кормилки, нянюшки,
А там — и весь народ!
Пошло веселье! Барыни,
По приказанью барина,
Крестьянам поднесли,
1200 Подросткам дали пряников,
Девичам сладкой водочки,
А бабы тоже выпили
По рюмке простяку...

Последыш пил да чокался,
Красивых снох пощипывал.
(«Вот так-то! чем бы старому
Лекарство пить, — заметил Влас: —
Он пьет вино стаканами.
Давно уж меру всякую
1210 Как в гневе, так и в радости
Последыш потерял»).

Гремит на Волге музыка,
Поют и пляшут девицы —
Ну, словом, пир горой!
К девицам присоседиться
Хотел старик, встал на ноги
И чуть не полетел!
Сын поддержал родителя.
Старик стоял: притопывал,
1220 Присвистывал, прищелкивал,
А глаз свое выделявал —
Вертелся колесом!

«А вы что ж не танцуете? —
Сказал Последний барыням
И молодым сынам: —
Танцуйте!» Делать нечего!
Прошлись они под музыку.
Старик их осмеял!
Качаясь, как на палубе
1230 В погоду непокойную,
Представил он, как тешились
В его-то времена!
«Спой, Люба!» Не хотелось
Петь белокурой барыне,
Да старый так пристал!

Чудесно спела барыня!
Ласкала слух та песенка,
Негромкая и нежная,
Как ветер летним вечером,
1240 Легонько пробегающий
По бархатной муравушке,
Как шум дождя весеннего
По листьям молодым!

Под песню ту прекрасную
Уснул Последний. Бережно
Снесли его в ладью
И уложили сонного.
Над ним с зеленым зонтиком
Стоял дворовый преданный,
1250 Другой рукой отмахивал

Слепней и комаров.
Сидели молча brave
Гребцы; играла музыка
Чуть слышно... лодка тронулась
И мёрно поплыла...
У белокурой барыни
Коса, как флаг распущенный,
Играла на ветру...

- Уважил я Последыша! —
1260 Сказал бурмистр. — Господь с тобой!
Куражься, колобродь!
Не знай про волю новую,
Умри, как жил, помещиком,
Под песни наши рабские,
Под музыку холопскую —
Да только поскорей!
Дай отдохнуть крестьянину!
Ну, братцы! поклонитесь мне,
Скажи спасибо, Влас Ильич:
1270 Я миру порадел!
Стоять перед Последышем
Нашасть... язык примелется,
А пуще смех долит.
Глаз этот... как завертится,
Беда! Глядишь да думаешь:
— Куда ты, друг единственный?
По надобности собственной,
Аль по чужим делам?
Должно быть, раздобылся ты
1280 Курьерской подорожною!..
Чуть раз не прыснул я.
Мужик я пьяный, ветреный,
В амбаре крысы с голоду
Подохли, дом пустехонек,
А не взял бы, свидетель бог,
Я за такую каторгу
И тысячи рублей,
Когда б не знал доподлинно,
Что я перед *последышем*
1290 Стою... что он куражится
По воле по моей...

Влас отвечал задумчиво:
— Бахвалься! А давно ли мы,
Не мы одни — вся вотчина...
(Да... всё крестьянство русское!)
Не в шутку, не за денежки,
Не три-четыре месяца,
А целый век... да что уж тут!
Куда уж нам бахвалиться,
1300 Не даром Вахлаки!

Однако Клима Лавина
Крестьяне полупьяные
Уважили: «Качать его!»
И ну качать... «ура!»
Потом вдову Терентьевну
С Гаврилкой, малолеточком,
Клим посадил рядком
И жениха с невестою
Поздравил! Подурачились
1310 Досыта мужики.
Приели всё, всё припили,
Что́ господа оставили,
И только поздним вечером
В деревню прибрели.
Домашние их встретили
Известьем неожиданным:
Скончался старый князь!
— Как так? «Из лодки вынесли
Его уж бездыханного —
1320 Хватил второй удар!»

Крестьяне пораженные
Переглянулись... крестятся...
Вздохнули... Никогда
Такого вздоха дружного,
Глубокого-глубокого
Не испускала бедная
Безграмотной губернии
Деревня Вахлаки...

Но радость их вахлацкая
1330 Была непродолжительна.
Со смертью Последыша
Пропала ласка барская:
Опохмелиться не дали
Гвардейцы вахлакам!
А за луга поемные
Наследники с крестьянами
Тягаются дондесь.
Влас за крестьян ходатаем,
Живет в Москве... был в Питере...
1340 А толку что-то нет!

ПИР — НА ВЕСЬ МИР

(Из второй части)

Посвящается Сергею Петровичу Боткину

ВСТУПЛЕНИЕ

В конце села Вахлачина,
Где житель — пахарь исстари
И частью — смолокур,
Под старой-старой ивою,
Свидетельницей скромною
Всей жизни вахлаков,
Где праздники справляются,
Где сходки собираются,
Где днем секут, а вечером
¹⁰ Целуются, милуются —
Шел пир, великий пир!
Орудовать по-питерски
Привыкший дело всякое,
Знакомец наш Клим Яковлич,
Видавший благородные
Пирь с речами, спичами —
Затейщик пира был.
На бревна, тут лежавшие,
На сруб избы застроенной
²⁰ Уселись мужики;
Тут тоже наши странники
Сидели с Власом-старостой
(Им дело до всего).
Как только пить надумали,
Влас сыну-малолеточку
Вскричал: «беги за Трифоном!»

С дьячком приходским Трифоном,
Гулякой, кумом старосты,
Пришли его сыны,
30 Семинаристы: Саввушка
И Гриша; было старшему
Уж девятнадцать лет:
Теперь же протодьяконом
Смотрел, а у Григория
Лицо худое, бледное,
И волос тонкий, вьющийся,
С оттенком красноты.
Простые парни, добрые,
Косили, жали, сеяли
40 И пили водку в праздники
С крестьянством наравне.

Тотчас же за селением
Шла Волга, а за Волгою
Был город небольшой
(Сказать точнее, города
В ту пору тени не было,
А были головни:
Пожар всё снес третьеводни).
Так люди мимоезжие,
60 Знакомцы вахлаков,
Тут тоже становилися,
Парома поджидаячи,
Кормили лошадей.
Сюда брели и нищие,
И тараторка-странница,
И тихий богомол.

В день смерти князя старого
Крестьяне не предвидели,
Что не луга поемные,
60 А тяжбу наживут.
И, выпив по стаканчику,
Первей всего заспорили:
Как им с лугами быть?

Не вся ты, Русь, обмеряна
Землицей: попадаются
Углы благословенные,
Где ладно обошлось.
Какой-нибудь случайностью —
Неведеньем помещика,
70 Живущего вдали,
Ошибкою посредника,
А чаще изворотами
Крестьян-руководителей
В надел крестьянам изредка
Попало и леску.
Там горд мужик, попробуй-ка
В окошко стукнуть староста
За податю — осердится!
Один ответ до времени:
80 «А ты леску продай!»
И вахлаки надумали
Свси луга поемные
Слатъ старосте — на подати:
Всё взвешено, рассчитано,
Как раз — оброк и подати,
С залишком. «Так ли, Влас?»

— А коли подать справлена,
Я никому не здравствую!
Охота есть — работаю.
90 Не то — валяюсь с бабою,
Не то — иду в кабак!

«Так!» — вся орда вахлацкая
На слово Клима Лавина
Откликнулась: на подати!
«Согласен, дядя Влас?»

— У Клима речь короткая
И ясная, как вывеска,
Зовущая в кабак, —
Сказал шутливо староста: —
100 Начнет Климаха бабою,
А кончит — кабаком!

«А чем же? не острогом же
Кончать-ту? Дело верное,
Не каркай, пореши!»

Но Власу не до карканья.
Влас был душа добрейшая,
Болея за всю вахлячину,
Не за одну семью.
Служа при строгом барине,
110 Нес тяготу на совести
Невольного участника
Жестокостей его.
Как молод был, ждал лучшего,
Да вечно так случалось,
Что лучшее кончалось
Ничем или бедой.
И стал бояться нового,
Богатого посулами,
Неверующий Влас.
120 Не столько в Белокаменной
По мостовой проехано,
Как по душе крестьянина
Прошло обид... до смеху ли?..
Влас вечно был угрюм.
А тут — сплошал старинушка!
Дурачество вахлацкое
Коснулось и его!
Ему невольно думалось:
«Без барщины... без подати...
130 Без палки... правда ль, господи?»
И улыбнулся Влас.
Так солнце с неба знойного
В лесную глушь дремучую
Забросит луч — и чудо там:
Роса горит алмазами,
Позолотился мох.
«Пей, вахлячки, погуливай!»
Не в меру было весело:
У каждого в груди
140 Играло чувство новое,
Как будто выносила их
Могучая волна

Со дна бездонной пропасти
 На свет, где нескончаемый
 Им уготован пир!
 Еще ведро поставили,
 Галденье непрерывное
 И песни начались!
 Как, схоронив покойника,
 150 Родные и знакомые
 О нем лишь говорят,
 Покамест не управятся
 С хозяйским угощением
 И не начнут зевать, —
 Так и галденье долгое
 За чарочкой, под ивою,
 Всё, почитай, сложилось
 В поминки по подрезанным
 Помещичьим «крепям».
 160 К дьячку с семинаристами
 Пристали: «Пой веселую!»
 Запели молодцы.
 (Ту песню — не народную —
 Впервые спел сын Трифона,
 Григорий, вахлакам,
 И с «Положенья» царского,
 С народа крепки снявшего,
 Она по пьяным праздникам
 Как плясовая пелася
 170 Попами и дворовыми —
 Вахлак ее не пел,
 А слушая притопывал,
 Присвистывал; «веселою»
 Не в шутку называл).

1. ГОРЬКОЕ ВРЕМЯ — ГОРЬКИЕ ПЕСНИ

ВЕСЕЛАЯ

— Кушай тюрю, Яша!
 Молочка-то нет!
 «Где ж коровка наша?»
 — Увели, мой свет!
 Барин для приплоду
 180 Взял ее домой.

Славно жить народу
На Руси святой!

«Где же наши куры?» —
Девчонки орут.

— Не орите, дуры!
Съел их земский суд;
Взял еще подводу,
Да сулил постой...

190 Славно жить народу
На Руси святой!

Разломило спину,
А квашня не ждет!
Баба Катерину
Вспомнила — ревет:
В дворне больше году
Дочка... нет родной!
Славно жить народу
На Руси святой!

200 Чуть из ребятишек,
Глядь — и нет детей:
Царь возьмет мальчишек,
Барин — дочерей!
Одному уроду
Вековать с семьей.
Славно жить народу
На Руси святой!

Потом свою вахлацкую,
Родную — хором грянули,
Протяжную, печальную —
210 Иных покамест нет.
Не диво ли? широкая
Сторонка Русь крещеная,
Народу в ней тьма тём,
А ни в одной-то душеньке
Спокон веков до нашего
Не загорелась песенка
Веселая и ясная,

Как ведренный денек.
Не дивно ли? не страшно ли?
320 О время, время новое!
Ты тоже в песне скажешься,
Но как?.. Душа народная!
Восемейся ж, наконец!..

ВАРЩИННАЯ

Беден, нечесан Калинушка,
Нечем ему шеголять,
Только расписана спинушка,
Да за рубахой не знать.
С лаптя до ворота
Шкура вся в спорота,
230 Пухнет с мякины живот.

Верченный, крученный,
Сеченый, мученый
Еле Калина бредет.

В ноги кабатчику стукнется,
Горе потопит в вине,
Только в субботу аукнется
С барской конюшни жене...

«Ай, песенка!.. Запомнить бы!..»
Тужили наши странники,
240 Что память коротка,
А вахлаки бахвалились:
— Мы барщинные! С наше-то
Попробуй, потерпи!
Мы барщинные! выросли
Под рылом у помещика;
День — каторга, а ночь?
Что сраму-то! За девками
Гонцы скакали тройками
По нашим деревням.
250 В лицо позабывали мы
Друг дружку, в землю глядячи,
Мы потеряли речь.

В молчанку напивались,
 В молчанку целовались,
 В молчанку драка шла.
 — Ну, ты насчет молчанки-то
 Не очень! нам молчанка-то
 Досталась солоней! —
 Сказал соседней волости
 260 Крестьянин, с сеном ехавший
 (Нужда пристигла крайняя,
 Скосил — и на базар!), —
 Решила наша барышня
 Гертруда Александровна,
 Кто скажет слово крепкое,
 Того нещадно драть.
 И драли же! покудова
 Не перестали лаяться.
 А мужику не лаяться
 270 Едино, что молчать.
 Намаялись! уж подлинно
 Отпраздновали волю мы,
 Как праздник: так ругались,
 Что поп Иван обиделся
 За звоны колокольные,
 Гудевшие в тот день.

 Такие сказы чудные
 Посыпались... и диво ли?
 Ходить далеко за словом
 280 Не надо — всё прописано
 На собственной спине.

 «У нас была оказия, —
 Сказал детина с черными,
 Большими бакенбардами: —
 Так нет ее чудней».
 (На малом шляпа круглая,
 С значком, жилетка красная,
 С десятком светлых пуговиц,
 Посконные штаны
 290 И лапти: малый смахивал
 На дерево, с которого
 Кору подпасок крохотный

Всю снизу ободрал.
А выше — ни царапины,
В вершине не побрезгует
Ворона свить гнездо).
— Так что же, брат, рассказывай!
«Дай прежде покурю!»
Покамест он покуривал,
300 У Власа наши странники
Спросили: — Что за гусь?
— Так, подбегало-мученик *,
Приписан к нашей волости,
Барона Синегузина**
Дворовый человек,
Викентий Александрович.
С запяток в хлебопашество
Прыгнул! За ним осталася
И кличка: «выездной».
310 Здоров, а ноги слабые,
Дрожат; его-то барыня
В карете цугом ездил
Четверкой по грибы...
Расскажет он! послушайте!
Такая память знатная,
Должно быть (кончил староста),
Сорочьи яйца ел***.

Поправив шляпу круглую,
Викентий Александрович
320 К рассказу приступил.

ПРО ХОЛОПА ПРИМЕРНОГО — ЯКОВА ВЕРНОГО

Был господин невысокого рода,
Он деревнишку на взятки купил,
Жил в ней безвыездно тридцать три года,
Вольничал, бражничал, горькую пил.

---

* Подбегало — человек ветутошный, пришлый, приписавшийся к деревне.

** Тизенгаузена.

*** Примета: чтоб иметь хорошую память, нужно есть сорочьи яйца.

Жадный, скупой, не дружил
с дворянами,
Только к сестрице ездил на чаек;
Даже с родными, не только с крестьянами,
Был господин Поливанов жесток;
Дочь повенчав, муженька благоверного
330 Высек — обоих прогнал нагишом,
В зубы холопа примерного,
Якова верного
Походя дул каблуком.

Люди холопского звания —
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказания,
Тем им милей господа.

Яков таким объявился из младости,
Только и было у Якова радости:
340 Барина холить, беречь, ублажать,
Да племяша-малолетка качать.
Так они оба до старости дожили,
Стали у барина ножки хиреть,
Ездил лечиться, да ноги не ожили...
Полно кутить, баловаться и петь!
Очи-то ясные,
Щеки-то красные,
Пухлые руки как сахар белы,
Да на ногах — кандалы!

350 Смирно помещик лежит под халатом,
Горькую долю клянет,
Яков при барине: другом и братом
Верного Якова барин зовет.
Зиму и лето вдвоем коротали,
В карточки больше играли они,
Скуку рассеять к сестрице езжали
Верст за двенадцать, в хорошие дни.
Вынесет сам его Яков; уложит,
Сам на долгушке свезет до сестры,
360 Сам до старушки добратся поможет.
Так они жили ладком — до поры.

- Вырос племянничек Якова, Гриша,
 Барину в ноги: «Жениться хочу!»
 — Кто же невеста? «Невеста — Ариша».
 Барин отвечает: «В гроб вколочу!»
 Думал он сам, на Аришу-то глядя:
 «Только бы ноги господь воротил!»
 Как ни просил за племянника дядя,
 Барин соперника в рекруты сбыл.
- 370 Крепко обидел холопа примерного
 Якова верного
 Барин — холоп задурил!
 Мертвую запил... Неловко без Якова,
 Кто ни послужит — дурак, негодяй!
 Злость-то давно накопилела у всякого,
 Благо есть случай: груби, вымещай!
 Барин то просит, то пёски ругается,
 Так две недели прошли.
- Вдруг его верный холоп возвращается...
- 380 Первое дело — поклон до земли.
 Жаль ему, видишь ты, стало безногого:
 Кто-де сумеет его соблюсти?
 «Не поминай только дела жестокого;
 Буду свой крест до могилы нести!»
 Снова помещик лежит под халатом,
 Снова у ног его Яков сидит,
 Снова помещик зовет его братом.
 «Что ты нахмурился, Яша?» — Мутит!—
 Много грибов нанизали на нитки,
- 390 В карты сыграли, чайку напились,
 Ссыпали вишни, малину в напитки
 И поразвлечься к сестре собрались.
- Курит помещик, лежит беззаботно,
 Ясному солнышку, зелени рад,
 Яков угрюм, говорит неохотно,
 Вожжи у Якова дрожмя дрожат,
 Крестится. «Чур меня, сила нечистая!—
 Шепчет: — рассысья!» (мутит его враг).
 Едут... Направо трупоба лесистая,
- 400 Имя ей исстари: Чортов овраг;
 Яков свернул и поехал оврагом,
 Барин опешил: «Куда ж ты, куда?»

Яков ни слова. Проехали шагом
Несколько верст; не дорога — беда!
Ямы, валежник; бегут по оврагу
Вешние воды, деревья шумят...
Стали лошадки — и дальше ни шагу,
Сосны стеной перед ними торчат.

- Яков, не глядя на барина бедного,
410 Начал коней отпрягать,
Верного Яшу, дрожащего, бледного.
Начал помещик тогда умолять.
Выслушал Яков посулы — и грубо,
Зло засмеялся: «Нашел душегуба!
Стану я руки убийством марать,
Нет, не тебе умирать!»
Яков на сосну высокую прынул,
Вожжи в вершине ее укрепил,
Перекрестился, на солнышко глянул,
420 Голову в петлю — и ноги спустил!..

Экие страсти господни! висит
Яков над барином, мерно качается.
Мечется барин, рыдает, кричит,
Эхо одно откликается!

- Вытянул голову, голос напряг
Барин — напрасные крики!
В саван окутался Чортов овраг,
Ночью там росы велики,
Зги не видать! только совы снуют,
430 Оземь ширясь крылами,
Слышно, как лошади листья жуют,
Тихо звеня бубенцами.
Словно чугунка подходит — горят
Чьи-то два круглые, яркие ока,
Птицы какие-то с шумом летят,
Слышно, посели они недалеко.
Ворон над Яковым каркнул один.
Чу! их слетелось до сотни!
Ухнул, грозит костылем господин.
440 Экие страсти господни!

Барин в овраге всю ночь пролежал,
Снонами птиц и волков отгоняя,
Утром охотник его увидал.
Барин вернулся домой, причитая:
«Грешен я, грешен! Казните меня!»
Будешь ты, барин, холопа примерного,
Якова верного,
Помнить до судного дня!

«Грехи, грехи! — послышалось
450 Со всех сторон: — Жаль Якова,
Да жутко и за барина, —
Какую принял казнь!» —
«Жалей!..» Еще прослушали
Два-три рассказа страшные
И горячо заспорили
О том, кто всех грешней?
Один сказал: «кабатчики»,
Другой сказал: «помещики»,
А третий — «мужики».
460 То был Игнатий Прохоров,
Извозом занимавшийся,
Степенный и зажиточный
Мужик — не пустослов.
Видал он виды всякие,
Изъездил всю губернию
И вдоль и поперек.
Его послушать надо бы.
Однако вахлаки
Так обозлились, не дали
470 Игнатью слова вымолвить,
Особенно Клима Яковлева
Куражился: «Дурак же ты!..»
— А ты бы прежде выслушал...
«Дурак же ты...»

— И все-то вы,
Я вижу, дураки! —
Вдруг вставил слово грубое
Еремин, брат купеческий,
Скупавший у крестьян

Что ни попало, лапти ли,
 480 Теленка ли, бруснику ли,
 А главное мастак
 Подстергать оказии,
 Когда собирались подати,
 И собственность вахлацкая
 Пускалась с молотка.
 — Затеять спор затеяли,
 А в точку не утрафили!
 Кто всех грешней? подумайте!
 — Ну, кто же? говори!
 490 «Известно, кто: разбойники!»
 А Клим ему в ответ:
 — Вы крепостными не были,
 Была капель великая,
 Да не на вашу плешь!
 Набил мошну: мерещатся
 Везде ему разбойники;
 Разбой — статья особая,
 Разбой тут не при чем!
 «Разбойник за разбойника
 500 Вступился!» — прасол вымолвил,
 А Лавин — скок к нему!
 — Молись! — и в зубы прасола.
 «Прощайся с животишками!» —
 И прасол в зубы Лавина.
 «Ай, драка! молодцы!»
 Крестьяне расступились,
 Никто не подзадоривал,
 Никто не разнимал.
 Удары градом сыпались:
 510 — Убью! пиши к родителям!
 «Убью! зови попа!»
 Тем кончилось, что прасола
 Клим сжал рукой, как обручем,
 Другой вцепился в волосы
 И гнул со словом: «кланяйся»
 Купца к своим ногам.
 — Ну, баста! — прасол вымолвил,
 Клим выпустил обидчика,
 Обидчик сел на бревнышко,
 520 Платком широким, — клетчатым

Отерся и сказал:
— Твоя взяла! и диво ли?
Не жнет, не пашет — шляется
По коновальской должности,
Как сил не нагулять?
(Крестьяне засмеялись).
«А ты еще не хочешь ли?» —
Сказал задорно Клим.

— Ты думал, нет? Попробуем! —
530 Купец снял чуйку бережно
И в руки поплевал.

«Раскрыть уста греховные
Пришел черед: прислушайте!
И так вас помирю!» —
Вдруг возгласил Ионушка,
Весь вечер молча слушавший,
Вдыхавший и крестившийся,
Смиранный богомол.
Купец был рад; Клим Яковлев
540 Помалчивал. Уселися,
Настала тишина.

II. СТРАННИКИ И БОГОМОЛЬЦЫ

Бездомного, безродного
Не мало попадается
Народу на Руси.
Не жнут, не сеют — кормятся
Из той же общей житницы,
Что кормит мышку малую
И воинство несметное:
Оседлого крестьянина
550 Горбом ее зовут.
Пускай народу ведомо,
Что целые селения
На попрошайство осенью
Как на доходный промысел
Идут: в народной совести
Уставилось решение,
Что больше тут злосчастия,
Чем лжи — им подают.

Пускай нередки случаи,
 360 Что странница окажется
 Воровкой; что у баб
 За просфоры афонские,
 За «слезки богородицы»
 Паломник пряжу выманит,
 А после бабы сведают,
 Что дальше Троицы-Сергия
 Он сам-то не бывал.
 Был старец, чудным пением
 Пленял сердца народные;
 370 С согласия матерей,
 В селе Крутые-Заводи
 Божественному пению
 Стал девок обучать;
 Всю зиму девки красные
 С ним в риге запиралися,
 Оттуда пенье слышалось,
 А чаще смех и визг.
 Однако чем же кончилось?
 Он петь-то их не выучил,
 380 А перепортил всех.
 Есть мастера великие
 Подлаживаться к барыням:
 Сначала через баб
 Доступится до девичьей,
 А там и до помещицы.
 Бренчит ключами, по двору
 Похаживает барином,
 Плюет в лицо крестьянину,
 Старушку богомольную
 390 Согнул в бараний рог!..
 Но видит в тех же странниках
 И лицевую сторону
 Народ. Кем церкви строятся?
 Кто кружки монастырские
 Наполнил через край?
 Иной добра не делает
 И зла за ним не видится,
 Иного не поймешь.
 Знаком народу Фомушка:
 400 Вериги двупудовые

По телу опоясаны,
Зимой и летом бос,
Бормочет непонятное,
А жить — живет по-божески:
Доска да камень в головы,
А пища — хлеб один.
Чудён ему и памятен
Старообряд Крспильников,
Старик, вся жизнь которого
610 То воля, то острог.
Пришел в село Усолово:
Корит мирян безбожием,
Зовет в леса дремучие
Спасаться. Становой
Случился тут, всё выслушал:
— К допросу сомустителя! —
Он то же и ему:
«Ты враг Христов, антихристов
Посланник!» Сотский, староста
620 Мигали старику:
— Эй, покорись! — не слушает!
Везли его в острог,
А он корил начальника
И, на телеге стоячи,
Усоловцам кричал:

«Горе вам, горе, пропащие головы!
Были оборваны, — будете голы вы,
Били вас палками, розгами, кнутьями,
Будете биты железными прутьями!..»

630 Усоловцы крестилися,
Начальник бил глашатая:
«Попомнишь ты, анафема,
Судью ерусалимского!»
У парня, у подводчика
С испугу вожжи выпали
И волос дыбом стал!
И как на грех, воинская
Команда утром грянула:
В Устой, село недалное,
640 Солдатики пришли.

Допросы! усмирение!
Тревога! поспопутности
Досталось и усоловцам:
Пророчество строптивного
Чуть в точку не сбылось.

Вовек не позабудется
Народом Евфросиньюшка,
Посадская вдова:
Как божия посланница,
650 Старушка появляется
В холерные года;
Хоронит, лечит, возится
С больными. Чуть не молятся
Крестьянки на нее...

Стучись же, гость неведомый!
Кто б ни был ты, уверенно
В калитку деревенскую
Стучись! Не подозрителен
Крестьянин коренной,
660 В нем мысль не зарождается,
Как у людей достаточных,
При виде незнакомого,
Убогого и робкого:
Не стибрил бы чего?
А бабы — те радёхоньки.
Зимой, перед лучиною
Сидит семья, работает,
А странничек гласит.
Уж в баньке он попарился,
670 Ушицы ложкой собственной,
С рукой благословляющей,
Досыта похлебал.
По жилам ходит чарочка,
Рекою льется речь.
В избе всё словно замерло:
Старик, чинивший лапотки,
К ногам их уронил;
Челнок давно не чикает,
Заслушалась работница
680 У ткацкого станка;

Застыл уж на уколоте
 Мизинце у Евгеньюшки,
 Хозяйской старшей дочери,
 Высокий бугорок,
 А девка и не слышала,
 Как укололась до крови;
 Шитье к ногам спустилось,
 Сидит, — зрачки расширены, —
 Руками развела...

690 Ребята, свесив головы
 С палатей, не шелохнутся:
 Как тюленята сонные
 На льдинах за Архангельском,
 Лежат на животе.
 Лиц не видать, завешены
 Спустившимися прядями
 Волос — не нужно сказывать,
 Что желтые они.
 Постой! уж скоро странничек

700 Доскажет быль афонскую,
 Как турка взбунтовавшихся
 Монахов в море гнал,
 Как шли покорно иноки
 И погибали сотнями...
 Услышишь шопот ужаса,
 Увидишь ряд испуганных,
 Слезами полных глаз!
 Пришла минута страшная —
 И у самой хозяйюшки

710 Веретено пузатое
 Скатилось с колен.
 Кот Васька насторожился —
 И прыг к веретену!
 В другую пору то-то бы
 Досталось Ваське шустрому,
 А тут и не заметили,
 Как он проворной лапкою
 Веретено потрогивал,
 Как прыгал на него,

720 И как оно каталось,
 Пока не размоталась
 Напряденная нить!

Кто видывал, как слушает
Своих заходящих странников
Крестьянская семья,
Поймет, что ни работою,
Ни вечною заботою,
Ни игом рабства долгого,
Ни кабаком самим
730 Еще народу русскому
Пределы не поставлены:
Пред ним широкий путь.
Когда изменят пахарю
Поля старозапашные,
Клочки в лесных окраинах
Он пробует пахать.
Работы тут достаточно,
Зато полоски новые
Дают без удобрения
740 Обильный урожай.
Такая почва добрая —
Душа народа русского...
О сеятель! приди!..

Иона (он же Ляпушкин)
Сторонушку вахлацкую
Издавна навещал.
Не только не гнушались
Крестьяне божьим странником,
А спорили о том,
750 Кто первый приютит его?
Пока их спорам Ляпушкин
Конца не положил:
«Эй! бабы! выносите-ка
Иконы!» Бабы вынесли;
Перед каждою иконою
Иона падал ниц:
«Не спорьте! дело божие,
Котора взглянет ласковей,
За тою и пойду!»
760 И часто за беднейшею
Иконою шел Ионушка
В беднейшую избу.
И к той избе особое

Почтенье: бабы бегают
С узлами, сковородками
В ту избу. Чашей полною,
По милости Ионушки,
Становится она.

770 Негромко и неторопко
Повел рассказ Ионушка
«О двух великих грешниках»,
Усердно покрестясь.

О ДВУХ ВЕЛИКИХ ГРЕШНИКАХ

Господу богу помолимся,
Древнюю быль возвестим,
Мне в Соловках ее сказывал
Инок, отец Питирим.

Было двенадцать разбойников.
Был Кудеяр — атаман,
Много разбойники пролили
780 Крови честных христиан,

Много богатства награбили.
Жили в дремучем лесу,
Вождь-Кудеяр из-под Киева
Вывез девицу красу,

Днем с полюбовницей тешился,
Ночью набеги творил,
Вдруг у разбойника лютого
Совесьть господь пробудил.

Сон отлетел; опротивели
790 Пьянство, убийство, грабеж,
Тени убитых являются,
Целая рать — не сочтешь!

Долго боролся, противился
Господу зверь-человек,
Голову снес полюбовнице
И есаула засек.

Совесть злодея осилила,
Шайку свою распустил,
Роздал на церкви имущество,
800 Нож под раkitой зарыл.

И прегрешенья отмаливать
К гробу господню идет,
Странствует, молится, кается,
Легче ему не стаёт.

Старцем, в одежде монашеской,
Грешник вернулся домой,
Жил под навесом старейшего
Дуба, в тущобе лесной.

Денно и ноцно всевышнего
810 Молит: грехи отпусти!
Тело предай истязанию,
Дай только душу спасти!

Сжалился бог и к спасению
Схимнику путь указал:
Старцу в молитвенном бдении
Некий угодник предстал,

Рек: «Не без божьего промысла
Выбрал ты дуб вековой,
Тем же ножом, что разбойничал,
820 Срежь его, той же рукой!

Будет работа великая,
Будет награда за труд,
Только что рухнется дерево,
Цепи греха упадут».

Смерил отшельник страшилище.
Дуб — три обхвата кругом!
Стал на работу с молитвою,
Режет булатным ножом,

Режет упругое дерево,
830 Господу славу поет,

Годы идут — подвигается
Медленно дело вперед.

Что с великаном поделает
Хилый, больной человек?
Нужны тут силы железные,
Нужен не старческий век!

В сердце сомнение крадется,
Режет и слышит слова:
«Эй, старина, что ты делаешь?»
840 Перекрестился сперва,

Глянул — и пана Глуховского
Видит на борзом коне,
Пана богатого, знатного,
Первого в той стороне.

Много жестокого, страшного
Старец о пане слышал,
И в поучение грешнику
Тайну свою рассказал.

Пан усмехнулся: «Спасения
850 Я уж не чаю давно,
В мире я чту только женщину,
Золото, честь и вино.

Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холопов гублю,
Мучу, пытаю и вешаю,
А поглядел бы, как сплю!»

Чудо с отшельником случилось:
Бешеный гнев ощутил,
Бросился к пану Глуховскому,
860 Нож ему в сердце вонзил!

Только что пан окровавленный
Пал головой на седло,
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лес потрясло.

Рухнуло древо, скатилось
С инока бремя грехов!..
Господу богу помолимся:
Милуй нас, темных рабов!

III. И СТАРОЕ И НОВОЕ

- Иона кончил, крестится;
870 Народ молчит. Вдруг прасола
Сердитым криком прорвало:
- «Эй вы, тетери сонные!
Па-ром, живей, па-ром!»
— Парома не докличешься
До солнца! перевозчики
И днем-то трусу празднуют,
Паром у них худой,
Пожди! Про Кудеяра-то...
«Паром! пар-ром! пар-ром!»
- 880 Ушел, с телегой возится,
Корова к ней привязана —
Он пнул ее ногой;
В ней курочки курлыкают,
Сказал им: «дуры! цыц!»
Теленок в ней мотается —
Досталось и теленочку
По звездочке на лбу.
Нажог коня саврасого
Кнутом — и к Волге двинулся.
- 890 Плыл месяц над дорогою,
Такая тень потешная
Бежала рядом с прасолом
По лунной полосе!
«Отдумал, стало, драться-то?
А спорить — видит — не о чем, —
Заметил Влас: — Ой, господи!
Велик дворянский грех!»
— Велик, а всё не быть ему
Против греха крестьянского, —
- 900 Опять Игнатий Прохоров
Не вытерпел — сказал.
Клим плюнул. — Эк приспичило!

Кто с чем, а нашей галочке
Родные галчентяточки
Всего милей... ну, сказывай,
Что за великий грех?

КРЕСТЬЯНСКИЙ ГРЕХ

Аммирал-вдовец по морям ходил,
По морям ходил, корабли водил,
Под Ачаковым бился с туркою,
910 Наносил ему поражение,
И дала ему государыня
Восемь тысяч душ в награждение.
В той ли вотчине припеваючи
Доживает век аммирал-вдовец,
И вручает он, умираючи,
Глебу-старосте золотой ларец.
«Гой ты, староста! Береги ларец!
Воля в нем моя сохраняется:
Из цепей-крепей на свободушку
920 Восемь тысяч душ отпускается!»

Аммирал-вдовец на столе лежит,
Дальний родственник хоронить катит...

Схоронил, забыл! Кличет старосту
И заводит с ним речь окольную;
Всё повыведал, насулил ему
Горы золота, выдал вольную...

Глеб — он жаден был — соблазняется:
Завещание сожигается!

На десятки лет, до недавних дней
930 Восемь тысяч душ закрепил злодей,
С родом, с племенем; что народу-то!
Что народу-то! с камнем в воду-то!
Всё прощает бог, а Иудин грех
Не прощается.
Ой, мужик! мужик! ты грешнее всех,
И за то тебе вечно маяться!

Суровый и рассерженный,
Громовым, грозным голосом.
Игнатий кончил речь.
940 Толпа вскочила на ноги,
Пронесся вздох, послышалось:
«Так вот он, грех крестьянина!
И впрямь страшный грех!»
— И впрямь: нам вечно маяться,
Ох-ох!.. — сказал сам староста,
Опять убитый, в лучшее
Неверующий Влас
И скоро поддававшийся
Как горю, так и радости.
950 «Великий грех! великий грех!» —
Тоскливо вторил Клиим.

Площадка перед Волгою,
Луною освещенная,
Переменилась вдруг.
Пропали люди гордые,
С уверенной походкою,
Остались вахлаки,
Досыта не едавшие,
Несолоно хлебавшие,
960 Которых вместо барина
Драть будет волостной,
К которым голод стукнуться
Грозит: засуха долгая,
А тут еще — жучок!
Которым прасол-выжига
Урезать цену хвалится
На их добычу трудную,
Смолу, слезу вахлацкую,
Урежет, попрекнет:
970 «За что платить вам много-то?
У вас товар некупленный,
Из вас на солнце топится
Смола, как из сосны!»

Опять упали бедные
На дно бездонной пропасти,
Притихли, приубожились,

Легли на животы;
Лежали, думу думали
И вдруг зашели. Медленно,
980 Как туча надвигается,
Текли слова тягучие.
Так песню отчеканили,
Что сразу наши странники
Упомнили ее:

ГОЛОДНАЯ

Стоит мужик —
Кольшется,
Идет мужик —
Не дышится!

С коры его
990 Распучило,
Тоска-беда
Измучила.

Темней лица
Стеклянного
Не видано
У пьяного.

Идет — пыхтит,
Идет — и спит,
1000 Прибрел туда,
Где рожь шумит.

Как идол стал
На полосу,
Стоит, псует
Без голосу:

«Дозрей, дозрей,
Рожь-матушка!
Я пахарь твой,
Панкратушка!

10 10 Ковригу съем
Гора горой,
Ватрушку съем
Со стол большой!

Всё съем один,
Управляюсь сам.
Хоть мать, хоть сын
Проси — не дам!»

«Ой, батюшки, есть хочется!» —
Сказал упалым голосом
Один мужик; из пещура
10 20 Достал краюху — ест.
— Поют они без голосу,
А слушать — дрожь по волосу! —
Сказал другой мужик.
И правда, что не голосом —
Нутром — свою «Голодную»
Пропели вахлаки.
Иной во время пения
Стал на ноги, показывал,
Как шел мужик расслабленный,
10 30 Как сон долил голодного,
Как ветер колыхал,
И были строги, медленны
Движенья. Спев «Голодную»,
Шатаясь, как разбитые,
Гуськом пошли к ведерочку
И выпили певцы.

«Дерзай!» — за ними слышится
Дьячково слово; сын его
Григорий, крестник старосты,
10 40 Подходит к землякам.
— Хошь водки? — Пил достаточно.
Что тут у вас случилось?
Как в воду вы опущены!..
«Мы?.. что ты?..» Насторожились,
Влас положил на крестника
Широкую ладонь.

— Неволя к вам вернулася?
Погонят вас на барщину?
Луга у вас отобраны?
1050 «Луга-то?.. Шутить, брат!»
— Так что ж переменялось?..
Закаркали «Голодную»,
Накликать голод хочется?
«Никак и впрямь ништо!» —
Клим как из пушки выпалил;
У многих зачесались
Затылки, шопот слышится:
— Никак и впрямь ништо!

«Пей, вахлачки, погуливай!»
1060 Всё ладно, всё по-нашему,
Как было ждано-гадано,
Не вешай головы!»

— По-нашему ли, Климушка?
А Глеб-то?..

Потолковано

Немало: в рот положено,
Что не они ответчики
За Глеба окаянного,
Всему виною: крепь!
«Змея родит змеенышей,
1070 А крепь — грехи помещика,
Грех Якова-несчастливого,
Грех Глеба родила!
Нет крепь — нет помещика,
До петли доводящего
Усердного раба,
Нет крепь — нет дворового,
Самосубийством мстящего
Злодею своему,
Нет крепь — Глеба нового
1080 Не будет на Руси!»
Всех пристальней, всех радостней
Прослушал Гришу Пров:
Ослабился, товарищам
Сказал победным голосом:

«Мотайте-ка на ус!»
«Так, значит, и «Голодную»
Теперь навеки по-боку?
Эй, други! Пой веселую!» —
Клим радостно кричал...
1090 Пошло, толпой подхвачено,
О крепи слово верное
Трепаться: «Нет змеи —
Не будет и змеенышей!»
Клим Яковлев Игнатия
Опять ругнул: — Дурак же ты! —
Чуть-чуть не подрались!
Дьячок рыдал над Гришею:
«Создаст же бог головушку!
Недаром порывается
1100 В Москву, в новорситет!»
А Влас его поглаживал:
— Дай бог тебе и серебра,
И золотца, дай умную,
Здоровую жену!
«Не надо мне ни серебра,
Ни золота, а дай господь,
Чтоб землякам моим
И каждому крестьянину
Жилось вольготно-весело
1110 На всей святой Руси!» —
Зардевшись, словно девушка,
Сказал из сердца самого
Григорий — и ушел.

Светает. Снаряжаются
Подводчики. — Эй, Влас Ильич!
Иди сюда, гляди, кто здесь! —
Сказал Игнатий Прохоров,
Взяв к бревнам приваленную
Дугу. Подходит Влас,
1120 За ним бегом Клим Яковлев,
За Климом — наши странники
(Им дело до всего):
За бревнами, где нищие
Вповалку спали с вечера,

Лежал какой-то смученный,
Избитый человек;
На нем одёжа новая,
Да только вся изорвана,
На шее красный, шелковый
1130 Платок, рубаха красная,
Жилетка и часы.
Нагнулся Лавин к спящему,
Взглянул и с криком: «бей его!» —
Пнул в зубы каблуком.
Вскочил детина, мутные
Протер глаза, а Влас его
Тем временем в скулу.
Как крыса прищемленная,
Детина пискнул жалобно —
1140 И к лесу! Ноги длинные,
Бежит — земля дрожит!
Четыре парня бросились
В погону за детиною,
Народ кричал им: «бей его!»,
Пока в лесу не скрылися
И парни, и беглец.

— Что за мужчина? — старосту
Допытывали странники: —
За что его тузят?

— Не знаем, так наказано
Нам из села из Тискова,
Что буде где покажется
Егорка Шутов — бить его!
И бьем. Подъедут тисковцы.
Расскажут. — Удоволили? —
Спросил старик вернувшихся
С погони молодцов.

«Догнали, удоволили!
Побег к Кузьмо-Демьянскому,
1160 Там, видно, переправиться
За Волгу норовит».

— Чудной народ! бьют сонного,
За что, про что, не знаючи...

— Коли всем миром велено:
Бей! — стало, есть за что! —
Прикрикнул Влас на странников: —
Не ветрогоны тисковцы,
Давно ли там десятого
Пороли?.. ой, Егор!..

¹¹⁷⁰ Ай служба — должность подлая!..
Гнись-человек! — Не бить его,
Так уж кого и бить?
Не нам одним наказано,
От Тискова по Волге-то
Тут деревень четырнадцать,
Чай, через все четырнадцать
Прогнали, как сквозь строй!

Притихли наши странники.
Узнать-то им желательно,
¹¹⁸⁰ В чем штука? да прогневался
И так уж дядя Влас.

Совсем светло. Позавтракать
Мужьям хозяйки вынесли:
Ватрушки с творогом,
Гусятина (прогнали тут
Гусей; три затамилися,
Мужик их нес подмышкою:
«Продай! помрут до городу!»
Купили ни за что).
¹¹⁹⁰ Как пьет мужик, толковано
Немало, а не всякому
Известно, как он ест,
Жаднее на говядину,
Чем на вино бросается.
Был тут непьющий каменщик,
Так опьянел с гусятины,
На что твое вино!
Чу! слышен крик: «Кто едет-то!
Кто едет-то!» Наклюнулось

- 1200 Еще подспорье шумному
 Веселью вахлаков.
 Воз с сеном приближается,
 Высоко на возу
 Сидит солдат Овсяников,
 Верст на двадцать в округности
 Знакомый мужикам,
 И рядом с ним Устиньюшка,
 Сироточка-племянница,
 Поддержка старика.
- 1210 Райком кормился дедушка,
 Москву да Кремль показывал,
 Вдруг инструмент испортился,
 А капиталу нет!
 Три желтенькие ложечки
 Купил — так не приходится
 Заученные на-твердо
 Присловья к новой музыке,
 Народа не смешат!
 Хитер солдат! по времени
- 1220 Слова придумал новые,
 И ложки в ход пошли.
 Обрадовались старому:
 «Здорово, дедко! спрыгни-ка,
 Да выпей с нами рюмочку,
 Да в ложечки ударь!»
 — Забраться-то, забрался я,
 А как сойду, не ведаю:
 Ведет! «Небось, до города
 Опять за полной пенцией?
- 1230 Да город-то сгорел!»
 — Сгорел? И поделом ему!
 Сгорел? Так я до Питера!
 Там все мои товарищи
 Гуляют с полной пенцией,
 Там — дело разберут!
 «Чай, по чугунке тронешься?»
 Служивый посвистал:
 — Недолго послужила ты
 Народу православному,
- 1240 Чугунка бусурманская!
 Была ты нам любя,

Как от Москвы до Питера
Возила за три рублика,
А коли семь-то рубликов
Платить, так чорт с тобой!

— А ты ударь-ка в ложечки, —
Сказал солдату староста: —
Народу подгулявшего
Покуда тут достаточно,
1250 Авось, дела поправятся.
Орудуй живо, Клим!
(Влас Клима недолюбливал,
А чуть делишко трудное,
Тотчас к нему: «орудуй, Клим!»
А Клим тому и рад).

Спустили с возу дедушку.
Солдат был хрупок на ноги,
Высок и тощ до крайности;
На нем сюртук с медалями
1260 Висел, как на шесте.
Нельзя сказать, чтоб доброе
Лицо имел, особенно,
Когда сводило старого —
Чорт чортом! Рот ощерится,
Глаза — что угольки!

Солдат ударил в ложечки,
Что было вплоть до берегу
Народу — всё сбегается.
Ударил — и запел:

СОЛДАТСКАЯ

1270 Тошен свет,
Правды нет,
Жизнь тошна,
Боль сильна.
Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские!

- 1280   Тошен свет,
              Хлеба нет,
              Крова нет,
              Смерти нет.
- Нутка, с редута-то с первого номеру,
Нутка, с Георгием — по-миру, по-миру!
              У богатого,
              У богатины,
              Чуть не подняли
              На рогатину.
              Весь в гвоздях забор
              Ощетинился,
1290   А хозяин вор
              Оскотинился.
- Нет у бедного
Гроша медного:
Не взыщи, солдат!»
— И не надо, брат!
              Тошен свет,
              Хлеба нет,
              Крова нет,
              Смерти нет.
- 1300   Только трех Матрен
              Да Луку с Петром
              Помяну добром.
              У Луки с Петром
              Табачку нюхнем,
              А у трех Матрен
              Провиант найдем.
              У первой Матрены
              Грузочки ядрены,
              Матрена вторая
1310   Несет каравая,
У третьей водицы поплюю из ковша:
Вода ключевая, а мера — душа!
              Тошен свет,
              Правды нет,
              Жизнь тошна,
              Боль сильна.

Служивого задергало.
Опершись на Устиньюшку,

Он поднял ногу левую
1320 И стал ее раскачивать,
Как гирю, на весу;
Прodelал то же с правсю,
Ругнулся: «жизнь проклятая!» —
И вдруг на обе стал.

«Орудуй, Клим!» По-питерски
Клим дело оборудовал:
По блюдцу деревянному
Дал дяде и племяннице,
Поставил их рядком,
1330 А сам вскочил на бревнышко
И громко крикнул: — Слушайте!
(Служивый не выдерживал
И часто в речь крестьянина
Вставлял словечко меткое
И в ложечки стучал).

К л и м

Колода есть дубовая
У моего двора,
Лежит давно: измладости
Колю на ней дрова,
1340 Так та не столь изранена;
Как господин служивенький.
Взгляните: в чем душа!

С о л д а т

Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские.

К л и м

А пенциону полного
Не вышло, забракованы
Все раны старика;
1350 Взглянул помощник лекаря,
Сказал: «Второразрядные!
По ним и пенцион».

С о л д а т

Полного выдать не велено:
Сердце насквозь не прострелено!

(Служивый всхлипнул; в ложечки
Хотел ударить, — скорчило!
Не будь при нем Устиньюшки,
Упал бы старина).

К л и м

Солдат опять с прошением.
1360 Вершками раны смеряли
И оценили каждую
Чуть-чуть не в медный грош.
Так мерял пристав следственный
Побой на подравшихся
На рынке мужиках:
«Под правым глазом ссадина,
Величиной с двугривенный,
В середине лба пробоина
В целковый. Итого:
1370 На рубль пятнадцать с деньгою
Побоев...» Приравняем ли
К побоищу базарному
Войну под Севастополем,
Где лил солдатик кровь?

С о л д а т

Только горами не двигали,
А на редуты как прыгали!
Зайцами, белками, дикими кошками,
Там и простился я с ножками,
С адского грохоту, свисту оглох,
1380 С русского голоду чуть не подох!

К л и м

Ему бы в Питер надобно
До комитета раненых, —
Пеш до Москвы дотянется,
А дальше как? Чугунка-то
Кусаться начала!

С о л д а т

Важная барыня! гордая барыня!
Ходит, змеею шипит:
«Пусто вам! пусто вам! пусто вам!» —
Русской деревне кричит;
1390 В рожу крестьянину фыркает,
Давит, увечит, кувыркает,
Скоро весь русский народ
Чище метлы подметет.

Солдат слегка притопывал,
И слышалось, как стучалась
Сухая кость о кость,
А Клим молчал: уж двинулся
К служивому народ.
Все дали: по копейке,
1400 По грошу, на тарелочках
Рублишко набрался...

IV. ДОБРЬЕ ВРЕМЯ — ДОБРЫЕ ПЕСНИ

В замену спичей с песнями,
В подспорье речи с дракою,
Пир только к утру кончился,
Великий пир!.. Расходится
Народ. Уснув, остались
Под ивой наши странники,
И тут же спал Ионушка,
Смиренный богомол.
1410 Качаясь, Савва с Гришею
Вели домой родителя
И пели; в чистом воздухе
Над Волгой, как набатные,
Согласные и сильные
Гремели голоса:

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

1420 Мы же немного
Просим у бога:
Честное дело
Делать умело
Силы нам дай!

Жизнь трудовая —
Другу прямая
К сердцу дорога,
Прочь от порога,
Трус и лентяй!
1430 То ли не рай?

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Беднее захудалого
Последнего крестьянина
Жил Трифон. Две коморочки:
Одна с дымящей печкою,
Другая, в сажень — летняя,
1440 И вся тут недолга;
Коровы нет, лошадки нет,
Была собака Зудушка,
Был кот — и те ушли.

Спать уложив родителя,
Взялся за книгу Саввушка,
А Грише не сиделось,
Ушел в поля, в луга.

У Гриши — кость широкая,
Но сильно исхудалое
1450 Лицо — их недокармливал
Халуга-эконом.
Григорий в семинарии
В час ночи просыпается
И уж потом до солнышка
Не спит — ждет жадно ситника,

Который выдавался им
Со сбитнем по уграм.
Как ни бедна вахлячина,
Они в ней отъедались,
1460 Спасибо Власу-крестному
И прочим мужикам!
Платили им молодчики,
По мере сил, работою,
По их делишкам хлопоты
Справляли в городе.

Дьячок хвалился детками,
А чем они питаются —
И думать позабыл.
Он сам был вечно голоден,
1470 Весь тратился на поиски,
Где вышить, где поесть.
И был он нрава легкого,
А будь иного, вряд ли бы
И дожил до седин.
Его хозяйка Домнушка
Была куда заботлива,
Зато и долговечности
Бог не дал ей. Покойница
Всю жизнь о соли думала:
1480 Нет хлеба — у кого-нибудь
Попросит, а за соль
Дать надо деньги чистые,
А их по всей вахлячине,
Сгоняемой на барщину,
Не густо! Благо — хлебушком
Вахлак делился с Домною.
Давно в земле истлели бы
Ее родные деточки,
Не будь рука вахлацкая
1490 Щедра, чем бог послал.

Батрачка безответная
На каждого, кто чем-нибудь
Помог ей в черный день,
Всю жизнь о соли думала,
О соли пела Домнушка,

Стирала ли, косила ли,
Баюкала ли Гришеньку,
Любимого сынка.
1500 Как сжалось сердце мальчика,
Когда крестьянки вспомнили
И спели песню Домнину
(Прозвал ее «Соленою»
Находчивый вахлак).

СОЛЕНАЯ

Никто как бог!
Не ест, не пьет
Меньшой сынок,
Гляди — умрет!

1510 Дала кусок,
Дала другой —
Не ест, кричит:
«Посыпь солью!»

А соли нет,
Хоть бы щепоть!
«Посыпь мукой» —
Шепнул господь.

Раз-два куснул,
Скривил роток.
«Соли еще!» —
Кричит сынок.

1520 Опять мукой...
А на кусок
Слеза рекой!
Поел сынок!

Хвалилась мать —
Сынка спасла...
Знать, солона
Слеза была!..

Запомнил Гриша песенку
И голосом молитвенным
1530 Тихонько в семинарии,
Где было темно, холодно,
Угрюмо, строго, голодно,
Певал — тужил о матушке
И обо всей вахлячине,
Кормилице своей.
И скоро в сердце мальчика
С любовью к бедной матери
Любовь ко всей вахлячине
Слилась — и лет пятнадцати
1540 Григорий твердо знал уже,
Что будет жить для счастья
Убогого и темного
Родного уголка.

Довольно демон ярости
Летал с мечом карающим
Над русскою землей.
Довольно рабство тяжкое
Одни пути лукавые
Открытыми, влекущими
1550 Держало на Руси!
Над Русью оживающей
Иная песня слышится:
То ангел милосердия,
Незримо пролетающий
Над нею, — души сильные
Зовет на честный путь.

Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.

1560 Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую, —
Каким итти?

Одна просторная
Дорога — торная.
Страстей раба,

По ней громадная,
К соблазну жадная
Идет толпа,

О жизни искренней,
1570 О цели выпрерней
Там мысль смешна.

Кипит там вечная,
Бесчеловечная
Вражда-война

За блага бранные...
Там души пленные
Полны греха.

На вид блестящая,
Там жизнь мертвящая
1580 К добру глуха.

Другая — тесная
Дорога, честная,
По ней идут

Лишь души сильные,
Любвеобильные,
На бой, на труд

За обойденного,
За угнетенного,
Стань в их ряды.

1590 Иди к униженным,
Иди к обиженным —
Там нужен ты.

И ангел милосердия
Недаром песнь призывную
Поет над русским юношей —
Немало Русь уж выслала

Сынов своих, отмеченных
Печатью дара божьего,
На честные пути,
1600 Немало их оплакала
(Пока звездой падучею
Пронесятся они!).
Как ни темна вахлачина,
Как ни забита барщиной
И рабством — и она,
Благословясь, поставила
В Григорье Добросклонове
Такого посланца.
Ему судьба готовила
1610) Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чухотку и Сибирь.

Светило солнде ласково,
Дышало утро раннее
Прохладой, ароматами
Косимых всюду трав...

Григорий шел задумчиво
Сперва большой дорогою
(Старинная: с высокими
1620) Курчавыми березами,
Прямая как стрела).
Ему то было весело,
То грустно. Возбужденная
Вахлацкою пирушкой,
В нем сильно мысль работала
И в песне излилась:

«В минуты унынья, о родина-мать!
Я мыслью вперед улетаю.
Еще суждено тебе много страдать,
1630) Но ты не погибнешь, я знаю.

Был гуще невежества мрак над тобой,
Удушливей сон непробудный,

Была ты глубоко несчастной страной,
Подавленной, рабски-бессудной.

Давно ли народ твой игрушкой служил
Позорным страстям господина?
Потомок татар, как коня, выводил
На рынок раба-славянина,

И русскую деву влекли на позор,
1640 Свирепствовал бич без боязни,
И ужас народа при слове «набор»
Подобен был ужасу казни?

Довольно! Окончен с прошедшим расчет,
Окончен расчет с господином!
Сбирается с силами русский народ
И учится быть гражданином,

И ношу твою облегчила судьба,
Спутница дней славянина!
Еще ты в семействе покуда — раба,
1650 Но мать уже вольного сына!»

Сманила Гришу узкая,
Извилистая тропочка,
Через хлеба бегущая,
В широкий луг покошенный
Спустился он по ней.
В лугу траву сушившие
Крестьянки Гришу встретили
Его любимой песнею.
Взгрустнулось крепко юноше
1660 По матери-страдалице,
А пуще злость брала.
Он в лес ушел. Аукаясь,
В лесу, как перепелочки
Во ржи, — бродили малые
Ребята (а постарше-то
Ворочали сенцо).

Он с ними кузов рыжиков
 Набрал. Уж жжется солнышко;
 Ушел к реке. Купается, —
 1670 Три дня тому сгоревшего
 Обугленного города
 Картина перед ним:
 Ни дома уцелевшего,
 Одна тюрьма спасенная,
 Недавно побеленная,
 Как белая коровушка
 На выгоне, стоит.
 Начальство там попряталось,
 А жители под берегом,
 1680 Как войско, стали лагерем,
 Всё спит еще, немногие
 Проснулись: два подъячие,
 Придерживая полочки
 Халатов, пробираются
 Между шкапами, стульями,
 Узлами, экипажами,
 К палатке-кабаку.
 Туда ж портняга скорченный
 Аршин, утюг и ножницы
 1690 Несет — как лист дрожит.
 Восстав от сна с молитвою,
 Причесывает голову
 И держит на отлет,
 Как девка, косу длинную,
 Высокий и осанистый
 Протоерей Стефан.
 По сонной Волге медленно
 Плоты с дровами тянутся,
 Стоят под правым берегом
 1700 Три барки нагруженные:
 Вчера бурлаки с песнями
 Сюда их привели.
 А вот и он — измученный
 Бурлак! походкой праздничной
 Идет, рубаха чистая,
 В кармане медь звенит.
 Григорий шел, поглядывал
 На бурлака довольного,

А с губ слова срывались
1710 То шепотом, то громкие.
Григорий думал вслух:

Бурлак

«Плечами, грудью и спиной
Тянул он барку бичевой,
Полдневный зной его палил,
И пот с него ручьями лил.
И падал он, и вновь вставал,
Хрипя, «дубинушку» стонал;
До места барку дотянул
И богатырским сном уснул
1720 И, в бане смыв поутру пот,
Беспечно пристанью идет.
Защиты в пояс три рубля.
Остатком — медью — шевеля,
Подумал миг, зашел в кабак
И молча кинул на верстак
Трудом добытые гроши
И, выпив, крикнул от души,
Перекрестил на церковь грудь:
Пора и в путь! пора и в путь!
1730 Он бодро шел, жевал калач,
В подарок нес жене кумач,
Сестре платок, а для детей
В сусальном золоте коней.
Он шел домой — неблизкий путь.
Дай бог дойти и отдохнуть!»

С бурлака мысли гришины
Ко всей Руси загадочной,
К народу перешли.
И долго Гриша берегом
1740 Бродил, волнуясь, думая,
Покуда песней новою
Не утолил натруженной,
Горящей головы.

Русь

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь!

1750 В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая —
Совесть спокойная,
Правда живучая!

1760 Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается —

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая —

1770 Встали — небужены,
Вышли — непрошены,
Жита по зернышку
Горы наношены!

Рать подымается —
Неисчислимая,
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка-Русь!..

Итак (Примечание)
(Копия)

Мои и чужаки
Твои - и Субъекты,
Твои и объекты,
Твои - и действия,
Матери Русь!

Народом славянским
Среды свободные,
Вольные, земные
Среды народные!

Сила народная,
Сила народная!
Сила народная,
Сила народная!

Сила и народная
Неумирающая
Мир и народная
Неумирающая

Автограф начала песни «Русь».
(«Кому на Руси жить хорошо»).

Эти не по-суду	Снам себе не веля
Русь или чужды	Русь не вступит чуж
И заведет в ней	И зорит в ней
Всера судит	Всера не зрима —
	Всера — не зрима
	Всера — не прощана
	Саводремна
	Допрошана
	Свои
	Свои не вступит!
	Равно не вступит
	Ничто не вступит!
	Силе в ней скажут
	Несогласия!
	Твои и вбоже
	Твои и вбоже
	Твои и вбоже
	Твои и вбоже
	Твои и вбоже

Автограф заключительных строк песни «Русь».
 («Кому на Руси жить хорошо»)

- 1780 «Удалась мне песенка! — молвил Гриша, прыгая:—
 Горячо сказалась правда в ней великая!
 Завтра же спою ее вахлачкам — не всё же им
 Песни петь унылые... Помогай, о боже, им!
 Как с игры да с беганья щеки разгораются,
 Так с хоршей песенки духом поднимаются
 Бедные, забитые...» Прочитав торжественно
 Брату песню новую (брат сказал: «божественно!»),
 Гриша спать попробовал. Спалось, не спалось,
 Краше прежней песенка в полусне слагалась;
- 1790 Быть бы нашим странникам под родисю крышею,
 Если б знать могли они, что творилось с Гришею.
 Слышал он в груди своей силы необъятные,
 Услаждали слух его звуки благодатные,
 Звуки лучезарные гимна благородного —
 Пел он воплощение счастья народного!..

ПРИЛОЖЕНИЯ

1 8 7 1

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ

Э П И Л О Г

Кто помнит ту годину роковую,
Тот знает сам, как много славных жен
Вослед мужей ушло в страну чужую...
Как ни смотри на драму тех времен.

Высок и свят их подвиг незабвенный!
Как ангелы-хранители они
Явились опорой неизменной
Изгнанникам в страдальческие дни.

Быть может, мы, рассказ свой продолжая,
¹⁰ Когда-нибудь коснемся и других,
Которые, отчизну покидая,
Шли умирать в пустынях снеговых.

Пленительные образы! Едва ли
В истории какой-нибудь страны
Вы что-нибудь прекраснее встречали.
Их имена забыться не должны.

Да, их поэт грядущий не забудет,
Но чьей судьбы теперь коснулись мы,
Та всех светлей сиять меж ними будет...
²⁰ Далеk был путь до роковой тюрьмы,

Вражда людей, не знающих пощады,
На том пути ей ставила преграды,
И — первая — она их перешла.
Ее души ничто не устроило!
Она другим дорогу проложила,
Она других на подвиг увлекла!

〈ПЛАН ПРОДОЛЖЕНИЯ ПОЭМЫ «РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ»〉

Пролог. — Страницы.

Глава I. — Смерть стучится в нашу тюрьму. Она угрожает отнять у нас самый лучший перл — эту великодушную женщину и пр. Чем тоньше натура, тем менее может выдержать. Удивительно еще, как все они не умерли, как вспомнишь, что они терпят и терпели.

Глава II. — Не говорю о муках физических. В первое время они буквально голодали, когда не было сообщения с родными. Сами мыли белье, пекли хлебы и пр. Нет, муки нравственные. (Случай по поводу Рика.)

Глава III. — А этот случай! Сколько ужаса! (Случай с Волконской, разбойник.)

Глава IV. — А этот случай с Муравьевой, когда к ней пристал пьяный офицер. — Какие последствия его могли быть. Сколько подумалось. — Ей стало казаться, что у нее отнимут мужа, когда она осмыслила последствия.

Глава V. — И вот приезжает курьер и разносит слух, что он приехал кого-то увезти в Петербург для новых допросов. Кого? Ужас.

Еще глава: а первы уже надорваны: разве легко было перенести все это: аресты мужей (Муравьева плавала в лодке у крепости), долгий путь сюда и пр., и пр.

Глава VI. — Жизнь входит несколько в условные рамы. Утром их ведут на работу; 2 раза в неделю свидания; все выбегают, чтобы встретиться, они сами открывают ставни; бродят у места работ; провожают издали, когда возвращаются. — Садятся у ограды; по звуку цепей узнают приближение; потом долго не могли привыкнуть, как сняли цепи; разговоры через частокол — В 9-ть запирают их; в праздник пение и т. д. (Пение арестантов: Воля ты и пр.)

Глава VII. — Переезд в Петровск и описание жизни там сначала ужас от темноты тюрьмы и пр. Потом сравнительное удобство. Только беспокоили иногда приезды ревизоров да был случай (не сюда ли то, что означено под цифрой V?).

Глава VIII. — Но самая жизнь: беспрестанное перебегание из тюрьмы домой и обратно и пр. Стычки с комендантом. Мысль о покинутых в России детях и т. д., и т. д.

Глава IX. — В один-то из таких дней Муравьева простудилась. Доктор Вульф и пр. Работа. Если зовут к больному, садится в телегу и едет. Больница. Аптека.

Гроб.

Живой мост.

Погребение.

Лампада неугасимая.

Не за танцы, не за шпоры, не за светские манеры полкубила она своего Никитушку. — Он был серьезен и пр. Карамзин и т. д.

1 8 7 5

<ИЗ «СОВРЕМЕННОКОВ»>

ЛИТЕРАТОР

Заглянул я в залу эту
И прижался у дверей.
Седовласому поэту
Здесь справляли юбилей.

Семь речей ему сказали,
Все заслуги перечли,
И к Шекспиру приравняли
И Гомером нарекли...

Что же вышло? Друг искусства
¹⁰ Как-то холодно внимал:
«Ваши речи полны чувства,
Полны искренних похвал,

Их довольно, чтоб прославить
Мой художественный дар,
Но... позвольте мне прибавить», —
Скромно молвил юбиляр. —

И затем себе восьмую
Речь сказал любимец муз
С жаром, с чувством... да такую,
²⁰ Что льстецы пришли в конфуз!

Пошлость их речей бездарных
Стала каждому ясна:
Вместо фраз высокопарных
Речь его была полна

Поэтических сравнений,
Поэтических картин,
Блеск и сила!.. Точно: гений,
Да притом — и века сын:

Что за радость быть педантом,
30 Скромность вечную хранить?
Всем служить своим талантом,
А себе не послужить?..

НОВЫЙ ГУБЕРНАТОР

«...С богом, с богом! торопитесь!
Там скучненько, говорят.
Что же делать? Потрудитесь!
Рано вам еще в Сенат.

Прокатиться можно в зимку,
Далеко ль от вас Москва?..
Недоимку! недоимку!
Остальное — трин-трава!..»

* * *

Военный пир... военный спор...
Не знаю, кто тут триумфатор.
«Аничков — вор! Мордвинов — вор! —
Кричит зарвавшийся оратор: —
Милютин ваш — не патриот,
А просто карбонарий ярый,
Куда он армию ведет?..
Нет! лучше был порядок старый!
Солдата в палки ставь — и знай,
10 Что только палка бьет пороки!
Читай историю, читай!
Благие в ней найдешь уроки:
Где страх начальства, там и честь.

А страх без палки — скоротечен,
Пусть целый день не мог присесть
Солдат, порядочно посечен,
Пускай он ночью оставлял
Кровавый след на жестком ложе,
Не он ли в битвах доказал,
20 Что был небитого дороже?»

* * *

Председатель Казенной палаты, —
Представительный тучный старик,
И директор. Я слышал дебаты,
Но о чем? хорошенько не вник.

«Мы вас вызвали... ваши способности...»
— Нет-с! вернее: решительность мер.
«Не вхожу ни в какие подробности,
Вы — губерниям прочим пример,

Господин Председатель Пасьянсов!»
10 — Гран-Пасьянсов! — поправил старик.
«Был бы рай в министерстве финансов,
Если б всюду платил так мужик!..

Очень трудны теперь обстоятельства...
Если б меры такие ж принять . . .»
— Не советую, ваше сиятельство,
Всё погубите, смею сказать!

Доложите министру финансов,
Что действительно беден мужик.
«Но — пример ваш, почтенный Пасьянсов?...»
— Гран-Пасьянсов! — поправил старик...

ВОИНЫ

Путь, отечеству полезный,
Ты геройски довершил,
Ты не дрогнул перед бездной,
Ты...

Татарин нелюбезный
Двери круто затворил.
Несмотря на все старанья,
Речь дослушать я не мог.
Слышны только лобызаңья
Да «ура!..» да «с нами бог!..»

* * *

Послушайте — не много ль
Такое погребенье?
Не Пушкин же, не Гоголь
Леонтьев!..

«Ваше мнение
Есть плод лицеприятья!
Не будьте слишком строги.
В Москве — свои понятия,
Свои герои, боги,
Московского Зевеса
10 Я там увидел снова:
Поверьте, наша пресса
Клевещет на Каткова.
Ужель у патриота
В основе убежденья
Тушая жажда гнет
И похоть истребленья?»

* * *

«Были вы вчера студенты,
Нынче — граждане! — гласит
Дослужившийся до ленты
Старичок: — Да сохранит
Вас судьба в житейской битве,
На прощанье повторю:
Путь спасения — в молитве
И в покорности царю!
Будьте, юноши! степенней,
10 Ретрограднее отцов!
Есть ли в мире что презренней
Алигаторов-глушцов?»

Ваши сестры, ваши братья,
А нередко и отцы,
Распростерли им объятия,
Уготовали венцы!

Всюду — страшно молвить даже! —

Им поддержка, им почет...

Стань же, юноша, на страже!

²⁰ Будь отечества оплот!

Будь семьи руководитель,

Злу не дай торжествовать,

Заблуждается родитель —

И родителя попятить!..

Блага жизни вам дадутся.

Лишь найдите по стопам

Тех, что дерзко предаются

Анархическим мечтам!

Им готовит провиденье,

³⁰ Вместо власти и венца,

Одиночество, забвенье

И — изгнание без конца...»

* * *

— Здравствуй, умная головка!

Ты давно ль из чуждых стран?

Кстати, что твоя «Поповка»,

Поплыла ли в океан?

«Плохо! дело не спорится.

Опыт толку не дает:

Все кружится да кружится,

Все кружится... не плывет!»

— Это, брат, эмблема века,

¹⁰ Если толком разберешь.

Нет в России человека,

С кем бы не было того ж!

Что-то каждому неловко,

В чем-то где-то есть грешок.

Мы кружимся, как «Поповка»,

А вперед — ни на вершок!

ДВОРЯНСКИЕ СКОРБИ И РАДОСТИ

«Да, провинция пустеет:
Города объаты сном,
Земледелец наш беднеет,
Дворянин поник челом.

Кто не «высшего разбора»,
Убегай из наших мест,
Ты — добыча прокурора,
Мировой тебя заест!

Кто теперь там толку сыщет?
¹⁰ Народившийся кулак
По селеньям зверем рыщет,
Выжимает четвертак.

Выбивают недоимку,
Разоряют до гроша,
Взятку, взятку-невидимку
Ловит каждая душа!

Даже божии стихии
²⁰ Ополчились на крестьян:
Повсеместно по России —
Вихри, штормы, ураган.

Гром жилища зажигает,
Нивы град господень бьет,
Деньги земство обирает,
Жадный волк уносит скот!

С мужиком одним случилось —
То-то он оторопел! —
Даже почва провалилась,
³⁰ Отведённая в надел!

Не затем мы уступали
Наши древние права,
Чтоб на наше место стали
Становой и голова!

Жаль родного достоянья,
Жаль я бедных мужиков!..
Там — семейные преданья,
Там — любезный прах отцов!

Праха отцов — добыча тленья,
40 А живому дорог день:
Как из чумного селенья,
Мы бежим из деревень!»

Так искатели концессий,
Потерпевшие накладе
От хозяйственных профессий,
Нашим земцам говорят.

«Нет, а мы так не уходим!
Обновив с народом связь,
Мы народ облагородим, —
50 Говорит — по Гнейсту — князь: —

Мы судебно-полицейской
Властью пьянство укротим!»
И с улыбкой фарисейской
Ренегаты вторят им.

Князь Иван закончил пренья
О вреде предоставленья
Мужику гражданских прав,
Неожиданно сказав:

«Пусть глас народа — божий глас,
60 Но все-таки мужик — скотина!
Плохая шутка: свинопас
И рядом правнук Гедимины.

Враги дворян изобрели
Нарочно земское компанство,
Чтоб вши с крестьян переползли
На благородное дворянство».

* * *

Дворянин многоземельный
С тайной думою своей
Дышит скукою смертельной.
Есть субъекты веселей:

Генеральный бой дворянской
Проиграв, они нашлись
И войною партизанской
На досуге занялись.

Не рискуя головою,
¹⁰ Эти рыцари страны
Так и рвут что можно с бою
У народа, у казны:

Взяв с подряда «разреженье»
Государственных лесов,
Произвесть опустошенье,
Подменить у мужиков

Земли — дело «партизана»:
Он — процентщик, он — торгаш,
Не уйдешь его кашкана,
²⁰ Неизбежно дань отдашь!..

* * *

Где, бывало, леса вековые
На огромных пространствах шумит,
Там теперь пустыри бесконечные
Пеленою могильной лежат.

* * *

Хоть трудись в ярме железном,
Хоть издохни ты в борьбе,
Нету средства быть полезным
Ни народу, ни себе!

Начнем с недавних крепостных.
Пусть я советовать не смею,
Но был бы рад, когда бы их
Из земства вытолкали в шею...
Пусть глас народа — божий глас,
Но все-таки мужик — скотина.
Представь картину: свинопас
И рядом правнук Гедимины!
Уж не затем ли завели
10 Такое грязное компанство,
Чтоб вши с крестьян переползли
На благородное дворянство?..
Теперь о воспитанье... Я —
Конечно, для мужского полу —
Завел бы, милые друзья,
Громадного размера школу
Одну военную, — и в ней
Для надлежащей подготовки
Книг мало, много фухтелей
20 И сколько хочешь маршировка.
Покуда в школе нет имен,
Под номером известен всякий:
Седьмой Иван, шестой Семен,
Сто девятнадцатый Акакий.
Родство забыто. Ни на ком,—
Покуда в школе,— превосходства,
Добейся шпаги с темляком:
Она эмблема благородства.

Люби народ, но облагай
30 Что называется вплотную
И тем разумно возбуждай
К труду энергию святую.
Вводить ли грамоту в народ?
Она не даст ему процентов,
Но неизбежно приведет
К подделке важных документов.

* * *

Мужички смиренно добры,
Хлеб жуют из отрубей —
И у них варужу ребры,
И у бедных лошадей.

* * *

Ба! угрюмая тихая личность!..
Как, зачем ты сюда забрался?..
Здесь возможна одна неприличность,
Или тоже кутить собрался?

Нет! не рад ты веселью и шуму,
Клонит сон... а не хочешь уйти.
Словно думаешь крепкую думу:
«Все друзья... на кого донести?..»
Право, здесь разговор богомерзкий
¹⁰ Невозможен... уйди, старый волк!
Нет, дождешься ты выходки дерзкой
И исполнишь священный свой долг.

Донесешь... но поплачешь о друге...
Таково уже сердце твое:
Плачешь даже о жирной белуге.
Уплетая под хреном ее!

* * *

Старец несколько помятый,
В седине, как в серебре,
Человек он небогатый,
Да живет в большой игре.
Целый век все мечет, мечет...
Да! Натура широка:
Нет игры, так в чет и нечет
Спустит все до пятака.
Нынче было денег куча,
¹⁰ Завтра по уши в долгах.
Подойдет счастливый случай
И опять на рысаках.

Понесет ли в день утраты
Или кончит барышом,
Записавши результаты,
Все равно спит мертвым сном.

* * *

Он робко жался на диване,
Подобно стерляди в лохани,
Когда она свилась кольцом
И только дрыгает хвостом.

* * *

Соль коммерческого мира —
Дело поняли они:
Из глушца создай кумира,
Оставайся сам в тени.
Наш патрон на том помешан,
Что он русский мужичок,
Он жетонами обвешан
Как шаман; с румяных щек
Пышет силой и здоровьем.

¹⁰ . . . . .
Нам не нужно ни поклонов,
Ни жетонов, ни речей,
Колокольных этих звонов,
Телеграмм и стерлядей...

* * *

И внимали предстоящие
Эти ужас наводящие,
Нагло-умные слова.
И полны благоговением
Повторяли с восхищением:
«Золотая голова!»
Ничего не будет нового,
Если завтра у него
На спине туза бубнового
¹⁰ Ты увидишь, — ничего!
Но гораздо вероятнее,
Что его карьера ждет

Деликатнее, опрятнее, —
Миллионы наживет!
Вот кого с акционерома
Разговаривать пошлем:
Отуманит их манерами,
Ослепит своим умом.
И докажет исторически
20 Им теории свои
И применит их практически,
Надо дать ему пай.

* * *

Он друзей повсюду ловит,
Лишь бы вечный шел кутеж,
И прекрасную готовит
Петербургу молодежь.

* * *

Четыре месяца ты был
Редактором газеты.
Твой голос слаб, твой взор уныл,
А юность, юность, где ты?
Она ушла на честный труд,
На подвиг благородный.
Тебе страницу отведут
В истории народной.

* * *

Он бранью сильно повредит,
Но похвалой верней утопит:
С Крестовским Байрона сравнит,
Шекспира охолопит.

* * *

Душеприказчика он должность исправлял
У состоятельных старушек:
Как жук-могильщик трупы погребал
И приобрел изрядный кушак.

* * *

На платиновой тарелке
Ей подносит миллион
И заводит о безделке
Разговор: иди ты воп!
Будет! пожили! довольно...

* * *

Начал жить с чужой женою,
Выслал мужу добрый куш.
Славно нашему герою
Отвечал рогатый муж.
Деньги он прислал обратно
При письме — я сам читал:
«Мне известие приятно,
Но зачем же капитал?
Я готов еще прибавить,
¹⁰ Что избавлен наконец!»
Лучше точки здесь поставить...
Не польстился! Молодец!

* * *

— Ну, а с вами ли, Извеков,
Табатерка?—он спросил.
— Целых две — и книжка чеков!
— Bravo!.. вот кто воскресил
Огорченного. Спросили
Карты, сдвинуты столы
(Не табак — червонцы были
В табатерках) — гни углы!
Загибай смелее на семь,
¹⁰ На пятнадцать, — дурь пройдет!
«Дай-ка зельтерской, Герасим!
Двести мазу... Фу, как бьет!»
И действительно Извеков
Очень счастливо метал:
Колотил евреев, греков,
Да и русским не спускал.

<ИЗ ПОЭМЫ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»>

1

Умрет жена у пахаря —
 Другую заведет,
 Умрет и та — он женился
 На третьей... не беда!
 Умрет ребенок — лишняя
 Кроха живым останется;
 Коровушка падет —
 Все не беда, а полбеда.
 Беда непоправимая,
 10 Когда валиться лошади
 У пахарей начнут.

Зарыв свою коровушку,
 «Не плачь, жена! поправимся, —
 Мелентий говорит. —
 Бог милостив! С саврасушкой
 Побольше поработаем,
 Убыток наведем!»
 Чтоб вдоволь наработаться,
 Чем свет идет за лошадю,
 20 Пришел и оробел:
 Саврас его, как вкопанный,
 Стоит, понурия голову,
 И дышит тяжело.

Пощупал горло... Господи!
 Точь-в-точь как у буренушки,
 Всю шею разнесло!..
 Повел домой саврасушку;
 Как пьяный, сам шатается,
 И лошадь, словно пьяная,
 30 Шагает вяло, медленно...
 У клетки привязав
 Коня, Мелентий вымолвил
 Глухим, негромким голосом:
 «Что делать нам теперь?»

Пришла жена с ребятами,
Пришел столетний дедушка,
Взглянули на саврасушку —
И зарыдали все...

Я тут-как-тут, по должности
40 Врача ветеринарного
Наехал... Вся семья
Взмолилась, в поги бросилась:
«Не сам ли бог послал тебя?
Спаси!..» Достал я снадобье
И влил коню в нутро;
Другое дал я снадобье,
Чтоб растирали опухоль, —
Конь беспокойней стал,
Да не надолго. Случаев
50 Выздоровленья не было
В разгар эпизоотии,
Савраска захрипел,
Упал... он долго корчился,
От боли землю грыз;
Потом заржал пронзительно
И вытянулся... «Кончился», —
Крестьянин прошептал...

На всю семью несчастную
Нашел столбняк; какое-то
60 Поистине ужасное
Молчание; потом
Всеобщее рыдание
Жены, сестры хозяина,
Слепой столетней бабушки
До мальчика трехлетнего,
Которого саврасушка
Еще вчерашним вечером
Деревней прокатил!..
Потом возглас хозяина
70 К соседям, праздным зрителям:
«Эй! братцы! помогите
Свезти савраску за версту
И в сажень яму выкопать, —
Начальство так велит.

Мне не на чем свезти его,
Нет мочи яму выкопать,
Ослаб я... помоги!»
Отказ: «Помочь мы рады бы,
Да заразиться боязно,
80 У нас своя скотинушка...» —
«И ладно! Эй, жена!
Сестра! Ну, принимайтесь,
У нас уж падать некому». —
И впрямь! Савраску бедного,
Вооружась лопатою,
Семья поволокла...

2

ПАХОМУШКА

—
Есть у Пахомушки женка и дети,
Да не Пахомушке ими владети:
Лег семьянином, а встал бобылем.
Нынче — крестьянин оброчный,
Завтра — холоп беспорочный,
Через неделю солдат под ружьем.
Не бережет ни коровушки,
Ни забубенной головушки,
Ни ребятишек Пахом!..

ВАРИАНТЫ
И
КОММЕНТАРИИ

ОБЪЯСНЕНИЕ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В III ТОМЕ

- БАН* — библиотека Академии наук.
ЕМ — материалы, принадлежащие В. Е. Евгеньеву-Максимову.
ИЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом).
ИЛИб — библиотека Института русской литературы.
ИМ — Государственный исторический музей.
К — копия.
КЧ — материалы, принадлежащие К. И. Чуковскому.
ЛБ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина.
ЛГ — «Литературная газета».
ЛН — сборник «Литературное наследство» № 49—50 «Н. А. Некрасов», I, изд-во Академии наук СССР, М., 1946.
ЛН2 — готовящийся к печати второй некрасовский том «Литературного наследства».
ЛН3 — готовящийся к печати третий некрасовский том «Литературного наследства».
Некрасов ПД — сборник «Некрасов по материалам Пушкинского дома», П., 1922.
ОЗ — журнал «Отечественные записки».
ПБ — Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
Стих 1868—1869 — «Стихотворения Н. Некрасова», 1-я и 2-я части — издание 5-е, 3-я часть — издание 2-е и 4-я часть — издание 1-е, СПб., 1868—1869.

Стих 1873—1874 — «Стихотворения Н. Некрасова», 1-я и 2-я части — издание 6-е, 3-я часть — издание 4-е, 4-я и 5-я части — издание 2-е, 6-я часть — издание 1-е, СПб., 1873—1874.

Стих V—отдельно изданная в 1873 г. 5-я часть *Стих 1873*.

Стих 1879 — «Стихотворения Н. А. Некрасова», посмертное издание в четырех томах, СПб., 1879.

ЦГЛА — Центральный государственный литературный архив.

ВАРИАНТЫ...

ДЕДУШКА

(Стр. 5)

Варианты автографа ЛБ

- 4 Важный такой генерал
13—14 «Папа! ты что-то скрываешь?
Где ж он теперь, говори!
22—24 Перед портретом стоят.
Что ж он недобрый был что ли?
Что про него все молчат?
34 Ну, я не буду упрям
36 Саша заплакал и сам
49—52 Где же он, милый папаша?
Не отвечаешь всегда.
Полно же! вырастешь, Саша,
Сам все узнаешь тогда...
53—56 Жарко, июль наступает.
Саша и ждать позабыл.
Дед, наконец, приезжает,
Бойко к крыльцу подкатил.
58—64 Сел на крыльце и сказал
Милости, дети, от бога.
Только одной я желал
Свидется с вами, и ныне
Внял он молитве моей.
Жить тяжело на чужбине,
А умереть тяжелей.
67—68 Дворян поодаль стояла
Слезы стараясь сдержать
72 Экой кудрявчик какой
73—76 *отсутствуют*

- 80 Где же медали, кресты
81 *a* Что же ты будто хромаешь
б Шрам на ноге ты скрываешь
82 Шрамы, рубцы на руках
84 Слезы у Саши в глазах
89—91 Ходит они за грибами,
Клюкву, малину берут.
Дедушка крепок ногами
97—100 Важен, высокого роста
Важен лицом, сановит
Как-то особенно просто
Ходит, глядит, говорит
После 100 [Старый берет с собой книги,
Внучек игрушки берет.
В избы заходят и в риги,
Если погода цугнет.
Дедушку всё занимает,
Дедушка молод душой,
Дедушка часто вздыхает,
Чаще смеется родной.]
103 Ходит кулик сероватый
129 Просьбу: «подайте же руку
157—389 *здесь отсутствуют*
393 Дед обращался к реке
411—412 *начаты*: Гаснут и ум и душа
Да зарываешь в могилы
413 *a* Лучших друзей до поры
б Старых друзей до поры
414 *a* Видишь, как медленно таеть
б В землю друзей зарываешь
в Медленно сам умираешь
418—421 *отсутствуют*
425 Было в нем четверти три
427 Скучно мне, дедушка, ждать!..
429 Старый готов зарыцать
441—442 Будешь ты всё понимать,
Будешь ты дедом гордиться
449 (Лет уже девять ему)
После 461 *следуют стихи 157—389 (составляющие в рукописи
отдельную вторую часть)*
157 Дайте им, дайте свободу
163 Землю да волю им дали

- 167—168 Строятся риги, амбары
Всюду работа кипит
- 169 *a* *начат*: Всяду довольные лица
- 6 Всё идет живо и споро
- 172 Рыбой из дикой реки
- 183—184 Там бедняка-человека
Нет теперь, — вся<кий> богат
- 185—188 Там не встречал я ворешек,
Там неизвестна сума,
Всюду довольство, излишек,
Светлы, просторны дома,
- 192 Жители — дети труда
- После 192 *зачеркнуто четсеростишие, которое
в измененном виде образовало ст. 205—208*
- 200 Сорок пудов увезет...
- 203 Долг они строго блюдут
- 211 «Где ж это?» — Внушек, далеко
- 212 *a* На реке Т а р б а г а т а й ...
- б Помни-ка: Т а р б а г а т а й
- 217—220 *начаты*: Грустно становится, Саша,
Как погляжу я кругом,
Как она, мату<шка> наша
Русь-то отстала во всем
- 224 Ребры считай — чуть жива!
- 232—234 Землю взрывая, ходил
Пот с него градом катился,
Да не хотел он отстать
- 241—242 *и* } первоначально следовали в обратном порядке: 243—
- 243—244 } 244, 241—242
- 242 Душу коробит, мой друг
- 257 Стой!» и пошел, и пошел!
- 266—309 *отсутствуют*
- После 260 *зачеркнуты стихи, в измененной редак-
ции использованные ниже (316—355):*
[Отдых у деда недолог —
Вынет он свой еундучок
Много там дратвы, иглонок,
Шило, пила, молоток]
- 310—313 Дедушка встретит солдата,
Снова расспросы пойдут:
«Нынче вам легче, ребята,
Меньше вас шкелят и бьют

- 329—332 Пятого гонит сквозь строй
С пеною у рта грохочет,
Мало что выбравит полк,
На офицеров наскочит
- 336—337 Дрогнет имеющий уши,
Но не дрожавший в бою
345 Честь погубить берегись!..
- После 345 Взрослые люди — не дети,
Трус — кто сторицей не мстит.
Помни, что нету на свете
Неотразимых обид!..
- 353 Переплетал хоть куда
363 О виноградных садах
365 И о голодных рабах
367 Где его братья легли
369 Что за героями шли
375 Дедушка пел — и рыдал
377 Келью свою заполнял!

Варианты ОЗ

- 52 Долго ожидаанный дед
374 О Т—ой и В—ой
461 Саша великую был

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ
КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ
(Стр. 23)

Варианты черновых рукописей ЛБ

Рукописи первой части

Варианты ст. 1—82, 235—254 (л. 1—1 об.)

- 9—12 Перекрестив внутри возок
Повесил даже образок
В углу. Куда-то едет в ночь
Его сиятельная дочь
- 65—67 А секретарь ее отца
Да два курьера-молодца

- После 82 Давно уж скачут впереди
описаны: В угоду ей он так скакал,
 Что в Красноярске захворал
Далее — ст. 235—254:
 240 На бедные дома!
 242 Пугнула их зима,
 253—254 На лево — в саване река
 На право темный лес

Варианты вставки — ст. 13—62 (л. 2)

- 17—18 А тот, кто мог бы нам помочь
 Господь его суди...
 30 И выше и святей
 40 Господь с тобой... Прощай
 43 Того красой ты не пленишь,
 51—52 И эту площадь, — и на ней
 Героя на коне.

Варианты ст. 83—130 (л. 5)

- 84—86 Природа все мертвей,
 Но грезы милы и легки —
 Балы все снятся ей
 91 Богато убран пышный зал
 93—94 «У нас сегодня детский бал»
 Отец ей говорит

Наброски на л. 3

- После 94 Цветы, наряды принесли...
 Сановники послы
 Сюда детей своих везли
 На детские балы
 Как было весело. Потом
 Другой ей снится бал
 Она танцует с женихом, —
 И вот он мужем стал.
 Как бледен он, Живой мертвец!

*Варианты ст. 255—266, 381—396, 219—234, 267—282
 (л. 11 — об. 12)*

- После 254 Они четыре раза в день
 Сменили лошадей,
 Чредой упала ночи тень, —

- Уснуть бы поскорей!
- 255—257 Но не заснет усталый ум
До самого утра,
Не спит и сердце; смена дум
- 263 Что небо серое — песком
- После 266 *вписаны:*
Глухая ночь. Мороз крепчал
И ел глаза до слез
И подрез по снегу визжал,
Как прищемленный пес.
- Далее ст. 381—396 (381—384 вписаны; первоначально после ст. 266 непосредственно следовала ст. 385):*
- 385—388 Тоска! навстречу ни души
По целым божьим дням,
Лишь волк стопал в лесной глуши
В ответ другим волкам,
- 389—390 Да ветер злился и ревел
Гарцуя по реке,
395 И сердце больно надрывал
- После 395 *следуют ст. 219—234:*
- 219—222 Настало утро. «Не гони¹,
Ямщик, своих коней!»
Вблизи слышали они
Как будто звук щелей.
- После 234 [Всё то же — справа лес шумит
Налево — гладь и мгла,
Лишь через сутки новый вид
Окрестность приняла]
- Далее ст. 267—282:*
- 267 а Река пропала, началась
б Вид изменился: началась
- 271—275 Местами из снегу торчит
Один тальник гнилой,
«А вот и тундра!» говорит
Ямщик, бурят степной...

¹ а Но вот и люди. «Не гони
б Но вот и встреча. «Не гони
в Но вот и утро. «Не гони

После 282 Да, нелегко в стенах возка
Дней сорок провести,
Но вот — Иркутск: не далека
Теперь и цель пути!

Варианты ст. 291—330 (л. 10)

291—294 *описаны*

292 Княгиня вниз глядит

299—300 Бегут, не взявши дела в толк,
Мещане, мужики...

301 На площади какой-то полк,

302 Еще пришли полки

303 Уж больше тысячи солдат

306—308 Сплошной стеной толпясь кругом,
Глядел на них как гусь на гром
Озябший русский люд...

307 Казалось, он не понимал,

В.м. 309—312 а Зато посмеивался в ус

И руки потирал

Прикащик — жиденский француз, —

Он дело понимал!

б Зато посмеивался в ус

И руки потирал

Давно знакомый ей француз,

Что косы ей чесал¹.

313—315 Приспели верные полки:
«Сдавайтесь». Пули и штыки
Короткий был ответ.

313 Явились новые полки:

В.м. 317—322 а Какой-то храбрый генерал
Солдат мятежных обругал —
Послали на тот свет!

Другой отечески просил

И тоже пулю получил.

б Какой-то добрый генерал

Влетев в каре, увещевал,

Просил, — да толку нет!

Другой попробовал ругнуть —

Ему послали пулю в грудь²...

¹ Он кое-что <смекал>!

² Ему всадили пулю в грудь...

е Какой-то храбрый генерал
Влетев в каре, увещевал,
Просил, — один солдат,
Прицелясь, смерть ему послал:
С коня валится генерал,
Из раны брызжет кровь...
Другой приibl<изился> к рядам.
Прощенье царь дарует вам
Развязка та же вновь...

323 Приехал сам митрополит

325 а Прощенье царское сулит,

б Прощенье тоже он сулит,

326 Не то — грозит судом

После 330 на полях:

Княгиня вздрогнула; кругом
Испуганно глядит
Луна плыла среди небес

Записи к ст. 301—322 (л. 16 об.):

Врагов порядка окружа
Колойнами солдат

Она вошла ему в бедро
Герой лишился чувств
Пальба пальба. Одно ядро
Попало в храм искусств
Другое врезалось в сенат

Русак в неведеньи стоял
Смотрел как гусь на гром

Варианты набросков на л. 16 об.

303—308 Сошлось 2000 солдат
Чего-то ждут... Ура! кричат.
Народ смотрел как гусь на гром
На шум<ные> полки
Чего хотят? Шум<ят> о чем?
Не знали русаки

После 370 Одян лишь час короткий час
О милый! погляди

Зачем тут третий между нас? —

Вели ему уйти

Заплакал он, и голова

Упала к ней на грудь

И слышит тихие слова

Родная не забудь

Рукописи второй части

514 Есть закорючка тут:
После 525 ремарка: (отворяя дверь в сени) (л. 13—13 об.)

---

547 Ужасна наша сторона

548 а А та — еще страшней

б Нерчинск еще страшней

в Нерчинск еще бедней

549—550 Мертва, безлюдна, холодна

Жить невозможно в ней

551—554 *вписаны*

555 Там только рыскают кругом

556 а Бродяги варнаки,

б На воле варнаки (л. 16)

---

558 Грознее нет его

После 558 Придется вам стирать белье

Чтоб не ходить в грязи

571 Там никого не пощадят

574 А вы... а вы... за что?..

575—576 Печальна будет, знаю я

Жизнь друга моего

579—582 Велите тройку заложить

Напрасно день пройдет.

<Губернатор>

Но вы не будете там жить

Там смерть вас стережет!

После 590 Где ни аптек, ни докторов

Ни деревень, ни городов? —

597—598 Живут! Как молодость свою

Вы провели, дитя?

После 626 Да! Провидения рука

Не дремлет над людьми

Кому действительность горька —
Во сне покой прими

(л. 14—15)

После 674

А там пройдет немного лет
Забудется беда
Как! мне опять вернуться в свет?
Взять <мужа?> Никогда!

675—678

Опять увидеть ханжество
Притворство, низость, лесть?
Ничтожной злобы торжество
И погранную честь?

После 678

Молчанье гордых и прямых,
Повикших под грозой
Тщеславье подлых и тупых
Напыщенных собой?

688

Улыбок их, ужимок их

697

Когда б не княжеская кровь

702

Вы отдались ему

703—704

С таким богатством и умом
С такою красотой

715—718

О, у меня достало б сил
Забуть его на век,
Когда б он пошло изменил
Как слабый человек

(л. 14 об. — 14—15 об.)

Отдельные заметки.

Как видно старый генерал
Уж красноречье <исчерпал>

Я всё готова испытать
Велите тройку подавать (л. 14—об. 15)

821

Велите ж ссыльных собирать

837—840

Трудом далекого пути
И холодом зимы

Всей мукой жизни взаперти

Всей пыткой тюрьмы

842

Не пошатнулись вы

845—848

Пятнать злодейством не хочу
Я совести моей

Я вас в три дня туда домчу
Эй живо лошадей.

(л. 16)

Варианты наборной рукописи — ИЛИ

- 5 Пять лошадей в него впрягла
11 Над головой: княгиня-дочь
18 Да тот... Прости, прости!
20 И к мужу отпусти!
21 «Прости! Не свидимся мы вповь,
46 В стенах твоих прошла,
48 а Где первой я была,
б Где перлом я слыла,
53 «Я там была... Потом, потом
55—60 *перечеркнуты карандашом и на полях помета:*
«шесть строчек точек».
70 Далекий и труден путь лежал,
73 Выходит путница: «Живей
77—79 Летят стремглав! В девятый день
Они приехали в Тюмень,
Еще скакали двадцать дней:
87 а Широкий двор, высокий дом
б Дворец с наследственным гербом
99 В широких нишах львы
93 а Сегодня будет детский бал
б Сегодня, Катя, детский бал
94 Отец ей говорит
95—110 *описаны карандашом — первоначально подряд за-*
писаны ст. 95—98 и 103—110, потом между ст. 98
и 103 показана вставка записанных выше ст. 99—
102.
115 Другие лица, бал другой
117 Красавец, воин и герой
После 130 [Ах! Где та милая пора?
Волшебный сон исчез!
На право — снежная гора,
На лево — черный лес.]
253—254 Пропала белая река
Пропал угрюмый лес,
259—260 Княгиня слышит звон цепей,
Спускается в тюрьму
307 Казалось, он не понимал
В.м. 349—356 «Иди за мной!» высок и прям,
Тюремщик ей сказал.
Он подошел к одним дверям,

Ключами звякнул, стай.
Она к нему, — а он опять
Пошел — и снова ждет;
Едва успела подбежать
Княгиня, — он вперед.
На нитку мячик навязав
Случалось в детстве ей
Бежать по комнате стремглав,
А Васька кот за ней.
Не так ли тешился теперь
Над нею грубый страж?
— Беда! беда! Забыл я дверь!
Который номер ваш?
«Поверю я, чтоб ты забыл!
Не время для потех.
Он засмеялся (страшен был
Злорадный, гордый смех), —
[Да, Провидения рука
Не дремлет над людьми
Кому существенность горька
С забвенья дань прими!]
Да, вам вернуться мой совет
Забудется беда

После 626

Вл. 663—689

К н < я г и н я >
Как! мне в проклятый этот свет
Вернуться?.. Никогда!
Зачем? чтоб видеть ханжество,
Притворство, низость, лесть,
Тщеславной дряни торжество
И подленькую месть?
Молчанье гордых и прямых
Напуганных грозой,
Нахальство подлых и турых,
Напыщенных собой?

После 674

[Они мечтают об одном
Пройти на бале тур

Всё счастье этих дур] ¹

---

¹ Внизу страницы зачеркнута запись карандашом: Лучше пусть следуют моему примеру другие женщ(ины), чем в свете делать гадости.

- 677 Продажной дряни торжество
683—684 Мне слова жить среди клевет
Интриг и жалких дел?.. ,
687—688 Ни злобы видеть не хочу
Ни состраданья их!
691 Забыть того, кто так любил,
697 Когда б не Чернышевых кровь
723—730 Молю вас, добрый генерал
Согласье ваше дать!
Меня отец не удержал,
Так вам неудержать!
И так напрасно день прошел,
Мне дорог каждый миг...
«До завтра» молвил — и ушел
Взволнованный старик...
- 747—750 *вписаны*
747 Старик торжественно молчал
772 а Ночь темная была
б Когда [ж настала] тьма
773 Княгиня бледная как тень
После 774 [Спал бедный город<ок>
775—778 Вольным сказался генерал:
Она пошла опять
Но он и утром отказал —
И так прошло дней пять
797 а Я ничего не поняла —
б Я одного не поняла —
798 а Под наблюденьем казаков
б Отряд солдат и казаков
И сотни не дойдет!
810 И вам придется так идти...
813 Ну что бы разом всё сказать?..
819 «Нет! вы поедете!..» вскричал,
823—828 Закрыв рукой глаза,
Нежданно старый генерал
И крупная слеза
Из под руки на ус седой
Скатилась... «Видит бог,
Я не хотел кривить душой;
Я сделал все, что мог!
826 а «Простите я вас истерзал!..
б Я вас измучил... Боже мой

- 829 а Простите, я измучил вас, —
 б Я как палач измучил вас, —
 в Да! как палач, я мучил вас, —
 830 Измучился и сам
 835—836 Перед царем душа моя
 Невинна видит бог!
 Вм. 837 Трудом этажного пути
 845—846 Ни вас я мучить не хочу
 Ни совести моей...
 846 Еще тиранить вас.
 848 Эй! запрягать живей!..

Варианты ОЗ и Стих 1873

- 40 Гнездо всех бед... прощай! *ОЗ и Стих 1873*
 55—60 *заменены шестью строками точек ОЗ и Стих 1873*
 271—286 *заменены двенадцатью строками точек ОЗ и Стих 1873*
 295 К обширной площади бегут *ОЗ и Стих 1873*
 301 Стоял уж там какой-то полк *ОЗ и Стих 1873*
 321 «Прощенье обещаем вам!» *ОЗ и Стих 1873*
 326 Падите ниц челом! *ОЗ и Стих 1873*
 332 Раздалось грозное: пали! *ОЗ*
 332 Раздалось: пер-ва-я! па-ли!.. *Стих 1873*
 363—364 «Скажи, что делать? . . . . .
 . . . . . *ОЗ и Стих 1873*
 367—368 «Просить ли надо?» — . . . . .
 . . . . . *ОЗ и Стих 1873*
 647—649 *заменены тремя строками точек ОЗ и Стих 1873*
 667—678 *заменены двенадцатью строками точек ОЗ и Стих 1873*
 687—690 *заменены четырьмя строками точек ОЗ и Стих 1873*

КНЯГИНЯ М. Н. ВОЛКОДСКАЯ
 (Стр. 48)

Варианты автографа ЛБ

Варианты ст. 1—32 (л. 17—17 об.)

- 1 Несносные впуки! Сегодня они
 4 Когда мы тихонько сядились
 После 7 Уселись; но я ничего не могла
 Придумать — я всё рассказала,

- Что было возможно. Я долго жила ¹,
 Я много беды испытала
 9—16 Я вам рассказать ничего не могу
 Я всё рассказала; идите!
 Я, детки, у вас не останусь в долгу
 Когда вы покой мне дадите:
 Жила я довольно; рассказов моих
 Достанет на целые томы
 Но только тогда вы узнаете их
 Как будете с жизнью знакомы!
 9 Любезные внуки! рассказов моих
 11 Но вы еще малы: узнаете их
 15 Идите гулять по горам по долам
 21 Я им завещаю сухие цветы

Варианты ст. 153—240 (л. 18, 18 об. 19, 19 об. и 20)

- 153—156 а Уехал. Опять я осталась одна
 Родные меня утешали
 Но горького чувства была я полна
 Сомнения душу терзали
 б [Уехал. Что значила бледность его?
 В чем тайна его роковая?
 Зачем он жене не сказал ничего?
 Ведь я же ему не чужая?..]
 170 Бог милостив, всё обойдется —
 172 А встретить сам друг доведется!
 175 И с первенцем-сыном отцу не пришлось
 176 Под тихую кровлей родною...
 177—180 Зачем ты меня позабыл. Ты отец!
 В жару говорят я кричала
 Но память вернулась ко мне наконец
 Я первую няню узнала
 177 Нашел меня доктор в бреду и в огне,
 179 Когда воротилось сознание ко мне
 В.м. 185—188 И то же почти говорила мне мать:
 Пока ты была пездорова
 В Молдавию муж твой ушел воевать...
 «Да что ж он не пишет ни слова?..»
 — Бог милостив, скорождемся письма
 «Я долго и так ожидаю!

---

¹ Что было возможно... Я много жила.

- Прощайте родные! Поеду сама —
И всё в Петербурге узнаю!..»
- 195—196 а Собралась я скоро, я в Киев к родным
Не съездила даже проститься
- б Была уж весна, — по разливам речным
По грязи пришлось мне тащиться...
- 197—200 а Приехала я чуть живая опять.
Что день — становилось хуже.
«Что с мужем моим? «Ничего не слышать!»
Да где ж он? — Не думай о муже
- б Доехала я чуть живая опять
Лепили, лечили — всё хуже...
«Где муж мой?» Никто не хотел отвечать
Не думай покуда о муже!»
- 200 Напрасно сюда ты спешила!»
- 205—206 Я видела только отца; пи одной
Подруги ко мне не пускали,
Вм. 219—224 Тогда только страшную правду сказать
Несчастный отец мой решил,
Когда уже нечего было скрывать —
Когда приговор появился!
О что я узнала! Мой бедный Сергей
Был тайного общества членом:
Стремилась они к низложению властей
И к разным крутым перемешам
- 229—232 Я снова прочла роковой приговор,
Я в каждое слово вникала...
Потом я имела с отцом разговор
И тише, спокойнее стала,
- 235—239 Зачем он несчастной жене не сказал
Какая нам участь грозила?
Но брат возразил: «ты его не вини
Когда он с тобой расставался
Ты сына носила последние дни,

Наброски на л. 20 об.

Всё едут — и <в поле> ночуют
И хлещут неистово бедных коней
И сами возницу бичуют —

Всё едут. Чем дальше тем меньше людей
Тем больше пустыни и снегу

Тем шире пустыня —
А снег валит
И колет их бледные лица
Совсем ознобила их стужа
Такие я видела сны
С отъездом несчастного мужа

А крик оглашает пустыню: постой,
Нет сил! Но не внемлет он крику

Под ними безбр(ежные) <наши?> снега
Над ними — буруны бушуют (?)

И мчатся — невидя предела степей
Не встретив жилья по неделям...
Пустыня! Чем дал(ьше) т(ем) м(еньше) людей
Тем больше простора <метелям>

[Что нужды?] Им велено ехать скорей
И едут, нигде не почувют,
И сами неустово хлещут коней
И страшно возницу бичуют...

На полях:

А бедный Сергей? Что доехал ли он

Там несколько троек — и стража при них

Всё мёртво, лишь волк иногда пробежит
Да каркнет голодная птица
Метель им уст(алые) очи слепит
И колет их бледные лица
То горы и башни, то гор(од) большой
Дразня их ри(суют) миражи

Наброски на л. 23

Волосы на себе рвал и говорил
Старик проглядел ты погуб(ил) дочь.

Но господи! время ли было мне
Я сражался, я <в ранах?>

После 258   Но больше пашла я в знакомых чертах
Какой-то тоски идеальной...
Всё с той же тоскою в глубоких глазах
Всё с той же усмешкой печальной
Сергей говорил, что полезно ему
Узнать добродетель смиренья.

Наброски на л. 23 об.

505—506   Но может случиться и то я влюблюсь
И первого мужа забуду

603—604   Простишь ли, что я для отца твоего
Малютка тебя покидаю!

605—608   И так он заснул продолжая играть
Печатью письма рокового
большая и красная эта печать
Нравилась ему

После 408   Я помню: в ту ночь я совсем не спала
Молилась и плакала много
Я божью мать на помощь звала
Совета просила у бога
Я думать училась... Отец мне сказал
«Подумай»... Старик со слезами
Остаться в России меня умолял:
«Ужели своими врагами
Считаешь ты мать и отца-старика?
Довольно мы жили на свете
А—ты хоть и мать, но ребенок пока
Подумай об нашем совете».
И стала я думать... закрыла глаза
И руку на лоб положила;
Сидела недвижно я так полчаса
И страшно себя я бранила:

Совсем не умею я думать! Отец
Ошибся — я дура большая!
«Положим — останусь!» себе наконец
Сказала я, пальцы ломая,
Но тут же представив себя *без него*
Заплакала горько

Варианты на л. 24

После 480

Как только представлю себя без него
Моя голова закружится:
Как буду я жить? и зачем? для чего?
Кому моя жизнь пригодится?
Для сына? но если должна выбирать
Я только меж мужем и сыном
Мне сердце одно говорит: нетерять
Минуты

Иду я туда, где я больше нужна
Иду я к тому кто в неволе
Иду я к тому кто лишен навсегда
Отчизны семьи и свободы
Я сына оставлю на добрых руках
Меня он не знает покуда

О чем же мне думать? мне сердце давно

Вм. 481—484

начаты: Быть может им жалё меня бедным родным

И их уговоры коварны

483 а И верю я твердо — неложно оно

Наброски на л. 24 об.

Теперь я старуха — теперь не грешно
Сказать вам была я красива
А ваш то отец был красавец такой

И с сизым отливом мой волоса
Сам Пушкин звал чудом

Я тихо сказала я еду
Тогда раздраж *<нрзб>* старик

Я еду
Одно повторяет твой глупый язык
И хлопнув дверью ушел
Подумай — и завтра отдай мне отчет

На полях:

Враг что ли я твой — в самом деле

Всё Франция: развратились умы
У нас ли конституция?
Рано

Варианты на л. 25

И ныне любимая сердц<у> мечта
Увидеть тебя в заточеньи

В.м. 545—552

Вот что я придумала в долгую ночь
И всё я отцу рассказала...
Старик прошептал: непослушная дочь!
И вышел. Мать громко рыдала,
Брат Миша сердился. Тяжелые дни
Печально опять потянулись
Несносно! уж лучше б бранились они,
А то всё молчали и дулись...

После 561

Княгиня статс-дама его передать
Взялась... ожидать было скучно...¹
За то мне изволил сам царь отвечать
(Письмо я храню) своеручно —
Он мне несоветовал ехать

Наброски на л. 25 об.

545—547

[Скажи мне последнее слово отец
<и далее — ст. 542—548>]:
С угрозой руки подняв надо мной
Сказал он (как лист я дрожала)
«Смотри через год возвратися домой

---

¹ Княгиня статс-дама взялась передать
Письмо мое; ждать было скучно...

Варианты ст. 601—638

- 613—616 Я встретила утро... Решительный час
Настал... чу! кибитка готова!
Я вышла к родным; вся семья собралась
За чаем. Никто мне ни слова
- 636—638 Зубами скрипел негодуя
Всё время старик; по морщинам чела
Ходили угрюмые тени (л. 25)

Варианты ст. 737—752

- 737—739 Тогда уже был мне 15 год
Стройна высока не по летам
Покинув семейство, я быстро вперед
- 741 Без шляпки, с рас<пущенной> черной косой
- 743 Стрелой я летела и был предо мной
- 747 Когда начинался отлив, я бегом
- 750 И волны горой подступали (л. 28)

Варианты ст. 909—1428

- После 908 а Мне утром родные далеких друзей
Так много посылок прислали
Что не было места в кибитке моей
Другую мы на скоро взяли
И тут же себе я людей наняла
Последнее было прощанье
Последняя внуки разлука была.
Бог милостив будет свиданье!
- б Морозно и ясно. Дорога бойка,
Скрипит под кибиткою полоз
Обвязано тряпкой лицо ямщика
Чуть слышен надорванный голос (л. 29)
- 927 а Фигура согретого чаем купца
- б Фигура солидных размеров купца
- 941 Прыгнул через ров на проворном коне,
- 943 Со всем своим штатом стоит в стороне (л. 30)
- После 948 «Сам царь мне позволил—бумага со мной!» (30 об.)
- 1059—1063 И чаю ему наконец принесли
Поближе к нему я подсела...
Вы знаете... верно при вас привели...

- Тех... жертвы декабрьского дела...
 Здоровы они... хорошо ли дошли?
 1071—1072 Как грустно мне было, родные, молчу!
 Он женщину в горе обидел!
 1074 Палач мой с достоинством вышел (л. 31)
 После 1402 Сергею она закричала
 И цепи на нем зазвучали
 Как звук их неожиданно меня поразил!
 (Что их закуют — я не знала)
 А цепи гремяли — Сергей подходил
 Я вся потрясенная стала
 Иди ко мне <крѣб> не бойся цепей
 Рвалось мое сердце на части —
 Сергей мой закованный в цепи Сергей
 Какой ни ждала я напасти
 Но бог тебе больше судил испытать
 Сергей мой заплакал за плакала я
 Суровый смотритель подземных работ
 Заплакал (нарочно ушел —

Идите! Здесь дамам ходить не велят

- 1460 По лестнице. — ... только, родные!

- 1005—1006 а Рассказывал много досмотрщик лесной
 Да я его сказки забыла
 б Рассказывал что-то лесник пожилой
 Рассказы забавные были (л. 31 об.)
 После 1404 следуют ст. 1421—1423
 1425 Он шел... посылало мне ласку свою
 1427 К нему я рванулась... и душу мою (л. 33 об.)
 После 1428 Он много страдал и умел он страдать!.. (л. 32 об.)

Варианты сводной рукописи ИЛИ

- После 36 Он всюду оружием прокладывал путь
 И пули его не пронзали
 Как будто из камня была его грудь,
 А сердце из ковanej стали.
 51—52 «4-го раненый, с пульей в груди
 6-го, 7-ого сражался»

Хвалы расточали отцу моему
Бессмертным его называя
Жуковский строфу посвящает ему,
Героев родных воспевая:

После 68

вставка на отдельном листе:
Семейство его умножалось, росло,
А он что ни день подвергался
Опасности новой. Тревожно прошло
Всё детство мое; просыпался
Он часто до солнца; будить нас велел:
«Прощайте! Заставь ка их, няня,
Покрепче молиться, чтоб я уцелел —
Ждет нынче горячая баня!..»
И как мы молились тогда за отца,
Война воспитала нас в боге...
Как вчером ждали его у крыльца!
Чу, топот и свист по дороге!..
«Ура, пузыри! я вернулся живою!..
Взяла, благодетели, наша!
Французики — чу! затрубили отбой!
Цалуй меня, дурочка Маша!

Вм. 77—80 а

Там я подросла. Проживали в доме
Швейцарец, француз, англичанка.
Училась я жадно, — училась всему
Что знатного роду дворянка
Должна была знать. Я любила читать
Мы в Киев зимой уезжали,
Отец торопил

б Там я подросла. Проживали в доме
Швейцарец да две англичанки
Училась я бойко — училась всему
Что нужно богатой дворянке

Вм. 121—124 а

начаты: Мы с ним обвенчались в тот год роковой
Когда уж гроза собиралась
Над бедным Сергеем; под кровлей одной
Нечасто уснуть <нам случалось>

б Не долго мы жили под кровлей одной
Приехав в Тульчин, где стояла
Бригада его он расстался со мной
Я сильно потом захворала

е Так мало мы жили под кровлей одной,
Так редко друг друга видали!

Глаза его странной какой-то тоской
 Я помню, меня поражали,
 Но ласковы были они, и ко мне
 Глубокой любовью светились...
 Стояла бригада его в Тульчине,
 Но только мы там поселились
 [Он должен был ехать]
 Однажды спокойно спала я
 Вдруг слышу я голос Сергея: «вставай!»
 В испуге я быстро вскочила
 «Вставай поскорее, камин затопляй!
 Я живо камин затопила
 Дрожали и руки и ноги мои...
 Несмела взглянуть на него я.
 К камину принес он бумаги свои
 И жег их, у пламени стоя
 Роды мои как то нежданно пришли,
 До города было далеко:
 Ни доктор, ни бабка поспеть не могли.
 Я помню, страдая жестоко,
 Я слышала ссору: отец мой кричал:
 «На кресле пускай остается,
 На кресле я наших детей принимал
 В походах. Роды — где придется,
 Здоровее будет ребенок!..» А мать
 Твердила: — нет, нет, бога ради,
 Голубчик, положим ее на кровать!
 «Не надо, не надо кровати!»
 Да няня моя догадалась найти
 В соседнем селе повитуху,
 Но та нерешалась ко мне подойти...
 Я помню седую старуху:
 Всё время мучительной пытки моей
 Шептала она у иконы:
 «Владычица! будь ты помощницей ей!»
 И клала земные поклоны...
 (Сестра моя Катя в замужестве была
 За графом Михайлом Орловым,
 Она повидаться со мной не могла
 В моем карантине суровом,
 Бог знает зачем непускал ее брат!)
 «Всё время мой муж содержался

132—140

После 176

После 252—256

- В тюрьме (Пропускаю подробностей ряд)...
 С ним только отец мой видался
 253 Ее не пустили. «Всё время Сергей
 259—260 Остригли им головы, сняли кресты
 Простую одежду им дали!..»
 261—264 *описаны (вслед за ними на полях вставка ст. 337—
 344) и зачеркнуты.*
 265—267 Я ездила в крепость с Орловой, сестрой...
 Явились сперва к «генералу»
 Узнавши кто я, генерал пожилой
 Вм. 269—284 И тотчас ушел не сказав ничего
 Дрожа, я у двери стояла
 И вот наконец увидала того,
 Кого целый год не видала!
 303—318 *отсутствуют*
 332 Вот что наконец я прочла на пути:
 335 *Жену мою видеть такой же. Прости!*
 Вм. 345—347 *начаты:* Мы с мужем два раза еще провели
 По часу под тем же надзором
 И время настало: его увезли!..
 Вм. 433—452 *отсутствуют*
 521—524 а Но всё ж я боялась тебя до венца...
 Бог дал нам Алёшу весною,
 И я полюбила тебя как отца
 Малытки, рожденного мною...
 б На веки твоей я пришла от венца
 Бог сына послал нам весною
 И я полюбила тебя как отца
 Малытки рожденного мною...
 в На веки твоей я пришла от венца...
 Болела в разлуке с тобою¹
 Я страстно в тебе полюбила отца
 Малытки, рожденного мною...
 г Уехал он скоро, почти от венца...
 Бог сына послал мне весною
 И я полюбила его как отца
 Малытки, рожденного мною...
 д Позднее я в нем полюбила отца
 Малытки, рожденного мною,
 Мы скоро расстались, почти от венца,

¹ *Поправка:* Позднее — в разлуке с тобою.

- Но были уж близки душою
 е Позднее я в нем полюбила отца
 Малютки, рожденного мною,
 Мы скоро расстались, почти от венца...
 Он твердо стоял под грозою
 Вм. 529—536 а О как ни прекрасен ты в счастья был,
 Прекраснее был ты, страдая!..
 Не много со мной ты тогда говорил,
 Но душу твою поняла я:
 Я там полюбила тебя как Христа
 Сложившего душу за братьий...
 Безропотны были страдальца уста
 И помыслы чужды проклятий...
 б Я помню: измученный, бледный, больной
 В своей арестантской одежде
 Спокойно и твердо стоял предо мной
 И выше и краше чем прежде
 Безропотны были страдальца уста
 И помыслы чужды проклятий
 И я полюбила тебя как Христа
 Сложившего душу за братьий...
 555 а Опять я промучилась целую ночь,
 б Опять я продумала целую ночь,
 в Опять просидела я целую ночь,
 г Опять провела я тяжелую ночь,
 562 Статс-дама графиня Орлова
 563—564 Сам царь отвечал мне того же числа,
 Я помню ответ слово в слово.
 Вм. 669—670 Она открывала блестящий салон
 Не светским изысканным франтам
 Не зпати надутой: приютом был он
 Всему, что блистало талантом,
 Дышало искусством... и было житье
 Артистам у Зины в гостиной:
 680 А вечером бал я устрою
 682 Мешать нам не будут повесы,
 685—708 *отсутствуют*
 709 Что было в Москве поумней, повидней
 Вм. 712—724 Тут были родные отправленных в даль
 Куда я мой путь направляла
 Тут были Одоевский В* <яземский> Д* <аль>
 (Проститься со мной всё желало)

- Тут был и профессор-поэт Мерзляков
 И Павлов, тогда знаменитой
 И автор написанных Зине стихов
 Так рано в могилу зарытый
 В.м. 715—724 Тогдашняя слава Москвы Мерзляков
 В то время уж старец маститой
 Тут был Веневитинов, был Хомяков
 И Павлов, тогда знаменитый...
 869—872 Но что я? от смерти вы так далеки!
 Пойдемте-ка сядем теснее!
 Прогоним суровые тени тоски
 Наполним бокалы дружнее!
 870 Дай бог вам побольше здоровья и сил!..
 905 *a* И помню: чудесно играли они
       б И помню так чудно играли они
 906 И пели... и плакали сами...
 910 911 Ни тучки на всем небосклоне...
       В сосульках усы, борода ямщика,
 924 Кресты колоколен блеснули...
 927 Гремящая почта, фигура кушца
       «Они веселятся, а мне не знать
 967 *a* «Не бойтесь! указ государя со мной!»
       б «Не бойтесь! письмо государя со мной!»
 973—976 — Нет, нет! я поеду! Мне некогда ждать
       Также ли будут метели!»
       Минули мы город, ни зги не видеть,
       В кибитку комки полетели,
 1015—1017 Чего я не думала, лежа в углу
       На мокрой и жесткой рогожке...
       Несли меня к мирному детству мечты
 1021—1023 Довольные лица... и было кругом
       Всё близкое, всё дорогое —
       А где же Сережа?.. И вспомнив о нем,
 После 1024 Еще он в дороге... в степях снеговых
       Друг друга они поздравляют...
       Там несколько троек... и стража при них...
       Коней они быстро меняют
       И мчатся, не видя границы степей,
       Не видя жилья по неделям...
       Пустыня! Чем дальше — тем меньше людей,
       Тем больше простора метелям,
       Все мертво — лишь волк иногда пробежит

Да қаркнет голодная птица
 Метель им усталые очи слепит
 И колет их бедные лица
 То горы и башни, то город большой,
 Дразня их, рисуют миражи...
 Чу! крик оглашает дорогу: «постой.
 Нет сил!» Но суровые стражи
 Не внемлют: им велено ехать скорей
 И едут — нигде не ночуют
 И сами неистово хлещут коней
 И страшно возницу бичуют...

- Вм. 1034—1040 а Забудешь словцо из куплета
 И думаешь, думаешь — время идет...
 И грустно, и страшная скука,
 А всё-таки я подвигаюсь вперед,
 Когда-нибудь кончится мука!
 б Забудешь словцо из куплета
 И думаешь, думаешь — встер ревет,
 Дорогу заносят метели,
 А время летит, — подвигаюсь вперед ¹!
 Так ехала я две недели...
 1037 Пускай меня тайное горе грызет,
 1046—1047 Толпились крестьяне, крестьянки,
 Я видела целый табун лошадей.
 1048 а «Тут барыня ждут Серебрянки»
 б Спросила: «да ждут Серебрянки»
 в «Боярыня, ждут Серебрянки»

Примечание к

- ст. 1048 Обоз с золотом — и серебром.
 1072 Подлец! он меня же обидел!..
 1074 Палач мой с достоинством вышел...
 Вм. 1088 а Был праздник, должно быть престольный
 Народу немало застала я там
 Всё жарко усердно молилось...
 Печальный, в пустыне заброшенный храм,
 В тебе я душой обновилась!
 б Дорогу народ богомольный
 Мне дал к алтарю, — и упала я там
 Усердно и жарко молилась...
 Печальный, в пустыне заброшенный храм,

---

¹ А я подвигаюсь вперед да вперед.

- В тебе я душой обновилась!
- 1111 а И я покати́лась в шубенке моей
 б И я повали́лась с кибиткой моей
- Вм. 1118—1120 Пропала доро́га санная,
 Когда нача́лась перекладка вещей
 Узнала я, — радость большая! —
 Что Зина со мной уложи́ла ро́зль
 Укутав его осто́рожно
 Поехали да́льше. Как было́ мне жа́ль.
 Что тотча́с игра́ть невозмо́жно!
- После 1180 [Но если случи́тся в степи умереть
 Помянут нас сло́вом сердечным
 Что женщины си́льны — любить и терпеть
 Мы будем сви́детельством вечным
 Умрем, но о наших страданья́х расска́з
 Поймется живыми́ сердца́ми,
 И за полно́чь правнуки наши́ о нас
 Не кончат бесе́ды с друзья́ми.
 Они им пока́жут, вздохну́в от души́,
 портре́ты поблекшие́ наши́
 И в па́мять праба́бки, погибшей в глуши́
 Осушатся полные́ чаши!]
- 1199 а Начальник был тучен и с виду не строг
 б Начальник от глупости строг,
 в Начальник был тучен, быть может, не строг,
- 1200 а Спросил, по какому мы виду
 б Да трус. «По какому вы виду?»
- 1207 Не знал по французски упрямый дурак,
 Вм. 1181— а Приехали мы в Благодатский рудник.
- 1208 «А есть ли у вас позволение?
 Заводский начальник, угрюмый старик
 Спросил нас. — Скаж
- б Приехали мы в Благодатский рудник
 «А есть ли у вас позволение?»
 — Читайте! начальник завода, старик,
 Не знал по-французски... Мученье!
- в Приехали мы в Благодатский рудник.
 А есть ли у вас позволение?
 — Читайте! не знал по французски старик
 Начальник... И смех и мученье!

- В.м. 1313—1316   *начаты*: Как голову я не разбила сто раз!
 Бог вывел меня невредимо
 Из бездны крошечной! Я после тряслась
 Когда возвращалась я мимо
 Ужасных расселин провалов и ям
 1346   Давыдов и князь Оболенской
 1373—1376   Сойдите!.. Но мы подвигались вперед
                 Дивясь небывалому чуду,
                 Гремящий цепями рабочий народ
                 Бежал поглазеть отовсюду
 1390—1392   Какая отвага!.. Видала
                 Я тут и огромные глыбы руды
                 И целые слитки металла...
 1397   — Потише, княгиня! Ужели за тем
 1399   (Давыдов сказал), чтоб на горе нам всем
 1404   На нем тоже цепи звучали
 1433   И подвиг его... и готовность страдать!..

Варианты наборной рукописи — ИЛИ

- 33   Но пуще ваш прадед возвысил его
 67   Отважен был каждый, но он сочетал
 В.м. 290—292   Все той же тоски идеальной,
                 Суровой и строже смотрели они...
                 Все с той же усмешкой печальной
 332   Насилу я их разобрала.
 365   А только растрогала сердце до слез
 371 *a*   Лаская Алешу, задумалась я...
       б   Качая Алешу, задумалась я...
 374   Сказал он так нежно, так кротко:
 388   «Прости! не карай меня, Маша!
 402   Чтоб спорить со мною как с ровней,
 403   Ушел он суровой и гневной,
 409   Я помню, я целую ночь не спала,
 416   И время так мирно летело?
 418   Болтала. Заметна была я
 431   Семнадцати лет я пошла под венец
 491 *a*   Пока ему дедушка будет отцом,
       б   Пусть дедушка будет Алеше отцом,
 523   Мы скоро расстались, почти от венца...
 533—534   С тех пор он бессленно стоит предо мной
                 На подвиг святой призывая —
 539   Ты долгу служил не щадя ничего

- 571 Затем намекнул (я потом поняла)
 575—576 Что долгу послушный, не мог пощадить
 Несчастливого мужа... «Не смей
 584 а Я прыгала, пела, смеялась...
 б Я плакала, пела, молилась...
 593 С Алешей. Нагнувшись над сыном моим
 616 Чу, топот. Кибитка готова...
 626⁷ Стоял он поодаль понуро:
 630—632 Я медлила бодрость теряя,
 Минуты мучительно тихо текли,
 Сестру наперед обняла я
 644 Внимательно, долго и строго
 663 Поэт В* <еневитинов> стансы ей пел
 Вм. 668—670 Чуждаясь тщеславного света,
 691 В салонах еще повторялась тогда
 699 Вся двинулась старая наша родня,
 724 Довременно взятый могилой
 750 И волны горой подступали,
 771 а Лазурное море, вдали Чатырдаг...
 б У ног его — море, вдали Чатырдаг...
 805—806 К нему соловей прилетал по ночам,
 Как море шуметь уставало
 808 Внимая, все в мире смолкало!
 813—814 Но умер поэт — и летать перестал
 Пернатый певец к кипарису...
 816 С ветвями поникшими к низу...»
 818 Туристы его посещают,
 838 Не стоит сей вск ненавистный!
 842 Здесь сердце черствеет и дремлет,
 848 И сени родимого сада!
 877 Отделать на славу его я хочу,
 884 Как было сдержать это слово?..
 885—886 Я слушала пение, грусти полна,
 Я музыке жадно внимала
 893—904 И долгая ночь незаметно прошла,
 Не помню концерта прелестней.
 Я тронута чудной молитвой была
 И благословляющей песней
 Согласно настроены были сердца
 Торжественно как то внимали
 Той песне прощальной, не помню лица
 Без думы, без тихой печали.

- Черты неподвижно сидящих старух
 Покинули холод надменной
 И взор, что казалось на веки потух
 Светился слезой умиленной...
 942 Добычу у псов отнимает.
 948 Попы у харчевень дерутся;
 968 Часы мои десять пробили.
 932 И фыркая лошади стали...
 954 Пождать бы! дорогу стеряли!..
 1004 И печь без трубы затопили
 1141—1142 Как горе, и радость одна не живет:
 Я утром в Иркутск прискакала
 — Они недалеко! — я бросилась к ней
 1145 Тернистую нашу дорогу...»
 1180 Снега под Нерчинском упали опять,
 1183 Целковенькой дали — я брать не хотел:
 1193 «Еще бы! Поют они славно!»
 1240 Я знаю: вам хочется дальше читать,
 1249 Помедлите, внуки! Хочу я сказать
 1257 Работу они исполняли.
 1272 Да, внуки, картофель печеный!
 1317 На свет! Я увидела свет впереди...
 1321 Огонь!.. Что есть мочи бегу на огонь,
 1373 Бранился, грозил, горячился... Но мы
 В. 1405—
 1408 . . . . .
 Но кроток он шел, как избравший его
 Орудьем своим искушитель;
 1421 И с криком: «иду!» я помчалась бегом,
 1453 Вдруг с низу донесся настойчивый крик

Варианты ОЗ, Стих V и 1873

64	Являя в победах без счета,	ОЗ
108	Вол — ский! Его ты видала	ОЗ, Стих V и 1873
118	С Сережей Вол — ским стояла,	ОЗ, Стих V и 1873
223	Готова несчастье отчизне своей	ОЗ, Стих V и 1873
233—234	Как нежно он бедную дочь утешал! Я горько Сергея впила:	ОЗ и Стих V
261—264	заменены строкою точек.	ОЗ, Стих V и 1873
В.м. 341—345	Но сделать они ничего не могли...	ОЗ, Стих V и 1873
529—536	заменены строкою точек	ОЗ
562	Сестра моя К... О...	ОЗ, Стих V и 1873

565—568	Он полон был теплым участием ко мне, К судьбе моей горькой! Сначала Сказал государь о суровой стране,	<i>ОЗ</i>
721	Тут были О—кий, В—кий; был	<i>ОЗ и Стих V</i>
869—872	<i>заменены строкою точек</i>	<i>ОЗ, Стих V и 1873</i>
1171	<i>заменен строкою точек</i>	<i>ОЗ</i>
1171	Мы кротостью нашей смягчим... <i>Стих V и 1873</i>	
1341	— Вол—кая! вдруг закричал Т—кой	<i>ОЗ и Стих V</i>
1345—1346	<i>заменены двумя строками точек</i>	<i>ОЗ</i>
1345—1346	С—ей Т—ой, А—н М—ев, Д—в и кн. О—ий...	<i>Стих V</i>
1359—1360	<i>заменены двумя строками точек</i>	<i>ОЗ и Стих V</i>
1362	Утешила я Т—ого;	<i>ОЗ и Стих V</i>
1405—1408	<i>отсутствуют</i>	<i>ОЗ, Стих V и 1873</i>
1433	И силу его.. . и готовность страдать!..	<i>ОЗ, Стих V и 1873</i>

СОВРЕМЕННОКИ

(Стр. 89)

Черновые наброски — автограф ЛВ

Варианты наброска ст. 85—118:

После 89	Фермуар с сафиром чудным С голубиное яйцо, Брошка с камнем изумрудным, — Змей, свернувшийся в кольцо, —...
90—92	«Браво! лучше не найдешь И для царственной невесты!..» Воскликает молодежь...
Вм. 93—100	Это юные «жюдисты» Офицеры, юнкера, Правоведы, гимназисты... Слышны: «браво и ура!»... — За боярина Ивана! Каждый в руки взял стакан — Погодите детки рано! Говорит им князь Иван...
105—116	<i>отсутствуют</i>
117	<i>начат:</i> Князь Иван субъект престранный

- 118 Знаменитый дед его
 126 а Несомненно в век иной
 б С толстым брюхом — в век иной
 Вм. 137—139 Эта прыжка стан воздушной
 Будет ласково сжимать
 Кто же может равнодушно
 Вм. 148 *начат:* «На молитву молодцы!
 Князь скомандовал — и дружно

(л. 9)

Набросок (ср. ст. 350—371)

Берегись бедняк несчастья,
 Дальше прячь последний грош,
 Потеряешь — ни участия
 Ни пропажи не найдешь!
 А украдут у банкира
 Миллион — в пределы мира
 Телеграммы полетят,
 Все правительства снесутся
 Все шпионы встрепенутся
 [В прессе в публике набат]

(л. 2)

Набросок (ср. ст. 502—505)

Ай да Федюха! Христов мужичок!..
 Да! дивидент, слава богу, недурен...
 Русское наше спасибо!.. Чок-чок!
 Чокайся Федор Никифорыч Шкурин,
 [Обществу ты хорошо послужил.]
 Полно! в диковинку что ль генерал?
 Шкурину руку подайте и вы
 Луком разит... ничего с обойдется¹
 Я доложу вам такой головы
 В целой России такой не найдется —
 Мелкие эти статьи принесли
 Шкурину тысяч пят<надцать> с походом
 И земляные работы пошли
 Что называется правильным ходом

Кто рычагом капитала и знанья
 Двинул к прогрессу страну —

(л. 14)

¹ *Начат:* В бороду прямо цалуйте

Наброски (ср. ст. 506—519)

Было нелегкое дело дано:
В дальнем краю проложить полотно,
Кроме системы, порядка и прочего
[Что невозможно в речи передать]
Шкурин был должен создать и «рабочего»:
Местный крестьянин ленится и пьет,
На земляные работы нейдет! (л. 12)

Варианты наброска ст. 533—550

В.м. 533—535 Спал он не более часа в ночи,
545—546 После труда потребляла артель
Меньше картофелю хлеба и мяса
548 На сорок два с половиной процента!
В.м. 549—550 Я умолкаю... Здесь факт говорит:
Шкурин и доброе дело творит
И возвышает статью дивиденда. (л. 4)

Наброски

Судебно полицейские
Вручите нам права
Народ облагородится
Порядки и законности
Гражданского развития
Ему не достает

Пьян как лорд

Он умел свою особу
Ублажать по мере сил
Он бездейственную злобу

Варианты ст. 612—639

613—614 Геннальная мысль! Скажут нам:
Прежде город целковыми вымости
После 615 Лишь бы нам разрешили концессию!
Мы легко капиталы найдем
И убив мелочную профессию
Мы на полных парах поплывем

620—623   *отсутствуют (ср. после 615)*
 624—627   *следовали первоначально в обратном порядке:*
 628—631   628—631, 624—627.
           624   Несомненно, что цель учреждения
           632   Без надзора внимательно-честного
           634   Мы найдем адвоката известного
 636—639   Мы надежных найдем наблюдателей
                   В нашей скромной меняльной среде
                   Будет много у нас подражателей
                   Но надзора такого нигде! —   (л. 5)

Набросок — ст. 805 и след.

Мир его мальчишки-франты
 Из купеческих сынков
 Унаследовав таланты
 Исторических шутов
 С языком своим проворным
 С толстым брюхом в век иной
 Был бы он шутом придворным
 А теперь он шут простой
 Но теперь шуты не в моде

Он знаток в вине, в актрисах
 В экипажах в лошадях
 Он орало в бенефисах   (л. 12)

Набросок

Еслиб у них небыло таких то недостатков и проч. Появление ин-
 женера со следствия о крушении — так пустяки

Набросок (ср. ст. 910 и след.)

Что такое подставные?
 Нынче кто не подставной?
 Оглянись-ка! все такие!..
 Уцелел один другой   (л. 13)

Набросок ст. 1110—1137

Вм. 1130—1134   Обошлось всё очень просто:
                           Был уважен мой ответ

А задаток тысяч во сто
Государственный Совет
При содействии участия

(л. 10)

Набросок ст. 1408—1424

- В.м. 1408—1409 Кто же сей?
Перед ним склонился низко
Даже сам фон Шаренгорст?..
- В.м. 1417—1421 а Скромно он идет
С видом властного достоинства
И сознание тая:
«Без меня всё это воинство
Как солдаты без ружья!..»
- б Дара не стает
Господина Приволамского
Вам живее описать
Председатель банка Камского
Начал речь ему читать
Исчислял его достоинства...
И из речи понял я:
«Без тебя всё наше воинство
Как солдаты без ружья!
Наши банки жизнедателем
Называть тебя должны
- За его здоровье тост
Много спичей говорили

Набросок ст. 1495—1513

- В.м. 1495 «На сюжет неблагодарный
Вы попали милый мой
Бросьте тон высокопарный
Скучный дурень ваш герой!
- 1493 Жить способен он один!..»
- 1504—1513 И как пес на них сидит.
Целый день стрижет купоны,
Да вздыхает и ворчит:
Почему тузы России
Посещая те края
Перед ним не клонят выи?
Честолюбия змея

Точит грудь его; там рана
Непонятная для нас
Там засел герой Седана
Точит, точит <каждый?> час

(л. 15)

Наброски и заметки

А новейший Митрофан
Глуп на всё — в одном искусен
Залезать в чужой карман

Барон Пален — на Ревельской — всё бароны —
кондукторы, начальники, держит себя
высоко — исторической заслуги на лице печать
ревельский барон
Унгер Штерберг
Одесская дорога
дал ход<осту>
Без попр<?>
Состояния

Розенталь — крысоловка
<вост>понятия — финансист
генерал. фактор

Банк. И с которым вы банком <наметили?>
иметь дело
с <кем>

Акции Что вы сказали об акциях
лопнул — шар

И скажи какой торговый дом лопнул

(л. 6)

Наброски — планы композиции

Порядок

- 1 Отложили на неделю
[Голос кн. Ив. (У нас был директор)]
- 2 Печать и пр.: —
- 6 У нас был директор дороги. —
- 4 Вам поклонятся строители
- 8 Тысяч восемьдесят
- 3 Говорю помиритесь —

- [5 Два инженера]
 7 Дай еще им пять бутылок
 А Исаак-изыскатель
 9 Дворяне
 Инженеры (кн. Ивана)
 Профессора
 Общая картина
 Барон
 Грош
 Общая тишина. Ламанский
 Рассказ о Фон Дервизе
 Путилов
 Русская песня —
-

Отложили на неделю
 Печать
 Помириться
 Вам поклонятся стр. <оители>
 Дай еще им пять бут.
 У нас был директор
 Дворяне
 Тысяч восемьдесят —

- [отложили]
 1 Тысяч 80. —
 2 отложили
 [У нас был директор] На ф. масле
 4 Печать
 [4] 5 Помириться
 6 Вам дадут пай стр. <оители>
 7 [У нас был директор]
 [На фр. масле]
 Два инженера
 Дай еще 5 б.
 Кн. Иван (Полякову)
 Дворяне —
 Инженер (Кн. Ив.)
 Профессора
 Общая картина
 Сановник
 Барон
 Грош

Ламанский
Кульков
Ф-д. Виз <Фон-Дервиз>
Путилов
Савва.

(л. 8)

Варианты сводной рукописи — автограф ЦГЛА

- 11—12 Я стал читать листы газет
И бодрость ощутил.
- 12 Я жадно их схватил
- В.м. 14—16 И рубрику: «Москва»,
С любовью слово: «юбиляр»
Встречаю раз и два
И пять, и шесть... То правды друг,
То гений, то герой...
Какая летопись заслуг!
Воспрянул я душой.
- 17—18 Медаль... стипендия... медаль...
Обед... обед... обед...
- 19—20 а О бедный автор как мне жаль:
Тебя со мною нет!
- б О клеветник! тебя мне жаль
Ни тени правды нет
- В.м. 21—24 а Иду к друзьям. Сергей Ильич,
Чтоб мыслей не развлечь
Кричит: прощай! Он пишет спич,
Другой готовит речь
Пред третьим груда телеграмм,
Трудится над осьмой...
В Москву! герои есть и там...
Шутите вы Москвой!
- б Пиши, печатай, но не дичь!..
К приятелю вхожу,
Кричит «прощай! готовлю спич!»
Другого нахожу
За целой грудой телеграмм,
Трудится над осьмой...
В Москву! герои есть и там...
Шутите вы Москвой!
- 29—32 В руках депеши. На одной:
«Великий гражданин»
Потом «герой», «герой», «герой»,

- А дальше — «исполни!»
 33 Сто человек «друзей добра»,
 35 А вот строка: одно — «ура!»...
 39 О Крестовскал! за что же
 И стиху 40 *примечание:* * Слова, приведенные в первой строфе,
 принадлежат г-же Крестовской (псевдоним) —
 В.м. 62—72 Как стокий Аргус бдил,
 Но преследуя коварство,
 Добродетель ты щадил.
 Управляя дальним краем
 Был ты ласково встречаем,
 Провожаем как родной.
 Слава! путь служебный твой
 Ряд блистательных деяний
 Бескорыстья чудеса,
 Некростер ты жадной длани
 На казенные леса...
 Вечно предан высшим думам
 О себе ты забывал...»
 Вдруг курьер явился с шумом,
 Триумфатор засиял...
 «Первозванного Андрея»
 Юбиляру привезли...
- В.м. 73 С осетриной два лакея
 К двери рядом подошли,
 «Ура!» с минуту длилось,
 В.м. 81—82 «Прогнав чертей с болота
 Ты гидру сокрушил,
 Ты делу патриота
 Начало положил!
 Устрой теперь заставы
 И надписи прибай!»
 После 88 Фермуар с сафиром чудным
 С голубиное яйцо,
 Брошка с камнем изумрудным —
 Змей, свернувшийся в кольцо.
 126 С толстым брюхом, в век иной
 После 128 Пьет, как деды наши пили,
 До семидесяти лет
 Посещает водевили,
 Оперетки и балет.

Он крикун на бенефисах
Цыник с дамами в гостях,
Он знаток в вине, в актрисах,
В бриллиантах, в лошадях...

На полях зачеркнута карандашная вставка:

- 132—133   Вот ботинка: вставь стакан,
Зашнуруй!.. В начале пира
- 199—205   В животном самом ты искал
Зачатков благородства...
Прими ж заздравный наш бокал
Герой коннозаводства!..
Повалишь бедного коня!..»
— Ужасны вести ваши!
Что ж делать? с нынешнего дня
- 203—210   Заплакав как старуха:
«Дадим мы добрый прецедент
И обществу «Засуха».
- 211—214   *вписаны.*
- После 218   [— «Медаль!..» Докладчик-агроном
Спросил: за чтожь? смутился...
Слегка поспорил... Но потом
Принять ее решился...]
- 219—222   «Ура!.. Подписку!.. вот листки...
Наполним же стаканы!..
Печальны были добряки
И очень, очень пьяны...
- Вм. 245—251   Настеж дверь... толпа густая,
На столе один настой,
Некто счастием сияя
[Коренастый, небольшой,
Взяв во длань, горе подъяту,
Лист бумаги, а другой
Опираясь на лопату,
Возглашает: «Дорогой
Случай свел нас ныне вместе,
- 243—245   Вдруг лакей, татарин жирный
Дверь захлопнул, как на зло...
Из соседней залы пирной
- 257   Отозвался и Слепушкин,
260   Отыскал Геннади наш:

- 263
После 270 Грязной, гаденькой листочек,
Отрывок [(впервые) нигде не напечатанный])
из путевых заметок юноши Слепушкина, веден-
ных им во время разъездов его по России, по делам
отца. *Карандашом вписано:*
(Найден случайно между оберточной бумагой в
лавке [почетного] гражданина С. С. Подтепина,
подлинник — собственность [М. И.] Зосима Те-
рентьевича Ветхозаветного).
- В.м. 338—349 Г о л о с к н я з я И в а н а :
- Отыскались миллионы.
Поздравляю, господа!
В мире есть свои законы,
Говорил я: не беда!
- 343—345 А шпион вина пьяней.
Князь Иван, сюда ушедший
От упившихся детей,
- После 392 а «Устрою праздник
Под чистым небом,
Сберу пять тысяч —
Ручаюсь Фебом!..»
- б [В душе наивна,
Прекрасна с виду
Для бедных рада
Снести обиду!]
- 420—427 *вписаны*
- 429—431 Вы друг народу
Мы вам недаром
Сложили оду!..
- В.м. 456—467 *вписаны*
«Был он мужик, не имел ничего»
Царскую подать выплачивал туго...
Ин приведу я слова самого
Достопочтенного нашего друга:
- 477 И сочинитель, и князь и кулак):
- 488—491 а Стадо свиное ревет,
Боров иной и ударит, —
Были бы деньги... пройдет
М<а>тушка в бане попарит
- б Бесится стадо, ревет,
Боров иной и ударит, —

- Мальчик щетину дерет,
 Матка сортирует, парит...
 в Бесится стадо, ревет,
 Боров боднуть его ладит
 Мальчик щетину дерет,
 Мать его вечером гладит...
- Вм. 497 Так то, начавший свиною щетиной,
 Шкурин умел и нажить и сберечь
 С молододу сотенки две с половиной —
 504, 505 первоначально шли в обратном порядке: 505, 504
- После 505 [Вы не гнушайтесь, целуйте Федюшу:
 Он положил за компанию душу!]
- После 509 Кроме порядка, надзора и прочего
 Надобно было создать и «рабочего»,
 Жил тут упрямый народ!
- После 517 [Дал баснословную плату задельную,
 День потрудились... похлебку артельную.
 Вылили вечером на землю... народ
 Вольница, только бунтует и пьет!]
- 525—528 «Фортель» по нашему, — мысль лучезарная.
 Как бы ученый сказал, —
 Дрогнула грубая сила «кустарнал»
 В силу вошел «капитал»
- Вм. 534—592 Зацепин был главным вождем
 [(Мы далее скажем подробно о нем)]
 Профессор, юрист, инженер знаменитый
 И два адвоката (с известным значком)
 Его окружали почетною свитой
 [В кругу, где без точности — мат
 Где смешаны так племена и наречья
 В почете и знанье, и дар красноречья
 Искусство писания — клад].
- После 538 Тут были агенты из Лондона, Вены
 Тут были кущи с Енисея и Лены
 И несколько рыхлых унылых менял
 Сидело тут рядом
 Герой триумфатор
- 599 а Но я не слышал его — я задремал...
 б (Меняло) и голосом тонким сказал:
 616—619 *вписаны*
- После 664 Грош, услышав спич надгробный
 Хитрой выдумке менял,

«Догадались!» прошептал.
Долго длились пренья, стычки,
Много б я тут почерпнул,
Но — пок<ор>ный раб привычки —
Пообедав, я заснул...

После 703

Официальных, важных лиц
Теперь гораздо меньше стало
И даже весел без границ
Был Щербин — выпивший меняло

708—711

отсутствуют

720—723

Другие спали... Кто-то пел:
«Об укрощенном генерале»
Подслушать песню я успел...

736—741

отсутствуют

После 757

[С ним не сносить головы
Ни одному пассажиру...

Г о л о с и н ж е п е р а

Князь, я сказал бы... но вы
Вряд ли поймете что... с жиру...]

846—856

отсутствуют

858

Проиграете дело судом!..

876—879

Заключение было печальное:
За мое обращение нахальное
С пассажирами, — высидел я
Под арестом неделю, друзья!..

888—953

отсутствуют

Вл.954—965

На право группа: пьяный хор
Льстецов — «герою из народа»

Кадит отчаянно в упор
И льется лесть такого рода:
«Вот она!» вымолвил он.

1025

1026—1029

вписаны

1038—1041

Ицко покуривал трубку
И докурив до конца:
«Ты похулила покупку —
Не похулишь продавца!»

1046—1053

«Взял я большие подряды!..»
Утром рабочих зовет,
Делу рабочие рады,
Только скупенько дает
Двадцать с рубля предлагает

- Больше не дам ни гроша
 Семдесят семь оставляет
 Семдесят семь <барыша>
 1174—1185 *отсутствуют*
 1200—1204 Время жить и отдыхать:
 Мест хватано так много
 Успевай лишь заседать!
 Он живет миллионером,
 Рядит куколкой жену
 Франц Иванович Матьяс.
 1337
 1442—1444 Вышел...
- Юлий, краснолицый
- Появился князь Свинцов
 1475—1478 Там любит он сидеть после обеда...
 Какой-то гость сказал ему шутя
 Что тот же вид доступен для соседа,
 И огорчил капризное дитя!
 После 1494 Допущен был лишь Гриша Долгоруков
 Да я... да Лорд Лейчестер... да Толстой...
 Так он живет в волшебном мире звуков,
 С природою искусством — и собой!..
Далее зачеркнуто:
 [— На сюжет неблагодарной
 Вы попади, милый мой!
 Бросьте тон высокопарной!
 Скучный дурень ваш герой!]
 1504—1511 И как пес на них сидит
 Целый день стрижет купоны
 Да вздыхает и ворчит —
 Почему тузы России,
 Посещая те края
 Перед ним не клонят выи?
 Честолюбия змея
 Точит грудь его; там рана,
 1504 Затворился в пышный гроб
 1526 Сын, жена... да Дервиз наш!
 1529 И в Италии — республика!
 В.м. 1559—1561 Жизненным гением
 Вечным движением
- Русь обновим,
- 1592 Да газетой «Гражданин»

Варианты наборной рукописи — автограф ЦГЛА

- 444 И поссорился крупно...
- 446 Наслаждайтесь дружелюбно!..
- После 455 *подзаголовок «трагикомедия» вписан, ниже вписано*
- а (Действие происходит в ресторане Огюста,
Времена недавние)
- б (Действие происходит в известном ресторане).
- 477 И сочинитель, и князь и кулак.
- После 571 Вот земская сила — дворяне степные
И несколько местных. Бухгалтер, кассир
И всяких названий дельцы биржевые
По зову Зацепы явились на пир
- 661 Колесо по наклону бежит, —
- 663 Завтра примет другой колорит...»
- 708—711 *описаны*
- 711 Чуть не ругательства в догонку.
- 876—878 Заключение было печальное:
За мое обращение нахальное
С неким сыщиком — высидел я
После 1134 Четверик фальшивой меры,
Тайный фортель у весов...
Впрочем, тут же есть примеры,
Чу! помещик Хватунов
Сам кричит: «удрал я штуку!
Не зевайте! вот вам шанс!»
И приятелям в науку
С пьяных глаз поет романс:
- После 1628 Тип «дельца-великоруса» с Савы
Начался — и долго не умрет,
Он вполне своей достоин славы —
Мудр как змий, за веком он идет,
- После 1653 [Шею сожгло
Ноги горят
Ух! тяжело!
Кости трещат!
Ухни! поддай!]
- Вм. 1929—1932 С последним словом утешенья
На сцену вышел Леонид
Глаза блестят, лицо горит
И речь полна негодованья

ВАРИАНТЫ ОТРЫВКОВ, НЕ ВОШЕДШИХ В ПЕРВУЮ ЧАСТЬ

«Военный пир... военный спор... ...»

(Стр. 400)

- 3 а «Аничков — вор! Мордвинов — вор!»
б «А*—вор! М* — вор!»
4 Кричит увлекшийся оратор:
15 Пусть в оны дни не мог присесть
20 Что был не битого дороже?..

«Председатель Казенной Палаты...»

(Стр. 401)

- 2—4 Тучный старец — и юный делец
Со звездою. Чуть слышны дебаты:
«Вы палатам другим образец,
5—8 *вписаны*
5—6 «Доказали вы ваши способности»
— Да с... но рядом решительных мер.
13—16 а «Жаль, что люди такие способные
Редки. Если бы меры приять
По всему государству подобные?..»
— И тогда — не могу отвечать!
б «Очень трудны теперь обстоятельства,
Если б меры так же ж приять
— Не советую, ваше сиятельство!
Всё погубите, смею сказать!
в «Редки люди такие способные
Если б меры приять на Руси
По всему государству подобные?..»
— Не советую!.. Бог упаси!..

Воины

(Стр. 401)

- 8 б Слышны были лишь лобзання,

«Были вы вчера студенты»

(Стр. 402)

- 9—24 *списаны*

Варианты ОЗ и ПП

- 41 У *** готовят славно
В.м. 61—62 «Ты на страже государства,
Как стокий Аргус, бдил,

ОЗ и ПП

		Но, преследуя коварство, Добродетель ты шадил. Голова твоя сдая Незапятнана стыдом: Дальним краем управляя, Не был ты его бичом. В то же время населенья Ты потворством не растлил,	ОЗ; ОЗ;
65		Ты до собственности частной	ОЗ;
81—82	а	еще застава	
		И надписи придел	ОЗ'
	б	Устрой еще заставы И надписи прибей...	ПП
732—735		<i>отсутствуют и заменены строкою точек</i>	ОЗ и ПП
1078—1081		<i>отсутствуют</i>	ОЗ и ПП
1255—1258		<i>отсутствуют и заменены четырьмя строками точек</i>	ОЗ и ПП

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

Часть первая

Пролог

(Стр. 153)

Варианты наборной рукописи ЛВ

5—13	<i>вписаны</i>
9	Из разных деревень —
10—12	Несытова, Неелова, Заплатова, Дырявина, Горелок, Голодухина —
15	Кому жить любо-весело,
В.м. 23—25	Пахом сказал: светлейшему
35	Знать клад нашли — счастливые! —
57	Водой не разольешь!..
В.м. 61—65	Бог весть когда б одумались, Да к счастью баба встречающая Вскричала им: ребятушки!
64	<i>отсутствует</i>
В.м. 68—70	<i>вписаны:</i> Спросила и проехала Хлестнувши воронка...

- 77   Всплыл месяц, тени длинные
80   Ой тени! тени длинные!
- Вм. 84   Никто не мог поймать,
          Никто не мог обнять!..
- 100—108   *описаны*
- Вм. 100—101   Зажгли костер по <мрзб> пали
              Сложились и отправили
              За водкой, за закускою
              Ивана да Луку
- 104   Березку ободрав.
- 109   Уселись — и заспорили
- 114   Лука кричит: купцу
- 123   Упрямых мужиков
- 129   Демьян тузит Никифора
- 132   Водой не разольешь!
- 152   Невыносимый писк
- 157   Над птенчиком кружась.
- 164—167   *описаны*
- Вм. 168—180 а   Завыли волки серые,
              Залаял где-то пес.
- б   Захотали филины,
              Завыли волки серые,
              Залаял где-то пес.
- 172—173   Горят глазищи жолтые
              Как в церкви воску ярого
- 175   И ворон, птица чуткая
- 179   Чтоб уходили грешники
- 189   Без умолку мычать!..
- Вм. 219—220 а   Присели, помирился
              И порешили так:
              В домишки неворочаться,
              Не видеться ни с жонами
- б   Умылись, освежились,
              Считают синяки...
- в   Устали — трудно дышется,
              Сон клонит, — время позднее —
              Ужь за полночь, поди.
- 222 а   По малу, по аршинчику
- б   По глупому по разуму
- 225   Поймал его Никитушка
- Вм. 226—236   И молвил: «пташка малая,
              А уж пером исправная,

- Вся перьями разубрана,
 Почти окрепли крылушки —
 Чай завтра полетит!
Вм. 226—227 Держал на правой рученьке,
 Сам говорил с собой:
 — Эх ты! пичуга малая!
 228 Куда как несильна!
 233 Счастливей мужика!
Вм. 242—243 а Кто спорил да не врал?»
 б Кто спорил — не соврал?»
Вм. 244—249 На что бы нам и крылышки,
 У нас есть ноги добрые
 Крестьянские, привычные
 Отозвался Демьян:
 И так бы мы Русь матушку
 Ногами перемеряли,
 Коли пошло на спор, —
 Будь только вдоволь хлебушка
 На каждый день про всякого...
 247 И так бы мы Расеюшку
 249 а Сказал Роман Ильич
 б Сказал здоровый Пров.
 в Сказал избитый Пров.
 250—252 — Да водки бы ведро!
 Сказали братья Губины
 Пьянчуги бесшабашные
 256 Прибавил Пров Кузьмич
 276 «Идет» сказал Пахом.
 271—272 А что ты дашь?
 «Дам ситного
 В день по четыре хлебушка
 272 Решетчатого, свежего
 284—286 По лесу этому
 Все прямо от дороженьки
 Идите две версты
 После 289 Две рѳдные сестры
Вм. 290—291 Лежит под теми соснами
 Заветная коробочка
 Закопана в земле
Вм. 292—294 Добудьте ту коробочку
 Найдете в той коробочке

Вы скатерть самобранную
Невелика она

Варианты С, ОЗ и Стих У

6	<i>отсутствует</i>	<i>С и ОЗ</i>
107	Пируют мужики!	<i>С, ОЗ и Стих У</i>
201—205	<i>отсутствуют</i>	<i>С</i>
208	Подкравшись к мужикам.	<i>С</i>

Глава I. Поп
(Стр. 165)

Варианты ИЛИ

Отдельные наброски:

Чуть брезжит утро вешнее
Крестьяне поднимаются
С тяжелой головой.
Эх! тотоб рюмку водочки
Никита говорит
А мне бы квасу кислого
А мне

А ты живи по честному
Без нужды — не дерись

Чего б кажись печалиться
А то нехорошо
Что вы пустили на ветер
Крестьянского труда....

Варианты автографа ЛБ

До 1	[Проснулись наши странники Поздненько; охмелилися, Поели — и пошли...]
4	Грязна и неровна.
6	Идут холмы высокие
Вм. 7—9 а	С лесами, с сенокосами И с пахотной землей;

- 6 С полями, с сенокосами,
С кустарником, с болотами
И с пахотной землей;
В.м. 19—30 «Идем не мало времени
Зашли в чужую сторону»
Толкуют мужики:
«А всходы — хуже нашего,
Щипнуть скотине нечего —
Трава — и та плоха»
После 37 «У нас пристал третьюводня»
Сказал Пахом товарищам:
«Лакей из под Москвы: ¹
Записывает песенку,
Скажи ему пословицу
Загадку загапн.
- (и т. д., ср. «Пьяная ночь»,
ст. 236—252)
- В.м. 58—98 Стой батька! люди темные
Обломы деревенские
70 Мы — мужики окольные
В.м. 138—144 И после долгой думушки
Ответил мужикам
Нежалуюсь я братия
Роптать на бога грех
А что такое счастье
И слыхом неслыхал
175 Поверьте православные
В.м. 175—186 Не верьте православные
Привычка тут мертва
Священник вдаль поглядывал —
На бедное селение
На всходы невысокие
И на кресты церковные
Горевшие на солнышке
Местами по холмам
Крестьяне пошепталися
И молвили: подумали
В.м. 203—204 Присловья богохульные
И сказки непотребные
И песни суесловные

¹ Московский шелкопер.

Варианты наборной рукописи ЦГЛА

- 21 Снег что ни день валил
30 *a* Петровки на носу!
    б Май месяц на носу!
33 Деревни поглядеть.
После 37 «Но мне зашел третьеводни
(Сказал Пахом товарищам)
Московский строкуласт:
    и т. д. (Ср. «Пьяная ночь», ст. 236—252)
- 70 Мы тутешные жители,
Вм. 232—240 *a* Но туча передвинулась —
    На лысину попу
    Упала капля крупная,
    Накрылся шляпой поп,
    б Но туча к ним подвинулась
    И стала над крестьянами
    в Но туча передвинулась —
    Быть проливному дождичку —
    Накрылся шляпой поп, —
    А с той сторонкой плачущей
    Здоровается солнышко —
    Там золотыми каплями
    Докапывает дождь...
246 А поп рече: — аминь!
После 266 Случалось, доставалися
    Не дешево их милости
    Да это — как кому!
Вм. 37—338 Народ и сам бедняется
    К тому ж и рвеня прежнего
    В нем к православию нет.
    Не ходят в церковь божию.
    К причастию не являются,
    Что далее — то менее
    Играем свадеб в год:
    Грешат, живут в безбрачии!
- Вм. 346 *a* Вдруг мать сыра земля
    Да уродит сторицею, —
    б Вдруг мать сыра земля
    Да уродит избыточно, —
Вм. 349—351 *a* На кровную нужду
    Так и отдать в безвременье

- Избыток дара божьего
За медные гроши!
В.м. 351 а А там еще помилуй бог!
Придет неурожай
б А там — господь прогневался —
Пришел неурожай

На полях зачеркнуто:

И словно град посыпалась
Вдруг ругань на него

— Туда же! шут расхвастался¹,
Что поп его любил
Соплям, и тем, по времени.
Честь разная: мужик
Кидает сопли на землю,
А барин их — в карман!

Так Пров Луку поподчивал
А два братана Губины
Ему яичко общее
В крутую испекли:

Варианты ОЗ

- 47—49 *отсутствуют*
410—416 *отсутствуют*

Глава II. Сельская ярмонка

(Стр. 177)

Отдельные наброски (ИЛИ)

Трещат одни кузнечики
В зеленых берегах
Лишь мухи
Зеленые и синие

---

¹ Туда ж дурак! расхвастался,

Варианты автографа ЛВ

- Вм. 38—44 В окошках бабы древние
Старухи без годов...
А за селом увидели
- 40 а Крестьянские дома.
- б Ворота на замок
- После 35 Запруженной плотиною
48—51 *отсутствуют*
- После 146 *вписано:*
К палаткам. «Поскорей!
Кричит толпа ретивая
И мужики степенные
И девки фри кабацкие ¹
Торнурные ярыжные
И ба<бы>
- Вм. 149—151 Гуляй мужик без шапочки,
А баба без платка
Ужо, как торг оковчится
Пойдет до поздней ноченьки
С ругательствами, с др<а>кою
Тут шапочный разбор!..
- Вм. 188—197 Не мало посмеялися
Как мужиков дурачили
Цыгане прошлены
Пришли туда. где ворохом
Крестьянские орудия
Навалены — глядят
Мужик ободья пробует
Сам на ногах чуть держится
- Вм. 192—195 а Идет торговля бойкая —
Одной божбы на тысячу,
А купли на алтын!
- б Так шла торговля бойкая —
Одной божбы на тысячу
Торговцы колотырники
Пустили в оборот!
- 196—197 Мужик распьяной-пьяненькой
Ободья выбирал

¹ И парни, голь кабацкая
И девки краснощекые

Варианты наборной рукописи ИЛИ

- Месле 74 а** Утяточки проснулись,
Спрыгнули в воду, поплыли,
А баба парню крикнула:
Разбойник! что ты делаешь?
Перевернешь, подлец!
- б** Утя<та> пробудились,
Спрыгнули в воду, поплыли,
Приподнимая крылышки,
Еще не опущенные
С голубеньким пером,
А баба так ругнулася,
Что в пору мужику...
- 169** Под юбку подводить?..
- 171 а** Старобрядка старая
б Старобрядка пьяная
в Старобрядка тощая
- 178** Рядиться в платья красные
- 181** Да чем же платья красные
- В.м. 210—211** Топор сломал! Как вкопаной
Над топором стоит,
Про утварь деревянную
Разбросанную по грязи
Про ложечки, про чашечки,
Про ковшички забыл, —
Над топором раздумался:
- В.м. 264—277 а** Да был тут молодец
Его уж знали многие
Крестьяне: у священника
Он в Заозерьи жил
По деревьям похаживал
Поглядывал, расспрашивал
В тетрабочку писал
- б** Да был тут человек,
Иван Иванович Хлебников,
И что-то все в тетрабочку
Писал карандашом,
Частенько в дни базарные
Он по<па>дался им.
Лицо его дворянское
(Лица не переделаешь)

- Им, впрочем, примелькалось ¹,
 На постоянных двориках
 В харчевнях в кабаках
 Они им не гнушались
 Водили с ним компанию,
 Пивали по душе.
 «Возьми, свежи Оленушке!»
 Пробудится, прояснится
 Ученьем русский ум?
 Крестьяне догадаются
 Швырнув под печку Блюхера,
 Форшнейдера поганого,
 Милорда беспардонного ²
 И подлого шута,
 Крестьянин кушит Пушкина
 Белинского и Гоголя...
 343 На кровный купит грош?..
 344 Придет ли? Люди русские!
 В.м. 347 Те имена, которые
 Тут писаны теперь?..
 В.м. 349—353 То люди именитые,
 Заступники народные,
 Друзья твои, мужик!
 Тебе бы их портретки
 Повесить в летней горенке,
 Их книги прочесть!..
 354 Даешь замок — и ключ давай!
 После 357 Село у вас проклятое
 То горки, то овражище!»
 362 За тем проводником.
 398—399 Наливки! чаю! портеру!
 Шампанского живей!..
 409 Пахому показалось,
 В.м. 410 Как вновь они по площади
 Тверезые пошли,
 В.м. 415—419 первоначально было (переход к другой главе):
 Довольны наши странники.

¹ — Липо его корявое
 Крестьянам примелькалось

² Форшнейдера свирепого,
 Милорда прокаженного

«Вот праздничек — так праздничек!
Ай парни! ай молодчики!
Умеют погулять!
419 Веселое село...

Варианты ОЗ и Стих 1873

311—313 *отсутствуют*

Глава III. Пьяная ночь
(Стр. 188)

Варианты рукописи ЛВ

Первоначальный набросок

Ночь тихая растихая
Не то чтоб очень светлая
И не гораздо темная
Куда ни погляди
Народ пьяным пьянехонек
Кольшется, шатается
Поет кричит ругается
Стопнулись смешались
Своих не узнает
В одном целуются
В другом мужик бессовестный
Таскает бабу за косу
Как редьку за вихор —
— А ну давай потянемся
Кричат два парня дюжие
Посмотрим: кто сильней...
Там драка безобразная
А там беседа чинная
Ну что и говорить!
Порядки были славные!
Задумал — сына в рекруты,
А дочь на барский двор
Дерись командуй вольничай
А мы как рыба в неводе
Хозяева в дому...»
Вдруг в эту речь разумную
Лихая песня врезалась
Иван кричит я спать хочу

(л. 16)

Отдельные наброски

Твое железо ломкое
Твоя послуга плевал —

Идут молчат невеселы
В тот день они уж выпили
«Пить больше не приходится
Покуда светит солнышко
Пойдем, а там навалимся!»
Да чорт их сомустил
Как вышли на пригорочек
Да глянули на ярмонку,
На тысячеголовую
Поющую толпу —
Сердечко в каждом дрогнуло...
Один к себе другой к себе
Тащит чужую бороду
Друг в дружку упираются
Ногами во всю мочь

А ну давай потянемся
Кричат два здоровенные
Посмотрим кто сильней
И то им не понравилось
Вцепились в скулы
Пыхтят, краснеют, корчатся
Мычат, визжат, а тянутся!
Водой насилиу разлили
И пели тут соловушки
И с неба звезды ясные смотрели.

Жена куда-то делася
А муж сидит да плачется
Кричит: Жена! жена!
Соринка в глаз попалася.
Жена вставай — вылизывай
Соринку языком:

(л. 18—19)

Первоначальная редакция главы (до разделения глав)

(л. 20—21 и 26—27)

Вариант на полях основного текста:

- После 414 Неловко Захотелось
Смерть выпить мужикам
Да то беда — всю порцию
С утра они уж выпили
А денег ни гроша!
Пошли повеся головы
С пригорочка спустился
Чуть глянули вперед.
По всей большой дороженьке
и далее — ст. 15—37; варианты:
- Вм. 20 а Не плоше самой ярмонки
Тут стоном стон стоял!
б Не плоше как под ярмонкой
Стонала мать земля
- 23 а С кудерочками с русыми
б Висят русоволосые
- Вм. 26 Народ идет шатается
Шатается и падает
- После 36 *непосредственно идут ст. 115—125*
115—119 В канаве баба пьяная
Кричит: совсем увязла я
Никто нейдет спасать!
Три сына три разбойника
Вспоила воспитала я
На пагубу свою!
- 124—125 А младший сын в лесу живет
Того гляди — и мать убьет
- После 114 а «Ай! черти! ай голубчики!
Не буду век — помиуйте!»
Вдруг впереди послышалось
Что там? Да ничего
Попался в краже пьяненькой
Солдат — секут молодчика,
Расправа коротка!
Не больше как по лозочке
Дал каждый мужичок
Да было тут не мало их —
Чай с семьдесят голов...
б Чу! крик: «Ой, ой помиуйте!»

Что там? Секут крестьянина
Украл с телеги сеть...
Поймали — тут и суд ему!
Не больше как по лозочке
Дают — да тут собралось
Судей — и не сочтешь!

В.м. 134—137 а *начат:* Не к той ли роще тянутся
б Не к той ли роще правятся?

Та рощица зеленая, —
Там мурава шелковая,
Там соловьи поют...

После 137 Смешались, разрознились
В потемках православные...
Жена! Эй! Где ты? Марьюшка!

Кричит мужик осанистой
Проснувшись на возу...
Жена не откликается,
А мужику тошнехонько:
Соринка в глаз забилася,
Не вынуть одному
Пал дуб на море синее
И море все заплакало —
Жена! иди, вылизывай
Соринку языком!»

Долгонько — таки слышалось
Жена! Жена! Вот Марьюшка
Подходит наконец
Мужик притих, прицелился
Привстал — и бабу за косу
Как редьку за вихор...

466—472 Вдруг песня хором грянула
Порядком позаправились
Пошли — в толпу вмешались
Кричат, поют братаются
К молодым к красным девушкам
Подладиться непрочь...¹

Варианты двух черновых редакций ст. 155—317 (л. 22—23, 24—25)

В.м. 173—174 Не то чтоб с воздержанием
А просто меры нет!

---

¹ Подбиться норвят

- Один в канаву валится
 Другой ума лишается
 А третий просто запросто
 Опьется и умрет!
- 178 а Кой что позаписал
 б Кой-что хотел писать.
- В.м. 180—185 Фабричной из Бурмакина
 Он барину сказал
- 186 а Постой душа чернильная
 б «Постой, строка чернильная!
- В.м. 309—314 а Фабричный кудри русые
 Встряхнул, окинул с валика
 Очами соколиными
 Шумящую толпу
 И крикнул зычным голосом:
- б Тряхнув кудрями длинными
 Фабричный глянул с валика
 На пеструю толпу
 И крикнул зычным голосом
- 315—316 «Ой царство ты мужицкое!
 Гуляй, коли гуляется
- 317 Шуми! шуми вольней
- После 317 а Тут мужики степенные
 Попробовали лаяться
 Да только за фабричного
 Вступился барин сам
 — Я не сержусь, любезные
 Пусть говорит, что думает,
 Он умной человек!
 Ай барин непрогневался
 Сказал фабричной пьяненькой
 Небось, как раз смекнул!
 Разумной то головушке,
 Что ни скажи смекнет,
 А свиньи ходят по земли
 Невидят неба век!..
- б Тут мужики степенные
 Прогнать хотели пьяного,
 Да только за фабричного
 Вступился барин сам:
 «Не троньте, други милые,
 Пусть говорит, что думает,

Он дельный человек!»
— «Ай барин! не прогневался!»
Сказал фабричный пьяненькой:
«Небось как раз смекнул!»
Чего тут братцы гневаться
Когда бы то что думаю
О русском мужике
Считал я сущей правдою
Так и сидел бы в Питере
Да книжки сочищал.
А то молвой народною
Свой ум проверить хочется
«Народный глас» слышали вы? —
Глас божий» — говорят...
Тут и крестьяне многие
С фабричным согласились:
«Как мужику не пить!
Пьет — значит силу чувствует!
Успеешь припечалиться
Как перестанем пить!

На полях наброски

«У нас помещик собственный
Пять лет тому робятушки
Из-за границы был:
Сказал что рад радехонек
Проздравил! а не верилось!
Все словно как и ластился
И рыло воротил!
А этот и не ластится...»
— Должно быть, из кутейников
Спросили: дворянин!
Иль мы тебе что лошади?¹
Жалеешь нас горяченьких
Боишься опохоть? —
Пиши в деревне Пьянове

Рукописи ИЛИ

Отдельные наброски (л. 24)
В<з>дохнули люди божи!

---

¹ Чудной! да что мы лошади?

Забылись нужды вечные
Печали бесконечные.
Потери невозвратные
Обиды неотплатные
Кровавые труды!

Как в зыбочку усталого
В канаву хмель уклал
И как ребенка малого
Повил и спеленал
Усни

Хмель ходит по головушкам
Заходит в тучи черные
И тучи разрешаются
Весельем, лаской жалобой¹
Да песенкой а надо бы
Громам греметь отудова
Кровавым лить дождям

Не будешь знать
Как ехать одинокому
Домой по той дороженьке
Где с сыном проезжал
И каково крестьянину
Подъехав к дому темному
Стучать в свою калиточку
Без сына воротясь?

Свезешь и выпьешь в меру ты
Поедешь домой — да недоедешь

*Варианты листа белой редакции, предшествовавшей наборной
рукописи. — ст. 1—102*

В.м. 2   Не кабаком, не банями,
                 Не лесопильной мельницей

---

¹ Весельем, песней, жалобой

— Платок куплю... упрыгнула!

Ты как блоха, Оленушка!

Горазда пить и есть,

А не даешь погладиться! —

«Нет, не спущу, небось!

К начальнику губернии! —

У нас брат он такой:

Придет купец с прошением

Чиновник, дворянин

И не прочтет.. а ежели...»

После 60

Порядки были важные.

С тягла мужик с подводой

И пол-старухи в день.

Дерись, командуй, вольничай

А мы как рыба в неводе

Хозяева в дому...»

Варианты наборной рукописи

В.м. 1—2 а

Не кабаком, не ригами,

б Не крашеными заново

Порожними амбарами.

Не кабаком, не мельницей

4

Село кончалось узеньким

В.м. 12—14 а

Крестьяне наши ахнули,

Как вышли на нее!

б По будням не веселая

Пустынная и тихая

Широкая дороженька,

Березками обставлена.

Была теперь шумна.

После 137

зачеркнут эпизод, частично использованный в конце главы:

Компанию степенную

Заметили они <и т. д.>

182—183

Махорочку покуривал,

Глядел, молчал, — да вдруг

После 288

Помру с вина осудишь ты

А надорвусь под тягою

Куля осмипудового —

Не будешь осуждать?

328

Яким мужик убогонькой

В.м. 329—336

Из тех которых солвышко

441—443

Весь век с весны до осени
Печет на полосах,
Каким кричат фабричные
«Эй, приросли к сохе!»
В лаптишки обуваются
Взгрустнулось пуще прежнего,
И вправду то ли дело бы
В такую ночь с женой?

В.м. 435—452

Однако праздник праздником,
А дело делом, братики,
Пора! Сказал Пахом:
Народу тут до пропасти
Народ хмельной, покладистый
Уменьько только спрашивай
Теперь не станут врать.
Пойдем искать счастливого
Не то мы спору нашего
Во веки не решим!
— Пойдем, да выпить надо бы
Для куражу по маленькой
Жаль кончили ведро! —
— А не почать ли новое?
Народ придется подчивать,
Так за одно — почнем!

Вариант ОЗ и Стих 1873

231

отсутствует

Глава IV. Счастливые
(Стр. 200)

Черновые рукописи ЛБ

Ранняя редакция начала главы

Как выпили порядочно
Крестьяне разболтались
Открылись мужикам
Зачем в чужую сторону
Их занесла нелегкая
— А вот мы кликнем клич!
Сказал один веселенькой

Шутник — мужик Никитушка
 И ну ходить — кричать:
 — Эй! нет ли где счастливого?
 Явись! Коли докажет кто ¹
 Что счастливо живет,
 Получит награждение:
 Ведро вина крестьянину,
 Крестьянке три рубля!
 Степенные и дельные
 Крестьяне не шелохнутся
 На эту кличь явилася
 Кривая баба старая

Варианты черновой рукописи ст. 1—72

- 1 По людной по дороженьке
 Вм. 2—3 Ходил Пахом, покрикивал:
 6 а Что точно счастлив он —
 б Что правду говорит,
 266—268 Пришел мужик, высок, плечист,
 Щека платком подвязана,
 На обе ноги хром.
 272 Свалили мишуки,
 Вм. 274—283 а Раз тридцать толстопятые
 До шкуры добиралися,
 Весь череп исцарапали,
 Да счастлив я пока
 На днях только под Мисковым
 Помял меня маненичко
 Сороковой медведь
 б А что щека подвязана?
 Что ноги чуть волочатся?
 После 283 ст. 38 и след.:
 49—52 — Вот счастье так счастье!
 Ну тетка выпей рюмочку
 Не обессудь, родимая:
 По счастью и глоток!
 53 Пришел солдат старинушка
 Вм. 60—61 В семнадцати сражениях
 Я был, а бог помиловал.

¹ Сюда! сюда! Докажет кто

Как видишь, не убит!
 62 Да что, братан, сражения!
 63—65 Не раз во время мирное
 Не ел по трой суточек —
 А видишь жив стою!
 66—69 А в третьих — это главное, —
 Раз сто меня сердечного
 Отпотчивали палками
 А видишь жив!.. Как есть живой!
 66—67 А в третьих, — это главное, —
 Раз сто за службу верную
 После 69 Ну в том мое и счастье,
 Сказать вам больше нечего,
 А выпить — я могу...
 70—72 *вписаны*
 70 На, пей скорей служивенькой!
 После 72 Потом хмельной оборванной
 Пришел похвастать счастьем
 Дворовый человек...
 Потом пришли два нищие,
 Расхвастались чуть <крз>
 Какие им хорошие
 Дают везде куски
 Как им купцы богатые

Карандашный набросок ст. 307—316

А вам бы други милые
 Спросить Ермила Гирина
 Коли не скажет он,
 Так и искать вам нечего.
 — А кто такой Ермил?
 — Как! Что вы православные!
 Ермила вы не знаете?
 — Не знаем! — Из далека же
 Вы значит приобрели
 У нас Ермила Гирина
 На сотню верст в окружности
 Все знают. Он один
 У нас как солнце на небе

- 322 А вот какой: помещичью
 В.м. 324 а На Унже; десять лет
 Помещик тот расстроился
 б На Унже; наконец
 В.м. 345—348 а Как так? Ермило в городе
 Про мельницу проводывал
 Давненько — не плошал:
 И было ему сказано,
 Что будут с переторжкой
 Как водится торги, —
 Как переторжка кончится
 Тогда за кем останется
 Тот денежки вноси
 А коли с переторжкой
 Так ранее не для чего
 И деньги привозить
 б А денег с ним ни грошика
 Ему сказали в городе
 Что будут с переторжкой
 Как водится торги, —
 Без дела что крестьянину
 Проселочной дорогою
 Большую сумму везть?
 Сплошал ли сам Ермилушка
 Стакнулись ли подьячие
 С купцом, а дело дрянь!
 Торги и с переторжкой
 Все днем одним покончили
 В.м. 355—363 А привесу вам денежки
 Взглянувши на часы
 Позволил. А подьячие
 398 А шиш — не устоять ему
 В.м. 402—408 а Ну братцы! дорог час!
 Не день, не два мы знаем
 Пришла пора решить — сказать
 Каков у вас считается
 Ермило человек?
 б Ну братцы! дорог час!
 Вы хваливали Гирина

Пришла пора — окажется
Каков у вас считается
Ермило человек?
Отдам! расчет в ту пятницу

Варианты ст. 535—592

- 566 а Пред богом согрешил.
Споткнулся, птицу вольную
В полете ветер сбил
Да только и поправился
Ермил как птица вольная
Нашел свой путь, прямехонько
Под солнышком летит!
Вавило из рекрутчины
б Да птица скоро справилась
Не хочет ветру кланяться
Летит своим путем!
Вавило из рекрутчины

После 571 *начаты:* Бабенки только в вотчине
Маленько пошущукали
Да Нимфодора Власьевна
Тужила, громко плакала
По сыне по своем.

- Так что же? Сам Вавил Ильич
Как сдал сынка у Марковны
578—581 а *начаты:* Тотчас же как у Марковны
Сдал парня, — закручинился.
Не пьет, не ест, молчит,
Стал сохнуть; раз с веревкою
Как воротился в вотчину
б Сдав рекрут, — закручинился,
Стал сохнуть; тем и кончилось

583 Тут он отцу покаялся
584—586 а «Как сдал я сына Марковны,
С тех пор не знаю сна,
Пошел я против совести
Оправил я повинного,
Невинного подвел!

- б «Как сдал я сына Марковны,
С тех пор не мил мне свет,
в «Как сдал я сына Марковны,

- Как послужил лукавому
 С тех пор с ума нейдет
 Что обманул я вотчину
 Что я покрыл повинного
 И бога обманул!
 В.м. 591—592 Злодей! Коль не желаете
 Чтоб на себя на грешного
 Я руки наложил,
 Закуйте в цепи крепкие
 И отведите в суд...»
 После 592 Подумали семейные
 Поговорили в вотчине
 С толковыми людьми
 Ну дело мы обладили
 Как должно сына Власьевны
 Вернули; сдали Митрия
 Так брат ему все денежки
 Отсыпал говорят!

Варианты ст. 596—620

- В.м. 596—603 Такова дела чудного
 Во век <не> доводилося
 И видеть никому.
 Сошелся мир: семейные —
 Отец Ермилы Гирна
 Жена его и брат
 604—606 *отсутствуют*
 609 а С цепями на ногах, —
 б С цепями на руках, —
 В.м. 610—620 Все видели, все слышали
 Как он Нениле Марковне
 Раз десять в ноги кланялся
 Просил простить его!

Варианты наборной рукописи ЦГЛА

- В.м. 10—14 Крестьяне потолковее
 Сдвинулись, клич прослушавши,
 И про себя подумали:
 «Вишь, наплевать те в бороду
 Что выдумал дурак!»

- 11 Тверезые смеялися
 16—17 Чужим вином натрескаться
 Довольно набралось.
 22 С косичкой, в драном рубище
 34 Так всех счастливей я!»
 После 44 «А попроси соседушек
 У них и сотни не было
 На эдакой гряде.
 Вм. 98 и след. Вот я так знаю счастье»
 Кричит седой, оборванной
 Дворовой человек:
 «За стулом у сановника
 У князя у Трухтанова ¹
 Я тридцать лет стоял,
 К его плечу светлейшему ²
 Губами прикасался я
 197 А вы меня послушайте
 201 *а* *начат*: Вот я то
 б Я счастлив как никто!
 202—203 У графа Шереметьева
 Светлейшего, первейшего
 205—208 Жена моя у барыни
 Была за камер-юнгфёру
 А дочка вместе с барышней
 Училась танцевать
 210 В присутствии княжен
 211 Ой! ой! кольнуло... Батюшки!..
 229—230 Подагрой — болев я
 По-да-грой — понимаете?
 После 234 Она вельюбит серости
 А нужно ей спокойствие
 И пливовой сапог.
 После 241 Родившись в рабском звании
 Я стал чрез это самое ³
 По крови — дворянин
 Вм. 235—245 На мне его сиятельства
 И по сейчас штаны!

¹ За стулом у Архарова

У князя у Светлейшего

² *Начат*. С его плеча светлейшего

³ Я стал теперь, я чувствую.

На водку я не трагился
Есть не ходил в застольную,
Я вина иностранные
Из рюмок допивал,
С французским лучшим трюфелем
Тарелки я лизал!»
    Не поднесли дворовому

*Далее следуют ст., соответствующие ст. 729—737 окончательного
текста:*

Эге! сказали странники
Узнав того дворового
Так вот какой ты гусь!
Давно ли счастьем хвастался,
Ан глядь — секут счастливого,
Спустив с него господские
Светлейшие штаны!
Ну да и мы, есена вошь,
Ведро как наземь вылили,
Где дернула нелегкая
Счастливого искать;¹
308—309 Найти Ермилу Гирина
После 311 Сказал нагнавши странников
(С тем Федосеем странники
Под липой познакомились,
Как подчивали водкою
Счастливых мужиков)
Как! вы его не знаете?
После 315 Ну значит из далека же
Зашли вы в нашу сторону!
У нас Ермил — один.
Не близко и отсюда
Село его — Никольское, —
Давненько с ним невиделись,
А знаем мы его! —
316 — Да ктожь он? граф сиятельной

---

¹ Ну счастье так счастье!
Да хороши и мы;
Ведро что на зeмь вылили,
И дернула нелегкая
Нам счастье тут искать,

После 324   Брал за помол по совести
Народу не задерживал:
Прикащик, управляющий
Богатые помещики
И мужики беднейшие
Все очереди слушались:
Порядок строгий вел!

Этой вставке предшествовала заметка на полях:

[Надо прибавить, что он народ не обманывал и за помол брал мало.]

429   Дорожке пятака
478   В ней двадцать деревень.
В.м. 543—545   При этом слове многие
Привстали, зашушукали,
«Стой!» закричал один.
В.м. 566   Свихнулся: птицу вольную
В полете ветер сбил
Да птица с ветром справилась
Под солнцем очутилася
А ветер к луже гнал!
В.м. 584—586   «Как сдал я сына Власьевны,
С тех пор с ума нейдет,
Что обманул я вотчину,
Что поддался лукавому,
Про бога позабыл!
Теперь мне жить не для чего,
На свет глядеть — стыднешонько,
Я душу погубил!

В.м. 638—652 а   С тех пор почти безвыездно
На мельнице живет
— А далеко та мельница?
«Верст пятьдесят отсюда,
Дойдите до Владимира
Спросите где Никольское
А там уж дети малые
Дорогу вам на мельницу
Сумеют показать...

Под утро поразъехался
Поразбредлся народ

Этим первоначально кончалась глава

6 В аренду снял ту мельницу
И поселился там
С тех пор живет затворником
Да наживает денежки
Я сам уж в той губернии
Лет десять не бывал
А про Ермилу слыхивал
Народ им не похвалится,
Сходите вы к нему. —
Как так?

675—676

— А воля Божия!

Слыхали вы, скажите-ка, —

678

Помещика Наказоза

689

Ни мужикам самим

После 698

И грудь с крестами царскими

Во все четыре стороны

Повертывать начнет

В.м. 738—739

— Чтож доскажи нам батюшка

741

Помещика Столбинского

В.м. 746—760

— *на отдельном листе — остаток прежней
редакции:*

Ведро вина поставили

Горой наклали хлебушка

И спрятались опять...

Крестьяне подкрепилися

Ведро под липой спрятали

И у ведра оставили

Демьяна постеречь

А прочие вмешались

В толпу: искать счастливого

Уж больно им хотелось

Скорее спор решить...

Варианты ОЗ

572

Одна Ненила Власьева

714

отсутствует

Глава V. Помещик

(Стр. 220)

Черновые рукописи — ЛБ

- До 1 Та тройка с колокольчиком
 3 Брыкова — Оболдуева
 4 С той ярмонки везла.
 13 а Немного перетрусился,
 б Порядком перетрусился,
 20—22 Ни с места: если кто-нибудь
 Начнет вперед — разбойника
 На месте положу!
 26—27 Ни ружей, ни топориков..
 — Чего же нужно вам?..
 После 27 а — Небось, мы не грабители
 Сказали мужики:
 Мы тутошные жители
 б — Небось, мы не грабители
 Мы мужики окольные
 Вм. 47—49 а — Ну, сволочь! будь по вашему!
 Чур, говорить скорей..
 б Грубить вы начинаете
 А впрочем, будь по вашему!
 Теперь за вами речь
 Вм. 142—143 а — Ну так! отлично поняли
 Молчите лучше! Слушайте
 Скажу вам напрямик:
 б — Ну так! Эх, други милые!
 Какие тут леса!
 Скажу вам вразумительней
 Вм. 149—150 а Назад тому друзья
 В той грамоте показано:
 Ордынскому татарину
 б Назад тому, стоит
 В той грамоте: «татарину
 151 Тимошке Оболдуеву
 Вм. 181—183 Так вот оно как врезалось
 Корнями в землю русскую
 То дерево дворянское,
 Что родословным деревом
 По нашему зовут!

В.м. 190—198

Теперь скажите: много ли
Таких родов считается
На всей святой Руси?
Где их, — не между вами ли
Искать? —

— Куда нам батюшка!
Чай наши деды сивые
Как мы с землей возились
Цариц, царей не тешили,
Не жгли Москвы...

Постой!

Вмешался в речь Пахомову
Тут мужичек Роман:
У нас есть хворенький,
Повез оброки к барину
В ту пору

После 190

Во всей вселенной водится
И строго соблюдается, —
Не нами началось

После 219

Не нами и окончится, —
Поедешь ли деревнею
Довольны видеть барина
Крестьяне снимут шапочки
Глядят тебе в глаза!

В.м. 239—242

Губернские чиновники
Сам губернатор с радостью
Являлися на зов,
Бывало всю губернию
Уложишь в лоск, а справишься
С карманом: ничего!

В.м. 335—338

Осеклась речь помещичья,
Должно быть слово лишнее
Слетело с языка, —
«Эй Трошка! ерофейчу!
Да кстати дай ковер!

В.м. 339—347

Как выкушал — поправился?
В два слова:

«Видит бог

Я не жесток любезные
Но иногда без строгости
Вы знаете нельзя

393 а

Никита принесет?

- б Бедуги принесет?
в Виталин принесет?
После 393 Какого братья Галкины,
Какого Молочков?

Отдельный набросок

Побольше знай распахивай
Пореже сей мужик,
Навозу нет — и так сойдет
Коли сам — друг уродится
Ну и зерно барыш!

- 445 *начат*: Звонят! «Прощай
Вм. 448—450 Уж нет ее. Невесело

Варианты наборной рукописи ЦГЛА

- Вм. 342—347 Но был я строг — любя.
Порвалась цепь великая —
Теперь лица крестьянского
Рукой не дотронусь,
За то и не помилую
При случае отечески,
Теперь между крестьянином
И барином — стена!
- Вм. 591—597 Поразобрала водочка
Да и тоска прихлынула,
Тоскует... жаль сердечного,
А чем беде помочь?..
Крестьяне тем утешились,
Что с пьяна чуть не до смерти
Приколотили смирного
Романа-мужика.
— «Ну что теперь уверился?»
Сказал Роману смирному
Пахом: «не говорили мы:
Пришел им карачун»¹
— Чай много врет Пахомушка? —

---

¹ а Что им теперь капут!

б Что им пришел конец

«Чего тут врать — расплакался!
— Их слезы — дело плевое...
«Ну так! одно про всякого
Твердит сорока Якова
С тобой не согласишься.

Варианты ОЗ

247 «Пять поваров, три слесаря,
312 Свор двадцать в напуску
586 Носия ливрею пышную.
550 Порвалась, — раскачалась —

КРЕСТЬЯНКА

(Стр. 236)

Варианты черновой рукописи ИЛИ

Пролог

Вм. 1—83 *Первоначально глава начиналась:*
Пришли в село — пустехонько!
Придется ждать до вечера:
Знать на жнитве народ.
Село как видно бедное,
Один домик порядочный:
«Должно быть губернаторский»
Подумали они.
1—16 *вписаны на полях*
Вм. 13—15 Настасьей Тимофеевной
Зовут ее... сходите-ка!»
Вм. 35—37 Так странники гуторили
И шли как дети радостны
Горды как победители
То рожью, то ишеницею

Отдельный набросок на обороте листа обложки:

После 92 Они в воротах встретили
Двух старичишек: «Не пошто
Суровым сильным голосом
Сказал один: «назад!..
Помещик за границую

А управитель присмерти
И спрятал скобы медные
Под мышку. Видно вывинтил
Не из сво<их> дверей.

В.м. 124—126 [Лет двадцать господа,
Спасибо, разводили их
Да мы приели дочиста
Теперь без них — капут!..]

Ст. 127—158 в первоначальной редакции отсутствуют (они появляются лишь после переработки всего куска зм. 122—217, на следующем листе) и после ст. 126 здесь непосредственно следуют ст. 159 и след.

В.м. 162 Другой тащил из горн<ицы>

С десятков изразцов

В.м. 163—164 «Наковырял, старинушка?
— Наковырял — измучился!»

На полях — отдельные наброски ст. 127—154, записанные вне связи с контекстом и предваряющие вторую редакцию ст. 122 и след., начатую на следующем листе. Первоначальная редакция ст. зм. 122—217 зачеркнута.

Наброски ст. 127—154

Молоденькая женщина
Красивая и бледная
Уж и костер приправила
Сидит на берегу

а Полунагой ребеночек

В тазу, подле нее.

б [Сидел в тазу заржавленном
Невзрачный мальчуган]

147 Сказал Лука чувствительный:

165 В саду мальчишки яблоню

169 *описан*

В.м. 171—217 «Мы рады и зелененьким!
Ага!» упало яблоко
И прямо Прову в лоб!
Захотали мальчишки!..
«Заборы повалилися
Дорожки засорилися

- В прудах вода гниет
Нет уточки с утятами
Неплещутся карасики,
А было чай всего?¹
- В.м. 172—173 Крестьяне долго по саду
Гуляли. «Знатный сад!
Овраги, горы, мостики
Пахом, крестьянин грамотный,
Читает... «Что за чорт!»
Глазам не верит! Прочие
Хохочут... «Врешь ты!» Губины
Кричат... и то же самое
Читают по складам!
- В.м. 177—181 Да грянет наш: «о-тец И-пат!
Здорово! Так пробудятся
И мертвые в гробах
- В.м. 262—270 Настасья Тимофеева
Была старуха бодрая,
Годов под шестьдесят
Когда ей паши странники
Нужду свою поведали,
Задумалась она:
«Недело вы затеяли
Какое наше счастье?
Да и пора рабочая,
Не время толковать!..
Сказать вам ясно коротко
Пожалуй не поверите,
Не так ли молодцы?
- «Не шутка нас поссорила
Погнала в путь, повыжила
Из ваших деревень
Нам нужно слово верное,
Без смеху и без хитрости,
По совести, по разуму!
Сказали мужики.
- У нас уж колос сыпется
Рук не хватает, милые,
Я ночь проговорю ¹

---

¹ *Начат.*: Ночь с вами прокалякаю

А утром жать! Замаюсь я...

— Мы за тебя пойдем¹

Пора! уж солнце красное

Садится. Попрощались

Крестьяне и ушли...

б Настасья Тимофеева

Была старуха бодрая,

Пятидесяти лет.

— Что надо вам, молодчики?

У нас забота есть

Такая ли заботушка

. . . . .

Бог с вами! ясно коротко

Сказать вам — не поверите?..

Не так ли молодцы

А чтобы душу выложить —

Всю ночь проговорить!

У нас уж колос сыплется

Рук нехватает, милые!

— Мы за тебя пожнем!

Такие-то вы brave,

Такие-то вы сильные

Пожнете день-другой!

Обрадовались странники

«Нажнем тебе мы, тетушка:

По десяти снопов,

А ты нам душу выложи,

Без смеху и без хитрости

По совести, по разуму!»

— Не скрою ничего!..

Отдельный набросок ст. 38—43, на листе из собрания К. Ч.

Пшеница — та по выбору

А рожь-то кормит всех

Так больше наши странники

---

¹ Отдельно замечен вариант:

Всей ночи мало, милые,

А утром надо жать!

Глядели на нее!
 Пошли ж побольше хлебушка
 Работничкам своим!

Глава I. До замужства
 (Стр. 247)

*Первоначальное заглавие: «Девичество»
 Отдельные наброски и выписки, предшествующие черновому
 сводному тексту, записанные на л. 94 :*

Я так думаю
 Что если между бабами
 Вы ищете счастливую
 Так просто дурни вы

Очисти, мать божия
 До города дороженьку
 Покрой меня владычица
 Своей нетленной ризою
 Вложи в сердце

Пора вставать —
 Уж день идет на двор.
 По избам печи томятся,
 В полях трудятся пахари
 В лесу стучит топор¹
 Приходит рано матушка
 Не будит, пуще кутает:
 Спи, милая, косатушка!
 Сня, дочка, про запас!

В чужой ознобной стороне не дадут выснаться.

Весь день работаешь — измаешься — сама на себя непохожа
 выпачкаешься — не беда.

Нато есть баенка
 В сыром бору нарублена

¹ *Справа на полях заметки:*

Петухи поют
 Скотина
 По перквам богу молятся
 В часовеньках спасаются

На добрых конях вожена
По быстрой речке сплавлена
На бережку поставлена, —
У самой у реки

Над ней (рубахой) трудилась три летние ночи
Сметала в ночь Петровскую
В Ивановскую вышила
Красивыми узорами
(Стр. 114, Рыбник(ов), часть IV)
Ли(х)ое безволье
Изоржавеет сердце

Варианты сводной черновой рукописи

Первый набросок начала

За батюшкой, за матушкой
Жила я припеваючи,
До сыта пито, едено,
И ношено красно.
Работой не неволили
Ни братцы, ни родители, —
У нас была хорошая
Непьющая семья, —
Да не в лесу родилася
Не пеньям я молилася —
Не много я спала!
[Я грамотой не грамотна,
Да памятью я памятна —
До слова я запомнила
Что говорил старик]
До сна ли тут? С работушки
Отец и мать и братики
Храпят! С шести годов
Коня водила в поле я
И с поля загонила я
Саврасушку домой.
Отцу носила завтракать
Сгребала сено; снопики
Вязала. Научилась я
Кровть и шеть, коров доить
Ткать, прядь
и песни петь.

порядки водить
пекла-варила
езде поспела
жала
косила
молотила
пряла, ткала
с ребятами возилась

Наброски и заметки на полях первого наброска начала

Такую даль мы ехали
Иди! сказ(ал) Ив(анушка)
Не буду обижать

Пал на сердце Иванушка

Как рыкнула, как зыкнула —

Грибы собирать да ягоды
Бродить в лесу аукаться.

Не любя свекровь — зови матушкой

Перекрести глаза

А пуще от бракованной
(Золушки сестры)
(младшая вышла замуж)

о чем *сухотишься?*

дедушка молюсь

Сколько ни плачешь, а все слез останется

Второй набросок начала

Отец будил жалеючи
Поднимется до солнышка,
Сварядится, помолятся
И мимоходом: «Марьюшка!
Вставай!» промолвит ласково
Да и уйдет на пыпочках
Тихохонько припрет
А братец снаряжается
Покуда снаряжается
Поет: вставай сестра!

Вставай вставай ленивая
Ленивая, сонливая .

[Под песню братца сокола
Под голос матушки
Любила <спать>
Да от работы небегая
В крестьянстве лень

Как все кругом то трудится
Так сложа руки сидеть стыдно
Посмотришь да как примешься.]

Сводная редакция первой главы

За батюшкой за матушкой
Не бита не колочена
Жила я, — слова бранного
Неслыхивала, — бедные
Обидеть девку попусту
Не смели, — а богатого
Сама я оборву!
До сыта пито, едено
Поцето и погуляно

А батюшка жалеючи
Будил: проснется до свету
«Пора вставать, Настасьюшка»
Да и уйдет тихохонько,
Чуть дверью заскрипит.
Чу! братец пробуждается!
Веселой был, шутить любил, —
Поет: «Вставай, сестра!

Кругом крестьяне плачутся,
Что всей неприрабатаясь
Работы — хоть умри!
Савраску в поле выведу
И с поля шестилетняя
Домой его гоню!

Так к делу приобыкла я,
Косила, жала, сеяла
И сеяла и веяла!
А лен трепать, полотна ткать,
Так(ой) другой во всем селе
Со свечкой поискать!
Как день-то поработаешь
Черна... грязна... нет нуждушки!
У нас река близехонько,
У нас и баня есть.

Срядилась, в руки прялицу
И на беседу шасть!
Что плеча за день вынесли,
Что руки приработали
О том помину нет!
Тут игры; смехи; девицы
Поют, орехи шелкают,
А парни к девкам льнут,
Да с парнями не зналась я, —

У нас такой уставился
Обычай искони:
Гуляли жены мужние,
А девок бог хранил!
А через речку, в Прахове —
Что девка — то гулящая,
А между молодухами
Гулящей поискать!

Филипп Иваныч, каменщик
Из Мискова — недаленого
Господского села...

Ан глядь: нашелся суженый
На горе — чужанин!
Грех молвить, чтобы старенькой,
Грех молвить, чтобы плохонькой:

Краса взята у солнышка
У снегу — белизна
Бровь черная — у соболя,
У соболя сибирского,
У маку губы алые
У сокола — глаза!
Прощай, семья родимая
Прощай девичья волюшка, —
Судьбы не миновать!..

Забилось, заметалось
Сердечко. Загрустила я,
Ночей я не спала...
Ах, что нашел ты, молодец,
Во мне
В христов ли светлый праздничек
Как с горки я каталась?..
Играла смеючись?...

В христов ли день как с горочек
Каталась я с подружками
Играла, смеючись?..
Румян-пригож, широк-могуч
А ск[р]омен как молодуха...
Филиппу я: «уйди ты прочь»
А он: голубка сизая
Поди! поди со мной
«Да чем я полюбилась?
Я черная... я грубая...»
А он в ответ... рванулась я
Чего ты? Эка силища...
Чуть-чуть не упустил!
Ее целуют, глупую,
А девка так пугается
Как словно бьют ее!¹

Вдохнула Тимофеевна,
Минут пяток по крайности
Молчала как убитая,

---

¹ А девка на дыбы!..

Красивыми ресницами
Моргала... а потом

Вм. ст. 540—562 первоначально было:

[У нашей у сестры
У всех одна снаровочка:
Реветь, тужить, печалиться, —
Люб, не люб ли жених,
Да я не в шутку плакала
У жениха семеюшка
Была сам десять: шутка ли?
Он младший был в дому.
«Боюсь роденьки мужниной
Боюсь чужой сторонюшки»
Твердила я отцу
Я с ревом парня глушого
Просила отступись!
Да больно парень врезался
Ну да и мне по совести
По сердцу он пришел...
Тут Марья Тимофеевна
Пивца стаканчик вышила
И голову понуривши
Запела тихим голосом
Так грустно, что у странников
Печаль тоска проснулася
По жонушкам своим.]

*Далее следовала песня «Ты скажи за что», после которой—
трехстишие (которым кончалась глава):*

Эх! эх! дела то давние!..
Просила — и боялась я
Чтоб не послушал он.

Глава II «Песни» и глава III «Савелий, богатырь
святоторусский»

(Стр. 252 и 259)

Вм. 621—626 Под венцом — болит головушка
Не венец тяжел — думы девичьи
Тяжелы, грозны: я во младости
Пела песенку про свекровь змею
Про сердитого свекра-батюшку

Да про деверя, про золовushку...
Как на грех теперь, эта песенка
И пряди она мне в головушку!
(Чай вы знаете? Чай певали вы?)
Да взялся за гуж так на<тягивай>...
Наливай пивца да подтягивай!

На том же листе обложки наброски:

Что в девках петь случалось
Про мужнину родню
Все то со мной и сталося
Неряхою непряхою
Смутьянкой людоедицей

Не надо было слушаться
Да человек полюбится
Ум притушится

Как набросилась семья мужввна
На несчастную молодую жену

Далее ст. 633—642 в окончательной редакции и начало ст. 669 и след:

- а Большая да недружная
Семья была у Трифона
Отец да мать да тетушка
Три братца — все женатые
Да Аннушка, сестра
- б Большая да недружная
Семья была у Ванюшки
Я младшая сноха
Была в дому последняя
Все помыкали мной!
Жалел меня мой Ванюшка
Да пособить не мог
Работа непосильная
Обида беспричинная
Попреки из за каждого
Куска... Не жизнь напасть!
Холодная, голодная

Что я тогда работала
 Что сердце я чужда
 * Семья была большущая
 Сварливая, бранчивая,
 Крестьяне! сами знаете...»
 — Как, матушка, не звать!
 В семье чужой, неласковой
 Снохе — не жизнь, а каторга!
 Сказали мужики...

На что хорошо ходить, коли некою любить.
 Что и мягко спать, коли не с кем спать!..
 Всю осень я проплакала,
 Пришел Филипп — забыла все!
 Мы были однолеточки:
 Вдвоем-то как останешься —
 Нам было хорошо!..

715—790 *отсутствуют*
 В.м. 794—807 *а начаты:* Всему я покорилась:
 С свекрови, с свекра пьяного,
 С золовочки бракованной
 Снимала я коты!
 За всех, про всех работала
 * Красавец был мой Демущка!
 Уж год ему исполнился
 Зимой я с мужем съездила
 На родину, — похвастаться
 Красавчиком своим...

801—804 *отсутствуют*
 После 801 *а начаты:* Весной ушел Филиппушка
 И тут со мной, касатки,
 Случилась беда.
 Ой! красота проклятая!
 Я много с ней помучалась,
 Не раз ее кляла.
 Присядешь:
 * *начаты:* (Да тут беда случилась.
 Ой! красота проклятая!
 Помучилась я с ней!
 Присяду: «Что невестушко!
 Уселась, склала рученьки?
 Знать бережешь красу?»)

- 808—811   Одна беда: на барщине
Абрам Гордеич Ситников,
Господский управляющий
Проходу не дает:
- В.м. 816—825 а   *начаты:* Чуть я его нетреснула
Озлился, стал на барщину
Не в очередь таскать.
Укланяла золовушку:
Пошла она на барщину —
Осталась дома я.
Так в избу сам (затыпался?)
Чуть я его увидела —
В овин! А он за мной!
- б   Золовку я уклапьяла:
«Поди ка ты на барщину —
Я дома посижу»
Так вижу: в избу тащится!..
В овин я стала прятаться —
Свекровь бранит: невестушка!
Солдаткой быть не хочешь ты,
Так не шути с огнем!
- 818 а   Так в избу прикатил!
- б   Так в избу стал ходить!
- 819   В овин, на ригу спрячуся, —
- 823   В три шея! «А не хочешь ты

Глава третья в рукописи является непосредственным продолжением второй, без перерыва и без заголовка.

- 838   Чай двадцать лет нечесаной
- В.м. 852 а   *начаты:* В особенной пристроечке
Жил дед: ее построил он
- б   Дед жил в особой горнице
На собственные денежки
Пристроил он ее
- 855   А та ругалась, лаялась,
В.м. 858—862 а   Дивилась я! Не сердится
А только улыбается
Старик; да скажет изредка:
«Клейменный, а не раб!»
Уйдет в свою пристроечку
Лежит вздыхает думает

Да вдруг лицо суровое
 Как радугой осветится
 И слышу шепчет дедушка:
 Клейменный да не раб!
 б Осветится усмешечкой
 Точь в точь как небо радугой
 Суровое лицо...
 Подумает, подумает
 И скажет вдруг «пропащие,
 (Потом опять молчит)
 Куда вам!» Разговаривал
 Он часто сам с собой...¹

Ниже значок, указывающий на пометку на полях: Прибавить,
 как дедушка подсиживал семью двугривенной, сваты.

Имел слова любимые:
 «Погибшие, пропащие
 Недотерпеть — пропасть
 Перетерпеть пропасть!»...

879 а Дед жил в лесу: брал ягоды,

б Бродил в лесу: брал ягоды,

В.м. 882—883

А по зямам в коморочке²

Лежал да разговаривал

Тихонько сам с собой.

После 883

«Умрешь рабом, сгниешь рабом...

. . . . .

897—903

отсутствуют

904

«Надумалась Ветлужина —

В.м. 907—915 а

начать: Частенько я их слышала.

Я уходила к дедушке

Как дома свалка шла.

Пряду, качаю Демушку, —

Любил он крепко правнука, —

Однажды говорю:

б И много! да забыла я...

Как жутко приходилось

Бежала к деду я.

Приду, свжу, работаю,

¹ Повертится, покашляет
 И вымолвит: «пропащие»...
 Под старость разговаривал
 Он часто сам с собой...

² А по зямам под шубою

- А он качает правнука, —
Вот раз и говорю:
919 — Ты дедушка? — Я дурочка!
921 Крестьяна Крестьяныча
924—925 И рассказал Савельюшка
Про счастье свое,
Вм. 927—934 а Деревня наша Прахово
То ж барская была
б Мы были тоже барские,
А жили хорошо
Не знали мы помещиков
938—940 *отсутствуют*
Вм. 941—944 Теперь усадьба под боком,
Теперь дорога скатертью;
(Как ветер дует с запада
Чугунки свист доносится...
Тьфу! прах ее возьми!..)
А прежде ни проехать к вам,
Ни пешему пройти!
946 Через тропы болотные
Вм. 948—958 На нас однажды шел
Да воротился!.. По году
Сбывалась к нам поляция:
В сухое лето жаркое, —
Случалось, — понадет,
А то и так! Тревожили
Нас только волки серые,
А пуще — комары!
- Медведей не боялись мы
949 Да воротился вспять...
Вм. 957—958 а Медведи... да медведей-то
Боялись что ли мы?
б Медведи... не медведей мы
Боялись — комаров!
в Медведей... Да с медведями
Справлялись лихо мы...
Я не боюсь сохатого
Боюсь червя капустного
Говарявал хозяйственный
Тогдашний мужичок...
960 Я сам страшной Топтыгина

- После 962 А голос был порядочный
 Дай бог первостатейному
 Медведю так реветь!
- 963—979 *вписаны*
- 969 *начат:* Цышленок закру[жилая]
- 971 Спина в то время хряснула

Первоначальная редакция ст. 980—1016, зачеркнутая на обложке главы:

Пороли люди дюжие
 А розги сам Шалашников
 В походе заготовливал
 Из наших же лесов,
 Что добрая хозяйшка
 Как яблочки, вымачивал
 Как огурцы солил...
 Да и спина ветлужская
 Крепка! Сдались не скоро мы, —
 И то не все сдались.
 Кому не в мочь, попросится:
 «Дай срок!» — лабанчик новенькой
 Из подоплеки выпорет

Наброски на полях первоначальной редакции ст. 980—1016:

Я тоже перетерпливал
 Лежишь как пень да думаешь

[Пришли — <нрав> Шалашников!
 Сам черный, ноги малые,
 Как бочка брюхо круглое
 Ни дать ни взять раздувшийся
 В собачьем ухе клещ!]

- После 1006 Две перемены вынесли —
 Нет денег хоть убей!
- 1016 С полсотни поднесли...
- 1030 Идем путем дорогою
- Вм. 1032 Над молодыми тешатся
 Ай старики — кряжи!
- 1042—1045 *отсутствуют*
- Вм. 1048—1054 Что год, то шлет приказ!

Придем. «Оброк!» — Мы нищие...
«Эй! перемена первая!»
И начинает драть
Чудесно драл Шалашников
Да не ахти великие
Богатства получал.
Иные — люди сильные —
Нарочно ни лобанчика
С собою не возьмут
Нето под самым городом
Зароют в землю денежки, —
Так их хоть разорви!

После 1059 а Сдавались тоже многие
А все — не грех похвастаться —
Стояли хорошо!
Стояли так, что новые
Под тес хоромы ставили,
А старые скоту.
Сдавались люди слабые,
А прочие за общество
Стояли хорошо!

1060—1066 *вписаны*

Вм. 1060—1066 Присядем за заставою
Сочтем остатки — барина
Подыдем на смешки —
«Что денег то осталось!..»
И тешились над баринном
До сыта в свой черед!
1062 Поделится казной
1064 Сплошал дурак Шалашников!»
1066 Крестьяне в свой черед!
Вм. 1068 А нищие люди слабые
Чуть под микитки, в зубы ли
Вм. 1071 Зато хоромы новые
Под тес в селе (мы) ставили,
А старые на слом;
Кушцами наряжались,
Какие были лошади,
Коров, овец не счесть!
У нас свинина жирная
У нас меды стоялые
И водка самокурная

- И пиво круглый год!..
- После 1071 а Двенадцать лет Шалашников
 Так вышибал с нас денежки
 Тринадцатый пришел
- б Так выбивал Шалашников
 Оброки из Веллуживы
 Одпшалавать годсв.
- 1075 Что в Турпии Шалашников
- 1082 Наследник дело выдумал —
- 1087 а Фуражечка да тр<осточка>
- б *начат*: Пошел собирать грибы;
- 1102 Поганый немчура?
- 1106 С мальчишками, с девчонками
- В.н. 1110—1124 а *начаты*: Хоть малость поработайте!»¹
 — Изволь! А что слышь?»²
 — «Дорогу бы поправили...»³
- б Работайте!» — А в чем твоя
 Работа? — Нарусить
 Велел лесишку жидкого, —
 Потом пробрили просеску
 В лесу. «Теперь стели
 Бревешки поперечные!»⁴
 А тут мы догадалься:
 Дорогу ладит он!

На полях, без отмены этой редакции записан вариант:

- Прокопать
 Канавочки желательню»
 Канавы прокопали мы.
 — А что еще?» Леску
- 1125—1127 а Поехал в город парочкой
 Глядим: везет оттудова
 Поживточки свои,
- б (Донолен!) в город парочкой

¹ По свлам поработайте!»

² *Начат*: — Работать

³ *Начат*: — Привел нас в лес

⁴ *Поправка*: В лесу пробрили просеску

Тогда велел возить
 К болоту поперечины
 Почти дорогу сделала —
 Вот то-то дураки!

- Поехал и оттудова
 (Пожитки) привезок,
 У нашего у Фогеля
 1129 У навез посуды меселл
 Вм. 1133 Навез посуды меселл
 Гостей полна пзба!..
 Вм. 1136 а *начаты*: Хватились поздно мы!
 б Осьмнадцать лет тиранствовал,
 До нитки разорил!
 Вм. 1137 Так драл, так драл Матренушка,
 Что разве с ним Шалашников
 Один поспорить мог!
 Вм 1141—1142 а А денег дай — отвалится
 Скоренько, как раздувшийся
 б А деньги покажи —
 Скорешенько отвалится
 Ни дать ни взять раздувшийся
 1151—1152 Ты думаешь, в нынешний
 Народ — не богатырь?²
 После 1133 Нет косточки неломаной,
 Нет жилочки нетянутой,
 Кровинки нет не порченой, —
 А богатырь стоит!
 Вм. 1189 а *начат*: — Да с немцем мы управились
 б Шли годы, немец царствовал, —
 в А немец думал царствовать
 До светопредставления,
 г А немец как ни царствовал, —
 д А немец долго царствовал, —
 1190 А наши топоры
Наброски ст. 1192—1216
 а [Осьмнадцать лет терпели мы,
 Велел на девятнадцатом
 В усадьбе, — мы же строили, —
 Колодец нам копать.
 (Уж третий день) Копали мы
 А немец нас побранивал,
 Я мимо идучи
 Толкнул его нечаянно
 Да прямо к яме: чуть было
 Он в яму не упал
 (Другой еще не)

- Кричит: «вы глупо шутите!»
 Да как взглянул на нас
- После 1210 Не знаю, как случилось
 1212 Друг другу не<сказали> мы
 1214 Крестьяна Кристианыча
 1218 а *начаты*: Кричит оттоль «вы шутите?»
 б Кричит: веревку! дьяволы!»
 1221 «Наддай!» я слово выпустил, —
- После 1223 Как словно взмыло каждого:
 1225—1226 Что яма поравнялася
 В минуточку с землей!..¹
- После 1228 — Ну что же дальше, дедушка?
 — А дальше, мы в кабак...
 Потом известно: следствие
- В.м. 1230—1231 а Кабак... допросы, следствие,
 Потом острог в Данилове,
 б Вся жизнь полустолетняя
 Не стоит слова, внученька!
 Кабак... потом допрос
 Потом острог в Данилове,
- 1238—1239 Поймали... разумеется,
 Опять дранье, дранье!
- 1243—1244 Да только нас Шалашников
 Больней дирал: не пикнул я
 1245 С заводского кнута!
- В.м. 1251—1252 Потом на поселении
 Я жил семнадцать лет...
 Женился там, детей имел
 Об <нрзб> обстроился
 Деньжишек накопил...²
 Жена и дети померли...
 Затосковал в Сибири я
- 1253—1254 Тут манифест пришел...
 Вернулся я на родину, —
 После 1259 (Погибшие, пропащие...)

¹ Выше на полях зачеркнут набросок:

Такое слово славное
 Так и взмывало каждого, —
 Под слово люди русские
 Работают дружнее!

² а *начат*: Деньжишек прикопил
 б Деньжишек поскопил...

- 1263 И тут конец про дедушку...
- В.м.* 1265 Примолви ты, хозяйшшка,
Досказывай теперича
1267 — Не весело рассказывать.
- После* 1270 *а* Матрена пригорюнилась
б Вздохнула Тимофеевна...
1273 Матрена начала

Отдельные наброски на обложке главы «Демушка», предшествующие сводной рукописи и относящиеся к главе «Дедушка Савелий»:

Три раза бегал с каторги
Поймают: разумеется,
Дерут, дерут, дерут!
Да первому помещику
Спасибо, Полуехтову,
Военный был: умел пороть!

Я в третий раз порядочно
На воле погулял
Зима застигла... Холодно
И голодно...

Глава IV. «Демушка»
(Стр. 270)

Я в ноги повалилася:
«Будь жалостлив, будь милостив!
Ведь скорее Демушку
Честному погребению
Предать... За что ребеночка
Терзать и патрушить?..»

Пытал: «не состояла ли
Ты с стариком Савельевым
[Молэдушка в связе?]
Молчу: «Глухая что ли ты?
Аль вольница паскудная
Озлился. Тварь паскудная
Начальству неподсудная
Ты, что ли?.. Говори!
Я шепотком ответила:
Обидно барин! (путко ее)
О чем ты вздум<ал> сира<шивать>

Варианты сводного текста

1274—1296 *адесь отсутствуют (см. их после ст. 1345): глава начинается стихами 1326—1338, после которых 1297 и след.*

- Вм. 1344—1345 Я деда прокляла!
Досталось в свекровушке...
Да поздно было лаяться,
Да поздно был, выть!...
- 1274 Сломил бурей дерево
- Вм. 1277—1278 а *начаты:* В гнезде птенцы безцерые
б Пришел пастух и дерево
С вершины подпалил.
Зашебетала птенчики:
- После 1284 Да нет родной! Пастух ушел.
- 1356—1357 Хрипят, пыхтит торопится,
Сбирает мужиков.
- 1435—1437 Скрутили <?> бабе рученьки,
Загыхла я, на лавочку
Присела. вся дрожу
- 1450—1451 «А что сим достигается?»
Вдруг поп спросил у лекаря,
Сковать ее!» начальник
- 1456 Вдруг замолчал старик.
- После 1467 Подпрыгнули начальники
— Эй не шути ирисягою!
Всю правду говори!
«Одно: к начальству позвали
- 1468 Пришла, а ни полтинничка

Незаконченные редакции ст. 1491—1554:

- ° Потом подсел к начальнику
«Как вы живете можете?»
— А вы? «Не хорошо!»
А что? «Народ отчаянный

Сердит начальник был!
Как борзый конь насканивал
Ломал перстни злачные,
Как вихор валетал —
Рвал бороды мужицкие,
Как озеро Онегушко
Как Свирь река шумел

Крестьяне настоялися,
Крестьяне надрожались
До сытости в ту ночь.
Делов нашлось порядочно,
С того взыщи, того пугни. —

Наброски ст. в.м. 1609—1640.

После 1607 а Сладка ли жизнь крестьянина?
Чуть чуть подрос, беда кругом
Кровавый пот, безмерный труд...
Глотай обиды тяжкие —
Непикни... а не то —
Остроги, клейма, каторга...
Всю жизнь дрожи солдатчины...

б Сладка ли жизнь крестьянина?
Трудом своим не пользуйся
Обиды неотплачивай
А нестерпел ее —
В острог, под плети, в каторгу!

После 1627 Ужели могут сильные
Все делать с нами бедными? ¹
«Все могут, голова»

Глава V «Волчица» и глава VI «Трудный год»
(Стр. 280 и 288)

Набросок начала, предшествующий сводному черновому тексту (л. 68):

Живая не вкопаяешься
В могилу: долго плакала
Тужила я по Демущке
Не ела, не спала

---

¹ а Так значит: все терпи?
Так значит могут сильные
Все делать с нами бедными?
б Нужды нет я дойду
Да кто тебя послушает
Кто над тобою сжалится?
Ах! нам ли суд найти?
Так значит все терпи?
Все могут люди сильные
Над нами делать, дедушка?

Платочком обметала <я>
Могилку чтобы травушка
Пыши<ей> на ней росла;
О душеньке младенчика
Молилась я... в рот яблока
До Спаса не брала
На этой на могилушке
Савелья деда старого
Встречала часто я
Как жарко я молилась
Старик ползком подпалзывал
И тихо говорил:
Прости! прости невестушка!
Да на сердце была еще
Гроза: «уйди! чего ты тут
Мешаешь...
Не то сама уйду...
Он уходил скорехонько

Варианты сводного текста

В.м. 1648—1652 Ночь в августе недолгая,
Крестьяне не заметили
Как заалел Восток;
Заметила хозяйюшка:
«Пора! пойдем, молодчики, —
Берите ка серпы!»
Ушла... Мычат коровушки.
Кнутищем долгим хлопая,
Дудит в рожок пастух;
Из окон видны красные
Огни — уж печи топятся,
Дымок валит из труб,
Ворота растворяются,
Телеги запрягаются...
Вдохнули мужики,
Порядки деревенские
Припомнили ребятушки
Пора бы нам домой!..
До завтрака работали,
Соснули после завтрака,
Работали опять...

Как звезды рассажалися
По небу темносинему,
Соплился у стогов,
Соплился и досказала <им>
Матрена Тимофеева
Свое житье-бытье...

Первоначальная редакция ст. вм. 1653—1739

1648—1652 *отсутствуют*

После 1652 а Нескоро я оправилась.
Крестьяне, сами знаете
Какая баба русская
Раз двадцать на веку
Неподходила к проруби,
Не думала повеситься?
Все было и со мной!..

б Справляла по младенчику
Тихонько подарила я
Три новины попу.

Вм. 1718 Пеняла я, не думала,
Что скоро будет некому
И попенять. В посту
В великом умер батюшка.
А на Петровки матушка
С ним рядышком легла...

После 1731 а — Молюсь, молюсь, Матренушка!
Молюсь за нищих, любящих
За все священство русское
И за царя молюсь.

Еще молюсь Матренушка
б В Песочном жизнь во спасенье,
Да я ушел... соскучился...
Пора мне умирать!
Молюсь я тут, Матренушка,
За Дему неповинного

Отдельные наброски на обложке главы «Волчица»

После 1786 Потом опять безгрозные
Прошли четыре годика
Исполнилось Филипушке
Сыночку восемь лет.
Его в подпаски отдали.

Чу! стадо возвращается
 Загнала я коровушек
 Иду встречать сынка.
 Однажды жду — пожду его, —
 Скотинка уж пригналася, —

Продолжение вариантов сводного текста

- Вм. 1870—1871** Ни с места, — где бы бросилась,
 Сидит как пригвожденная,
 Стучит зубами белыми
 Льет с языка вода.
- Вм. 1878—1882 а** Взглянул я на овцу
 Мертвехонька! Я матушка
 Волчиде овцу мертвую
- б** Овца была уж мертвая —
 Я бросил ей овцу!..
- Вм. 1920** Сам староста обвиненный
 Исполнял повеленное
 Хлестал да приговаривал:
 «Ты женщина почтенная,
 Мать пятерых детей!»
- После 1932** Как муж пришел, укланяла:
 Возьми его с собой!
- Вм. 1933—1935 а** Так наострился в Питере, —
 Уж двадцать лет теперь ему, —
 Что планы сам чертит!
- б** Так наострился в Питере, —
 На фабрике Алферова
 Такую башню вывели
 С родителем, что страсть!
 День девьской моя печальница!
- 1969**
1971 *отсутствует*
- Вм. 1979—2011 а** Пришла зима — тяжелая:
 В ту зиму по губернии
 Рекрутский шел набор.
- б** Пришла осень поздняя,
 Работы поубавилось,
 Так долго провозилась я
 С кручинушкой тогда
 Однако я неплакала
 При людях, улыбалась я,

- Топитья я недумала,
Как в прежние года.
Мать от детей не топится
Я женщина почтенная
Как староста сказал.
А с мужем порешили мы,
Что он весной Филипушку
С собою уведет.
Та зимушка тяжелая
Была: по всей губернии
Рекрутский был набор.
Уж ужин на столе.
Пришел да об пол шапочку:
«Где видано, где слыхано —
Второго сына сдай!»
2047—2048 Дойти до губернатора,
Да так и пустят... жди!
После 2056 а Лежу... плаю... думаю...
Довольно я помучилась
А самой муки мученской
Не знала я пока.
Ах! нет беды кручиннее
Как жизнь безмужней матери,
И нет детей несчастнее
Солдаткиных детей!..
Придет зима бессменная...
Грозна зима: попрятались
Поля, луга под белой снег
На белом, снежном саване
Ни талой нет талиночки,
А у солдатки-матери
Во всем миру ни друга нет
Ни роднинькой души!
б Лежу... плаю... думаю
С кем думушку подумати?
С кем словом перемолвиться?
Все сердце изоржавеет
С кем горе разделить?
Вм. 2089—2101 Снарядила деток по миру,
Наказала строго-на-строго:
Вы просите, дети, ласкою,
Воровать ни-ни!

Отвечают детки малые:
На дворе то холоднехонько
Буйный ветер рвет родимай
Шапку с головы

Ноги резвые притопчутся
Целый божий день ступаючи
Со ступеньки на ступенечку
На крыльцо с крыльца

Кабы знала ты да ведала
Каково ходить-то по миру.
У богатого крестьянина
Боязно просить

«Бог подаст!» ответят бедные
У калиточки потоцнемся
Да ни с чем домой воротимся
Будешь нас бранить!

Глава VII «Губернаторша» и глава VIII «Бабыя
притча»

(Стр. 294 и 303)

Первая редакция начала — на обложке гл. «Губернаторша»

После 1220 Против Деминой могилушки
Против белой церкви божей
На колени стала я
Владычица
Будь заступница моя!

Очисти мать божия
До города дороженьку
Веди меня владычица
В чертоги непреступные
Земного Судии

Своей нетленной ризою
Покрой меня владычица
в город введи

Перед судью поставь меня
Вложи в уста несмелые

Слова неотразимые
Вложи в уста мои

Смягчи его Владычица...

Я молилась, лбом касалась
Белоснежного ковра, —
Сердце <крепло?>, освежалось
После 2258 Под городом тянулася
Обозы деревянные
Дровишки, лев, пенька
Высокие-высокие
Воза сенда крестьянского
Лошадка тянет — тужится
А мужики пешком!

Пропла рекою, берегом
Вм.2275—2277 Я знала губер<ватор>ский
Высокий дом с колоннами
Выходит на реку

Телята, куры, свиньи с пометкою на спине

И тут уж я не помнила
Что говорила делала
Унала
Всю режет как пожом
Родильные
Потуги начались

Наброски на обложке главы «Демушка».

Хорошо было тогда на сердце
Я добра была я горда была

Как завидели, в поги бросились
Поклонился мне свекор-батюшка
Поклонилась и свекровушка
Семь лет прошло

Смерть матери История с ребенком
Бывали грозы долг<ие>
И счастье на миг
Муж придет и т. д.
Уродится, что она любила

(на обороте:)

Что делать? Покорила я
Сварливую, бранчивую

Покуда губернаторша
Жива была: ходила я
К ней с сыном каждый год
Подарки получала я,
И если зверь начальникек
Припрет кого, — бегу я к ней:
Случалось выручать!

А я как покорилася
Самой потом слюбилося
Что скажет Тимофеевна
Тому и быть
Как повели порядочно
Дом начал богатеть

Варианты сводного текста

- 2204—2206 Через деревню сонную
Мне чудилось, что гонится
Свекровушка за мной.
В.м. 2268—2271 С посада подгородного
Пешком торговцы мелкие
С своим товаром шли:
Кто гуся нес подмышкою,
Кто телочку поеную
На кушаке волок
2278 Пред домом губернатора
В.м. 2279—2283 Похаживал солдат
Спросила я солдатика:
Как долго спит начальникек?
— Часов до девяти,
Да ты ступай голубушка
2284 *отсутствует*
2287 а На лестнице швейцар.
б Особый чин: швейцар.
После 2290 Я рублик приготовила
До двери доступилась я
Парадной—заперта
На окна поглядела я
Завешаны... «В котором-то
Твоя опочиваленка?
Ты сладко ль спишь желанный мой
Какие видишь сны?..»

- Вдохнула я задумалась
И тут я помолилася:
«Введи меня Владычица
В хоромы недоступные
Земного судии!
Дай смелости, дай разуму
И слово ненапрасное
Вложи в уста мои!»
- 2295 Два тощие фонарика
В.м. 2303 Да так и быть — попробую
Толкнись-ка ты, сердечная.
- После 2308 *начать*: «Устала я... замучилась
Верст тридцать шла... родименькой
Нельзя ли поскорей!»
Эге! о чем взмолилася
Ты знаешь ли
- 2316—2332 *отсутствуют*
После 2352 Верст тридцать я тащилася
— Да ты никак беременна?
Поди ты, отдохни!
— Куда ийти? Нездешняя!
Дождусь и тут... Ох, господи!
- В.м. 2360—2368 а Темна, черна... Кровать его.
Да стол да печь железная
А на столе горящая
Свеча да самовар¹
По всей стене картиночки
«Не он ли?» Показала я
На генерала дюжего
При ленте, со звездой.
Он самой!
- б Которой он? спросила я,
А вот! Он указал
На генерала дюжего
С семью звездами с лентою.
- 2365—2368 а «Вот он! сказал старинушка
На генерала бравого
С звездами показал
- б «Вот он!» сказал Макар:

---

¹ *Поправка*: На столике закусочка
Шандал и самовар...

- И генерала бравого
 Огарком осветил.
 Звездами грудь увешена
 — Да добрый ли? спросила я.
 Задумался Макар —
- 2379 а Я тридцать лет борюсь!
 б Я двадцать лет борюсь...
- После 2390 а Я был дворовый из-стари,
 Сначала легкомысленной, —
 Потом за ум взялся
 б — Хоть умирай!.. Да стоек я!
 Мягка перина чортова
 Да как с нее вставать!
 а Дворовой легкомысленной
 Я был, как все <нрзб>
 Пока мы плотно с барином
 Не сели на мели, —
 Доходы, награждение
 Почет — одних сановников
 Что вижу каждый день, —
 Как не бороться, милая!»
- 2463—2503 Как шумят — бегут воды вешние,
 Как поет звенит жавороночек!
 Поглядим за ним в небо синее
 Поглядим потом и друг на друга
 Усмехнется муж, а ребеночек
 Ручки белые тянет — просится,
 Чтобы матушка приголубила...
 В дом влетела я сизым голубем,
 Сизым голубем, добрым вестником...

Варианты наборной рукописи «Крестьянка» — ИЛИ

- После 16 *вставка, начатая на полях, зачеркнутая, частично
 в иной редакции восстановленная и снова зачеркнутая*

{Был август. Поговорочка
 Сложилась: август каторга
 Да после будет рай
 Не даром на Руси
 Три дела у крестьянина,
 Одно другого спешнее

- Жать сеять и пахать¹
Да дело наших страпников
Давпо уж незаботило,
Идут, жуют горох
Неселяной некупленной]
Вм. 35 Так страпники гуторили
И шли, как дети радостны
Горды как победители,
Вм. 37—38 «Пшеница — бог бы с ней...»
Вм. 42 «А рожь! послал бы Господи
Такую рожь крестьянину
Всегда...» (Не налюбуются
Вм. 72—86 Тоска взяла их. «Где же тут
Ты приютилось, счастье?»
А вот хороший дом!
Просторный, чистой, новенькой.
«Должно быть губернаторшин»
Подумали они.
Спросить бы, да пустехонько
Селенье, — раньше вечера
С работы не придут.
Пройдя село, увидели
На горке дом помещичий:
«Пойдем пока глядеть»
243—298 Здоровая и плотная
Лет сорока пяти.
Сурова; волос с проседью,
Глаза большие ясные,
Ресницы богатейшие,
Пряма и высока.
До 418 Природой я нездешняя,
Я из деревни Сябрицы,
Отсюда тридцать верст.
Вм. 625—642 Песня старая
Невеселая
Про сердитого
Свекра-батюшку
Про свекровушку,
Про золовушку.
ниже на полях зачеркнуто:
Крестьяне, ради случаю,

---

¹ Паши и сей, и жни!..

- Еще по чарке выпили
 И стали уговаривать
 Хозяйку — спой да спой!
 В.м. 670—671 Сварливая, бранчивая
 Ну, сами понимаете
 Какой тут ад пошел.
 — В семье чужой, неласковой
 Снохе не жизнь, а каторга,
 Сказали мужики.
- В.м. 672—709 *(после ст. 747) первоначально было (до переноса частей) в ранней редакции:*
 — Ну женщины!
 — С такими-то
 Змеями подколодными
 Весь век я прожила
 В работу муж отправился
 Еще тошней! хоть волком вой
 Любить-голубить некому,
 А есть кому журить¹
- В.м. 680—685 На старшую золовущку
 На Марфу-богомлицу
 И мой и шей: ей некогда
 [За дочкой приглядывай]
 За стариком приглядывай
 Чуть плохо положила что
 Гляди — стащил в кабак
- В.м. 689—691 В великой четверток
 Так нахлестала вереском *
 Подтелка малосильного,
 Что ноги протянул!
- После 690 Я Богу не противница
 С обычаем не спорщица,
 Сама я в Рождество
 Не стапу шить; Филипушке
 Плеть не позволю лапотка **

¹ а А есть кому терзать.

б А есть кому пилить.

* Примета: в великий четверток скотину хлещут вереском, чтоб нелягалась. (Даль. Посл., 1006 стр.)

** Примета: на Рождество лапти плести — родится кривой; шить — родится слепой.

- Чтоб куры были ноские
На Семиона Столбника
Из рукава из правого
Гречихой их кормлю
- Э.и. 1764 а *начаты*: То добрый был: советовал
Семье не пить, не ссориться,
Работать
- б *начаты*: То добрый был, сговорчивой
Предсказывал конец
Крестьянскому страданию,
Неволе, недоумию:
«По селам для учения
Заводы заведут,
Бог даст царя хорошего,
А царь — начальство доброе!»
-

Пришла в больницу женщина
И говорит: я чувствую
Мне скоро умирать
Вы <дайте> мне <постелишку>
Чтоб
Да не было у женщины
В больницу дозволения
Неприняли ее
Пошла, присела бедная
У Сдвиженья на паперти
Да тут и умерла
Тогда ее доставили
В больницу эту самую

Ходила я
Как лошадь в бороне
Голод
Брат брату не уламывал хлеба

По селам для учения
Заводы завели

Народ живет в дурачестве
И в недоумьи.

Простейшею премудростью
Довольствуйся

Медленно
Товарный поезд тянется
Как по листу широкому
Суставчатый червяк

Пески <рудожелтые?>
Узда тесмяная
Сукно тонко <тканое>
Дери — только оставляй на семена
А ты бей челом
Не в колокол ударили
Ударил грозен батюшка
Со сватом по рукам
Глядит как чорт на попа
Вся красота небесная

Ослабленные голодом
Дворовые медлительпо
Ползли из флигелей,
Кто с детской кроваткою,
Кто с узелком, кто с зеркальцем,
Идет, идет — посмотрится:
Мужчина хоть куда!
Где женщины с ребятами
Расположились лагерем,
Там пошу с плечь долой
И — отдохнув — за новою...
А что же вы нетушите?
Спросили мужики

То был пожар особенный:
Ведро воды невылито
Никем на весь пожар!

Уж солнце скрылось за лесом
Ночь тихая готовилась
Сойти на божий мир.

а И было так безветренно
Как свечка в комнате
Спокойным ровным пламенем
Горел господский дом

б И было так безветренно,
Что дым над этим зданием
Стоял прямым столбом

[Сошлись как в театр]
Глядите башня рухнула
Сколько раз с нее в подзорную
Трубу высматривал
Какая-то игривая
Усмешка чуть заметная
У каждого в очах

В.м. 2552

Спросили робко странники.
— Чего же вам еще?
— Всё, милые, покудова...
Пождите, дайте срок:
Как первая рекрутчина,
Так крестник губернаторшин
В солдаты угодит!..

За мужем за заступником
Я дешево отделалась
А женщину одну
Никак за то же самое
Убили на-смерть кольями...
С голодным не шути!..

В.м. 2507- 2518

Деверья мои, вся родня моя
И золовушки-колотовушки
Покорились все — поклонились...

Да поклоны их мне ненадобны...
Обнимаю я милых детушек
С муженьком на них не нарадуюсь
Небоюсь теперь я ни старосты
Ни свекровушки, ни золовушки:
Я непомню зла — и прощаю всех!..
Вы садитесь-ка други-сродники
Вы послушайте что скажу я вам?
Ничему то я непричастна тут
Кто сильнее меня, кто добрей меня
Тому кланяться, тому славу петь
Чуть что, ко мне соседушки
Спасай Матрена выручи.
Случалось выручать
Да нашу губернаторшу
Елену Александровну
В Казань перевели.
Что дальше? Покаталася
Семья на мне достаточно,
Теперь бы мой черед
Да я не в них! Радехонька,
Что изо-рта у детушек
Не рвут теперь куска.
Большухой в доме стала я,
Вес дом веду. Работаю,
Рощу детей... да думаю
На радость ли рощу?..
На дно морей спускалися
Под небо подымалися,
Всё нет ключей! Весь мир
В веригах изошли они
Измеряли, изведали,
Искали... нет ключей

В.м. 2535—2537

В.м. 2619

В.м. 2621—2627

ПОСЛЕДЫШ

(Стр. 307)

Отдельные наброски ИЛИ
Тогда спросили странники
У мужика косившего
Какой то был старик
— А барин наш Шалашников

Да что же он куражится
Теперь порядки новые
Старик ты видишь немощной
Когда про положение
Услышал ошалел
Не ест не пьет печалится
Стал колотить поругивать
Бог весть что замышлял!
Того гляди удавится...
Тут дети делать нечего
Соврали старику,
Что все опять обладилось
Что царь простил помещ^{иков}
Ту волю отменил!
Повеселел Колпаш^{ников}
Ни разуму, ни памяти
Ребевок человек!
Пошел опять хозяйничать
Чужой посев досматривать
В чужих посевах ^{нрзб}
Порядки соблюдать
Бывает, расфуфырится
Как нынче, сами видели —
Кричит: лентяи, пьяницы
Я всех перепорю!
Что поле плохо вспахано
Что сено мало скошено
(А поле то крестьянское
А сено — не его!)
Стоишь молчком, потупишься
А мужики затейвики
Те кланяться начнут
Кормилец наш негневайся!
Ты наше красно солнышко
Волен казнить и миловать
А мы твои рабы!..
Стоишь перед помещиком
Ладонью закрываешься
А хохотуньи глупые
Бабенки, девки дальние
Как прыснут! Ничего —

Корней взяли под руки
Четыре парня дюжие

Сегодня поработали
Ребята вы порядочно
Ужо вам поднесу
И поднесут старинушка
Привык! Ему не вынести
Порядки эти новые
Пускай его куражится
Недолго проживет.

Лакей постлал ковер
Два молодые барина
Из экипажа вынули
Седое старика
В руках дубина плотная,
Очки большие синие
И зонтик на глазах
Весь белой, дряхлой, маленкой
По полю сенокосному
Идет помещик, вожжами
Дрягает, опирается
На молодых господ
За ним с большою веткою
Идет девочка босая
Обмахивает мух...
А молодая барыня
С своим красивым барином
За девочкой идут...

Все поле сенокосное
Помещик обошел
Помахивал дубинкою
Покрикивал, поругивал
Рабочих дряблым голосом
Стояли непокрытые
Без шапок мужики...

Присели наши странники
У стога отдохнуть
Еще роса не высохла
Еще косил парод
Красивые и ровные
Размахи сенокосные
Сверканье быстрых кос
И шум травы подрезанной
И звук косы

Варианты ОЗ

16—18	<i>отсутствуют</i>
30	По прежнему как статуя
50	Трава легонько дрогнула
76	— Откуда вы, почтенные?
641	Распятыми коровами,
664—665	Пять раз на дню на барской двор, Кто с пряжей, кто с полотнами:
991—994	<i>отсутствуют</i>

ПИР НА ВЕСЬ МИР

(Стр. 343)

Рукописи ИЛИ

Первоначальные наброски

Заголовок: Кому на Руси жить хорошо. Глава II. Кто на Руси всех грешней. — Кто всех святей. — Легенды о крепостном праве. —

Где девок дожидаются
Парнишки женихи ¹

Первей всего: поспорили
Как им луга поемные
Делить, — «мы просто запросто
Не будем их делить

---

¹ а Где сходкою сменяется
Веселый хоровод,
б Парнишки по почам.

В рассказах о помещиках
Вся ночь прошла, заспорили ¹
О том кто всех грешней?
Один сказал разбойники
Другой сказал помещики
А третий мужики
Нет на Руси счастливого
Напрасно вы измучитесь. —
Да и не может быть!
— Да почему же миленькой
А потому

На следующем листе:

Вдоль <нашлялись?> и босы и голы вы
Эй подымайте победные головы

В ноги помещику стучался
Буйной своей головой —
Да по субботам аукался
С барской конюшни с семьей

Нынче — крестьянин оброчный
Завтра холоп беспорочный
А после завтра солдат

Русый с нежными чертами
Молодой семинарист

Верчены кручены
Сечены мучены

на обороте:

Однако же по времени
У них свои вахлацкие
Про долю горемычную

---

¹ Незавершенная правка: И тут они за спорили

- Вм. 8 Где сходкою сменяется
Девичий хоровод,
После 61 а Крестьяне плант составили,
б Первей всего затеяли
Спор, как делить луга.
в Первей всего заспорили
О том как их делить...
Поспорив согласились
Отдать луга поемные
В распоряжение старосты
Чтоб ими покрывал
И подать государеву
И земские повинности,
А вотчину не тронь!
Ни-ни! Что заработаем
Всё наше.

- После 75 а Там мужики не плачутся
Лес рубится на подати,
А заработок — в дом!
И вахлаки такое же
Поставили решение
Им до поры до времени
Вольготно
б Там до поры до времени
Не подходи к крестьянину
Начальство оборвет!
Один ответ, чуть староста
Заговорит про подати:
«А ты леску продай!»

46—66 вписаны — вставка на отдельном листе

После ст. 45 в рукописи зачеркнуты наброски:

- После 86 а А все, что заработаем,
Все наше
б А коли подать справлена
[Так нам и думать не о чем]
Так нам и чорт не брат
в А коли подать справлена
Я никому не здравствую
Охота есть работаю
Хочу валяюсь с бабою

После 80

[Хочу иду — работаю]
Хочу иду в кабак!»
И вахлаки надумали
Свои луга поемные
— На подать повернуть...
Напрасно рассудительный
Изверившийся Влас
Кричал: сначала надобно
За нами окончательно
Угоду закрепить
А то беды не вышло бы,
Мы на луга положимся
Прощем гроши последние
А там глядишь: отказ!
— И влопались по макушки
Неслед делиться шкурою
Медведя не убив!»
— Не каркай! дело верное
На подати! на подати
Луга — и весь тут сказ
Повинность дело главное,
Коли повинность справлена,
Мужик теперь — что царь!
Пей! братцы пей» С рождения
Такой широкой радости
Незнали вахлаки.
Им было детски весело,
Они боролись прыгали
У каждого в груди
Играло чувство новое
Как будто выносила их
Какая-то могучая
Здоровая волна
Из темной душевной пропасти
На свет ... где беспечальное
Готово житие!
«Пей други!» развязались
Вдруг языки крестьянские
Так и беседа долгая
За чарочкой, под ивою
Сама собой сложилася

Вм. 137—148

155—157

Вся речь: нужда крестьянская
Коровушки да курочки
Да лапоть. А теперь
Дались им наши странники
«Жаль даром вы шатаетесь
Советуют, трунят...
«Нет на Руси счастливого!»
— А почему да больно уж
Сердечная грешна...
— Чай не грешней помещика!
Ну нет сказал осанистый
К той волости приписанный .
Барона Синегузила
Дворовый человек

Поминки вышли знатные
Тут были люди разные,
Тут кроме вахлаков
Сидели наши странники
Дьячок села соседнего
С двумя семинаристами,
Дворовый человек,
Да богомольцев несколько
Да нищенка убогая,
— В сторонке поместилася
Бормочет что-то, крестится,
Кусочек свой жует.

175—182

Детки сыты кашей,
Просят молочка!
«Нет коровки вашей,
Нет уж и бычка:
Барин для приплоду
Скот угнал домой
Плохо жить народу
На Руси святой...

После 266 а

Исправник дело плевое
Не обедняем с курочки
Бог милостив! Поправимся!
Прослушав песню молную

Кричали вахлаки
 Нет спору: песня верпал
 А есть и слово лишнее:
 Не след мужицкой курицей
 Начальство попрекать!
 Да где ж и взять исправ<ни>ку?
 Не обеднеем с курочки,
 Коровы не тащи!
 Не тронь жены и дочери
 Не тронь мальчешка нашего
 В шокое нас оставь!
 Пей, други! пей поправимся!
 Подрезал царь помещика
 Под самый корешок
 Эй други! грянь Пахомушку!
 Запели вахлаки

Далее следует песня «Пахомушка», воспроизведенная в настоящем томе на стр. 414

б [У нас такой нет песенки
 Сказали наши странники,
 А есть одна похожая,
 Про мужика Пахомушку
 Ее к нам барин-странничек
 Занес: его отправили
 Потом в Москву с жандармами —
 Недолго погулял!

Запели наши странники
 И хором подтянули им
 Дьячок с семинаристами
 Да два-три вахлака]

После этого двенадцатистишия была переставлена песня «Пахомушка»; потом, когда все это место было зачеркнуто, песня «Пахомушка» осталась на прежнем месте.

Вм.207—210   За первой песней грянула
 Другая: задушевнее,
 Грустней была она
 И так народ настроила
 Что много песен вспомнилось —

После 216

— Рекою полились.
Всё песни не веселые,
Всё песни подневольные,
Других в ту пору не было
Да и до ныне нет!
Веселая, беспечная
Как солнце загорается
На божьем небе утреннем
Тепло животворящее
И радость принося?
Не дивно ли? не страшно ли?
Придут, придут, бог милостив! —

— Другие времена
Другие песни сложатся
И будут в них не жалобы
На долю подневольную
Не рабская тоска
А радость воссмеявшейся
Души народа русского
Из мрака и уныния
Воспрянувшей души!
Пока за неимением
Животворящей песенки
Которой не успел еще
Сложить за недосугами
Народ, споем «оброчную»
И «барщинную» — горькую,
Как барщина сама.

В.м. 238—281

Потом пошли истории
Недавнего прошедшего
О господах помещиках
И верных их рабах;
Про дворню, про рекрутчину,
Особенно про «барыню»,
Не мало страшноватого,
Забавного и горького
Припомнили они.

В.м. 282—285

«У нас была оказия»
Шляпенку с позументами
Подкинувши ногой,
Сказал детина стриженой,
С большими бакенбардами:

— Так нет ее чудней!»

Вм. 314 Богат: что в брюхе — хлебушка,
Одежи — что на нем,
Детишек тьма. Не пьяница
И умница. С три короба
Рассказов у него

Вм. 318—320 Шляпенку с позументами
Надев, жилет обдернувши
Викентий Александрович
К рассказу приступил:

Варианты рассказа «Про холопа примерного — Якова зерного».

325—327 Был нелюдим, не дружился с дворянами
Только к сестре наезжал на часок,
С прочим семейством — не только с крестьянами
331 а Кровно обидел холопа примерного
б Только любил он холопа примерного
333 а Да и раскаялся горько потом...
б Да и того разобидел <потом?>...

336—337 Чем ему чаще пинки, наказания,
Тем его сердцу милей господа

После 338 [Пить не любил, не любил баловать,]

341 *вписан (ср. вычерк ст. после 338)*

346—349 *вписаны*

350—351 Барин смирененько лежит под халатом
Полной, румяной, а ноги ведет

Вм. 353—354 Зим<у> и лето вдвоем коротали,
Летом грибы они в прок отбирали,
В карты всю зиму играли они

363 *начат:* Девушка в дворне красотка была

После 376 *начаты:* Через неделю старик возвращается
Барину в ноги прости! —

380 *начат:* Руки дрожали лицо отекло

381 *начат:* Чуть не наделал я дела жестокого

382 Кто его будет к сестрице возить

384 Буду, бог милостив, буду служить

Вм. 393—398 *начаты:* Барин в долгуше, лежит беззаботно.
Мечется Яков на козлах: Тоска!

Спросит ли барин о чем — неохотно

Яков ответит — мутит старика

Вм. 404—408 а Версту другую — В овраге вода

Глуше всё глуше лесная трущоба
 Кони храпят, пробираясь <нрзб>
 Бледны и барин и раб его оба
 б Вешние воды бегут по оврагу
 Сосны вершинами глухо шумят...
 Тесно, убавили лошади шагу
 Стаи. Бубенчики тихо звенят.

Продолжение вариантов сводного текста

- 457   Один сказал разбойники .
 В.м. 499—538   И крепко поругались
                  Мужик с купцом. По счастью
                  Вступился в дело Ситников¹
                  Прохожий богомол.
 В.м. 559—567   То правда: часты случаи
                  Что богомол окажется
                  Ворishкой что у баб
                  Старушка, божья странница,
                  За просфоры афонские
                  Полотен, выманит,
                  А после обнаружится,
                  Что дальше Белозерского
                  Монастыря соседнего
                  Старуха не была.
 В.м. 591—598   . . . . . но те же странники
                  И в кружки монастырские
                  Как пчелы по копечке
                  Богатства нанесли.
                  Народ их нечуждается,
                  Им настеж дверь крестьянская
                  Всегда.
 В.м. 668—707   Жужжит веретено
                  А ухо чутко слушает
                  Под образами странничек
                  Неспешно говорит
                  Ребята свесив головы
                  С палатей словно замерли
                  Весь вечер нешелохнутся
                  Лежат на животах
                  Лиц не видать завешены

---

¹ Вступился в дело Ляпушкин

Спустившимися прядями
Волос — не нужно сказывать
Что желтые ови
Так что изба становится
В той стороне похожею
На то окно цирюльвика
В котором выставляются
В соблазн плешивой братии
Накладки парики...
Там только вздохи слышатся
Да восклицанья ужаса
Да дружный смех порой...

А странник заливается
Не много надо мудрости
Занять семью крестьянскую
Так жадно их внимание
Так смех и ужас искренен
Что странник сам дивуется
Откуда слово меткое
Берется

На этом кончается связный текст; далее записано несколько отдельных набросков:

Кто поглядит с любовью
Неполенится вдуматься
В житье-бытье крестьянское
До самого до дна
Поймет, что ни заботою
Насущной, ни страданием
Ни даже кабаком

Он жадно ловит новости
Он рад крохой последнею
Делиться с тем

У русского крестьянина
Земелька небогатая
В обычае распахивать
Бугры лесные
На тех площадках хлебушко
Свят человек   Никитушка

{Тоже} подсыланные высмотреть
Недобрыми людьми
Смотришь пошла лошадь
Пропала или другая кража
Случается, но нет сомненья
Что ими тоже вкладываются
Те бесчисленные копейки
Из коих составляются
Богатства монастырские
В чужую душу не заглянешь
Народ относится хорошо

Схимник честной Никодим

Было то время далекое
Жил человек удалой
Маялся, маялся с пашнею
Да и ударил в разбой

На полях запись:

Высмотрит богомольную барыню
втерся туда, <нрзб> пере-
портит <барышень>
Тут вахлаки, тут Гратисов
Дьячок, с семинаристами
Два рослых молодца
Тут к волости приписанный
Дворовый человек
Тут люди мимоезжие
До города соседнего,
Знакомцы вахлаков.

---

a Народу прибавляется
[Пришел на запах пенного
Дьячок Емеля Гратисов
С двумя семинаристами
(Высокие в отца)]

б Дьячок Данило Гратисов
С двумя семинаристами
Под иву угодил.

Сшила матушка?
Кафтан на праздник мальчику
Кафтан хорош да полы то
Узеньки — <2 нрзб>
Никак не запахлет

Обидчив, значит чувствует
Свободу настоящую
И вахлак<и> надумали
Почувствовать ее —

Уж вышло Положение
Влас думает: отменится
Усадьбу баре бросили
Влас думает: воротятся
Нейдут сгонять на барщину
Влас думает: придут
Такого в душу холоду
Жизнь долгая и трудная
Нагнала мужику
Что перестал печалиться
И радоваться Влас

Тотчас же за селением
Текла река Усобица
За той рекой Усобицей
Был городок Алтын
(Сказать точнее: города
Тут никакого не было
А были только остовы
Трех каменных домов,

Да балки обгорелые
Да пепел. У Алтыновцев
Недавно был пожар)
Была на утро ярмонка
В Алтыне: поджидаячи
Парома, мимоезжпе
Подстали к вахлакам.
Алтын сгорел третьеводни
И чудо ль? весь из дерева
Один острог был каменный
Тот уцелел — стоит

Перед 175 написано заглавиё: Веселая

175 а *начат: Подавились кашей*

б Стратиплатка с Яшей

в Мать не сладит с Яшей

После 207 Дьячкова песня модная
Крестьянство подзадорила
За ней другая грянула
И третья... Стоит русскому
Распеться — не уймешь!

После 223 название песни «Калина» заменено первоначально заглавием «Оброчная», потом «Барщинная»; песня отмечена цифрой 1.

После 240 А вахлаки бахвалились:
По человеку — песенка,
По песне — человек
Мы барщинные миленькой
За нами не тянись!
Нас палками солеными
Кормили, а на хлеб
Мы градом слезы сыпали
Где вам до нас... Послушай ко...
Пошли рассказы чудные

По коновальской должности
Всё в рот да в рот! Баранов-то
Одних что обрабатает»
Смеются мужики...

После 590 [Глядишь лицо широкое

- Как месяц нагулял]
 В.м. 607—610 Знаком старик Кропильников,
 Раскольник (непомешанный —
 Так сила-человек!
 608 (По слухам поп раскольниковичий!)
 В.м. 609 Раскольниковичий пророк!)
 626 Эй образумьтесь пропавшие головы
 После 629 [Правды в судилище свету в ношл
 В мире добра не ищи!]
 630 Крестились Недосо<ло>вцы
 632—633 *отсутствуют*
 639—643 Пришел в село соседнее
 Усатый генерал
 Пошли допросы, следствие
 Досталось и Усоловцам...
 В.м. 646—648 а Знакома Серафимушка
 б Крестьянами любимая,
 Знакома им Настасьюшка,
 Мещанская вдова
 652 Хоронит мертвых, возится
 В.м. 655—657 *начать:*
 а Убогой, странной, хворинькой
 Ты смело в дверь крестьянина
 Стучись
 б Стучись же гость неведомый
 Кто б ни был ты — убогой ли
 Застыгнутый ли бурей,
 Гонимый ли бедой,
 В окошко деревенское

Далее зачеркнута прозаическая запись—план эпизода, осуществленного выше в виде вставки стихов в.м. 607—645: Еще старик, говорящий правду всем — и начальству. Его везут в острог, он и тут не сдаётся; крестьяне поражены но сами же снаряжают подводу. Речи старика: близко пришествие Антихриста; исправник и пр. слуги его, фарисеи и мытари

- После 672 Блестит кваском примочена
 Победная головушка
 После 722 [Так лечит врач недужного
 Пока в нем неостанется
 Ни силы для движения,
 Ни мяса на костях.]

- Вм. 730—732 *a* *начаты*: Пути народу русскому
Покаместь не заказаны
Ни к свету, ни к добру
- 6 Еще народу русскому
Пределы не поставлены, .
Жива и восприимчива
Народная душа.
- 783 *начат*: Вдруг атаман заскучал
- 785 *a* Днем с Милозорой цалуется,
6 Днем любовался красавицей,
786 Ночью набеги творит
- 787—788 *a* Тучи меж тем надвигаются
Гром недалеко гремит...
6 Чаша меж тем преполняется
Бог сердцеведец не спит!..»
- 789—790 Стали являться разбойнику
Души погубленных им
- 793—796 Долго противился господу
Головорез-человек
В гневе казнил полюбовницу
Двух есаулов засек
- 802—804 *a* К гробу господню пошел
Долго молился и странствовал
Много пути изошел
6 К гробу господню пошел
Долго молился и каялся
Силушки много извел
- 805—808 *a* Старцем вернулся на родину,
Выстроил келью, живет
В том же лесу где разбойничал,
Легче ему не стает...
6 Старцем вернулся на родину
Ел толокно и кору
Жил под навесом старейшего
Дуба в дремучем бору
- 809—810 Молит отшельник всевышнего
Молится старец: «Прости
- 811 *a* Что повелишь — всё соделаю
6 Что ни укажешь — всё сделаю
- 812 Только грехи отпусти
- 820 Срежь его — молвил святой
- 823 Вместе с подкошенным деревом

- 830 Режет старик келиот
 832 Тихо работа вперед
 833—836 *описаны*
 841 Глянул: и папа соседнего
 843—844 За притеснителя страшного
 Слывшего в той стороне
 848 *a* Горе свое рассказал
б Всю ему жизнь рассказал
 849—850 *a* *начато*: Пан его выслушал с хохотом
б Пан засмеялся... Не верю я
 В бога и в чорта равно
в Пан засмеялся. Спасения
 Я не ищу уж давно
 852 Славу любовь и вино!..
 853—856 *a* В мир воротись жизнью пользуйся
 Радость веселие славь
 Каляться — черни несмысленной
 И дуракам предоставь!
б Жить надо старче по моему
 Глухие бредни оставь
 Каляться — черни несмысленной
 И дуракам предоставь!
 861—862 Только что тело скатилось
 На земь, сорвавши седло
 865—868 Ожил старик: прегрешения
 Пали с души наконец
 Слава творцу вездесущему
 Слава! а притче конец...
 В.м. 881—889 Колеса мажет. Слышалось
 В ней курица курлыккала
 С телеги свесив голову
 Теленок там подрагивал
 Да были за телегою
 Две коровенки тощие
 Привязаны: «Па-рром!»
 И прасол к Волге двинулся
 В.м. 891—893 Мелькала тень коровушек
 Дуги, телеги, прасола
 Высоко восседавшего
 На светлой полосе...
 После 893 «Не любит!» Клим вскричал ему
 — Не любит! отозвалось

- По всей честной компании
 На разные лады
 В.м. 900—906 Страшнее нет греха
 Сказал Игнатий Прохоров
 Однажды уж охальный.
 Клим плюнул. — Ну рассказывай
 Какой же грех такой?..
- 907 Генерал вдовец по морям ходил
 913—920 В той ли волчине припеваючи
 Генерал вдовец, устарев живет
 И зовет к себе умираючи
 Глеба старосту (не мужик — купец!)¹
 «Вот шкатулочка — в ней сокровище
 Завещание — сохраняется.
 Восемь тысяч душ на свободушку
 Завещанием отпускается»²
- 929—932 Восемь тысяч душ — до младенчика
 В чреве матери — закрепил злодей
 Словно тать в ночи выкрал волюшку
 Кто же всех грешней? Чей же грех страшней?..
- 938 Зловещим громким голосом
 После 942 [Ой! господи! ой, господи!]
 944—951 *отсутствуют*
- В.м. 952—957 И впрямь незнать крестьянину
 Покоя, вечно маяться!
 Смугнулись вахлаки
 Опять им дума думалась
 Привычная: мы нищие,
 После 954 Всё те же люди двигались
 Да уж не та походочка
 Не те — и голоса!
 Как будто люди гордые
 Ушли, остались робкие
 С попурой головой,
 После 973 Гордись Игнатий Прохоров
 Спугнул ты гостью редкую
 Веселость мужика!
 Спугнуть ее что <нрзб>
 Что пену с браги сдуть!

¹ Глеба старосту — и с ним речь ведет

² Завещанием сохраняется

Хорошее не думалось
Гнусь скука лезла в голову

Отрывки первоначальной редакции «Голодной».

Пришла беда
Незвала
Дозрей, досней

Но буду жать
Косой снесу,
На мельницу
В снопах свезу

Никто как бог!
Смолот муки
Скорее хлеб
Жена пеки!

По лавкам хлеб
Подушками
Уставлен стол
Ватрушками

Поет мужик
Без голоса
А ходит дрожь
По волосу.

На том же листе:

Ж е н а

Жена к реке
А муж за ней
Куда бежишь
Белье стирать
Белье стирать
А где оно.
Утонишься
А детки-то....

М у ж

В руке топор
В другой вожика
— Куда идешь.
— Тебе на что. —

Глядит жена
И в ноженки:
Голубчик муж!
Не вешайся!

- В.м.1017—1024 Поют они без голосу
А слушать — дрожь по волосу
Сказали наши странники
Их слушать — есть захочется
Сказал Игнатий Прохоров
Сходил к возам за сайкою —
Жует. И впрямь не голосом
- В.м. 1033 Движенья их (Покойника
Так в гроб кладут
- 1041 — Хошь водки? «Благодарствуйте!
- В.м.1042—1044 Скажите, что случилось?
Давно ли были веселы —
Теперь хоть в гроб клади!»
Ответа Грише не дали,
Однако насторожились
- 1050 — Нет! что ты? бог хранил!
- 1051 — «Что ж вы носы повесили,
- После 1053 — Не каркай! бог с тобой!
— Вы сами-то некаркайте!
Ничто не изменилось...
- После 1055 Качнувшись, как очнувшийся
С просонок человек...
- 1057 Затылки; хором вторили:
- 1059 *зачеркнуто*
- В.м. 1062 *списано:*
Пей вахлячки! погуливай
Не вешай головы.
- В.м.1064—1069 А Глеб-то?..»
Внятно, медленно
Пространно (Гриша знал уже
Как надо растолковывать

- Дела необыденные
 Тугому вахлаку)
 Григорий стал доказывать,
 Что вахлаки за всякого
 Пред богом не ответчики,
 Что «крепь» всему виной:
- 1081—1104 а *начаты:* Не все, однако многие
 Должно быть вразумилися
 Там слышны речи прежние
 Там голова победная
 По выше поднялась
 Клим Яковлев Игнатию
 Загнул опять: дурак же ты!
 б Ней поняли, ней плюнули
 На гнись тоску; по прежнему
 Пошла хвостя! Григорию
 Влас голову поглаживал,
 Любовно говорил:
 Дай бог тебе и серебра
 И золота! дай добрую
 Здоровую жену!¹
- 1107—1108 Чтоб земляки мои
 И все крестьянство русское
- 1109—1110 а Почаще были радостны.
 б Всегда так были радостны,
 Как нынешний денек!»

Далее — ст. 1114—1155 в следующей редакции:

Совсем светло. Подводчики
 Проснулись, снаряжаются
 Запахло дегтем. Нищие
 В повалку спят, за бревнами
 Храпом храпят. Клим Яковлев
 Прошелся между спящими
 И закричал: «Глядите-ко!
 И «Ухо» здесь! <нрзб>
 Как ты сюда попал?»
 Влас подошел <смирнеховько>

---

¹ *Три начаты:* Дай бог тебе в супружество
 Княгину именитую
 Дай серебра! дай золотца

Взглянул и с словом «Бей его!»
Ударил палкой спящего,
Тот на ноги вскочил
И к лесу! Эй ребяташки!
Кто побойчей за ним!»
Кто смотрит, кто отправился
В погонию... Наши странники
Тут ничего не поняли
Да трудно и пошить!

Четыре парня бросилось
В погонию. Крики «Бей его»
Народом повторяются
В лесу недалнем скрылися
И парни и беглец...
— Что за мужчина Власушка
За что его колотите
Пристали к Власу странники
Незнаю — нам наказано
Молва идет из Мискова
Отсюда верст за семьдесят
Что буде где покажется
Так били бы — и бьем...
Письмо прислать

Ранний набросок ст. после 1206:

Сначала Федосеевич
Райком да прибаутками
Кормился — и племянницу
Евлашеньку кормил
Москву да Кремль показывал
Да барин, воротившийся
Из чужедальных стран
Солдату посоветовал
Картинки чужестранные
Показывать... дал дюжину...
Тьфу!.. видел — согрешил!
Так что же? вместо прибыли
Отдули Федосееча
В Вежах в базарный день
Нехорошо ругается
Народ — созпаться надобно

А толков про зазорное
Не любит... на зазорные
Картинки неглядит
Стошнит его! куда ему!
По части разных пакостей
С французскими мамзелями
Далеко до господ!
С тех пор не <нрзб>
А ложечками кормится
Солдат. Народ простил ему
Не умирать же с голоду
Больному старику

А третья Матрена
Глядитко-ты: вона!
И кормит и водит
И спать укладет
Гоно — неуходит
Прибью — не ревет!..

— «Глядите-тко! Абрамыч-то!»
Воз с сеном приближается
Хозяин пить идет
С бессменной Настей спутницей
[Узнали мужики
Обрадовались
Солдат был балагур]

Обрадовались. — Спрыгни ка
Да выпей с нами чарочку
Да в ложечки ударь!
— Забраться-то забрался <я>
А как сойду — не ведаю
Весь захирел. — До города
Небось опять за леншей...

На полях зачеркнута записанная на белом первоначальная редакция ст. 1257—1265:

Солдат был хрупок на ноги
Нельзя сказать, чтоб доброе

Лицо имел, особенно
 Когда солдата крючило:
 Вся верхняя губа
 Ощерится, оскалится
 Худые зубы черные
 Глаза огнем засветятся
 Недобрым — чортом чорт!

Продолжение вариантов

- В.м.1198—1201 — «Глядите-тко! Кто едет-то!»
 1208 Красавица-племянница
 1209 а Пятнадцати годков
 б Опора старика
 В.м.1210—1221 Сперва с ней «панорамую»
вписаны: Кормился он: испортилась
 Купил служивый ложечки
 Другие прибауточки
 По времени сложил
 И ладно! Кормят ложечки
 Ему крестьяне пыльные
 В.м.1222—1223 Обрадовались! «Спрыгни ка!»
 В.м.1224—1225 Попой да поиграй
 1231 — Сгорел? Ну слава господу!
 1233—1235 *отсутствуют*
 В.м.1236—1240 а *начаты:* — Ты по чугунке тр<онешься>
 б В Москву — <да> по чугунке бы...
 Эх ты! чугунка-гнусь!
 Недолго послужила ты
 Народу всероссийскому!
 в — Ты по чугунке что ль?
 Чугунка, брат кусается!
 г — Ты по чугунке, что ль?
 — Пешком!.. Чугунка скорая
 Недолго послужила ты
 [Народу всероссийскому]
 После 1241 *вписан и зачеркнут:*
 [Чугунка скороходная]
 В.м.1264—1265 Солдата корчи злобили —
 Слово такое черное

- <Мазнет?> подчас. А добрый был:
 К нему ребята ластились —
 Верней приметы нет
После 1269 «Солдатская» отсутствует
После 1275 Пули авглинские
 Пули сардинские
После 1277 [Не раз<личал?> инвалид
 Что превосходней болит
 Русскую палку
 Обидеть так жалко]
 1286—1287 а У ворот замки
 Псы, рогатины
 б Чуть не приняли
 На рогатину.
 1292—1295 К мужикам пойду
 Под окошечки
 Стукну в ложечки
 Там хлеб соль найду
 1304 Полон рог табаком.
 1306 Нам обед припасен.
 1321 Как грабли на весу.
В.м. 1325—1326 «Орудуй Клим!» [(Всем ведомо)]
 Влас Клима недолюбливал
 А чуть делишко трудное
 Тотчас к нему: орудуй, Клим!
 Так было и теперь
В.м. 1329—1331 «Держи солдата под руку
 Да ласковой посматривай
 Шепнул ей, а служивому
 Сказал: держись прямей!
 Сам на воз — прыг! И громкую
 Народу речь сказал
 1340 Так та не так изранена

В.м. 1359—1374

К л и м

Был в 20 сражениях
 Стоял под Севастополем.
 За веру, за Атечество
 Шел на-смерть вперед!
 Какое в нашем городе

- Начальство? Поделом его
 Пожар загнал в острог
 Вершками раны меряли
 И оценили каждую
 Чуть чуть не в медный грош
 Слышал я: пристав следственный
 Бутримов, так оценивал
 Побой на подравшихся
 На рынке мужиках:
 «Над глазом рана круглая
 Величиной в двугривенной
 На шее пятна синие
 С подтеком по семишнику
 В середине лба пробойна
 В целковый. Итого
 На рубль пятнадцать с денежкой
 Побоев... Получай
 Равнять ли драку пьяную
 С войной под Севастополем
 Где господин служивенькой
 Шел впереди полка!
- Вм. 1383—1385 а Дойти... Там судьи правые
 Там дело разберут...
 Да не с чем в путь отправиться...»
- б Пешь до Москвы дотянется
 А там-то как? Чугунка-то
 Задаром несветет!
- 1386—1393 *описаны*
- 1386—1387 Ходит чугунка бесовская
 Ходит — свистит да дымит
- 1391—1393 Возит одних богачей
 Может и к лучшему — меньше кувыркает
 Бедных людей.
- Вм. 1394—1401 Спрыгнув, замолк Клим Яковлев
 Увидел, даром нечего
 Слова терять: уж двинулись
 Приезжие прохожие
 И тутошние жители
 Крестьяне, бабы, странники
 Гурьбою к старику
 По грошу по копейчке
 На блюда деревянные

Народ нанес служивому
Без гривны пять рублей...

После 1401

Зимой в далеком Питере
Нежданно наши странники
Наткнулись на служивого
С его бессменной спутницей
О нем и о Настасьюшке
Речь будет впереди.

*Далее рукопись разрознена — идут листы, переписанные на бело-
Вуткевич, с пражкой Некрасова. Связный текст начинается сти-
хом 1435*

Вм. 1448—1451 Ему еще 17 <семнадцати>

Годочков полных не было
А уж лицо усталое
Он худ и хрупок был
Виной тому не горюшко
Не трудное учение
А <голод недокармливал>

Вм. 1487—1490

Их экононом монах
Не видеть свету Белого
Ни Савве ни Григорию
Не будь щедра мякиною
Вахлацкая рука

Вм. 1551—1556

Еще заря чуть брежжится,
Еще конец страданию
Народному далек, —
Еще далеко солнышко,
Но ангел милосердия
Уже незримо носится
[Над русскою землей.]
Над бедными селеньями,
Соломою покрытыми,
И песней тихой; ласковой
Лишь избранному слышимой,
Сзывает души чистые
На трудную борьбу.

1562

Куда итти?

1571

В ценах грехи

1578—1579

На вид цветущая
Там жизнь гниющая

После 1595 а Что как рыбак Архангельский
Под крышею соломенной
До времени растет

Наброски на л. 52

Какие были строгие
Порядки в семинарии
Как было сыро холодно
Как было грязно голодно
Нет нужды говорить
Есть книга Помяловского
Крестьянин, если хочешь ты
Узнать
[Достань] Добудь ее прочти

Наброски на л. 61—60

Слеза в глазах заискрилась
Ушел он в рощу темную:
Стоял как войско стройное
Господский лес подчищенной
Аукаясь, грибы
В нем брали детки малые
Чуть от земли заметные

Стоят под тем же берегом
Три барки приведенные
В <нрзб> из под Саратова
Гурьбою бурлаков
А вот и он! Саратовский

Григорью стало весело
Два раза громко, медленно
Вставляя слово новое,
Выбрасывая лишнее,
Над Волгою пустынною

Удалась мне песенка
Молвил Гриша прыгал
И домой отправился
Брат сидел за книжку

Взгрустнулось сыну доброму
 По матери страдалице
 А пуще злость брала
 Он в лес ушел: аукались
 В лесу ребята малые
 Чуть от земли заметные
 (Которые постарше-то
 Ворочали сенцо)
 Любил он криво<ногеньких>
 Беловолосых пухленьких
 Малюток вахлячков
 Как птички бродят певчие
 Во ржи — <ником невидимы>
 Подумалось ему
 Полегче стало на сердце

Варианты песни «Бурлак»

- 1717 Хрипя, работу продолжал
 1724 Купил калач, зашел в кабак

Наброски на л. 53

- Вм. 1687 Туда, где был кабак
 Теперь там стойка высится
 1703 А вот и он царицынский

Варианты наброска ст. 1744—1883

- 1767—1770 Спит словно мертвая
 Русь недвижимая
 А загорелась в ней
 Искра незримая
 1767 Дело не по сердцу.
 1773—1774 а Горы по зернушку
 Смотришь наношены!..
 б Серебра золота
 Горы наношены!..
 1779—1780 Ты и могучал
 Ты и бессильная

Наброски ст. 1784—1799

Удалась мне песенка
 Молвил Гриша прыгая
 И в калитку стукнулося
 Брат скучал за книгою

Домика отцовского
Вахлячков я выучу
Петь ее... Не всё же им
Петь свою «Голодную»
Да свою «Соленую»
Как с игры да с бегая
Щеки разгораются
Так с <хорошей> песенки
Слабые забитые
Духом поднимаются!..

Мужиков я выучу петь ее Не все же им
Петь свою голодную Дай то дай то боже им

Гриша стал раз<сказывать> что видал еще
Как ему бурлак встретился — и <опять песня>

Лег спать
Песня новая в полусне слагается
Чудны тайны творчества
Как молния и пр.
Средь недуга тяжкого в муках разрушения
Будит удрученного ангел песнопения
И напрасно жажду
[Непробудит думушки]
А зато как сложатся думы в песню стройную
Посылает бог ему ноченьку спокойную

Если б знали странники всё что было с Гришею
Были бы скорее под родною крышею
Уж нашли б счастье в ту ночь чудную
В ночь одну не более Грише долю трудную
Жизнь Судьба готовила

Быть бы нашим странникам подр.<одною>к.<рышею>
Если б знали ведали, что творилось с Гришею
В это утро чудное, силы необъятные
Слышал он в груди своей; звуки благодатные
Наполняли грудь его — гимна благородного
Пел он воплощение счастья народного

Отдельные наброски ИЛИ

Подготовка для Сиб<ирской> язвы — голод, тогда и на людях; в В. уезде до 400 чел. Ниловцы — и в Белозерск <ом>, бурлаки приходят на заработки; работы нет, застой судов Ждут, мрут массами подождав отпр.<являются> с тифом в Арх.<ангельскую Губернию> обратно. Идут больных целые партии изнур далеко верст 400 —

Весной тиф от недост.<атка> пищи лихорадки при разлитии вод.

Без лекарства, для принятия мер против распр.<остранения> отделение больных. Зарывание трупов

На барках 3, 4 креста покойники, везут до 1-го погоста — (Вельяшева, ее муж, от них сведения о голоде).

От укушения насекомых

---

15 лошадей тянут барку

(л. 58)

Крестьяне крик услышали
Выходят на поляночку,
Какой то человек
На бугорке
[Какой то барин толстенной]
Один как перст стоит
Стоит кричит да сам себя
То по лбу, то
Да как припрыгнет вдруг
Как < >: как будто бы ему кто
на мозоль наступил
Крестьяне подошли
Военной, что ли? шапочка
С каким то знаком красненьким
И эполеты белые
Сертук с зеленой прошвою
Чего <ты> тут орешь?
Жду кучера посла<л> его
Пооглядеть далеко ли
Дорога на ШекснУ
И в лоб ладонью хватъ себя...
Что комары проклятые?

Они у вас сердитые
Мы тоже заблудилися
Почт<енный?> мы нездешние
А ты не бей рассердятся
До смерти заедят

Достойно замечания
Ни одному из стр<анников>
Не приходило в голову
Из места зачум<ленного>
Убраться поскорей

Наброски-автографы из собрания К. Чуковского.

Наказывали нам
[Гд] Увидите разбойника
Иуду З
Бей его!
И бьем!
И бьют же. В кабаке
Отсюда за 40 верст
Сегодня у парома били
Борода фальшивая —
Ухо <навязано>
Через него покрайности
Сидят 70 ч<еловек> в остроге

Исправник: я бабу прибьем — такова наговорила —

сбоку: сквозь строй
Следить за направлением
Умов
В народный дух вникать
Известно настроение
Умов мужицких к выпивке
А дух — овчинный дух
Так мне тогда <задал>
Губ<ернское> Пр<авление>
Да ты своим ли голосом
Поешь?

Влас
Еда

И «Ухо» здесь! глядитетко¹
А нам не в домек
Зачем
Подлец! и с словом «бей его!»
Набросился на сонного
Побежали за ним
Любуются как бежит Гнусь
Бпли
Не пойдет на перевоз
Переедет вкже

Наброски на обложке «Последыша» из собрания К. Чуковского.

Не знаем так наказано²
Нам из села из Мискова
(Отсюда сорок верст)
Молва такая пущена
Что буде где окажется
Егорка Гущина — бить его!
И бьем! подьедут мисковцы
Расскажут... [Плут мужик!]³
Тем часом воротилися
Четыре парня «Взбучили»?
«Догнали — отутюжили!»
В Кузминское побег
Там переехать правится
Теперь нескоро сунется
На наш-то перевоз

Был прежде целовальником
Проворовался выгнами
Потом шатался по миру
Потом глядим: поправился
Кафтан, рубаха красная
Фуражка

Варианты автографа ЦГЛА

175—178 — Кушай хлебец, Яша!
«Молочка! — кричит.

---

¹ Ср. ст. 1115—1116, 1133—1146

² Ср. ст. 1150—1177

³ Расскажут... Малый вор!

- «Где ж коровка наша?»
Баба говорит:
- Вм.* 207—209 Потом пошли хохлацкие
Протлжные, печальные,
- Вм.* 461—463 Старик, отец двенадцати
Здоровых сыновей
Извозом занимался он
Конях на десяти
- Вм.* 608—610 *a* Хромой старик Кропильников
(Одни за божевольного,
Другие за раскольника
Считали старика)
- б* Кропильников (упрятанный
В больницу становой)
- 612 Корит мирян неправдою,
- 616 *a* К допросу хромогого.
- б* К допросу старца требует.
- в* К допросу старца дерзкого!
- 622 Озлился становой
- После* 1396 [—Еще ударь ты в городе
Считал деньги медные
Сказал солдату Влас:
Нужды нет погорелые
Дадут. Попробуй в Ботове
А дальше в Семибратове
Глядишь и семь рублей.]
- 1544 *a* Довольно демон ярости
Летал с мечом карающим
Над русскою землей
- Вм.* 1547—1556 Еще далеко солнышко
Но ангел милосердия
Уже незримо посится
Над бедными селеньями,
Соломою покрытыми
И песней тихой, ласковой
Лишь избранному слышимой
Сзывает души чистые
На трудную борьбу:
- б* Не все ж пути лукавые!
Над Русью оживающей —
Иная песня слышится
То ангел милосердия

Над ней незримо висится
 И юношам поет:
 И песней тихой, ласковой
 Лишь избранному слышимой
 Сзывает души честные
 На трудную борьбу:

Варианты корректуры в гранках (Г), отдельного оттиска (О) и ОЗ

Вм. 1—4	В конце села, под ивою	Г и О
11	Всю ночь огни и шум	Г и О
12—17	В день смерти князя старого, Конечно, не предвидели Крестьяне, чем развяжется Дурацкая комедь. И было им так весело, Что снарядили малого — Послали за ведром.	Г О
12—17	<i>отсутствуют</i>	О
22	Сидели рядом с Власушкой;	Г и О
Вм. 23	Влас водку наливал, «Пей, вахлячки, погуливай!» Клим весело кричал.	Г и О
Вм. 31—41	И Гриша: парни добрые, Крестьянам письма к сродникам Писали; «Положение», Как вышло, толковали им, Косили, жали, сеяли И пили водку в праздники С крестьянством наравне. Теперь же Савва дьяконом Смотрел, а у Григория Лицо худое, бледное И волос в кудри вьющийся С оттенком красноты.	Г и О
После 56	При встрече с мимоезжими Частенько сирсы слышались: — С промером? «У-сча-стли-вле-ны!» А к вам наказ из Тискова...» — Слыхали, не смигнем! Мы тоже участвивлены,	Г и О

	Да нам луга всё скрасили, Хвалились вахлаки.	Г
Вм. 57—63	Так крепки им казались Терпением, скоморошеством И рабства лишним временем Добытые луга, Что, вышив по стаканчику, Крестьяне спор затеяли: Как им с лугами быть?	Г
После 174	<i>обозначение и название главы отсутствует</i>	Г и О
181—182	} <i>заменены двумя строками точек.</i>	О и ОЗ
189—190		
205—206		
175—206		
224—237	<i>заменены четырьмя строками точек отсутствуют</i>	ОЗ ОЗ
Вм. 246—249	Попробуй, поживи!	ОЗ
После 311	Баронша Синегузина	Г
453	— Ой! ой! Еще прослушали	ОЗ
Вм. 523—524	Что ни добудет, шляючись По коновальской должности, Всё в рот да в рот! Пи-та-тель-но!	Г
533	Пришел черед: прослушайте!.	Г и О
После 541	<i>обозначение и название главы отсутствует</i>	Г и О
575	С ним в бане запирались,	Г
Вм. 608—610	Старик из секты скрытников, Никифор, каргопол.	О и ОЗ
639	В Убой село не дальное	Г
После 698	Взглянув туда, подумаешь, Что очутился вдруг Перед окном цырюльника, Где парики развешаны. Недвижны волоса.	Г
Вм. 705—707	Их ужас шевельнет	Г
867—868	Слава творцу вездесущему Днесь и во веки веков!	Г и О
После 868	<i>обозначение и название главы отсутствует</i>	Г и О
960—961	<i>отсутствуют</i>	ОЗ
1086—1089	<i>отсутствуют</i>	Г и О
1159—1161	<i>отсутствуют</i>	Г
Вм. 1169—1170	Пороли? Не до шуток им.	Г и О

1233—1235	<i>отсутствуют</i>	Г И О
После 1245	<i>следуют ст. 1388—1393</i>	ОЗ
После 1269	<i>заглавие отсутствует</i>	ОЗ
1270—1316	<i>заменены четырьмя строками точек</i>	ОЗ
1336—1387	<i>заменены четырьмя строками точек</i>	ОЗ
После 1401	<i>обозначение и название главы отсутствует</i>	Г и О
Вм. 1402—1405	Пир кончился, расходится	Г и О
Вм. 1409	Да несколько упившихся Не в меру мужиков	Г и О
После 1415	Славься, народу Давший свободу!	ОЗ
После 1419	Славься, народу Давший свободу! Благослови!.. Господи правый! Счастьем и славой Дело любви!	ОЗ
1425	Жизнь круговая	ОЗ
Вм. 1449	Рост средний, грудь здоровая И сильно исхудалое	Г
Вм. 1485—1486	По году гроша не было: Вахлак тянул «Голодную» И без соли — приправленный Корою — хлеб жевал. И то уж благо: с Домною Делился им; младенцами	Г и О
Вм. 1541—1543	Кому отдаст всю жизнь свою И за кого умрет.	Г и О
1557—1562	<i>отсутствуют</i>	ОЗ
1563—1564	Нейди просторною Дорогой торною	ОЗ
1577	В цепях умы.	ОЗ
1578	Ключем кипящая,	ОЗ
1580	Там — царство тьмы...	ОЗ
Вм. 1581—1586	<i>три звездочки и:</i> Иные — чистые Пути тернистые Обретенны...	ОЗ
1587—1592	Иди к униженным, Иди к обиженным — По их стопам.	

	Где трудно дышится, Где горе слышится, Будь первый там!	ОЗ
1589	Умножь их круг	Г и О
1592	И будь им друг	Г и О
1595	Поет — ей внемлюй чистые, —	О
Вм.1600—1602	Как тот рыбак архангельский, Что памятен до днесь.	О
Вм.1594—1608	Не даром с чудной песнею Над Гришею витал. Года ученья мпнули, И юноша, отмеченный Печатью дара божьего, Стал пылким и восторженным Певцом освобождения Униженных, обиженных На всей святой Руси.	ОЗ
1613—1616	<i>отсутствуют</i>	Г и О
После 1622	Жаль только трудноезжая)	Г
1623—1650	<i>отсутствуют</i>	Г
Вм.1651—1655	Потом свернул в луга.	Г
1670	<i>отсутствуют</i>	Г и О
После 1738	(В те времена хорошие В России дома не было, Ни школы, где б не спорили О русском мужике). Ему всё разом вспомнилось Что видывал, что слыхивал, Живя с народом сам, Что думывал, что читывал, Всё — даже и учителя Отца Аполинария Недавние слова: Издrevле Русь спасалася Народными порывами». (Народ с Ильёю Муромцем Сравнил учсный поп).	Г и О
1782—1783	Вахлачков я выучу петь ее — не всё же им Петь свою «Голодную»... Помогай, о боже, им!	Г и О

КОММЕНТАРИИ

1 8 7 0

ДЕДУШКА

(Стр. 5)

Тридцать лет пробыли декабристы в сибирской неволе, лишь в 1856 г. был подписан манифест о их амнистии. К этому времени в живых осталось всего 19 человек. Передовое русское общество радостно встретило возвращенных изгнанников. С особенно теплым чувством в обеих столицах приветствовали престарелого Сергея Волконского. «Возвращение его после амнистии в Россию, — вспоминает один из его современников, — и тот благоговейный почет, с каким всюду его встречали за вынесенные испытания, — все это как-то преобразило <его> и сделало духовный закат этой тревожной жизни необыкновенно ясным и привлекательным». (Н. А. Белоголовый, Воспоминания и другие статьи, М. 1897, стр. 37—38).

Есть основания думать, что С. Г. Волконский отчасти послужил прототипом для героя поэмы Некрасова. Не только наружность Волконского, но и некоторые его привычки и душевные качества были приданы «дедушке»: и его «влечение к простому народу» (о котором говорится в биографии Волконского), и его склонность к земледелию, и его тяготение к ручному труду. (Ср. Записки С. Г. Волконского, СПб, 1902, стр. 479, а также: С. М. Волконский, О декабристах, П, 1922, стр. 99.)

Но на этом и кончается сходство «дедушки» с Сергеем Волконским. Волконский, как писали о нем в год его смерти, вернулся в Россию «умудренным, примиренным, полным горячего сочувствия к реформам нынешнего царствования». (И. С. Аксаков, Некролог С. Г. Волконского, «День», 1869, №№ 1 и 2). А некрасовский герой — хотя в начале поэмы он и говорит о себе:

Днесь я со всем примирился
Что пстерпел на веку, —

в действительности чрезвычайно далек от кроткого примирения с окружающим злом. Все содержание поэмы именно в том и заключается, что старик-декабрист завещает юному внуку свою ненависть к самодержавному строю и призывает его продолжать ту борьбу, которая была пачата декабристами. Правда, по цензурным условиям иные из этих речей излагаются так, будто все негодование старого революционера относится к далекому прошлому, но читатели семидесятых годов хорошо понимали вынужденный характер такого мнимого ретроспективного осуждения ненавистного строя. В черновой рукописи «Дедушки» призыв декабриста к возобновлению революционной борьбы звучал еще более явственно:

Взрослые люди — не дети.
Трус, — кто сторицей не мстит!
Помни, что нету на свете
Неотразимых обид.

Хотя эти строки невозможно ввести в окончательный текст, ибо они представляют собою отдельный набросок, не связанный с основным изложением, мы считаем их ключом ко всей поэме.

Сам Некрасов в одном из недавно опубликованных писем указал, что, несмотря на свою кажущуюся примиренность и кротость, герой его поэмы остался до конца своих дней верен убеждениям юности. Письмо обращено к В. М. Лазаревскому, влиятельному члену совета Главного управления по делам печати. Некрасов написал это письмо уже после того, как, вслед за «Дедушкой», им была создана другая декабристская поэма — «Трубецкая». В письме приведены аргументы, при помощи которых Лазаревскому предстояло, по просьбе Некрасова, защищать «Трубецкую» на ближайшем заседании совета. Поэт предложил ему, в случае надобности, сослаться на «Дедушку». «Этот дед, — говорил он в письме, — в сущности рече чем «Трубецкая», ибо является одним из действительных деятелей... и притом выведен нераскаившимся, то есть таким же, как был. (Б. П а п к о в с к и й и С. М а к а ш и ц, Некрасов и литературная политика самодержавия, ЛН, стр. 506, курсив наш — К. Ч.).

Эти строки написанного второпях делового письма кажутся нам в высшей степени важными для понимания поэмы Некрасова.

Скрытая идея поэмы выражена также в повествовании «дедушки» о забайкальской деревне Тарбагатай (ныне город в Бурят-Монгольской АССР). Факты, относящиеся к этой необыкновенной деревне, поэт заимствовал из «Записок декабриста» А. Е. Розена, вышедших незадолго до того в Лейпциге (1870). Рассказывая о благополучии тарбагатайских крестьян, Некрасов называет это благополучие

«чудом» — до такой степени невероятной и невозможной казалась ему в тогдашних условиях счастливая крестьянская жизнь. Причина этого «чуда», — по мысли Некрасова, — заключается в том, что, за дальностью расстояния от центров, тарбагатайцы в своей «страшной глуши» были свободны от всяких административных воздействий и, благодаря этому, по выражению поэта, обладали «волей и землей». Так как слова «земля и воля» были программой революционеров 70-х годов, можно думать, что эти слова (хотя и в обратном порядке) вложены Некрасовым в уста декабриста отнюдь не случайно.

В *ОЗ* и в *Стих 1873* был подзаголовок «З-н-ч-е», то есть Зинаида Николаевна, жене поэта. (О ней см. второй том настоящего издания, стр. 734.)

Пел он о славном походе — о вступлении русских войск в Париж в 1813 году, в эпоху наполеоновских войн. В этом победоносном походе участвовал и С. Волконский.

Чита — село (ныне город в Бурят-Монгольской АССР), где в 1827 г. был выстроен острог для декабристов. Там они находились до осени 1830 года.

Печатается по *Стих 1873*, т. III, ч. V, стр. 171—195.

Впервые — *ОЗ 1870*, № 9, стр. 241—254, с подписью «Н. Некрасов». Вошло в *Стих 1873* с датой на шмуцтитуле «1870».

Рукопись — *ЛБ 5748*. Ее редакция композиционно отличается от печатной. Поэма состояла из двух частей. Первая часть, ст. 1—156 и 390—461, охватывала все сюжетные мотивы, во второй же части было объединено все агитационное содержание: рассказ о Тарбагатае, о свадьбе, расстроенной баринном, о воинских порядках старого времени и характеристика песен деда. При этом две строфы (теперь XIV и XV, ст. 266—309), дающие общую картину забитой страны, разоряемой ордой хищников, здесь еще отсутствовали.

Под текстом первой части дата: «30 Июля/8 Авг.»

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

1 8 7 1

I. КНЯГИНЯ ТРУВЕЦКАЯ

(Стр. 23)

В 1826 г. закончилось следствие по делу декабристов, состоялась инсценировка суда над ними, и приговор был приведен в исполнение. Многие декабристы были сосланы в Сибирь. За некоторыми

из них последовали их жены: М. Н. Волконская, Е. И. Трубецкая, А. И. Давыдова, А. В. Ентальцева, А. Г. Муравьева, Е. П. Нарышкина, М. К. Юшневская, А. В. Розен, Н. Д. Фонвизина. Направились в Сибирь и две невесты декабристов: Полина Гебель, невеста И. А. Анненкова, и Камилла Ледантю, невеста В. П. Ивашева. Обе венчались в Петровском заводе.

Большинство этих самоотверженных женщин принадлежали к светскому обществу, были избалованы обеспеченной жизнью, иные вращались в придворном кругу. Все они добровольно отреклись от богатства и почестей, чтобы разделить со своими мужьями тяжелую жизнь на каторге. Николай I, опасаясь, что их подвиг усилит в русском обществе сочувствие к сосланным, принял жестокие меры, дабы помешать их намерению. В пути их обыскивали, на станциях им не давали лошадей, в Иркутске заставили подписать отречение от прав.

Царь, через сибирского генерал-губернатора Лавинского, строго предписывал местным властям воздействовать на жен декабристов:

«Местное начальство неукоснительно обязано вразумить их со всею тщательностью, с каким пожертвованием сопрягается такое их преднамерение, и стараться сколько возможно от одного предотвратить...

Внушения могут состоять в том:

1) Что, следуя за своими мужьями и продолжая супружескую с ними связь, они естественно сделаются причастными к их судьбе и потеряют прежнее звание, то есть будут уж признаваемы не иначе, как женами ссыльно-каторжных, а дети, которых приживут в Сибири, поступят в казенные крестьяне.

2) Что ни денежных сумм, ни вещей многоценных взять им с собою, коль скоро отправятся в Нерчинский край, дозволено быть не может: ибо сие не только воспрещается существующими правилами, но необходимо и для собственной безопасности их, как отправляющихся в места, населенные людьми, на всякие преступления готовыми, и следственно могущих подвергнуться при провозе с собою денег и вещей опасным происшествиям.

3) Что с отбытием их в Нерчинск уничтожаются также и права их на крепостных людей, с ними прибывших.

С тем вместе должно обратиться к убеждениям, что переезд в осеннее время через Байкал чрезвычайно опасен и невозможен, и представить, хотя мнимо, недостаток транспортных казенных судов, безпадежность таковых, у торгующих людей состоящих, и прочие тому подобные учтивые отклонения; а чтобы успех оных вернее был

достигнут, то ваше превосходительство не оставите принять и в самом доме вашем, который, без сомнения, будут они посещать, такие меры, чтобы в частных с ними разговорах находили они утверждение таковых убеждений» (П. Е. Щегелев, О «Русских женщинах» Некрасова в связи с вопросом о юридических правах жен декабристов, Сборник «К свету», СПб, 1904, стр. 507).

Правительство считало возможным пустить в ход все способы — от «учтивых отклонений» до темных угроз, от официальных внушений до простого обмана.

Еще более циничные меры применяли к Волконской. В бумаге, подписанной ею, разъяснялось: «жена, следуя за мужем<...>, будет признаваема не иначе, как женою ссыльно-каторжного, и с тем вместе принимает на себя переносить все, что такое состояние может иметь тягостного, ибо даже и начальство не в состоянии будет защищать ее от ежечасных могущих быть оскорблений от людей самого развращенного, презрительного класса, которые найдут в том как будто некоторое право считать жену государственного преступника, несущего равную с ними участь, себе подобною; оскорбления сии могут быть даже насильственные. Закоренелым злодеям не страшны наказания» (Княгиня М. Н. Волконская, Записки, Л. 1924, стр. 26).

Но «декабристки» не испугались угроз: на всю жизнь поселились они в Сибири и вернулись оттуда в 1856 г. Впрочем, вернулись не все: Муравьева, Ивашева и Трубецкая погибли в неволе.

Поэма «Трубецкая» написана Некрасовым в 1871 г., через год после того, как в печати появилась его первая декабристская поэма «Дедушка». Всю зиму поэт собирал материалы для «Трубецкой», а летом уехал работать в Карабаху, условившись с друзьями, чтобы они присылали ему туда материалы (см. «Архив села Карабихи», М. 1916, стр. 23). Нет сомнения, что ему были известны и официальные «Донесения следственной комиссии» (по делу о декабристах), и книга бар. М. А. Корфа, вышедшая в 1857 г. третьим изданием (первым «для публики», как значится на ее титульном листе: первые два издания были предназначены для членов царской семьи; см. барон М. А. Корф, Восшествие на престол императора Николая I, составлено по высочайшему повелению, СПб, 1857). Фактический материал, сообщаемый в обоих изданиях, крайне искажен казенной концепцией. Возможно также, что Некрасов читал в свое время статью Герцена «Русские заговоры 1825 г.», вышедшую в Лондоне в 1858 г. (А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, т. IX, П. 1919, стр. 136—155). Но, конечно, главным источником поэмы послужили Некрасову «Записки декабриста» барона А. Е. Розена,

вышедшие в Лейпциге в феврале 1870 г. Это был тогда единственный обстоятельный труд о «преступлении и наказании» декабристов. Некрасов тщательно использовал этот источник. Особенно близки к тексту Розена оказались те места его поэмы, где изображается восстание на Сенатской площади и борьба Трубецкой с губернатором, хотя в оценке описываемых событий Некрасов сильно расходится с Розеном. В поэме, например, нет и тени того апологетического отношения к царю, которое сказывается в «Записках декабриста».

Написал Некрасов «Трубецкую» очень быстро: 8 июля 1871 г. он сообщал Краевскому, что раньше августа ему поэмы не кончить (Н. А. Некрасов, Собр. соч., М.—Л. 1930, т. V, стр. 480), но уже 23 июля были написаны последние строки, судя по дате на автографе (*ИЛИ*). Правда, в первой редакции «Трубецкая» была гораздо короче. Большинство строф, посвященных Италии, были введены в нее позднее, в январе 1873 г., хотя написаны они были еще в 1867 г. во Флоренции (Н. Некрасов, Тонкий человек, М. 1929, стр. 287).

Впервые печата «Трубецкую» в «Отечественных записках», Некрасов снабдил ее таким подстрочным примечанием:

«С издания манифеста Александра II, от 26 августа 1856 года, в нашей литературе начали появляться время от времени (а в последние годы и довольно часто) материалы для изучения эпохи, к которой относится настоящий рассказ. Перечитывая эти материалы, автор постоянно с любовью останавливался на роли, выпавшей тогда на долю женщин и выполненной ими с изумительной твердостью. Если на самое событие можно смотреть с разных точек зрения, то нельзя не согласиться, что самоотвержение, оказанное ими, останется навсегда свидетельством великих душевных сил, присущих русской женщине, и есть прямое достояние поэзии.

Вот причина, побудившая автора приняться за труд, часть которого представляется сейчас публике. Хотя минуло уже почти полвека со времени события, однако автор считал за лучшее вовсе не касаться его политической стороны, — да это и не входило в пределы задачи, как увидит читатель. Точки вместо некоторых строф поставлены самим автором, по его личным соображениям. А в т < о р >» (*ОЗ* 1872, № 4, стр. 577).

Напечатать «Трубецкую» полностью было тогда немислимо, потому что в ней с чрезвычайною резкостью сказалась ненависть к самодержавному строю, к Николаю I и к его приближенным. Закончив поэму, Некрасов тотчас же начал «смягчать» ее, выбрасывая из нее «дерзкие» строки, которых оказалось очень много. «Думаю, что в таком испакощенном виде цензура к ней придраться не могла бы», — писал он Краевскому в 1872 г. (Н. А. Некрасов,

Собр. соч., 1930, т. V, стр. 484). Действительно «Трубечная» была очень «испакощена»: от 6-й строфы осталось только первое двустишие; разговор княгини с мужем был напечатан так:

Скажи, что делать?

. . . . .
Достанет мужества в груди,
Готовность горяча.
Просить ли надо?..» — ...

. . . . .

В споре Трубечной с губернатором после «Я силы дам ему» — 3 строки точек; после «За добрый ваш совет» — 12 строк точек; после «Тому, кто раз прозрел!» — 4 строки точек (см. «Варианты»). Кроме того, Некрасов, по требованию Краевского, затушевывал роль царя в усмирении декабристского бунта.

Вместо:

Прощенье царь дарует вам! —

он написал:

Прощенье обещаем вам!

Вместо:

Сам царь скомандовал: па-ли! —

он написал:

Раздалось грозное па-ли!..

Вместо:

Падите пред царем!

он написал:

Падите ниц челом!

Вместо:

Перед царем душа моя —

он написал:

Перед судом душа моя.....

Вместо:

И ты... о город роковой,
Гнездо царей... прощай! —

он написал:

И ты, о город роковой,
Гнездо всех бед... прощай!

Судя по черновому автографу «Княгини Трубечной», поэту особенно трудно далось изображение восстания декабристов. (См. относящиеся сюда варианты на стр. 423—426 настоящего тома). Больше всего опасался Некрасов, что именно эти строфы будут уничтожены цензурой. Когда поэма должна была рассматриваться в Главном

управлении по делам печати, поэт обратился к члену этого управления В. М. Лазаревскому со следующим письмом:

«Я побаиваюсь за сцену на площади; но прошло 50 лет! да и все это есть у Корфа, которого книги во многих тысячах экземпляров в руках у публики, — картинка чисто внешняя, не гнущая мысль читателя ни в которую сторону». (Б. П а п к о в с к и й и С. М а к а ш и н, Некрасов и литературная политика самодержавия, ЛН, стр. 506.)

Некрасов писал это письмо для того, чтобы подсказать Лазаревскому аргументы для предстоящей защиты «Трубецкой» в совете Главного управления. Но опасения его были напрасны: аргументы эти едва ли понадобились. Подвергнув свою поэму предварительной автоцензуре, он сам изъял из нее все наиболее опасные строки, кроме того, ее всячески смягчали и урезывали, в порядке негласной домашней цензуры, издатель «Отечественных записок» А. А. Краевский и сын декабриста М. С. Волконский, статс-секретарь государственного совета. Каждый из них внес в нее свою долю искажений. (См. статью С. А. Р е й с е р а, Некрасов в работе над «Русскими жемчужинами», «Звезда», том VI, М.—Л. 1936, стр. 702—708.) Да и вышеприведенное примечание к ней, написанное по совету Краевского, несомненно благоприятствовало беспрепятственному появлению ее в печати.

«Трубецкая» (под заглавием «Княгиня Т***») была напечатана в апрельской книге «Отечественных записок» за 1872 г. Передовые читатели встретили ее с горячим сочувствием. Ретроградные критики обвинили поэта в искажении (!) исторической правды. Искажение заключалось, по их мнению, в том, что Некрасов придал аристократке двадцатых годов мысли и чувства революционерки позднейшего времени. Это было сделано поэтом намеренно, так как под видом исторической повести он хотел отразить современность. Он писал свою поэму не как историк, а как публицист. Именно в семидесятых годах женщины стали впервые играть выдающуюся роль в революционном движении, о чем свидетельствуют все главнейшие политические процессы того времени. Между «декабристками» и этими женщинами Некрасов, к негоднованию реакционного лагеря, устанавливал преемственную связь. Когда он показал рукопись своей «Трубецкой» сыну декабриста Волконского (крупному бюрократу семидесятых годов), тот заметил ему, что на самом деле Трубецкая была не бунтарка, а «высокодобродетельная и кроткая сердцем женщина», что она не могла «бросить куском грязи» в только что покинутое ею высшее общество, к которому принадлежали ее родные и близкие друзья, «к которому она в действительности стремилась душою из далекой

ссылки до конца своих дней». (Предисловие к «Запискам» М.Н. Волконской, СПб, 1904; стр. XIII—XV.)

Готовя «Трубецкую» к печати, Некрасов написал для нее «Эпилог», который должен был служить ей одним из заслонов от «цензурного пугала». Здесь он указывал, что сюжет его поэмы не зависит от положительной или отрицательной оценки восстания («как ни смотри на драму тех времен»), что не декабристы интересуют его, а только их самоотверженные жены, и что, стало быть, поэма далека от политики. Ввиду того, что вскоре после этого он, как указано выше, изложил те же ложные доводы в подстрочном примечании к поэме, надобность в этих строках «Эпилога» отпала. Дальнейшие строки тоже оказались излишними: в них поэт уведомляет читателя, что «Трубецкая» не является единственной героиней поэмы:

Быть может мы, рассказ свой продолжая,
Когда-нибудь коснемся и других.

Надобность в этом предупреждении исчезла, едва только появилась «Волконская». Нельзя было говорить «быть может» и «когда-нибудь» о том, что уже осуществилось на деле.

Дальше в «Эпилоге» было сказано, будто подвиг Трубецкой выше подвига остальных «декабристок»:

Но чьей судьбы теперь коснулись мы,
Та всех светлей сиять меж ними будет.

И эти строки тоже не могли сохраниться в окончательном тексте после того, как Некрасову стали более ясны образы других «русских женщин»: через год он уже называл «самым лучшим перлом» из всех «декабристок» А. Г. Муравьеву (см. стр. 398 настоящего тома).

Таковы те причины, по которым, как мы полагаем, «Эпилог» был изъят Некрасовым из окончательного текста «Трубецкой». На этом основании мы печатаем «Эпилог» в приложении (на стр. 397), исправляя в нем 5-й стих, до сих пор читавшийся неверно:

Высок и светл их подвиг незабвенный.

Правда, в литературе указывалось на необходимость включить «Эпилог» в окончательный текст поэмы, так как Некрасов будто бы не печатал «Эпилога» лишь в силу цензурных условий, «во избежание неприятностей». (С. А. Рейсер, Некрасов в работе над «Русскими женщинами», «Звенья», т. VI, М.—Л. 1936, стр. 729.) С этим мнением мы не можем согласиться. Никаких «неприятностей» не могло произойти оттого, что поэт назвал читинскую тюрьму «роковой», а декабристов — «изгнанниками», и что он высказал в этом «Эпилоге» желание продолжать свою поэму о подвиге женщин.

Точно так же мы считаем невозможным принять и другую

поправку, предложенную тем же исследователем. Дело идет об одном варианте поэмы, где изображается маловероятная забава тюремщика Петропавловской крепости, который, ради жестокой потехи, приговаривается, будто он забыл номер той камеры, где заключен Трубецкой, и нарочно водит его жену по коридорам тюрьмы, хохоча при этом каким-то демоническим смехом:

Он засмеялся (страшен был
Злорадный, гордый <?> смех!

Очевидно, поэт-реалист ощутил всю фальшивость этой неестественной сцены: нравственные пытки, которые довелось пережить «декабристам», происходили отнюдь не оттого, что сторожа Петропавловской крепости развлекались такими неправдоподобными шутками.

Не соглашаясь с вышеприведенными предложениями С. А. Рейсера, мы наряду с этим считаем два другие его замечания имеющими несомненную ценность: в издании, о котором он пишет, заглавие «Русские женщины» было, на основании одной из некрасовских рукописей, заменено заглавием «Декабристки». Он доказал, что производить эту замену нельзя и что необходимо сохранить старое заглавие: «Русские женщины». (См. «Звенья», т. VI, М.—Л. 1936, стр. 730—733.)

Точно так же необходимо признать правильность его указаний на неверное воспроизведение строфы, начинающейся стихом «Тогда-то пушки навели».

В настоящем томе эта строфа, в отличие от предыдущих изданий, печатается в той редакции, которая была предложена им:

Тогда-то пушки навели,
Сам царь скомандовал: па-ли!
О милый! Жив ли ты?
Княгиня память потеряв,
Вперед рванулась и стремглав
Упала с высоты!

Правда, в печати встречались возражения против этой редакции. Указывалось, что стих: «О, милый! Жив ли ты?» заключает в себе историческую ошибку: князь Трубецкой, как известно, на Сенатской площади не был, и потому у его жены якобы не было причин беспокоиться, уцелел ли он под пушечными ядрами («Некрасовский сборник», II. 1922, стр. 66).

Но эти доводы, которые одно время казались нам вполне убедительными, были сильно поколеблены возражениями С. А. Рейсера; с этими возражениями частично совпала позднейшая аргументация проф. М. В. Нечкиной, которая, независимо от него, в одной из не-

опубликованных работ защищает тот же вариант: «Е. И. Трубецкая, — говорит М. В. Нечкина, — несомненно переживала мучительное беспокойство о судьбе мужа: всю ночь накануне восстания он провел без сна; рано утром, еще до рассвета, отправился к Рылеву; когда он вернулся домой, его посетили Рылеев и Пущин, после чего он опять ушел из дому и не возвращался весь день. А на Сенатской площади в это время палили картечью! В тот день у бедной Е. И. Трубецкой было достаточно причин для тревоги».

Ровно пятьдесят лет (с 1872 по 1922 г.) во всех повторных изданиях эта поэма Некрасова печаталась в «испакощенном виде». Незнание цензурных условий, при которых печатались «Русские женщины», привело исследователей к вопиюще неправильным суждениям об этой поэме. Так, критик А. Г. Горнфельд, посвятивший ей большую (и во многих отношениях ценную) статью, счел возможным упрекнуть Некрасова в слишком мягком и благожелательном отношении к царю! (А. Г. Горнфельд, «Русские женщины» Некрасова в новом освещении, в книге «О русских писателях». СПб, 1912, стр. 195.) Критик не обратился бы к Некрасову с подобным упреком, если бы ему было известно, что именно в этой поэме Николай I был назван «мстительным трусом», «палачом» и «мучителем». Он судил о поэме, не приняв во внимание имеющих в ней многочисленных цензурных купюр. Лишь после Октябрьской революции, в 1922 году, впервые появилась возможность напечатать поэму полностью (см. стр. 583).

1 8 7 2

КНЯГИНЯ М. Н. ВОЛКОНСКАЯ

(Стр. 48)

Вторая часть поэмы основана на документальных свидетельствах. Узнав от Волконского-сына, что у того хранятся записки его матери, М. Н. Волконской, поэт выразил намерение познакомиться с ними. Записки были на французском языке. Волконский пригласил к себе Некрасова и стал переводить их на русский язык; поэт тут же записывал этот перевод как материал для будущей поэмы. «Вспоминаю, — сообщает Волконский, — как при этом Николай Алексеевич по нескольку раз в вечер вскакивал и со словами «Довольно, не могу» бежал к камину, садился к нему и, схватив руками за голову, плакал как ребенок.» («Записки кн. М. Н. Волконской», П. 1904, предисловие, стр. XV.)

Записки Некрасова были такого рода:

«Серебрянка — костры среди деревни, возков 30—40. Надежда узнать что-нибудь от <оф>щера.

— Я их не знаю, да и зпать не хочу, был ответ.

Солдат: — Я их видел, здоровы, живут в Нерч<инске> в Благод<атском> руднике.

Раз лошади понесли с самой высокой горы Алтая, выскочила в глуб<окий> снег без вреда» и т. д., и т. д.

Писал Некрасов «Княгиню М. Н. Волконскую» в Карабихе летом 1872 г. 10 июля он сообщил своему другу А. Н. Еракову: «Я затеял большую работу — и усердно писал; теперь начинаю видеть берег, думаю, что недели в две кончу; вещь будет, кажется, недурная. Сюжет вертится все там же — около Сибири...» (Н. А. Некрасов, Собр. соч., т. V, М.—Л. 1930, стр. 489.)

Он кончил поэму раньше, чем предполагал: 17 июля 1872 г.

Напечатана она была в январской книжке «Отечественных записок» за 1873 г. Через месяц Некрасов писал своему брату Федору Алексеевичу: «Моя поэма Кн. Волконская, которую я написал летом в Карабихе, имеет такой успех, какого не имело ни одно из моих прежних писаний... Литературные шавки меня щиплют, а публика читает и раскупает». (Там же, стр. 498.)

Об огромном успехе поэмы свидетельствует вся современная Некрасову пресса. Например, А. М. Скабичевский несколько позднее писал: «Я никак не могу припомнить ни одного художественного произведения, вышедшего в последние десять лет в нашей печати, которое произвело бы на публику такое сильное и цельное впечатление» («Отечественные записки», 1877, № 3, стр. 9.)

«Литературными шавками», «щипавшими» поэта, были: ренегат В. П. Буренин и реакционный критик В. Г. Авсеенко («С.-Петербургские ведомости», 1873, № 27; «Русский мир», 1873, № 49).

В литературе есть свидетельства, что Некрасов был склонен недооценивать свое произведение. «Лучше всех я понимаю, — говорил он в беседе с одной журналисткой, — что не совладал с таким чудным сюжетом, как «Русские женщины», и что хотел я сказать многое, но у меня не вышло».

Его собеседница горячо перебила его:

«— Не говорите никогда так при мне о «Русских женщинах», Николай Алексеевич, мне больно слышать, как вы клевете на себя. Нет, по-моему, тот истинный поэт, у кого вылились такие дивные строки!..

И она продекламировала отрывок поэмы, в котором изображается свидание Волконского с женой в руднике.

«Я кончила, захлебываясь от слез», — вспоминает она, и это так тронуло Некрасова, что он протянул ей обе руки и сказал:

«— Нет, вы правы, пока мои стихи будут вызывать такие чувства у людей, они будут истинной поэзией!» (Воспоминания А. Г. Степановой-Бородиной, ЛН, стр. 587—588.)

29 марта 1873 г. Некрасов писал П. В. Анненкову, что если бы не «цензурное пугало, повелевающее касаться предмета только стороной», он «работал бы и дальше над этими темами». (Н. А. Некрасов, Собр. соч., т. V, М. — Л. 1930, стр. 501.) И действительно, в том же году он набросал подробный план новой задуманной им поэмы о декабристах. Согласно этому плану, стихотворная повесть о Трубецкой и Волконской должна была занять в поэме скромное место пролога; все десять глав дальнейшего повествования должны были изобразить жизнь этих самоотверженных женщин в Сибири, причем в качестве главной героини поэмы Некрасовым намечалась Александра Григорьевна Муравьева, умершая в Петровской тюрьме через несколько лет после прибытия в Сибирь. (См. настоящий том, стр. 398.) Очевидно, Некрасов долго не оставлял мысли создать цикл поэм о страдальческой жизни декабристов в Сибири, потому что и через три года после окончания «Русских женщин» обращался к декабристу Назимову с просьбой доставить ему сведения о комеданте Лепарском. («Архив села Карабихи» М., 1916, стр. 165.) Но «цензурное пугало» помешало осуществить эти замыслы.

«Волконская» не подверглась таким искажениям, как «Трубецкая», но все же внесенные в нее переделки были очень значительны: во второй главе выброшено четверостишие о мщении:

Подробностей ряд пропустила я тут...
Оставив следы роковые,
Доныне о мщении они вопиют...
Не знайте их лучше, родные.

В шестой главе отсутствует строфа:

Да, пепи! Палац не забыл ничего
(О, мстительный трус и мучитель!)

Некрасов выбросил укор Николаю за то, что «просьбы до сердца его не дошли». Во всех дореволюционных изданиях это четверостишие было исключено; и вслед за стихом 344-м печаталось:

Но сделать они ничего не могли
. . . . .
Я с мужем еще повидалась...

и т. д.

Некоторые приспособленные к цензуре стихи высказывали мысли, прямо противоположные тем, какие были в доцензурном тексте: напр., в рукописи у Некрасова было сказано о декабристах:

Стояли они настороже,
Готова войска к низверженью властей,—

между тем как в журнале читаем:

Стояли они настороже,
Готова несчастье <!> отчизне своей.

(См. также варианты на стр. 432 настоящего тома.) В беловом автографе, в полном соответствии с текстом «Записок» М. Н. Волконской, были подробно описаны ее первые роды. Но Волконский-сын наложил на эту сцену свое вето: «... рассказ о том семейном событии, подробности которого я, самый близкий ему человек, не решусь передать другому близкому мне человеку, — переходит в публику! Сделайте одолжение, выпустите его совсем, т. е. присутствие отпа, разговор с матерью, появление деревенской бабки» (Письмо от 30 октября 1872 г., см. В. Е. Е в г е н ь е в - М а к с и м о в, Некрасов как человек, журналист и поэт, Л. 1928, стр. 328.)

На том основании, что эта сцена была изъята Некрасовым по желанию М. С. Волконского, исследователь текстологической истории «Русских женщин» настаивал на внесении этой сцены в канонический текст («Звенья», т. VI, М.—Л. 1936, стр. 734). Мы же остаемся в уверенности, что сцена родов изъята поэтом не только потому, что таково было желание Волконского, но и потому, что своими подробностями она отвлекала читателей от одухотворенного образа его героини и вносила в характеристику генерала Раевского черты крутого семейного деспота, разрушающие тот романтический образ величавого воина, который был воссоздан в поэме. На этих основаниях мы считаем невозможным включить в текст «Русских женщин» эти (исключенные Некрасовым) строки, тем более что Некрасов далеко не всегда подчинялся требованиям М. С. Волконского. М. С. Волконский, например, указал, что, судя по «Запискам», героиня поэмы встретила с мужем не в шахте, а в тюрьме, и настаивал на внесении соответствующих переделок. Но Некрасов возразил:

«Не все ли вам равно, с кем встретила там княгиня: с мужем ли или с дядею Давыдовым; оба они работали под землею, а эта встреча у меня так красиво выходит!» (М. Н. В о л к о н с к а я, Записки, П. 1904, Предисловие, стр. XVII).

Первоначально Некрасов имел намерение указать непосредственный источник своей поэмы; в черновике примечаний он писал: «Основанием второй главы и частью 3-ей послужили подлинные записки М. Н. В—ой, составляющие семейную драгоценность, и которые были [обязательно] прочтены автору М. С. Волконским, которому

автор обязан глубокою благодарностию, так как без них не было бы этой поэмы».

Эти строки так и остались в черновике. Кроме того, имеются косвенные указания на то, что Некрасов одно время хотел процитировать в примечаниях к поэме известные строки о женах декабристов из пятой части романа И. А. Гончарова «Обрыв»: «С такою же силой скорби шли в заточение за нашими титапами, колебавшимися небо, их жены, боярыни и княгини, сложившие свой сан, титул и унесшие с собой силу женской души» и т. д. (гл. седьмая). Узнав об этом желании Некрасова, автор «Обрыва» писал ему 31 января 1873 г.:

«Намек в нескольких строках моей книги на этих героинь такая вычужденная капля, что—ради бога—не удомилайте о ней. Я привел ее на память только как доказательство, как судьба этих женщин сильно действует на воображение <...>, а вы избрали их судьбу и характеры сюжетом для целой поэмы» (ЛН, 2).

И. А. Гончаров очень высоко оценил «Русских женщин» и называл их «чудесной поэмой» (Там же).

В критике снова раздался голоса, что образы «декабристок», созданные Некрасовым, не соответствуют исторической правде и что он в своей поэме искажил духовный облик аристократок двадцатых годов. Наиболее резко это мнение выразилось в письме к Некрасову либерала П. В. Анненкова от 20 марта 1873 г. — тотчас же после появления «Русских женщин» отдельным изданием. «Этой картине, — писал Анненков, — недостает только одного мотива, чтобы сделать ее также и несомненно-верной исторической картиной, — именно — благородно аристократического <!> мотива, который двигал сердца этих женщин... Вы благоговееете перед ними и перед великостью их подвига — и это хорошо, справедливо и честно, но ничто не возбраняет поэту показать и знание основных причин их доблести и поведения — гордости своим именем и обязанности быть оптиматами, высшей людской породой<!>, во всяком случае»... (ЛН, 2).

Но, конечно, в глазах Некрасова поступок и чувства Волконской, Трубецкой, Муравьевой не имели никакого отношения к «аристократической гордости», навязываемой им либеральным писателем. Из обширной эпистолярной, относящейся к декабристской эпохе, мы знаем, что эти женщины совершили свой подвиг *вопреки* своей обязанности быть оптиматами, а не *благодаря* ей.

Замечательно, что в этом случае Анненков оказался вполне солидарен с той критикой «Русских женщин», которая исходила из великосветских кругов. Сестра «декабристки» Волконской престарелая Софья Раевская с возмущением писала о поэме: «Рассказ, кото-

рый он <Некрасов> вкладывает в уста моей сестры, был бы вполне уместен в устах какой-нибудь мужички <d'une paysanne>. В нем нет ни благородства, ни знания той роли, которую он <автор> заставляет ее играть». («Архив декабристов», П. 1918, стр. 15.)

Разночинная интеллигенция хорошо понимала, что Некрасов стремился воспроизвести в «декабристках» такие черты, которые сближают их с нею и устанавливают идейную связь двух революционных поколений. А. М. Скабичевский писал: «Героини его (Некрасова) горят и действуют совершенно подобно тому, как бы стали мыслить, говорить и действовать лучшие и образованнейшие женщины того же круга в наше время. А между тем в поэмах представляется прошлое, отстоящее от нашего времени на целое столетие. В это время общий колорит нравов, склад и умственных и нравственных качеств людей, захваченных струей цивилизации, успели значительно видоизмениться». Но именно это-то отклонение от натуралистического воспроизведения тех черт, которые были свойственны женщинам двадцатых годов, критик и считает заслугой поэта. «Я спрашиваю у вас, — пишет он, — неужели поэмы г. Некрасова выиграли бы, если бы он вздумал педантически соблюсти буквальную верность действительности?» (А. Скабичевский, Беседы о русской словесности, «Отечественные записки», 1877, № 3, стр. 13). Так как эта статья напечатана в журнале Некрасова, в ней до известной степени можно видеть отражение собственных взглядов поэта на роль так называемой исторической правды в его декабристских поэмах. Здесь дана отповедь критикам правого лагеря, упрекавшим его в модернизации своих героинь. Впрочем, поэма была оценена положительно и некоторыми представителями правого лагеря, — теми из них, кто, не поняв ее скрытого революционного смысла, истолковали ее, как попытку ослабить классовый антагонизм верхов и низов (!). Именно такую иллюзию внушила поэма одному из влиятельнейших чиновников цензурного ведомства, графу Петру Капнисту, всегда отрицательно относившемуся к поэзии Некрасова. «В теперешнее время междусословной нашей розни, — писал он поэту 26 января 1873 г., — Вы нашли благодатное примирение, изобразив, как высшие и низшие слои общества сливаются (!) в бесконечной божественной любви» (ЛН, 2).

Подобные ошибочные толкования великой поэмы способствовали ее беспрепятственному появлению в печати, и, конечно, не в интересах Некрасова было рассеивать смехотворные заблуждения цензора.

Отец Иоанн, что молебен служил — священник Петр Громов, переведенный впоследствии на Петровский завод.

Княгиня Екатерина Ивановна Грубецкая (урожденная графиня

Лаваль).—Ее муж—князь *Сергей Петрович Трубецкой* (1790—1860), полковник лейб-гвардии Преображенского полка; за участие в заговоре декабристов был приговорен к каторжным работам на 20 лет. Трубецкая последовала в Сибирь за сосланным мужем в 1826 году, где и умерла в 1853 году.

Княгиня Мария Николаевна Волконская — дочь известного героя Отечественной войны 1812 года, генерала Н. Н. Раевского. Замуж вышла в 1825 г. за декабриста Сергея Григорьевича Волконского (1788—1865).

Александра Григорьевна Муравьева (урожд. *Чернышева*) последовала за мужем Никитой Михайловичем Муравьевым в Сибирь, где и умерла в 1832 г.

Екатерина Николаевна Орлова — старшая дочь генерала Раевского, жена декабриста Михаила Федоровича Орлова.

Сестра Зинаида — кн. Зинаида Александровна Волконская, урожденная кн. Белосельская-Белозерская, родственница Марии Волконской по мужу, красавица, блестяще образованная, поэтесса, композитор, певица. На литературно-музыкальных вечерах в ее доме бывали все наиболее известные писатели и артисты того времени.

Поэт Д. В. Веневитинов (1805—1827) посвятил Зинаиде Волконской «Элегию», в которой есть такие стихи:

На цвет небес ты долго нагляделась
И свет небес в очах нам принесла.

А. С. Пушкиным также посвящено ей стихотворение, начинающееся стихом:

Царица муз и красоты.

Княгиня Наталия Борисовна Долгорукая (1714—1771), дочь фельдмаршала Б. П. Шереметьева, последовала за мужем в ссылку в Сибирь; окончила жизнь монахиней.

Эриест Бирон — фаворит Анны Иоанновны, назначенный после ее смерти регентом.

Артамон Захарович Муравьев (1794—1881), *Борисовы Андрей Иванович* (1798—1854) и *Петр Иванович* (1800—1854), князь *Евгений Петрович Оболенский* (1796—1854)—декабристы.

Княгиня Трубецкая. Печатается по *Стих* 1873, т. III, ч. V, стр. 235—278.

По рукописи восстановлены цензурные пропуски в ст. 55—60, 271—286, 363—364, 367—368, 647—649, 667—678, 687—690 и доцензурные редакции ст. 40, 295, 301, 321, 326 и 332.

Впервые — *ОЗ* 1872, № 4, стр. 577—600, под заглавием «Русские женщины. Княгиня Т***. Поэма» и с подписью «Н. Некрасов».

В тексте — ряд замен и пропусков цензурного характера и отсутствуют ст. 147—190 (в наборной рукописи они также отсутствуют), напечатанные впервые отдельно в журнале «Искра», 1873, № 1 (7 февраля), стр. 2, под заглавием: «Из поэмы: Русские женщины. Строфы, не вошедшие в поэму «Кн. Т—ая», — с сноской к заглавию: «См. «Отеч. Записки», 1872» и подписью «Н. Некрасов».

Вошло (со включением строф, напечатанных в «Искре») в отдельно изданную пятую часть *Стих* 1869—1873 и перепечатано в пятой части *Стих* 1873. В обоих изданиях на шмуцтитуле заголовок — «Русские женщины. I. Княгиня Т—ая. Поэма в двух частях. (Писано в 1871 г.)».

В *ИЛИ* Ф. 203, № 177, л. I сохранилась первая форма корректуры в гранках (ст. 1—371), без правки. Заглавие — «Декабристки. I. Княгиня Т***. Часть первая».

Черновые рукописи поэмы — *ЛБ* 5744, лл. 1—16.

Первый законченный текст на л. 1—1 об., охватывает ст. 1—82 и 235—254. По непрерывной первоначальной записи незначительная правка и одна вставка на полях (ст. 5—12). Ст. 13—62 в этой редакции первоначально совсем отсутствовали, но при правке они указаны Некрасовым: «Сюда после ст. 4 прощание, т. е. ст. 13—16, а потом [Удоб] Покоен, прочен и легок ст. 63 след.». Таким образом, в этой записи еще не предусмотрены ст. 83—234, т. е. главки отступлений, содержащих воспоминания о детстве и о Риме.

Описанный текст продолжен на л. 11 об. 12. Эта запись содержит полностью описание путешествия Трубецкой по Сибири — в иной композиции кусков, чем в окончательном тексте (именно, после ст. 255—266 следуют ст. 380—395, 219—234 и 267—282). Текст записан подряд, с одной вставкой после ст. 266 и не особенно значительной правкой.

Разрозненные карандашные наброски, предшествующие этой записи — на лл. 8 и 9.

Упоминание в последних строках записи л. 11—12 об Иркутске свидетельствует о том, что непосредственно после нее должна была следовать сцена разговора с иркутским губернатором (т. е. вторая половина поэмы), и, таким образом, обе указанные записи — на лл. 1 и 11—12 — можно рассматривать как полную первоначальную редакцию первой половины поэмы.

После этих двух основных записей Некрасов разрабатывал вставки и отступления.

Вставка ст. 13—62, упомянутая в помете на полях записи л. 4 (и названная там «Прощание»), записана на л. 2 почти без правки в редакции, очень близкой к окончательному тексту.

Сцена восстания на Сенатской площади (обозначенная в некрасовском плане, который будет приведен ниже, как «площадь») записана на л. 10, с значительной правкой по первоначальному связанному тексту. Предшествующий этой записи карандашный набросок ст. 299—316 на л. 7 об. записан без правки. Несколько еще более ранних записей — на л. 16 об.

Воспоминания Трубецкой об ее детстве (ст. 83—130) записаны набело, без единой поправки, на листе 5.

Черновые наброски, относящиеся к этим воспоминаниям, — на л. 3. Беловая запись ст. 111—130 — на л. 7.

Одновременно с написанием всех этих дополнительных вставок Некрасов набросал на обороте л. 4 схематический план центральной части поэмы, показывающий, каким образом должны быть связаны новые вставки с ранее написанными частями.

План таков:

Вперед! Душа полна тоски
и пр.

Ах не забыть ей той весны

Теперь увы другие сны

Другая жизнь давно

Мороз сильнее пустынной путь

и проч.

до

Направо в саване река

Налево лес

Потом площадь

Потом

Луна плыла среди небес

до инородца

Померкнул снова небосклон, —

Сменили лошадей, —

Последний <нрб> сон

В ту ночь приснился ей

Таким образом, по этому плану первая из двух первоначальных записей (л. 1) осталась неприкосновенной, но в нее были вставлены ст. 83—130 (воспоминания детства). Из второй же записи (лл. 11—12) взят только один кусок (ст. 381—396), в плане не использованы входившие в эту запись ст. 219—234 — встреча с партией ссыльных, и ст. 267—286 — о золоте и рудниках «проклятой страны»; но общая композиция кусков уже приближается к окончательной.

На лл. 3 и 4 — наброски к ст. 368—376 и 357—360, отсутствующим в законченных записях.

Первый относящийся к этой части текст — ст. 511—546, записанные на л. 13—13 об., с незначительной правкой. После текста — значок, указывающий на переход к другому листу (который в рукописях отсутствует).

Непосредственным продолжением этой записи (но в черновой стадии) является набросок ст. 547—558 (л. 16).

Далее идут наброски на лл. 14—15 — ст. 555—650 (записанные отдельными небольшими отрывками на развороте лл. 14 об. — 15 и в результате составляющие единый текст, почти без перерывов, записанные на лл. 14 об., 14 и 15 об. ранее набросков ст. 555—650).

Наконец, на л. 16 — черновые наброски ст. 819—828 и 823—848. Ст. 721—817 в этих рукописях отсутствуют (возможно, утрачен лист).

Эпизод (см. стр. 397) записан на л. 38, в редакции, почти полностью совпадающей с беловой (отсутствуют ст. 13—16).

Наборная рукопись — *ИЛИ* фонд 203 № 179.

Полная наборная рукопись поэмы — в составе *ИЛИ* Ф. 203, № 179, лл. 3—5, 8, 9 об., 9, 6—7, 10—11, 12—15, 17, 16. По беловому тексту — значительная последующая правка, вычерки и вставки на полях. Рукопись в двух частях: первая (ст. 1—547), датирована перед текстом: «23 Июля, 1871. Карабиха». Вторая — более ранняя (после текста — дата, относящаяся к карандашной правке: 16 Июля); первая страница второй части зачеркнута при объединении частей.

В этой рукописи поэма озаглавлена: «Декабристки. I. Княгиня Т[рубевкая]***. [Поэма.] Часть первая».

Княгиня М. Н. Волконская печатается по *Стих* 1873, т. III, ч. V, стр. 281—354. В заглавии и в ст. 108, 118 и 562 полностью восстановлены имена Волконского и Орловой, обозначенные Некрасовым сокращенно. Восстановлены цензурные пропуски в ст. 261—264, 869—872 и 1405—1408; ст. 223, 341—345, 1171 и 1433 даны в доцензурной редакции.

Впервые — *ОЗ* 1873, № 1, стр. 213—252. В тексте — ряд наполовину зашифрованных имен исторических персонажей (кроме указанных, — ст. 721, 1341, 1362 и 1399), ряд вычерков и вариантов цензурного характера¹: ст. 223, 233—234, 261—264, 341—345, 529—536,

---

¹ Здесь, как и в ряде других мест, имеется в виду не вмешательство цензуры, но авторская правка, вызванная опасением цензурных преследований.

565—568, 869—872, 948, 1171, 1345—1346, 1359—1360, 1405—1408 и 1433.

Поэма вошла в отдельно изданную в 1873 г. пятую часть *Стих* 1869—1873, с восстановлением цензурных пропусков ст. 529—536, 565—568, частично 1171 и 1345—1346.

В *ИЛИ* (Ф. 203, № 177, лл. 2—3) сохранилось несколько печатных страниц поэмы, вырванных из сброшированного экземпляра *ОЗ*, повидимому использованных в качестве оригинала при наборе пятой части *Стих* 1869—1873; из всего оригинала были сохранены, повидимому, только те страницы, на которых имелась собственноручная правка Некрасова.

В *Стих* 1873, где поэма была напечатана в третий раз, Некрасов мог дополнительно восстановить доцензурный вариант ст. 233—234, заполнить цензурный пропуск ст. 1359—1360 и полностью напечатать имена, данные ранее в сокращенном виде — ст. 721, 1341, 1345—1346, 1362 и 1399.

В *ИЛИ* (Ф. 203, № 177, лл. 4—5) сохранились четыре печатные страницы, вырванные из сброшированного экземпляра V части *Стих* 1869—1873 и, вероятно, использованные в качестве оригинала при наборе второго издания V части (*Стих* 1873). Рукой Некрасова полностью вписаны имена в ст. 1341 и 1345—1346 и восстановлен цензурный пропуск ст. 1359, 1360. При осуществлении этой правки в печати, в ст. 1346, вместо имени Давыдова, вписанного Некрасовым, было напечатано «Борисовы».

Первоначальные черновые наброски сосредоточены в *ЛБ* в составе 5744, лл. 17—38. Эти наброски представляют собою самую первую стадию осуществления замысла. Записанные в случайном порядке на отдельных листах, они разрознены и не сведены воедино. Немногие из них захватывают целый лист, большинство являются краткими записями, по несколько записей на страницу.

Листы рукописи теперь расположены примерно в последовательности нумерации стихов окончательного текста. В отделе вариантов, где воспроизводятся наброски¹, принята эта последовательность архивной нумерации листов (лишь примерно соответствующая порядку записей).

Полная сводная черновая рукопись — *ИЛИ* Ф. 203, № 180, лл. 2, 4, 3, 5—7, 9, 10, 8, 12—20, 24, 25, 22, 23, 26—31. Рукопись объединена из отдельных кусков, писанных одновременно с одновре-

---

¹ Сколько-нибудь крупные наброски, соотносимые с соответствующими стихами основного текста, по возможности сокращены и даются в виде вариантов к основному тексту.

менной написанию правкой и характерными для первого сводного черновика разрывами связности текста в результате одновременной правки. Последняя редакция рукописи дает единый связный текст. На лл. 20 и 31 (последнем) — даты «21 июля» и «17 июля 1872» (относятся к моменту оковчания первоначальной записи).

Из наиболее существенных отличий этого текста следует отметить варианты: после 68, после 176, отсутствие ст. 303—318 и 433—452 и 893—904, после 908, после 1024, вместо 1118—1120, после 1180.

Полная наборная рукопись поэмы — *ИЛИ Ф.* 203, № 181. Текст переписан рукою А. А. Буткевич с предыдущей сводной черновой рукописи. По этому беловому тексту — правка Некрасова, после текста его подпись и (рукою Буткевич) дата «17 июля 1872».

Некрасов подверг рукопись существенной правке. Он вычеркнул ст. после 68, переработал ст. вместо 668—670, вписал ст. 685—708, доработал и расширил ст. вместо 893—908, вычеркнул ст. после 1024, вписал ст. 1101—1104.

В ст. 948 первоначальное чтение:

Попы у харчевен дерутся

было заменено чтением:

Продрогшие куры дерутся

(как и осталось во всех печатных текстах).

1 8 7 5

СОВРЕМЕННОКИ

Часть первая

ЮБИЛЯРЫ И ТРИУМФАТОРЫ

(Стр. 91)

Судя по газетам семидесятых годов, всевозможные юбилейные чествования стали в то время очень распространенным явлением. Например, в 1875 году, наряду с юбилеями артиста В. В. Самойлова, писателей А. Ф. Писемского и П. И. Мельникова-Печерского, в Москве был отпразднован с особенной пышностью юбилей третьестепенного переводчика Федора Миллера, а вслед за столетними юбилеями различных полков лейб-гвардии справили юбилей «какого-то ветхого деньми трубача» («Биржевые ведомости», 1875, № 237 от 29 августа).

В той же августовской книге «Отечественных записок», где напечатаны «Юбиляры и триумфаторы» Некрасова, появился «Сон в летнюю ночь» Щедрина. В форме фантастического сновидения там

были изображены юбилей мелкого чиновника и рядового крестьянина, причем Щедрин в этом рассказе ссылался на господствующую в России «манию праздновать всякие юбилей» («Отечественные записки», 1875, № 8, стр. 381—416).

Тогдашние критики утверждали в газетных статьях, будто и рассказ Щедрина, и стихотворение Некрасова направлены против юбилейных торжеств («С.-Петербургские ведомости», 1875, № 229 и «Биржевые ведомости», 1875, № 237).

Это ложное понимание обеих сатир вызвало отповедь М. Е. Салтыкова. О рецензенте «Биржевых ведомостей» Салтыков писал из Парижа Некрасову 16 сентября 1875 года: «Он очень серьезно думает, что я против страсти к юбилеям протестую — каков дурачина!.. Точно так же и Буренин, яко подлец, и вашим стихам <то есть «Юбилярам и триумфаторам»> придает ту же нелепую цель» (Н. Щ е д р и н (М. Е. С а л т ы к о в). Полное собрание сочинений, т. XVIII, Л.—М. 1937, стр. 303).

Действительно, «Юбиляры и триумфаторы» (как и «Сон в летнюю ночь») далеки от той «нелепой цели», которую приписали им газетно-журнальные критики. Поэт воспользовался формой юбилеев, чтобы заклеить ненавистных ему общественных деятелей под видом их юбилейного чествования.

Зала № 1 едва ли изображает какую-нибудь определенную личность. Цель этого отрывка — показать, как низок был уровень нравственных требований, предъявлявшихся либеральной общественностью к государственным деятелям: «старца» (очевидно, генерал-губернатора) чествуют и благодарят лишь за то, что он не оказался казнокрадом и не разорил вверенное ему население.

Зала № 2. По цензурным условиям личность «героя», которого чествуют здесь, обрисована недостаточно ясно. Не сомневаемся, что это граф Д. А. Толстой (1823—1889), тогдашний министр народного просвещения, боровшийся крутыми полицейскими мерами с революционной учащейся молодежью 70-х годов. На эту мысль раньше всего наводят стихи:

Герою подносили
Магницкого портрет.

В журналистике того времени имя Д. А. Толстого постоянно связывалось с именем известного изувера, ханжи и доносчика М. Л. Магницкого (1778—1844), который при Александре I, в должности попечителя Казанского учебного округа, подверг полному разгрому Казанский университет. В 1871 году М. Е. Салтыков писал А. Н. Пышину об одном из персонажей «Истории одного города»: «Парамоша совсем не Магницкий только, но вместе с тем и граф Д. А. Толстой».

(Н. Щ е д р и н (М. Е. С а л т ы к о в). Полное собрание сочинений, т. XVIII, Л.—М. 1937, стр. 234).

В либеральном «Голосе» в 1875 г. был напечатан большой фельетон «Письмо Магницкого к профессору Московского университета Н. А. Любимову». Так как Любимов был одним из исполнителей толстовской программы, тогдашним читателям было понятно, что это письмо адресовано в сущности не ему, а Толстому. Именно по поводу реформ Толстого автор фельетона заставлял Магницкого воскликнуть: «Я трепещу от восторга, завидев из гроба осуществление моих задушевных мыслей» («Голос», 1875, № 79 от 20 марта). В нелегальной печати сочетание этих имен было обычным явлением (см., например, Письмо к гр. Д. А. Толстому, «Вперед» от 1 августа 1875 г.; письмо это приписывается Щедрину (см. Н. Щ е д р и н (М. Е. С а л т ы к о в). Полное собр. соч., т. VIII, М. 1837, стр. 281—286 и 485—496). Результаты деятельности гр. Д. А. Толстого сводились к насаждению порочной системы обучения, т. н. «классицизма», к ежегодному исключению из гимназий более 9.500 учащихся, уничтожению автономии университетов, распространению среди юношества системы шпионства, проникающей даже во взаимные отношения детей и родителей (см. «М. М. Стасюлевич и его современники», СПб. 1912, т. II, стр. 205).

Двустипшие Некрасова о лукавых крамольниках, которых нужно беспощадно «разить», метило опять-таки в Д. А. Толстого; 24 мая 1875 года последний разослал всем попечителям учебных округов секретную записку министра юстиции Палена, где сообщались «достоверные сведения» о «преступной пропаганде», обнаруженной в 37 губерниях Российской империи, и о мерах борьбы с нею. Препровождая эту записку своим подчиненным, Толстой в особом циркуляре указывал, что «революционеры избрали орудием своей гнусной пропаганды юношество и школу», и рекомендовал педагогам довести до сведения «наиболее понятливых» школьников, что «несчастные политические фанатики, недоученные юноши, затевают провести в народ свои несбыточные фантазии, не гнушаясь при этом ни воровством, ни грабежом, ни даже убийством» («Журнал Министерства народного просвещения», 1875, № 6, стр. 45—47).

В стихотворном отрывке «Были вы вчера студенты» Некрасов довольно близко пародирует этот циркуляр Д. Толстого (см. в настоящем томе стр. 402—403); отрывок первоначально предназначался для первой части «Современников».

Зала № 3 посвящена тогдашнему увлечению театральными спектаклями легкого жанра. В 1870 г., на углу Александринской площади и Толмазова переулка в Петербурге, открылся театр «Опера-

Буфф». На певец и танцовщиц «Буффа» действительно швырялись огромные деньги. Гастролировавшая в этом театре каскадная актриса Жюдики получила от петербургских поклонников в день своего бенефиса стрелу с крупными бриллиантами и сапфирами, пять бриллиантовых звезд и великолепный бриллиантовый браслет. По окончании сезона (27 апреля) она же получила большой ящик серебряных вещей в русском стиле: жбан, тарелки, солонки и пр. («Голос», 1875, №№ 108 и 118). Вообще, из Петербурга она увезла около двухсот тысяч франков, «заработанных ею в течение нескольких месяцев» («Московские ведомости», 1875, № 111). См. также письмо В. М. Гаршина к матери, написанное в марте 1875 г. (В. М. Гаршин. Полное собр. соч., М.—Л. 1934, т. III, стр. 38).

Описывая в *Зале № 5* заседание ученых агрономов, Некрасов отразил в своей сатире катастрофическое положение скотоводства, о котором в газетах 1875 года печатались тревожные известия с мест. Приводим из множества газетных корреспонденций одну, процитированную в журнале Некрасова: «Цены на скот предлагаются крестьянами самые ничтожные, лишь бы только сбыть животных с рук, но никто не решается покупать их, потому что кормить нечем. Говорят, что если еще с неделю не сойдет снег и не появится трава, то весь скот пропадет» (Внутреннее обозрение, «Отечественные записки», 1875, № 5, стр. 155).

Нам не удалось установить, кого чествуют в *Зале № 6*. Несомненно, что, изображая неудачливого изобретателя плохих броненосцев и негодных «смертоносных гранат», Некрасов имеет в виду определенную реальную личность.

В *Зале № 7* изображается пир библиографов. Зосим Терентьевич Ветхозаветный — это, как мы полагаем, редактор-издатель «Русской старины» Михаил Иванович Семевский (1837—1892), историк, собиратель историко-литературных реликвий, снабжавший их в своем журнале слащавыми предисловиями и примечаниями.

В черновом автографе Ветхозаветному была придана внешность Семевского:

Настежь дверь... толпа густая,
На столе один настой.
Некто, счастием сияя,
Коренастый, небольшой,
Взяв во длань, горё подъяту,
Лист бумаги, а другой
Опираясь на лопату
Возглашает:

«Дорогой
Случай свет нас ныне вместе.....»

Об отношении руководителей «Отечественных записок» к М. И. Семевскому см. Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину, М. 1935, стр. 51—56, 107. «Это ужасный холоп», — писал о нем Салтыков-Щедрин (Полное собрание сочинений, т. XIX, М. 1939, стр. 242).

Возможно, что под именем *Тяпушкина* здесь выведен крестьянин-стихотворец Федор Никифорович Слепушкин (1783—1818). *Миша* — Михаил Николаевич Лонгинов (1823—1875) — библиограф, в то время начальник пензурного ведомства, беспощадный гонитель прогрессивной печати (Н. Некрасов, Тонкий человек, М. 1928, стр. 271). Петр Иванович *Бартенев* (1829—1912) — редактор «Русского архива», историк. Петр Александрович *Ефремов* (1830—1907) — библиограф, секретарь редакционного комитета по изданию «Складчины» (см. II том настоящего издания, стр. 789).

Некрасов вообще отрицательно относился к крохоборству текстологов и библиографов, производивших мелочные раскопки в документах минувшей эпохи, лишенных внутренней связи с живой современностью (см. его пьесу «Как убить вечер», а также его анонимную статью в «Свистке» «Господин Геннади, исправляющий Пушкина», ЛН, стр. 330).

Но заметку сам *Тургенев* в «Петербургских» поместит. — В семидесятых годах Тургенев часто помещал в газетах и журналах небольшие заметки на различные темы в виде «Писем в редакцию». Большинство этих заметок было напечатано в либеральных «С.-Петербургских ведомостях» В. Ф. Корша. (Они собраны в «Русских пропалеях», т. III, М. 1916, стр. 175, 176, 186, 196, 202, 226, 230 и др.)

В «Отечественных записках» две предшествующие строки печатались так:

Позавидует Бартенев
И Ефремов затрещит.

Но в дальнейших изданиях установлена другая редакция:

Позавидует Бартенев
И Семевский затрещит.

По сообщению П. А. Ефремова, это произошло потому, что Семевский, узнав себя в Ветхозаветном, обиделся. «Чтобы сделать невозможным приписывание этой характеристики Семевскому», поэт в дальнейших строках заменил Ефремова Семевским (А. М. Л о в я г и н. Из бесед с П. А. Ефремовым. «Доклады и отчеты Русского библиографического общества», вып. I, СПб. 1908, стр. 11).

Зала № 9 — сатирический отклик на одну из модных затей того времени — устройство так называемых народных гуляний с благотворительной целью. «Приглядитесь к афишам, к объявлениям на улицах, — писал один из тогдашних обозревателей столичной жизни. — Почти не проходит недели, чтобы заборы и стены домов не украшались публикациями о народном празднике. Подкладка под этим народным праздником — лотерея, выигрыши которой рассчитаны на народ: это непременно тройка и непременно корова. Без тройки и коровы не обходится ни один народный праздник. Вы делаете сто тысяч билетиков, из которых девяносто девять тысяч пусты» (Н е з н а к о м е ц (А. С. Суворин). Очерки и картинки, СПб, 1875). Пустые бросались тут же на землю; отсюда четверостишие Некрасова:

И побелели
Дорожки сада,
Как будто в мае
Послал бог снегу.

Общество гастрономов, изображенных в *Зале № 10*, действительно существовало в Петербурге, и на собраниях этого общества ставились «баллы за кушанья и вина» (А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания. М.—Л. 1929, стр. 266). В бумагах В. П. Гаевского сохранилась следующая записка Некрасова от 6 января 1874 г.: «Милейший друг, Ламанский обещал записать Унковского и Салтыкова на гастрономический обед 23 января. Нельзя ли мне попасть туда в этот день? Очень бы желательно. Что для сего следует предпринять?» (Н. А. Некрасов, Собр. соч., т. V, М.—Л. 1930, стр. 516). Возможно, что поэт намеревался посетить этот обед именно для того, чтобы описать его в своих «Современниках». Из письма Некрасова видно, что он не только не был завсегдаем этого гастрономического общества, как ошибочно утверждают некоторые мемуаристы, но, напротив, стоял от него так далеко, что нуждался в содействии друзей, чтобы побывать на одном из его «заседаний».

В черновом автографе указано, что изречение, напечатанное в первой строфе:

Бывали хуже времена,
Но не было подлей, —

«принадлежит г-же Крестовской (псевдоним)». Некрасов имеет в виду талантливую беллетристку М. Д. Хвоцинскую (1825—1889), сотрудницу «Отечественных записок» и «Вестника Европы», подлизовавшую свои произведения—В. Крестовский (псев-

дним). За несколько месяцев до того, как была написана первая часть «Современников», в «Вестнике Европы» появился цикл ее рассказов «Альбом. (Группы и портреты)», где дана та мрачная оценка наступившей эпохи, которую суммирует Некрасов в приведенных стихах. Этим очеркам, которые впоследствии были озаглавлены: «У фотографа», «В суде», «Риднева», журнал Некрасова посвятил большую статью, где указывалось, что «они возбуждают мучительную тоску и ужас». О персонажах очерков автор статьи говорил: «Вам становится как-то жутко не только за всех этих людей, которым море по колено и у которых нет ничего в голове ни вчерашнего, ни завтрашнего, но и за все общество, наполненное этими людьми. В вас словно пробуждается совесть, и вы сознаете себя участниками в каком-то отвратительном преступлении» (А. С к а б и ч е в с к и й, Наша современная беззаветность, 1875, № 10, стр. 153—193).

В тексте «Отечественных записок» исключенные автором сцены были обозначены точками. Салтыков-Щедрин писал Некрасову тотчас же после появления сатиры:

«Стихи отличные, только выпущенного жалко» (Н. Щ е д р и н (М. Е. С а л т ы к о в). Письма, Л.—М. 1937, т. XVIII, стр. 303).

При жизни Некрасова «Современники» были перепечатаны в его книге «Последние песни» (1877), и при этой перепечатке поэт еще более сократил первую часть поэмы, исключив оттуда отрывки «Военный пир... Военный спор...» и «Председатель казенной палаты». Эти отрывки печатаются в приложении к настоящему тому на стр. 400 и 401.

Кроме того, в «Отечественных записках» был еще Зал № 12, тоже впоследствии исключенный поэтом:

Путь, отечеству полезный,
Ты геройски довершил <и т. д.>

См. приложения на стр. 401.

Судя по беловому автографу, в эту же первую часть сатиры Некрасов вначале намеревался ввести два отрывка: «Послушайте, не много ль?» и «Новый губернатор» (тоже отнесенные в приложение к настоящему тому на стр. 400 и 402).

Часть вторая

ГЕРОИ ВРЕМЕНИ

(Стр. 104)

Вскоре после крестьянской реформы в России началась так называемая «железнодорожная горячка». Три четверти капитальных

вложений в народное хозяйство стало идти на постройку железных дорог. В 1857 г. вся железнодорожная сеть составляла всего 670 верст, а к 1876 г. она составила 16.700 верст, то есть увеличивалась почти в 25 раз. Качество новых дорог было низким, и их постройка наносила государственному бюджету огромный ущерб, так как правительство почти всегда гарантировало доход предприятия, сплошь и рядом крайне убыточного. Средства на постройку выдавались правительством в виде облигационных займов, отчего казна ежегодно терпела многомиллионный дефицит. «Отечественные записки» Некрасова относились к этой «вакханалии концессионного предпринимательства» весьма отрицательно, ибо видели в ней одну из форм ограбления народа. «У нас свирепствует теперь железнодорожная горячка... — писал в 1875 г. Г. З. Елисеев. — Россия украсилась действительно нужными и совершенно ненужными железными дорогами по всем направлениям. Деньги на постройку железных дорог сыплются миллиардами. Все эти расходы сваливаются на мужика. Мужик зарабатывает и облигационный капитал, на который строятся железные дороги, и гарантии на облигации, и акции» (Г. З. Е л и с е е в. Внутреннее обозрение, 1875, № 6, стр. 236).

Биржевая спекуляция дошла до необычайных размеров и приняла эпидемический характер. Выдвинулся ряд «плутократов» (как называли тогда разбогатевших биржевых и железнодорожных дельцов): Губонин, Варшавский, Блюх, Поляков, фон-Дервиз, фон-Мекк и другие. «Дома Невского проспекта покрылись вывесками банкирских контор и акционерных обществ» («Отечественные записки», 1876, № 3, стр. 164). Для успешного осуществления своих махинаций «плутократы» привлекали к себе на службу интеллигенцию: инженеров, чиновников, адвокатов, профессоров, журналистов. Эти «купленные» интеллигенты ревностно служили своим новым хозяевам, получая от них огромные куши. Началось бешеное швыряние денег. «Какже, братец, у меня рысаки! Каких двух французенок содержу — пальцы оближешь! Кутим напрапаю! Об обстановке и говорить нечего: отделка одного кабинета стоит 20 тысяч. Свой зимний сад завел!» — таковы были, судя по одной из статей Г. З. Елисеева, типические разговоры интеллигентов новейшей формации (Внутреннее обозрение, «Отечественные записки», 1875, № 4, стр. 308).

Дополнительной тяжестью на стоимость строительства железных дорог легли колоссальные взятки, которые платились «плутократами» различным представителям власти за получение выгодных концессий.

Слова В. И. Ленина, сказанные о более поздней эпохе, вполне применимы и к тем временам, когда была написана сатира Некрасова: «В русском капитализме необъятно сильны еще черты азиатской примитивности, чиновничьего подкупа, проделок финансистов, которые делают свои монопольные доходы с сановниками» (В. И. Л е н и н. Сочинения, изд. 3, т. XXX, М.—Л. 1936, стр. 216).

Не брезгали взятками даже представители царской фамилии. Шеф жандармов П. А. Шувалов рассказывал, как в семидесятых годах брат царя Николай Николаевич Старший, генерал, инспектор кавалерии, усиленно хлопотал об утверждении Государственным советом железнодорожной концессии и притом сам хвалился, что в случае удачи концессионеры дадут ему за его хлопоты двести тысяч рублей (Е. М. Ф е о к т и с т о в. За кулисами политики и литературы, Л. 1920, стр. 311—312).

Крупнейшей взятчицей была фаворитка Александра II, княжна Екатерина Михайловна Долгорукая (1847—1922), ставшая впоследствии женою царя и получившая в 1880 г. титул светлейшей княгини Юрьевской. Как свидетельствует Витте, «через княжну Долгорукую устраивалось много различных дел, не только назначений, но прямо денежных дел, довольно неопытного свойства» (Граф С. Ю. В и т т е. Воспоминания, Л. 1924, т. III, стр. 258—259).

В мемуарной литературе есть сведения, что Долгорукая затребовала через посредство своих приближенных у железнодорожного дельца фон-Мекка взятку в полтора миллиона рублей за хлопоты о предоставлении концессии на Конотопскую железную дорогу, причем выяснилось, что в борьбе дельцов из-за концессий принимает близкое участие сам Александр II. Возможно, что Некрасов, говоря об Эдуарде Гроше:

Он туда протиснет взятку,
Что руками разведешь!..—

разумел именно Зимний дворец. Царь так близко принимал к сердцу аферы Долгорукой и ее приближенных, что, когда министр путей сообщения Бобринский сделал попытку противодействовать интригам этих лиц, царь отрешил его от должности министра (Е. М. Ф е о к т и с т о в. За кулисами политики и литературы, Л. 1929, стр. 306—311).

Александр II заставлял своих министров отдавать концессии на постройку железных дорог тем подрядчикам, которые обещали миллионные взятки его фаворитке; жена, братья и сыновья Александра II входили в подобные сделки с железнодорожными дельцами;

царь приказывал выдавать из народной казны содержание фавориткам его сыновей и, как сообщают, приказал отпечатать для него на огромную сумму процентных бумаг с фальшивыми номерами серий и старался «выменять эти серии по их номинальной стоимости на действительные деньги!» (С. Ш т р а й х, Разоблаченная фальсификация. Предисловие к запискам А. И. Д е л ь в и г а, Полвека русской жизни, книга 1, М.—Л. 1930, стр. 18).

Одним из отъявленных взяточников был реакционный публицист М. Н. Катков, редактор газеты «Московские ведомости». По словам одного современника, Катков систематически получал крупные куши у многих железнодорожных дельцов. «Мне подлинно известно, — свидетельствует Б. Н. Чичерин, — что учредители Мариинско-Сызранской линии дали ему из рук в руки 5.000 рублей... Десять тысяч рублей были ежегодным приношением Лазаря Соломоновича Полякова» (Б. Н. Ч и ч е р и н. Воспоминания).

Воздействие «плутократов» на прессу сказалось и в том, что старейшая либеральная газета «С.-Петербургские ведомости» именно тогда перешла в руки владельца банкирской конторы Ф. П. Баймакова, который, приобретя ее при помощи взяток, сделал ее орудием своих биржевых махинаций. «Повидимому, дальше идти некуда! — восклицал по этому поводу Г. З. Елисеев в «Отечественных записках». — Банкирская контора — представительница общественных идеалов и возвышенных принципов гражданской деятельности!! Куда же еще идти? Соскочив с крутизны возвышенных принципов шестидесятих годов в банкирскую контору, журналистика сделала изумительный сальто-мортале. Биржа, сделавшись центром общественного движения, берет в свои руки текущую литературу и делает ее служебным орудием для своих целей» («Отечественные записки», Внутреннее обозрение, 1875, № 7, стр. 146—147).

«Развитие наших банковских операций, — утверждал в том же журнале другой публицист, — вовсе не соответствует росту нашей промышленности; главная задача всех наших кредитных учреждений — служить развитию не промышленности, а биржевой игры...» (А. Ф. Г о л о в а ч е в, Мысли вслух, «Отечественные записки», 1875, № 10, стр. 234).

Из приводимых цитат можно видеть, что в 1875 г. «Отечественные записки», защищая интересы народа, вели — объединенными силами всех своих постоянных сотрудников: Салтыкова, Елисеева, Головачева, Гл. Успенского и др. — организованный поход против усилившейся тогда «плутократии» и что, включившись в этот поход своими «Героями времени», Некрасов выполнил боевую задачу журнала.

Реакционная критика предпочла использовать эту сатиру Некрасова не в политическом, а исключительно в нравственном плане: «Падение всяких нравственных идеалов, — писал один из публицистов славянофильствовавшего «Русского мира», — купля и продажа всего на свете, циничная вакханалия торжествующего золота — вот картина, рисуемая теперь большими и малыми нашими художниками... Автор «Современников» выводит таких людей, заставляет их говорить такие речи, что читателю становится гадко; напрасно ищет он в ком-нибудь из них признаков человеческого чувства — здесь все не люди, а хищные звери» (В с е в. С о л о в ь е в, Современная литература, «Русский мир», 1875, № 31).

Между тем вся сатира Некрасова написана отнюдь не для искоренения безнравственности, а для изобличения того социального строя, который мог поощрять такую организацию хищничества, направленного к ограблению народа. Недаром на этом роскошном пиру плутократов вдруг — на один миг — появляются жертвы их грабительской деятельности, замученные нуждою крестьяне, у которых

Хлебушка нет,
Валится дом, —

и Некрасов устраивает изображаемой им шайке разбойников как бы вечную ставку с их жертвами.

Современный Митрофан в черном фраке — Абрам Моисеевич В а р ш а в с к и й, крупный железнодорожный делец, учредитель Скопинской железной дороги, которого Щедрин именовал «Мерзавским» (Н. Щ е д р и н (М. Е. С а л т ы к о в). Дневник провинциала в Петербурге, Полное собр. соч., Л. 1936, т. X, стр. 287). О нем сохранилась собственноручная запись Некрасова (ИЛИ):

Варшавский всегда во фраке
и белом галстуке
и всегда от министра
Почетный легион
Цалуется.
И сын его живет как царь,
Глуп во всем,
Постоянно лжет.

Орденом Почетного легиона, по словам Михайловского, Варшавский был награжден за услуги, оказанные им французской промышленности заказами для русских железных дорог («Отечественные записки», 1874, № 11, стр. 223).

В марте 1872 г. на Варшавского жаловалось земство Смоленской губернии за то, что он разоряет крестьян и морит голодом своих

рабочих. Журнал Некрасова отнесся к этим жалобам с большим сочувствием (Н. А. Д <е м е р т>. Наши общественные дела, «Отечественные записки», 1872, № 6, стр. 241—246).

В том же 1872 г. «государь император всемилостивейше соизволил пожаловать орден св. Станислава 2-й степени коммерции советнику Варшавскому» («С.-Петербургские ведомости», 1872, № 141).

В дальнейшем Некрасов снова говорит о Варшавском:

На уме чины да куши,
Пассажиров бьет гуртом

и т. д.

Литература всех лагерей не могла не отразить этого нового этапа из истории русской общественной жизни. П. Д. Боборыкин написал роман «Дельцы» (1872—1873), А. Ф. Писемский — драму «Ваал» (1873), где изображается оргия тогдашнего хищничества и действующими лицами являются казнокрады, подрядчики, продажные адвокаты, акционеры. Ф. М. Достоевский в романе «Подросток» (1875) на первых же страницах заговорил о биржевиках и банкирах, а главного героя, «подростка», изобразил романтиком наживы.

Глеб Успенский шутя утверждал, что даже крестьянские девушки цели тогда в деревнях:

И тарифам, и концессиям,
И субсидиям, и гарантиям
Сла-а-ва.

(«Голос минуеисго», 1915, № 10, стр. 237.)

Изображенные в «Современниках» лица, в огромном своем большинстве, взяты Некрасовым из тогдашней действительности.

Под именем Федора *Шкурина* изображен, по нашему мнению, железнодорожный магнат Петр Ионыч *Губонин*, который любил повторять о себе, что он «вышел из недр народа», что он «русский мужик», «паш брат русак» и т. д.

Очевидно, рассказ о том, как он дергал щетину из живых свиней, был основан на подлинные факты его биографии, так как подобный же метод обогащения указан в трагедии А. Ф. Писемского «Просвещенное время» (1874), где выведен директор компании «по выщипке руна из живых овец».

Губонин пользовался особым (и далеко не бескорыстным) покровительством Александра II.

Савва Антихристов, «старец, прошедший сквозь медные трубы» — это бывший откущик В. А. *Кожков* (1817—1889), изве-

стный миллионер, учредитель Волжско-Камского банка, прикрывавший свои темные аферы либеральными статьями и застольными спичами в похвалу «простого мужика». Его жестокое обращение с рабочими разоблачено в некрасовском журнале знаменитой статьей Добролюбова «Опыт отучения людей от пищи» («Современник», 1860, № 5; «Свисток», стр. 4). В «Медвежьей охоте» Некрасов назвал его «кабачным гением».

Выступил новый оратор меняло — писклива была его речь. Пискливость речи этого оратора объясняется тем, что менялами были в то время скопцы. «Меняло — гладкая бородка (скопек)» — говорится у Даля («Пословицы русского народа», М. 1862, стр. 582. Ср. у Щедрина, «месяльная секта» в «Современной идиллии» (Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собр. соч., т. XV, М. 1940, стр. 144). Хотя в последней редакции «Современников» дан другой вариант:

Выступил новый оратор
Меняло — но я прозевал его речь, —

мы сохраняем более раннюю редакцию, так как не сомневаемся, что этот второй вариант был заготовлен поэтом на тот случай, если бы речь скопца по цензурным условиям не могла появиться в печати.

Цензура не изъяла этой речи, и заготовленный вариант оказался не нужен. Речь беспрепятственно появилась в последнем из прижизненных изданий Некрасова. Однако, работая над этим изданием во время смертельной болезни, Некрасов не мог уже с прежней внимательностью править свои корректуры. Вследствие этого в последнее прижизненное издание проник вариант:

Выступил новый оратор
Меняло, но я прозевал его речь,

хотя из ближайших же строк выясняется, что автор совсем не «прозевал» этой речи, так как она полностью приводилась на той же странице.

Государственный перьях, которого бранит «первый голос», — адмирал *К. Н. Посьет* (1819—1899), назначенный в 1874 г. министром путей сообщения. Его предшественником на этом посту, о котором у Некрасова говорится, что он «много лучше», был граф *А. П. Бобринский* см. ниже (о нем). «В публике постоянно слышались неодобрительные отзывы о назначении Посьета, — говорит *А. И. Дельви́г*, — находили, что он не способен <управлять министерством>, не зная технической части путей сообщения, и что он не имеет никакой опытности в администрации» (*А. И. Дельви́г*,

Полвека русской жизни. М.—Л. 1930, т. II, стр. 517). Указания Некрасова на то, что этот «государственный перяха» «сажал нас на мель в море», есть прямой намек на Посыета, который, как известно, командуя в Немецком море фрегатом, где находился вел. князь Алексей Александрович, столкнулся с другим кораблем. «По закону его судили и признали до некоторой степени виновным». (Граф С. Ю. В и т т е, Воспоминания, Л. 1924, т. III, стр. 204.) Против Посыета в сатире Некрасова направлены также слова «коммерсанта»:

Погляди, моряк на суше.

Четверостишие, начинающееся строкой «С ним теперь и смех и горе», в досоветских изданиях заменялось точками, так как в нем заключалось слишком явное указание на министра. В одном из ранних вариантов отмечено, что Посыет был подкуплен дельцами, чтобы подать в Государственном совете голос за нужного им человека:

Отложили на неделю:
Все испортил бегемот.
Вот господь послал Емелю:
Доложил наоборот.
Позабыл, что не за Паха,
А за Врангеля стоит.
Государственный перяха:
Подавая голос, спит.

Адепты севера и юга, спорящие о «пути до рудников», — сторонники двух разных направлений проектируемой Сибирской железной дороги...Сторонники южного направления отстаивали путь на Казань, сторонники северного — на Вятку (см., напр., «С.-Петербургские ведомости», 1875, № 12). Полемика среди заинтересованных лиц влась несколько лет и дошла до крайнего напряжения на съезде «Общества для содействия русской торговле и промышленности» (26 марта — 19 апреля 1875 г.). В мае того же года Комитет министров значительным большинством утвердил ю ж н о е направление Сибирской железной дороги. Салтыков-Щедрин еще в 1872 году высмеивал эти проекты, видя в них раньше всего усиление сибирской ссылки и каторги: «Во сне мне видится железная дорога от Петербурга до самого устья Печоры. Локомотив, пыхтя и свистя, несется в необозримую даль; болотные трясины содрогаются, леса оглашаются бесконечным эхом, испуганные звери и птицы скрываются куда-то далеко в непроглядный мрак. На поезде сидит жандарм и какой-то партпкулрный молодой человек <т. е. политический ссыльный>. И мчатся эти люди день и ночь, худо спят, наскоро закусывают, бегут, спешат, как будто и нивесть какие

приятства ожидают их в устье Печоры» («Дневник провинциала в Петербурге». С а л т ы к о в - Щ е д р и н, Полное собр. соч., т. X, Л. 1936, стр. 290). Некрасов тоже говорит о Сибирской железной дороге как о «пути до рудников».

Соломка, которую концессионерам «постлатъ не мешает», — это взятки, раздававшиеся разным влиятельным лицам: чиновникам министерства финансов и путей сообщения, а также всевозможным газетным «адептам» южного или северного направления Сибирской железной дороги.

Нахал, испеченный на французском масле, — это Иван Варгуни, видный член правления в Обществе взаимного кредита. В черновом автографе (*ЛБ*) есть запись: «Варгуни — сальный, толстый, на фр<анцузском> масле, сд<еланном> из сала». Ефремов утверждал, что восьмистишие «Человека накачали» тоже относится к Варгунину («Доклады и отчет Русского библиографического общества», вып. I, СПб. 1908, стр. 11).

В четверостишии, начинающемся строкой:

Слыл умником и в ус себе не дул,

поэт имеет в виду гр. А. П. Бобринского (1826—1894), морского министра с 1871 г. по 1874 г. Это четверостишие, записанное в тетради Л. А. Еракова в виде отдельной эпиграммы, озаглавлено: «Алексею Павловичу Бобринскому» и подписано: экспромт Н. А. Некрасова 4 декаб<ря> 1875 (*ЛБ*). Фонд 134, № 12, л. 17 об. Сообщено С. А. Рейсером). (Об А. П. Бобринском см. А. П. Д е л ь в и г, Мои воспоминания. Полвека русской жизни, т. II, М.—Л. 1930, стр. 360—368.)

Авраам-изыскатель, — по нашему мнению, Самуил Соломонович П о л я к о в, строитель Козлово-Ростовской и Курско-Азовской дорог, учредитель Петербургско-Московского банка.

Тот «продавец», которому в сатире Некрасова он дает своеобразную взятку, платя ему высокую цену за семьдесят семь десятин никуда негодного болота, был министр почт и телеграфов граф Иван Матвеевич Толстой, брат Феофила Толстого. В благодарность за эту взятку Толстой оказал Полякову протекцию и таким образом помог ему нажить колоссальные деньги (Граф С. Ю. В и т е, Воспоминания, Л. 1930, т. III, стр. 97).

Поляков и впоследствии давал взятки министру Толстому: за предоставление концессии Козлово-Воронежской железной дороги Толстой получил от Полякова акций на 500.000 руб. (А. И. Д е л ь в и г, Полвека русской жизни, М.—Л. 1930, т. II, стр. 310—312).

В отрывке:

Слышны толки: «леность... пьянство...
Земство... волость... мужики...»—

изображен съезд петербургских дворян, происходивший в марте 1875 г. На этом съезде выказались стремления крупного многоземельного дворянства к реставрации дореформенных порядков. Упомянуты здесь *Давыдов* и *Лобанов* — граф *В. П. Орлов-Давыдов* и князь *Н. Б. Лобанов-Ростовский*. Они выступили на съезде с проектами «всесословной волости», требуя, чтобы полицейская опека над крестьянами снова была передана в руки помещиков. Князь Лобанов говорил, напр., на заседании 18 марта: «Основание самоуправления касательно полицейской власти заключается в том, чтобы она была вручена значительному числу местных лиц с независимым положением» (т. е. дворянам). После долгих прений мелкопоместное дворянство, отнюдь не заинтересованное в контрреформах, отвергло оба проекта. Стихи Некрасова с точностью передают эти прения (см. анонимную статью, посвященную съезду дворян: «Поиски за гражданским идеалом», «Отечественные записки», 1875, № 5, а также отрывки из «Современников», помещенные в настоящем томе на стр. 403—407).

«Песня об орошении» тоже основана на злободневных фактах тогдашней действительности. В 1874 г., в связи с голодом в Самарской губернии, было выдвинуто несколько проектов орошения заволжских степей. Наиболее блестящие перспективы сулил проект заграничной фирмы Эрикке и К°, который при ближайшем рассмотрении оказался беззастенчивой аферой, не имеющей реальной основы. «Естественно, — писала одна из тогдашних газет, — что многие очень серьезное придали значение огульному орошению, якобы возможному в степях, а спекуляция <...> подоспела как раз с гигантским проектом орошения целой Новороссии, земли Войска Донского, всех степей Самарской губернии и тому подобных местностей» («Голос», 1875, № 32). «Таким образом, — замечал Г. З. Елисеев, — такое страшное бедствие, как самарский голод, дало толчек только спекуляции, которая, в случае удачи, произведет еще более разорений и опустошений, чем самый голод» («Отечественные записки», 1875, № 5, стр. 157—160).

Вот москвич — родоначальник этой фракции дельцов — Иван Кондратьевич Бабст (1823—1881), ученик Грановского, экономист буржуазно-либерального направления, бывший сотрудник радикальных журналов, впоследствии — правая рука Самуила Полякова, управляющий Московским купеческим банком и редактор «Обзора промышленности».

Леонид, состоявший «на посылках при Савве» — Иван Алексеевич *Вышнеградский* (1831—1892), профессор, директор Технологического института, автор ученых трудов по механике, впоследствии министр финансов. Когда Вышнеградский «состоил при Блюхе», А. С. Суворин, тогда еще не ставший ренегатом, называя его верным слугой плутократии и восклицал в одном из своих фельетонов: «Бедный профессор! Мы <...> не можем не пожалеть почтенного человека, которому «хозяин» резко замечает, не стесняясь присутствием посторонних лиц: «полно болтать этот вздор!» «Бедный профессор!» (Незнакомец (А. С. Суворин), На бирже и у господ плутократов, «Очерки и картинки», книга 1, СПб. 1875, стр. 105—115).

Должно быть, к нему же относятся строки Некрасова о «новейшем философе»:

Ничего не будет нового,
Если завтра у него
На спине туза бубнового
Мы увидим... ничего!

и т. д.

Бубновый туз, вшитый в спину халата, — отличительный знак уголовного преступника.

По поводу «цинической остроты» Леонида Некрасов записал в черновике:

«— Вышнеградский: не все ли равно сидеть на стуле, на котором положена печать. Не<большого> р<осту>, кр<епкий>, из поповичей, спец<иалист по> механике».

Барон *фон-Клоппенгорст* — остзейский барон Герстдорф. Это указано в автографе (ЛВ), где есть такие прозаические строки: «На ревельской (железной дороге) все бароны, — кондукторы, начальники, — держат себя высоко: исторической заслуги на лице печать».

Петух — М. Х. Рейтерн (1820—1890), министр финансов с 1862 г. Проводимая им политика покровительства железнодорожным концессиям, — «отдавая постройку и эксплуатацию дорог на произвол компаний, привела к обременению казны приплатами и разоряла Россию колоссальными заграничными заказами» (Русский биографический словарь, II, 1913, том Рейтерн—Рольдберг, стр. 21). Тяжелое состояние финансов сказывалось в неумеренном выпуске бумажных денег, на что намекает Некрасов, говоря:

Золото клюет,
Возвращает ассигнации.

Кто такой *Эдуард Иванович Грош* — установить не удалось. В черновике «Современников» ему дана фамилия Матьяс, причем Некрасов указывает, что он — родственник министра Рейтерна. Там же такие строки, посвященные Грошу:

Услужить — его призванье
Той и этой стороне:
«Нужно вам мое вниманье,
Ваши деньги нужны мне».

И ниже:

Уловляет словно бреднем
Очень крупных карасей,
Пресмыкаясь по передним
Государственных людей.

Фон-Руге, по нашему предположению, строитель Московско-Рязанской и Козловской дорог *П. Г. фон-Дервиз*. Благодаря покровительству министра финансов Рейтерна он так нажился на постройке этих дорог, что удалился из России в Ниццу и там воздвиг себе целый дворец — знаменитую виллу «Розу», превосходящую, по описанию газет, пышностью загородные дворцы прежних французских королей. «Отечественные записки» указывали, что «владелец Рязанско-Козловской железной дороги г. Дервиз получил возможность конкурировать в богатстве и роскоши с коронованными особами», и разъясняли, что в основе такого обогащения лежит ограбление крестьян (А. Головачев, Мысли вслух, «Отечественные записки», 1875, № 10, стр. 249). В сатире Некрасова вилла «Роза» названа виллой «Мирт». Дервиз действительно «внимал» опере solo, не допуская никого в свой музыкальный зал. «Дервиз, — писал С. Ю. Витте, — от той роскоши и богатства, которыми он пользовался в Италии, благодаря своему состоянию, совершенно сбредил. Так, например, он держал большую оперу исключительно для самого себя и очень редко кого-нибудь приглашал, между тем как каждый день давали то или другое представление» (Граф С. Ю. Витте, Воспоминания, Л. 1924, т. III, стр. 98).

«Витти», именующие его «великим мужем», — это купленные им журналисты, и раньше всего — М. Н. Катков, беззастенчиво твердивший, что если фон-Дервиз нажил огромные деньги, «то этого и следовало желать в видах общей <!> пользы» («Московские ведомости», 1875, № 61).

Некрасов пародирует эти льстивые строки:

«... Великий муж!»
Говорят ему витии:
«Не пугайся клеветы!»

Предприимчивость России
На такие высоты
Ты вознес, что миллиарда
Увезенного не жаль!..»

Ладьин, «сумасшедший или гений», строящий порт на Черной речке, есть, по нашему мнению, Николай Иванович *Путилов*, основатель знаменитого Путиловского завода (ныне завод имени С. М. Кирова). Этот завод удалось оборудовать благодаря огромным казенным заказам на рельсы и ружья, после чего Путилов проектировал постройку на взморье близ Петербурга коммерческий порт для соединения морского, речного и железнодорожного транспорта («С.-Петербургские ведомости», 1872, № 157; «Московские ведомости», 1874, № 283). Некрасов точно перечисляет все главнейшие предприятия Путилова:

Я уж рельсы дал дорогам,
Я войскам оружие дал...
В новый путь иду я с богом...

«Новый путь» — это устройство порта, требовавшее двадцати двух миллионов рублей, которых у Путилова не было. Но он так твердо верил в осуществимость своего проекта, что скупал прибрежные земли, тратя на них казенные деньги, выдаваемые ему в виде задатков за изготовление рельсов. Путилов «в разговорах представлял свои дела блестящими, тогда как отовсюду грозили подачею его векселей ко взысканию, и целые дни и часто ночи шнырял повсюду, отыскивая денег, чтобы удовлетворить процентами своих кредиторов... Земли, купленные им для порта, были также заложены» (А. И. Делъвиг, Мои воспоминания, М. 1913, стр. 363).

Миллионщик-мукомол, советующий Зацепе устроить богадельню и засветить перед иконами лампадки, — очевидно, купец Степан Овсянников, «король калашниковской биржи», поставляющий муку войскам. В 1875 г. он поджег из корыстных целей арендуемую им паровую мельницу В. А. Кокорева и был присужден к ссылке в Сибирь. Отличался показным благочестием.

Ученый *Швабс* — профессор *Бабст*, о котором сказано выше (настоящий том, стр. 613). Написав эти строки о Швабсе в черновике «Современников», Некрасов использовал их в виде отдельной эпиграммы на Бабста, когда последнего весной 1875 г. предложили в члены Литературного фонда. Под ссудной кассой, директором которой изображается Бабст, Некрасов разумел Московский купеческий банк, руководимый Бабстом с начала шестидесятых годов.

Кроме этих вымышленных имен, во второй части «Современников» приводятся и подлинные имена тогдашних деятелей.

Евгений Исакович Утин (1843—1894) — адвокат и публицист, выступал во многих политических процессах. — Игуменья *Митрофанья* — монахиня-аферистка, бывшая баронесса и фрейлина двора, присужденная в конце 1874 г. к тюремному заключению за подделку векселей и растрату; в мае 1875 г. ее дело пересматривалось в Сенате. — Николай *Тиблен* — издатель и книгопродавец, убежавший за границу с чужими деньгами во второй половине шестидесяти годов. Вильгельм *Генкель* — руководитель книжной фирмы «А. Смирдин и К^о». — Эдуард *Гоппе* — издатель-спекулянт, собиравший у московских промышленников дорого оплачиваемые рекламы об их предприятиях для помещения этих реклам в несуществующем фото-альбоме («С.-Петербургские ведомости», 1875, № 217). Максим Кузьмич *Плотицын* — скопец-миллионер, глава секты.

Имя скульптора Марка Матвеевича *Антокольского* часто упоминалось в тогдашних газетах в связи с его проектом памятника Пушкину. Проект был так пламенно расхвален В. В. Стасовым, что вызвал ряд нареканий в «Биржевых ведомостях», «Голосе», «Гражданине» (см. «Московские ведомости», 1875, №№ 66 и 76).

Монитор, который «шествовал в Россию» — башенный бронепосец США «Миантономо», прибывший в Кронштадт 25 июля 1866 г. вместе с другими судами американской эскадры приветствовать Александра II «по случаю избавления от руки убийцы» (Каракозова).

Французские писатели Жюль *Мишле* и Эдгар *Жине*, которых Леонид противопоставляет Овсяникову, были незадолго до того сочувственно упомянуты в журнале Некрасова как борцы за республику, враги монархии и духовенства («Отечественные записки», 1874, № 3, стр. 158; 1875, № 4, стр. 288—290). Их имена были тогда у всех на устах, так как оба они незадолго до того скончались.

Гасфер (стр. 111) в черновом автографе — *Гинзбург*, братья *Примы*—*Гриммы*. По поводу Трубецкого в черновике (*ЛБ*) такая запись: «Т р у б е ц к о й новоторжский ужасно много сделал для России — добился, что ниоткуда не выгоняют —

Построил ты дорогу в восемь верст.
Получил приличные...» (?)

После куплета:

«Вся беда России
В недостатке власти!»
Говорят витии
По сословной части,—

в журнале следовало 80 строк, исключенных поэтом:

— Да! провинция пустеет:
Города объята сном,
Земледелец наш беднеет,
Дворянин поник челом
<и т. д.>

Те двенадцать стихов, которые в журнале были замешены точками:

Князь Иван закончил пренья
<и т. д.>,

восстановлены нами по беловому автографу.

После песни об «Орошении» в журнале были такие стихи:

Н е с к о л ь к о г о л о с о в
Браво, браво! ороситель!
Браво!.. Пьем за подвиг твой!

К н я з ь И в а н

Эй! орловский предводитель!
Познакомь меня с Фомой!
Я из чести, не из видов,
Подружиться с ним готов,
Прежде был Денис Давыдов,
Нынче — Фомка Хватунов!

Денис Давыдов — знаменитый партизан 1812 г., поэт. Последние две строки оказались обидными его сыновьям, и 3 марта 1876 г. они отправили Некрасову письмо, в котором потребовали, чтобы благородное имя их отца не ставилось рядом с «именами каких-то мошенников» (ЛН2). Возможно, что, уступая их требованию, Некрасов исключил все это восьмистишие при перепечатке «Современников» в книге «Последние песни» (1877). Но возможно, что здесь имели место и другие мотивы.

В своей сатире Некрасов неоднократно клеймит инженеров и присяжных поверенных, продававших «плутократам» свои таланты и знания. Это был один из очень распространенных мотивов журналистики семидесятых годов. В статьях Салтыкова-Щедрина и Елисева такие адвокаты, как Спасович, Утин, Арсеньев, Герард и Потехин, были постоянно обличаемы в корыстной защите богатых преступников (см., напр., Внутреннее обозрение «Отечественных записок», 1875, № 4, стр. 296 и след.). Их называли «прелюбодеями мысли». Они не раз пытались защищаться. К. Арсеньев посвятил этой «защите защитников» целую книгу «Заметки о русской адвокатуре», вышедшую в том же 1875 году.

Хищнические методы строительства железных дорог привели

к тому, что железнодорожные катастрофы стали в тогдашней России заурядным явлением. Называя поезда «душегубками», а инженеров путей сообщения — «костоломами», Некрасов использовал обычные термины журналистики семидесятых годов. «Вслед за открытием каждой почти дороги идут катастрофа за катастрофой, — писал в «Отечественных записках» Г. З. Елисеев. — Там дала осадку насыпь, там вырвало трубу, там развалилась мастерская, придавив механика и работника... То трещат, то валятся мосты: под Ковровым, под Словенском, под Брянском, под Островом, под Рязском» (Г. З. Елисеев, «Сочинения», М. 1894, стр. 361).

В декабре 1875 г. произошло известное Талигульское крушение на Одесской дороге, в котором погибло и отчасти сгорело заживо 140 новобранцев (подробности об этой катастрофе см. в «Воспоминаниях» С. Ю. Витте, Л. 1924, т. III, стр. 74—83).

Вскоре после появления «Героев времени» Салтыков-Щедрин писал Некрасову (12 февр. н. ст. 1876 г.):

«Поэма поразила меня своею силою и правдою; например, картина Кокоревых, тянущих бичевую и с искренним трагизмом поющих бурлацкую песню (превосходно), производит поразительное действие. Описание оргии, спичи и лежащая на всем фоне угрюмость—все это отлично задумано и отлично выполнено... Мне кажется, Вы бы не худо сделали, если б Зацепу заставили застрелиться» (Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собр. соч., т. XVIII, М. 1937, стр. 338).

Интерес этого письма усугубляется тем, что «Герои времени» написаны под несомненным влиянием сатир Щедрина.

Через несколько лет после появления сатиры Некрасова в «Отечественных записках» был напечатан рассказ Щедрина «Большое место», где изображен такой же семейный конфликт, какой намечен в «Современниках»: сын чиновника Рассудова, узнав об одном бесчестном поступке отца, стал презирать и ненавидеть его. На это сходство обоих сюжетов неоднократно указывала позднейшая критика (см., например, К. К. Арсеньев, Салтыков-Щедрин, СПб. 1906, стр. 133—144).

В черновых рукописях «Современников» нередко прозаические записи Некрасова, намечающие тему стихов.

«Даже страхование во вред (беднякам), — богатый застрахует и спокойно смотрит на развитие пожара, а бедняк что сделает? Последствия: богатый получил свои деньги, а местность опустошена».

Другой прозаический набросок Некрасова содержит, как нам кажется, обращение к тогдашним «плутократам»: «Погодите! пого-

дите!.. Ваша новая затея, прежде чем она начнет приносить пользу народу, потребует расхода, нового налога, а их и так много...»

Печатается по *III*, стр. 41—148.

По рукописи восстановлены собственные имена в стихах 41 и 1098 и пропуски (повидимому, цензурные) стихов 732—735, 1078—1081 и 1255—1258 и доцензурная редакция ст. 81—82.

Первая часть впервые — *ОЗ* 1875, № 8, стр. 325—340, с подписью ***.

Вторая часть — *ОЗ* 1876, № 1, стр. 1—52, с подписью «Н. Некрасов».

Вошло в сб. «Последние песни» (вышедший вскоре после смерти Некрасова) с рядом вариантов и сокращениями.

Черновые наброски — *ЛВ* М5753.

Сводная и наборная рукописи — *ЦГЛА*.

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

I. ЗАМЫСЕЛ ПОЭМЫ И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ

Великая поэма Некрасова, подлинным героем которой является русский народ, была начата вскоре после крестьянской реформы 1861 г.

Эта реформа, как известно, обманула ожидания крестьян и не только не принесла им обещанных благ, но, напротив, сделала их положение еще более бедственным. «Мало того, что у них, — писал В. И. Ленин, — отрезали землю, их заставили еще платить «выкуп» за оставленную им и всегда бывшую в их владении землю, и притом выкупная цена земли была назначена гораздо выше действительной ее цены <...>. Крестьян заставили платить не только за свою землю, но и за свою свободу <...>. «Освобожденный» от барщины крестьянин вышел из рук реформатора таким забитым, обобраным, приниженным, привязанным к своему наделу, что ему ничего не оставалось, как «добровольно» идти на барщину» (В. И. Л е н и н, Сочинения, изд. 3, т. IV, 1935, стр. 100—101).

Во многих местах России крестьяне пытались заявить свой протест против этой новой кабалы. Протест выразился в ряде волнений и бунтов, которые правительство Александра II усмирало батальонами солдат.

Даже П. В. Анненков писал в июне 1861 г.: «Что касается до мужиков, то я нашел их мрачными после поветрия порки, обошед-

шего все уезды, смежные с Казанской и Пензенской губерниями, и захватившего краем и внутренность нашей. Они смотрят как люди, которых обсчитали. Доверенности между миром <т. е. между крестьянами> и владельцем земли никакой: она улетела на небеса под грозными криками становых, исправников, посредников и от туда, кажется, уже не сведешь ее, как мы об этом ни стараемся... Крестьяне уже составили убеждение себе, что воля должна вводиться <...> — с отпором на одной стороне, кнутом и экзекуцией на другой. Да так уж и держат себя» (Письма П. В. А н н е н к о в а к И. С. Т у р г е н е в у. Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина. М. 1934, стр. 121).

Вот эту-то обманутую, обобранную реформой крестьянскую Русь и решил показать в своей поэме Некрасов. Открыто высказывать порицание реформе было невозможно по цензурным условиям; но уже из первых строк его поэмы можно было понять, что странникам не удастся найти ни единого счастливица в этих печальных местах, самые названия которых говорят о беспросветной крестьянской нужде:

Заплатово, Дырявино,
Разутово, Знобишино,
Горелово, Неелово,
Неурожайка тож.

Для того, чтобы скрыть от цензуры, что подлинная задача поэмы заключается в разоблачении бесплодности либерального реформизма, Некрасов изобразил дело так, будто он и в самом деле стремится дознаться, счастливы ли в России министры, помещики, чиновники, попы и купцы.

Некрасову незачем было допытываться, есть ли счастливицы на верхах дворянско-буржуазного общества, ибо еще в ранней молодости он пришел к убеждению, что благополучие этих верхов находится в обратной зависимости от благополучия трудящейся массы. «Я узнал, — писал он в одной из своих юношеских повестей, — что есть *несчастливицы*, которым нет места даже на чердаках и в подвалах, потому что есть *счастливицы*, которым тесны целые дома». («Жизнь и похождения Тихона Тростникова».)

Вообще самое слово *счастливец* — для Некрасова часто синоним представителя привилегированных классов («Но *счастливые* глухи к добру»... «Жилища *счастливец*ов мира», и т. д.).

Счастье «сильных и сытых» было для него вне сомнения. Так что, задавая вопрос: «кому вольготно, весело живется на Руси?» — он отнюдь не намеревался решить этот — давно для него решенный —

вопрос, а воспользовался им для того, чтобы показать, как глубоко несчастен народ, «облагодетельствованный» пресловутой реформой.

Эта тема повторялась в его стихотворениях не раз:

В жизни крестьянина, ныне свободного,
Бедность, невежество, мрак.
Где же ты, тайна доволяства народного?
Ворон в ответ мне прокаркал: «дурак»¹.

При жизни Некрасова эти стихи («Как празднуют трюсу») не могли появиться в печати, и он вскоре повторил ту же мысль в более цензурных стихах, где говорилось опять-таки об освобожденной деревне:

И там все то же мы нашли,
Все тот же мрак и голод видим.

(«Сыны народного бича».)

В этом-то и заключается подлинный замысел эпопеи Некрасова, и только для маскировки этого тайного замысла поэтом была выдвинута проблема благополучия купцов, помещиков, священников и царских сановников, которая в действительности не имела отношения к сюжету. Даже когда (в одном из набросков поэмы) странники разбирают вопрос, счастливы ли встреченный ими исправник, вся их беседа приводит к тому, как мучительна жизнь крестьян, находящихся во власти исправника. То же самое — при встрече с попом: поп для того и выведен таким гуманным и совестливым, исполненным сострадания к крестьянам, чтобы в его речах прозвучало свидетельство о крайней нищете его паствы.

В главе «Помещик» опять-таки наиболее существенным для подлинной некрасовской темы является убеждение крестьян, что распавшаяся цепь крепостничества ушибла не только дворян, но и их:

Распалась цепь великая,
Распалась, расскочилась —
Одним концом по барину,
Другим по мужику.

Только однажды — на всем протяжении поэмы — странники находят возможность открыть истинную цель своих странствий:

Мы ищем, дядя Влас,
Непоротой губернии,
Непотрошенной волости,
Избытка села, —

(«Последний»)

---

¹ Окончательная редакция этого стихотворения относится к 1876 г., но приведенное четверостишие имеется и в более ранней редакции.

то есть признаются, что на самом-то деле их занимает вопрос об их собственном, «мужицком» благоденствии. В черновике эта тема выдвигается еще более рельефно:

Ох, где же ты, счастливое
Избыtkовo село?
Которая дороженька
Ведет к тебе?..

И уже то обстоятельство, что в своих долгих скитаниях странники не только не нашли этой местности, немыслимой в тогдашних условиях, но и не набрали на «дороженьку» к ней, является одним из показателей подлинного отношения Некрасова к сюжету его поэмы. Недаром он неоднократно подчеркивает, что в «раскрепощенной» России принцип распределения богатств остался в основе тот же. Яким Нагой в поэме говорит:

Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди: стоят три дольщика:
Бог, царь и господин.

Последняя строка, неизвестная в досоветское время и обнаруженная в бесцензурной редакции, является верным ключом ко вступительным главам поэмы.

Изображая невыносимую жизнь крестьян, Некрасов указывал, что их долготерпение уже дошло до предела и что только революционным путем они могут завоевать свое счастье:

У каждого крестьянина
Душа, что туча черная —
Гневна, грозна — и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям...

Потому-то одним из главных героев поэмы является «Савелий богатырь святорусский», человек титанических сил, выступающий в роли беспощадного народного мстителя. Чтобы образ Савелия мог появиться в легальной печати, Некрасову пришлось ограничиться одним-единственным эпизодом его участия в кровавой расправе с жестоким управителем Фогелем. Но, судя по некрасовским рукописям, поэт намеревался изобразить в тех же главах еще несколько подобных деяний «богатыря святорусского». Так, в одном из первоначальных набросков поэмы Савелий, рассказывая о своих скитаниях в безлюдной сибирской тайге, вспоминает между прочим такой эпизод:

А двери то камнями,
 Корнями, всякой всячиной
 Снаружи заложу,
 Кругом избы валежнику
 Понавалю дубового,
 Зажгу со всех сторон,
 Горите все, проклятые!
 Не выскочишь, не выбежишь!
 (Стучи, не достучишь!)
 Кричи, не докричишь!
 А сам взберусь на дерево,
 На самое высокое,
 И стану я оттудова
 Глядеть...

Очевидно, речь идет о сожжении живьем каких-то представителей власти.

Некрасов с глубоким сочувствием отмечал эти одинокие взрывы стихийного народного гнева, так как они, по его убеждению, свидетельствовали, какие могучие силы протеста и классовой несправедливости уже успели накопиться в народе. Выльванию этих скрытых сил и посвящены три первые части поэмы. Но к тому времени как Некрасов принялся за работу над четвертой частью, к середине семидесятых годов, в деревню хлынула широкими массами разночинная передовая молодежь для революционного служения народу. Начинаясь, по выражению В. И. Ленина, «второй демократический подъем в России» (В. И. Ленин, Сочинения, т. XXX, изд. 3, стр. 192).

Этот демократический подъем и определил собою ту новую тему, которая наметилась в поэме Некрасова в середине семидесятых годов. Некрасову стало ясно, что деятельность разночинцев, «народных заступников», поможет народу завоевать свое счастье.

«Падение крепостного права, — писал В. И. Ленин, — вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности» (В. И. Ленин, Сочинения, изд. 3, т. XVII, стр. 341).

Эта новая тема легла в основание тех глав, которые в окончательном своем варианте носят название «Пир на весь мир». Из множества лиц, изображенных в поэме, единственный счастливец — сын дьячка Григорий Добросклонов, в сердце которого, как говорится в поэме, —

С любовью к бедной матери
 Любовь ко всей вахлачине
 Слиясь, и лет пятнадцати
 Григорий твердо знал уже,
 Что будет жить для счастья
 Убогого и темного
 Родного уголка.

По цензурным условиям невозможно было высказать более отчетливо, в чем выражалась забота Григория о счастье его «уголка», но в одном из черновиков говорится:

..... лет пятнадцати
Григорий твердо знал уже,
Кому отдаст всю жизнь свою
И за кого умрет.

Дело шло именно о том, чтобы умереть за народ, дело шло о революционном служении народу, что подтверждается и другим стихотворным отрывком, обнаруженным в одной из некрасовских рукописей:

Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

Хотя в рукописи это четверостишие зачеркнуто, мы сочли необходимым ввести его в текст, так как в данном случае наличие автоцензуры несомненно.

Эти рукописные строки дают достаточно ясное представление о том, каково было подлинное служение Григория Добросклонова его любимой «вахлачине». Благодаря этим строкам приобретает многозначительный смысл восклицание Григория, сохранившееся в окончательном варианте поэмы:

Не надо мне ни серебра,
Ни золота, а дай господь,
Чтоб землякам моим
И каждому крестьянину
Жилось вольготно, весело
На всей святой Руси.

Это тот идеал, в осуществлении которого молодой разночинец Григорий видел единственную цель своей жизни, и хотя этот путь обрекал его на сибирскую каторгу и раннюю смерть, он, по мысли Некрасова, был обладателем наивысшего счастья, какое только было возможно в России для демократической интеллигенции семидесятых годов. Об этом счастье выразительно сказано в заключительной песне Григория, — особенно в редакции чернового наброска:

Быть бы нашим странникам под родною крышею,
Если б знали-ведали, что творилось с Гришею.
В это утро чудное, силы необъятные
Слышал он в груди своей; звуки благодатные
Наполняли грудь его — гимна благородного:
Пел он воплощение счастья народного, —

то есть странники, давшие зарок не возвращаться в родные семейства, покуда не отыщут в России счастливого, могли бы вернуться домой, если бы увидели Гришу в то утро, когда он пел о будущем воплощении народного счастья, так как Гриша и был тот счастливец, которого они так долго искали. Его личное счастье было для него всецело обусловлено счастьем общественным, — вернее: стремлением к этому счастью.

Характерно, что, хотя при жизни Некрасова «Пир на весь мир» оставался неизвестен читателям, некоторые из них самостоятельно пришли к заключению, что тот ответ, который дан в более ранних частях, должен быть изменен и дополнен именно так, как это сделано в «Пире». Уже во время предсмертной болезни Некрасова, 19 мая 1876 года, сельская учительница А. Малоземова написала ему, что, по прочтении поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (тогда эта поэма еще кончалась «Крестьянкой»), ей пришло в голову, что, «может быть, он и не верит в существование счастливых людей, а потому она решилась заявить о себе, как о «вполне счастливом человеке». «Я уже стара и очень некрасива, — писала она, — но очень счастлива. Сажу у окна в школе, люблюсь природой и наслаждаюсь сознанием своего счастья... В прошлом моем много горя, но я считаю его благом-счастьем, оно выучило меня жить, и без него я не знала бы наслаждения в жизни...»

Умиравший Некрасов ответил ей в кратком письме (от 2 апреля 1877 г.):

«Счастье, о котором вы говорите, составило бы предмет продолжения моей поэмы (т. е. «Пира на весь мир» и дальнейших частей). Ей не суждено окончиться. Я пишу, чтоб, хотя поздно, поблагодарить вас за прелестное письмо и пожелать, чтобы вас, ваших учеников и выученных уже вами миновала и далее судьба, как это, повидимому, шло пока» (Н. А. Некрасов, Собр. соч., М.—Л. 1930, т. V, стр. 583).

Правда, в силу стремления Некрасова во что бы то ни стало провести эту часть поэмы сквозь цензуру, он так затушевывал свою подлинную мысль о служении народу, что порою создавалась иллюзия, будто под этим служением он разумеет мирную просветительно-благотворительную работу народолюбивого интеллигента в деревне и что он зовет молодежь именно к этой работе:

Иди к униженным,
Иди к обиженным —
По их столам,
Где трудно дышится,
Где горе слышится,
Будь первый там..

Церковной фразеологией этой песни и послесловия к ней («грех», «бренные блага», «печать дара божьего», «соблазн», «ангел милосердия», «раб страсти», «демон ярости») еще усиливается ложное представление о том, будто дело идет о христианском милосердии к ближним. Но это, конечно, не так. Подлинный смысл того, что понимал Некрасов под словами «служение народу», вскрывается полностью в песне Григория «Русь»:

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая —

Встали — небужены,
Вышли — непрошены,
Жита по зернышку
Горы панопены!

Рать поднимается
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Эта «неисчислимая рать» — миллионы восставших крестьян. Только в то счастье и верил Некрасов, которое будет завоевано ими. Именно об этом «воплощении счастья народного» говорится в последней строке, завершающей «Пир на весь мир».

Поэма не окончена, и едва ли можно сомневаться, что в ее дальнейших частях Григорию Добросклонову была бы предоставлена автором одна из ведущих ролей.

В литературе уже неоднократно указывалось, что в этот образ Некрасов внес некоторые черты Добролюбова (что подчеркивается сходством фамилий). Идеолог крестьянской революции, «мужицкий демократ» Добролюбов требовал именно такого сближения с крестьянством, какое осуществлял Добросклонов (см. статьи Н. А. Добролюбова «О степени участия народности в развитии родной литературы», «Народное дело» и др. в Полном собр. соч., т. I, М. 1934, стр. 237, и т. IV, М. 1937, стр. 139).

Атаман Кудеяр (в притче «О двух великих грешниках»), которому были прощены все грехи за то, что он расправился с народным тираном, был, по первоначальному замыслу поэта, таким же крестьянином, как и «Савелий, богатырь святорусский». Один из черновиков этой притчи начинается так:

Было во время далекое,
Жил человек удалой,
Маялся, маялся с пашнею
Да и ударил в разбой.

Но замечательно, что при всем своем крестьянском демократизме Некрасов уже начинал понимать, что поэма о русском народе будет неполным отражением тогдашней действительности, если он не введет в нее рабочего. Он и намеревался ввести его (еще в 1865 году) в третью главу первой части. Судя по рукописи, этот «фабричный из Бурмакина», выслушав обидные слова о крестьянах, сказанные Павлом Веретенниковым, должен был вступить за крестьян, заявляя о своем единодушии с ними. Впрочем, он еще не оторвался от деревни, и законченных черт пролетария в его образе нет (см. в настоящем томе примечание к «Пьяной ночи» и варианты к этой главе на стр. 477—485).

Некрасов, в отличие от народников, не идеализировал своей любимой «вахлачины», не затушевывал ее темных сторон: в описываемой им крестьянской среде есть и предатели (шпион Егорка Шутов, староста Глеб) и добровольные холопы, кичащиеся своей рабьей судьбой (лакей князя Уяттина — Ипат и безымянный дворовый, который хвалился подагрой), но, изображая их, Некрасов всякий раз неизменно подчеркивал, что сам народ относится к ним крайне враждебно, видя в них отщепенцев и выроdkов, чуждых нравственным устоям большинства. Эти нравственные устои народа представлены в поэме, как величайшая сила, которая сокрушит все преграды, стоящие у него на пути:

В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая —
Совесь спокойная,
Правда живучая!

II. ПОЭМА И ФОЛЬКЛОР

При создании своей эпопеи Некрасов в значительной мере использовал материалы устного народного творчества. Это долго оставалось незамеченным, так как в дореволюционный период, за все сорок лет, прошедшие со времени напечатания поэмы, ни один из фольклористов не сделал ее предметом научного исследования.

О поэме судили только газетно-журнальные фельетонисты и критики, даже не подозревавшие о ее непосредственной близости к устному народному творчеству. Вследствие этого они постоянно усматривали авторские измышления там, где на самом-то деле были

памятники народного творчества, использованные Некрасовым в тексте поэмы.

Так, например, процитировав строки «Крестьянки» о ржи и пшенице, критик реакционного «Русского мира» писал:

«Все это придумал для мужиков поэт; самим крестьянам такой вздор в голову не полезет» («Русский мир», 1874, № 57).

Между тем здесь воспроизводилась поэтом подлинная поговорка крестьян, незадолго до того напечатанная в сборнике В. И. Даля: «Матушка рожь кормит всех сплошь, а пшеничка по выбору» («Пословицы русского народа», М. 1862, стр. XXXIII).

Один из вариантов этой народной поговорки был напечатан еще в собрании Буслаева:

«Пшеничка кормит по выбору, а рожь — сплошь».

(См. Н. А. Д о б р о л ю б о в, Полн. собр. соч., т. I, М. 1934, стр. 502.)

То же случилось и со старинной хоровой народной песней:

Мой постылый муж
Подымается;
За шелкову плеть
Принимается;
Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула

и т. д.

Когда Некрасов напечатал эту песню, критик Буренин иронически воскликнул о ней: «чудесно и необыкновенно реально! так реально, что такого глубокого реализма не обнаружит сам народ <!> в своих безыскусственных песнях. На подобный антихудожественный реализм способны только искусственные поэты» (В. Б у р е н и н, «Журналистика», «СПБ ведомости», 1874, № 26).

Между тем это была одна из наиболее распространенных в те годы народных песен. Во втором томе известного труда А. И. Соболевского приводится четырнадцать ее вариантов. Она записана и в Черниговской, и в Самарской, и в Калужской, и в Костромской, и в Псковской, и в Вологодской губерниях, причем первая ее запись относится к 1780 году (см. «Великорусские народные песни», издание А. И. С о б о л е в с к о г о, том II, СПб. 1896, стр. 439—451). Имеется эта песня (частично) и в сб. И. П. С а х а р о в а «Песни русского народа» (СПБ. 1838, стр. 47—48). Некрасов почти слово в слово воспроизвел один из ее поздних вариантов, напечатанный за несколько лет до того в «Современнике», в статье Вл. Александрова «Деревенское веселье в Вологодском крае» («Современник», 1864, № 7, стр. 189).

Правда, либеральный литератор Евгений Марков в обширной статье, напечатанной тотчас же после смерти Некрасова, отметил связь его поэмы с фольклором, указав, что в состав «Крестьянки» вошла известная народная песня «Спится мне, младенькой, дремлется» (Евг. Марков. Критические беседы. Поэзия Некрасова. «Голос», 1878, № 46). Но другие материалы остались в его статье неотмеченными, и, когда в той же «Крестьянке» ему встретилась вышеупомянутая народная песня «Мой постылый муж подымается», его эрудиции уже нехватило на то, чтобы признать в этой песне фольклор, и он, сочтя ее сочинением Некрасова, с негодованием отозвался о ней, как о «малевашной декорации для дешевой мелодрамы» («Голос», 1878, № 47).

Должно было пройти пятьдесят с лишним лет, чтобы исследователи — уже в советское время — поставили на строго научную почву вопрос о связи поэмы Некрасова с фольклором.

В 1927 году появилась первая весьма несовершенная попытка инвентаризации ее фольклорных источников (см. примечания к «Кому на Руси жить хорошо» в Полном собр. стих. Некрасова, М.—Л. 1927, стр. 483—484). Тогда же в журнале «Октябрь» была напечатана статья В. Еланской «О паролно-песенных источниках творчества Некрасова», где в качестве «источков» «Крестьянки» цитировались свадебные и похоронные песни, собранные главным образом в Олонецкой губернии Ф. Студитским, П. Рыбниковым и Е. Барсовым («Октябрь», 1927, № 12, стр. 113—126).

Вскоре после этой статьи появилась работа известного фольклориста Н. П. Андreeва по поводу песни о Кудеяре, входящей в последнюю часть поэмы «Кому на Руси жить хорошо» («Пир на весь мир»). Статья была посвящена выявлению параллельных вариантов легенды, бытующих в фольклоре различных (главным образом славянских) народов, причем особо были выделены те варианты, в которых, подобно некрасовской песне, наиболее резко выражен социальный протест (Н. П. Андreeв, Легенда о двух великих грешниках, «Известия Ленинград. гос. педагогического института им. А. И. Герцена», Л. 1928, вып. 1, стр. 185—198).

К этим исследованиям примыкают: неизданная работа К. В. Коноваловой «Народно-поэтические элементы в творчестве Некрасова» и статья К. Рождественской «Элементы фольклора в поэзии Некрасова» («Штурм», 1934, № 11, Свердловск). В обеих статьях, первая из которых известна лишь по цитатам, приведенным в примечаниях к «Кому на Руси жить хорошо» (Стихотворения, 1937, т. II, стр. 910), указаны параллельные фольклорные тексты, ускользнувшие от внимания предыдущих исследователей.

Вопросу о влиянии фольклора на возникновение основного замысла эпопеи Некрасова посвящена статья Е. Базилевской «К творческой истории «Кому на Руси жить хорошо», пытающаяся установить генетическую связь поэмы с известной народной былинной «О птицах» — «Каково птицам жить на море» («Звезда», 1935, М.—Л., стр. 449—475).

Этой статьей завершался первый этап научно-исследовательской работы над поэмой Некрасова: предварительный учет ее главнейших фольклорных источников.

Новый этап начался статьями Н. П. Андреева «Фольклор в поэзии Некрасова» («Литературная учеба», 1936, № 7, стр. 60—85) и Ю. Соколова «Некрасов и народное творчество» («Литературный критик», 1938, № 2), где, наряду с привлечением дополнительных текстов, относящихся к теме, сделаны попытки обобщить и осмыслить собранный за последние десять лет материал. В центре обеих статей — «Кому на Руси жить хорошо». Н. П. Андреев исходил из вполне правильной мысли, что отыскание первоисточников того или иного стихотворения Некрасова никоим образом не может служить окончательной целью исследователей. Гораздо важнее установить, каковы принципы творческой работы Некрасова над устной народной поэзией, какими методами пользовался великий писатель, вводя в поэму материалы фольклора, и, главное, какие идейно-художественные задачи преследовал он в каждом случае.

Таково же было убеждение Ю. Соколова.

«Некрасов, — писал исследователь, — стремился через народное творчество постичь «чаяния и ожидания» народные (выражение В. И. Ленина о русском фольклоре), узнать ближе народную жизнь, народные горести и страдания, народные чувства, народный быт. В своем подходе к народному творчеству Некрасов был чрезвычайно близок к тому, чего искали в фольклоре и теоретики революционной демократии — Белинский, Добролюбов, Чернышевский (Ю. Соколов, Некрасов и народное творчество, «Литературный критик», 1938, № 2, стр. 60—61).

О таком же подходе Некрасова к народному творчеству говорится и в статье И. Шаморикова «Некрасов и фольклор» («Труды МИФЛИ», т. III, М. 1939, стр. 88—117).

Много нового внесла в эту проблему статья ленинградского ученого К. Чистова «Некрасов и сказительница Ирина Федосова». Путем сопоставления отрывков поэмы с отдельными эпизодами автобиографии знаменитой сказительницы, находящимися в сборнике Е. Барсова «Причитания Северного края», автор чрезвычайно наглядно вскрывает творческий метод Некрасова в обработке фольк-

лорных источников. «Политическое и социальное сознание Некрасова, стоявшего на передовых позициях своего времени, не могло быть аналогичным сознанию неграмотной олонедкой во пленницы, — справедливо говорит К. Чистов. — Каждый факт, образ, сюжет, найденный у Федосовой, Некрасов оценил и осмыслил по-своему, сообщив ему логическую законченность, подняв его тем самым на огромную социальную высоту» («Научный бюллетень Ленинградского университета», № 16—17, Л. 1947, стр. 45).

Здесь, в вышеназванных фольклористских исследованиях, впервые намечены плодотворные методы изучения гениальной поэмы.

Но, выявляя встречающиеся в ней элементы устного народного творчества, некоторые исследователи склонны иногда забывать, что Некрасов и сам был одним из величайших фольклористов России, с детства изучавших речь народа в живом и непосредственном общении с ним. Уже в «Петербургских углах» (1844) сказывается глубокое знание народного говора, почерпнутое не из книжных источников. В «Тонком человеке» (1855) Некрасов подвергает анализу целую категорию слов, услышанных им во Владимирской губернии. Как сообщил Глеб Успенский, он двадцать лет «по словечку» собирал в народе нужный ему материал для поэмы («Пчела», 1878, Приложение к № 2).

Известно, что «Орина, мать солдатская» является воспроизведением подлинной речи крестьянки и что когда Некрасов писал это стихотворение, он, по его словам, посещал ее снова и снова, чтобы возможно точнее передать ее речь.

С уверенностью можно сказать, что многие из фрагментов поэмы, которые кажутся некоторым исследователям почерпнутыми в той или иной публикации, были еще до этих публикаций известны Некрасову из непосредственного общения с народом.

В своей работе над русским фольклором Некрасов был не копист, но творец. Методы, при помощи которых он перерабатывал материалы фольклора, не изучены до настоящего времени. Между тем ни в чем не сказался с такой очевидностью художественный гений великого мастера, ни в чем не проявился так наглядно его требовательный, безошибочный вкус, как в том сложном комплексе народных пословиц, притчаний, загадок и песен, властно подчиненных в его творчестве единому идейному замыслу, какой представляют собою некоторые страницы поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

Наряду с этим необходимо отметить такие части и главы поэмы, где связь с фольклором почти прекращается. В «По-

следыше», например, количество фольклорных элементов весьма ограничено, так как, по существу, это — стихотворная повесть бытового характера.

В «Пире на весь мир» народно-песенный стиль сказывается лишь в отдельных отрывках; в основном же повествовании поэт отклоняется от этого стиля, принятого в предыдущих частях, и переходит на нейтральную интеллигентскую речь, причем порою даже отдельные песни лишены здесь фольклорного характера (напр. «В минуты унынья, о родина мать»).

Лишь «Крестьянка», почти вся, построена на материалах фольклора. Большинство этих материалов подверглось творческой переработке со стороны Некрасова, и лишь немногие (как, например, песня «Ты скажи, за что», «Спится мне, младенькой, дремлется», «Мой постылый муж подымается») введены почти без изменений, в качестве документальных свидетельств о жизни в крестьянском быту. Здесь зависимость фольклорных элементов от идейных задач, от тематики представлена особенно наглядно. Именно стремление дать свод подлинных, неопровержимых свидетельств о безрадостной женской судьбе и заставило Некрасова построить эту обширнейшую часть своей поэмы почти исключительно на материалах тех песен, причитаний и плачей, которые в течение веков создавались крестьянками. Чуждый стилизаторских целей, Некрасов и здесь, как везде, использовал устное народное творчество ради достижения идейных задач.

В первой главе («До замужства») поэтом использованы главным образом свадебные заплачки и причеты, записанные П. Н. Рыбниковым в Вытегре, Пудоже и других местностях Олонецкого края. «По избам обряжаются», «Спасибо жаркой баенке», «Чужая то сторушшка», «Обвеют ветры буйные», «Ах, что ты, парень, в девице», «Велел родимый батюшка» — все эти фрагменты «Крестьянки», отмеченные здесь начальными строчками, основаны на выпшедших в 1861—1866 гг. сборниках Рыбникова (см. 2-е издание «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым», М. 1910, т. III, стр. 26—27, 33—34, 62—69, 79, 86, 90—93).

Вторая глава «Крестьянки» («Песни») основана главным образом на сборниках Даля и Рыбникова, песня же «Мой постылый муж» взята Некрасовым из этнографических материалов Вл. Александрова «Деревенское веселье в Вологодском уезде» («Современник», 1864, № 7, стр. 189). Впрочем, песня могла быть известна поэту из «Народных песен Вологодской и Олонецкой губерний, собранных Ф. Студитским» (СПб. 1841, стр. 29), не говоря уже о том, что он мог слышать ее в крестьянской среде во Владимирской, Новгородской,

Костромской или Ярославской губерниях. Для песни «У суда стоять» Некрасов использовал записи четырех фольклористов (см. указ. сборник Рыбникова, стр. 7 и 165; указ. сборник Даля, стр. 416; «Русские народные песни, собранные П. В. Шейном», М. 1870, стр. 333 и 334; сборник «Песен Самарского края», сост. В. Варенцовым, СПб. 1862). Ср. также отрывок поэмы, начинающийся строкой «Как писаный был Демушка», с песней, записанной Рыбниковым в Петрозаводском уезде: «Как у этого млада сына отэцкого» (Рыбников, т. III, стр. 38).

В прологе и в трех первых главах «Крестьянки» почти нет никаких отголосков замечательной книги Е. В. Барсова «Причитания Северного края», вышедшей в 1872 г., незадолго до того, как поэт приступил к работе над «Крестьянкой». Этот сборник, составленный главным образом из похоронных, надгробных и надмогильных плачей знаменитой олонечкой волепenniцы Ирины Федосовой, был событием тогдашней фольклористики. В журнале Некрасова его встретили очень сочувственно: в ноябрьской книге «Отечественных записок» за 1872 г. появились «Литературные и журнальные заметки» Н. К. Михайловского, первые страницы которых были посвящены этим плачам. В статье были приведены следующие выписки из сборника Барсова: «Как приедут дохтура да славпы лекаря», «Как наедет мировой когда посредничек», «Нету душеньки у них да во белых грудях» и т. д. Характерно, что именно эти стихи были использованы Некрасовым в IV главе «Крестьянки» («Демушка»), наряду со многими другими, взятыми из того же источника. Они вполне соответствовали революционно-демократическому направлению поэзии Некрасова, в них он нашел те мотивы фольклора, которые теснее всего были связаны с проблематикой крестьянского протеста и гнева. И в «Плаче о старосте» («Вы падите-тко, горячи мои слезушки»; «Как наедет мировой когда посредничек»; «Да ты чином-то своим не возвышайся-ка»), и в «Плаче о попе, отце духовном» («Пришел староста теперь да со рассыльным»), и в «Плаче по убитом громом-молнией» («Приедут как судьи неправосудные») Некрасов услышал крестьянские проклятья и жалобы, вызванные буйной жестокостью «злодийных» деревенских «начальников». Вся четвертая глава «Крестьянки» построена на этих обличительных народных стихах (см. Е. В. Барсов, «Причитанья Северного края», М. 1872, т. I, стр. 249—250, 282—283, 285—287, 297).

Но не только плачи Ирины Федосовой внес в свою поэму Некрасов. В книге Барсова, в отделе «Сведения о волепenniцах, от которых записаны причитания», имеется биография сказительницы, рассказанная ею самою. Из ее прозаической речи, богатой словес-

ными орнаментами, Некрасов внес в повествование Матрены Корчагиной такие строки:

1
Я грамотой не грамотна
Да памятью я памятна¹

2
Да не в лесу родилася,
Не пеньям я молилася

3
Как зыкнула, как рыкнула

(ср. Барсов, стр. 314, 315 и 318). Возможно, что второй из приведенных отрывков был известен поэту и раньше (см., например, Ф. И. Буслаев, «Русские пословицы и поговорки», Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым, книга вторая, половина вторая, М. 1854), где имеется один из вариантов этой же крестьянской поговорки.

Недавно в научной литературе было высказано предположение, что некоторыми своими частями записанная Барсовым автобиография Ирины Федосовой легла в основу жизнеописания Матрены Корчагиной в поэме «Кому на Руси жить хорошо» (К. В. Чистов, Некрасов и сказительница Ирина Федосова, «Научный бюллетень Ленинградского университета», № 16—17, стр. 41—42).

Приведенные К. В. Чистовым сопоставления текстов Некрасова с соответствующими выдержками из автобиографии Ирины Федосовой не всегда подтверждают предположение исследователя, но одна указанная им параллель не вызывает сомнений:

Ирина Федосова
«Бог ли понесет с воли да в
подневолье, — ответила я. —
Нет, уж как хошь, надо идти,
мы такую даль ехали... Иди,
говорит, не обжу... (Барсов,
стр. 313)

Матрена Корчагина
Я в подневолье с волюшки
Бог видит, не пойду.
— Такую даль мы ехали,
Иди! — сказал Филиппушка, —
Не стану обижать.

Однако, как указано выше, основным материалом, привлеченным Некрасовым для жизнеописания Корчагиной, явились многочисленные народные песни, рисующие тяжкую долю крестьянки. Можно сказать, что *вся* биография Корчагиной, за исключением двух-трех эпизодов, продиктована ему этими песнями, которые затем и воспроизводятся им, чтобы читатель вполне уяснил себе, что говорит сам народ о трагической судьбе русской женщины.

---

¹ Это двустишие в окончательный текст не вошло.

Для последней главы («Бабыя притча») Некрасов собственноручно сделал следующую выписку из сборника Е. В. Барсова, сохранившуюся среди рукописей «Крестьянки»:

«Происхождение гора общественного. Случилось ловцам изловить в Оксане рыбу. — Хвост у рыбы будто лебедный; голова козлиная, распорили рыбу: множество песку ею проглочено да еще были сглонуты ключи позолоченные: прилагали ключи к божьим церквям и к торговым лавочкам, но они приладились только к тюрьмам заключенных. Не успели отпереть дверей, как

С подземелья злое горе разом бросилось
Черным вороном в чисто поле слетело
И само тут, злодийно, выхвалялося
Што тоска буде крес<тъям> неудольная
Подъедать стало уд<алых> добрых молодцев
Много прибрало семейных головушек
Овдовило честных мужних мол<одних> жен
Осиротило сиротних малых детушек...
С того мор пошел на скотинушку
Зябель на хлебущки
<Смуть и горе на добрых людей>

(ср. Е. В. Барсов, «Причитания Северного края», стр. 290—291).

Вообще следы тщательного изучения фольклора встречаются в черновиках этой части нередко (см., например, следующий автограф Некрасова на лл. 118—119, на развороте «Крестьянки»):

Несчастье:

Впереди летит — ясным соколом,
Позади летит черным вороном,
Впереди летит — не укатится,
Позади летит — не останется...

Дитя умерло — укатилось:

К красну солнышку — на пригревушку,
К ясну месяцу на придрокушку.

Смерть:

Дороженька бесповоротная:
Туда ветер не доносится,
Лютый зверь не дорыскивает
Птица не залетает

<Он ушел в бесповоротную
Неизвестную дороженьку
Куда ветер не доносится
Не дорыскивает зверь> —

Сарай — колёсистый

_____

разобью

в пожовое череньце

_____

Красно з<олото> чисто с<еребро>, скатный жемчуг

Соболь старая

Зарывчат был (лез вперед)

Как сажались только видели
Не видали, как поехали

Ах ты волчья сыть! Ах! медвежья драць!

спит-храпит, как телега гремит

что розги, что драще, —
Укрепа богатырская! —

Язык мешается,
Мозги потрясаются,
В очах свет теряется,

Ты ладь мне поединщика.

В Иордань реке купалася

Как начал их сжаживать

Сюда же относятся наброски и записи карандашом на обороте 19-го л.

Воротилась память к молодцу —
Обумела голова —

доброумье —
Безотняя } отец
безбратняя } брат
безмужняя

С этого переполоху:

Голова не гладится
Прядка с прядкой не сплетается
В русой косе

Изоржавело кольцо
Золочное, венчальное

Пройдет зима холодная
Наступит лето красное

В поля леса нарядные
Слетаться станут соколы,
Слетятся пташки малые,
Вить станут теплы гнездышки, —
Ко мне, безмужней, сокол мой,
Мил сокол не прилетит —
Придет страда крестьянская
Работать трудно,
Не придет помогать

В сыром бору кукукает
Кукушка горе горькое

Полотна тонкобранные

Таковы же записи на листе 18-м:

Есть у бога топоры
Да лежат до поры

Девушки, краснопевушки

... во темных лесах,
Во крутых горах, и в желтых песках.

III. ДАТЫ НАПИСАНИЯ. — МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

Семеро странников, перечисленном которых начинается поэма «Кому на Руси жить хорошо», именуются в ее первых строках «временю обязанными». Это дает основание думать, что поэма начата не позднее 1863 г., так как в более поздний период этот термин очень редко применялся к крестьянам. Кроме того, в одном из первоначальных вариантов пятой главы первой части («Помещик») имеются строки:

Да глухие посредники,
Да поличешки ссыльные.

О ссыльных поляках помещик не мог говорить ранее 1863 г., когда правительство Александра II, подавляя польское восстание, сослало несколько тысяч поляков в Сибирь (см. статью Ч. Ветринского, В горниле творчества, «Русские ведомости», 1913, № 296).

А так как под главою «Помещик», замыкающей первую часть, имеется поставленная автором дата — 1865 г., можно думать, что

до 1864 г. была произведена (с перерывами) та подготовительная черновая работа, которая предшествовала самым ранним вариантам поэмы и не нашла отражения в сохранившихся рукописях: выработка ее общего сюжетного плана, ее ритма и стиля, а в 1864—1865 гг. — окончательная работа над ее первой частью.

Впрочем, возможно, что первоначальный период определяется более ранней датой, на что указывает, напр., стихотворение «Зеленый шум» (1862), где впервые нашел применение тот созданный Некрасовым богатый и сложный ритмический строй, своеобразно связанный с фольклорной традицией, который лег в основу всей поэмы.

Остальные даты таковы:

«Последыш» — 1872.

«Крестьянка» — 1873.

«Пир на весь мир» — 1876—1877.

Сам Некрасов под «Пиром на весь мир» ставил дату 1876 г., но из воспоминаний Белоголового мы знаем, что он продолжал работу над этой частью поэмы и в 1877 г. (Н. А. Белоголовый, Воспоминания, М. 1897, стр. 451).

Даты некоторых глав «Крестьянки» указаны в авторских рукописях:

«Пролог» — Висбаден, 17/19 июля 1873 г.

«Демушка» — Висбаден, июль.

«Баба притча» — Диепп, июль-август.

«Волчица» — Диепп, 3—4 августа (ИЛИ).

В последнее время в научной литературе была сделана попытка точно локализовать описанные в поэме события. Специально посвятивший себя этому вопросу современный исследователь А. Попов доказывает в обширном труде, что большинство этих событий происходит в Ярославском крае, за пределы которого ни разу не вышли изображаемые Некрасовым странники. Так, по утверждению А. Попова, упомянутая в «Прологе» «столбовая дороженька» — это Московско-Архангельский тракт, в тридцати верстах от Ярославля. Поп, которого встретили странники, ехал по дороге, ведущей из Ярославля в Грешнево. «Сельская ярмонка» происходила в селе Путятино. Деревня Клин (или Клины), где жила Матрена Тимофеевна, находилась в Даниловском уезде. Действие «Последыша» и «Пира на весь мир» происходило недалеко от Бабайского монастыря на луговых низинах левого берега Волги, и т. д. (см. диссертацию: А. П о п о в, Топография поэмы «Кому на Руси жить хорошо», 1946. Фотоснимки местностей, связанных с поэмой «Кому на Руси жить хорошо», сделанные тем же исследователем, см. в ЛН2, М.—Л. 1948).

IV. КОМПОЗИЦИЯ ПОЭМЫ

Вопросу о расположении отдельных частей поэмы, до сих пор вызывающему горячие споры, была посвящена специальная статья В. В. Гишпиуса «К изучению поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

«Поэма, — писал В. В. Гишпиус, — осталась незавершенной, замысел поэта — непроясненным; отдельные части поэмы следовали друг за другом в разное время и не всегда в последовательном порядке. Два вопроса, первоочередные при изучении поэмы, остаются до сих пор спорными: 1) о взаимном расположении дошедших до нас частей и 2) о реконструкции частей ненаписанных и прежде всего — развязки. Оба вопроса, очевидно, теснейшим образом связаны, и решать их приходится совместно».

В истории изучения Некрасова и издания его сочинений последовательно сменялись три варианта расположения частей «Кому на Руси жить хорошо».

Вариант первый — порядок всех дореволюционных изданий, начиная с издания 1881 г., где поэма впервые была помещена полностью: 1) пролог и 1-я часть; 2) «Последыш» (из 2-й части); 3) «Крестьянка» (из 3-й части); 4) «Пир на весь мир» (из 2-й части). Основанием для такого расположения была хронология написания отдельных частей.

Вариант второй — порядок, принятый в издании 1920 г.: 1) Пролог и 1-я часть; 2) «Последыш»; 3) «Пир на весь мир»; «Крестьянка». Основанием для этой перестановки было указание Некрасова, что «Пир на весь мир» непосредственно следует за главой «Последыш».

Вариант третий — предложенный покойным П. Н. Сакулиным в 1922 г.¹ и принятый без возражений как редактором изданий 1926, 1930 и 1931 годов, так и всеми другими редакторами: 1) Пролог и 1-я часть; 2) «Крестьянка»; 3) Последыш; 4) «Пир на весь мир».

Вся статья В. В. Гишпиуса посвящена доказательству, что, печатая поэму Некрасова, мы были обязаны придерживаться второго варианта и что всякое другое распределение частей является якобы нарушением воли Некрасова. Аргументация В. В. Гишпиуса была такова:

«Рукопись поэмы, — писал он, — показывает, что история Матрены Корчагиной (то есть «Крестьянка») была задумана как *торая* глава той же 2-й части, в которую вошел и «Последыш»

---

¹ П. Н. Сакулин, Н. А. Некрасов. Изд-во «Земля», 1922; 2-е изд. в изд-ве «Никитинские субботники», 1928.

<в качестве первой главы>... Но в перебеленном автографе видим уже <...> подзаголовок «Из третьей части». С этим подзаголовком «Крестьянка» и была напечатана в «Отечественных записках» 1874 г., кн. 1. Таким образом на месте «второй главы» второй части, после «первой главы», «Последыша», оставлен пробел, — конечно, потому, что на место «Крестьянки» задумана другая «вторая глава», более тесно связанная с «Последышем». «Крестьянка» отошла в третью часть»...¹

«В августе—сентябре 1876 года, — продолжает В. В. Гишпиус, — в Ялте написан «Пир на весь мир». Указания рукописи на то место, которое должна занять эта часть, совершенно недвусмысленны. На первом же листе автографической рукописи читаем:

Кому на Руси жить хорошо

Часть II

Глава вторая

(Поминок по крепям)

Пир на весь мир

После этого — в сноске — подстрочное примечание, повторенное и в копии с этой рукописи: «Настоящая глава непосредственно следует за главою «Последыш», помещенною в «Отечественных» записках», 1873 г. № II, и в отдельном издании: «Стихотворения Н. Некрасова», издание 6-е, часть IV, стр. 4».

Подобное же примечание находим и в оттиске «Пира», который был вырезан Краевским из ноябрьской книжки «Отечественных записок» 1876 г.

Помимо этих документальных данных, В. В. Гишпиус нашел в самой поэме объективные указания на последовательность частей: «время расчислено в ней «по календарю»: действие «Пролога» начинается весной, когда птицы вьют гнезда и кукует кукушка. В главе «Поп» страпники говорят: «а время уж неравное, подходит месяц май». В главе «Сельская ярмонка» есть упоминание: «Лишь на Николу вешнего погода поуоставилась»; видимо, в день Николы (9 мая) происходит самая ярмарка. «Последыш» также начинается точной датой: «Петровки. Время жаркое. В разгаре сенокос». В «Пире на весь мир» сенокос уже кончается: крестьяне едут с сеном на базар. Наконец, в «Крестьянке» — жатва.

---

¹ Сборник статей, посвященных академику А. С. Орлову. Изд. Института литературы Академии наук СССР, Л. 1934, стр. 295—304.

Последнюю дату мы, со своей стороны, можем уточнить еще более: в черновых набросках «Крестьянки» написано:

Был август, время трудное,
Три дела у крестьянина:
Паши и сей, и жни!

И еще:

Ночь в августе недолгая,
Крестьяне не заметили,
Как заалел восток.

И все же аргументация Гишпиуса кажется нам в корне порочной. Это — образец той методике, которая противоречит всем ныне принятым принципам научной текстологии стихотворений Некрасова.

Требую, чтобы мы закончили поэму «Крестьянкой», Гишпиус раньше всего игнорирует то обстоятельство, что в «Крестьянке» (в ее предпоследней главе) зазвучали, наперекор всему содержанию поэмы, те самые «нотки либерального угодничества», которыми, по выражению В. И. Ленина, Некрасову случалось порою грешить (В. И. Ленин, Собр. соч., изд. 3-е, т. XVI, стр. 133).

Глава эта зовется «Губернаторша». После всех проклятий ненавистному строю, причинившему столько страданий поработенной крестьянке, в этой главе появляется благородная аристократка, жена губернатора, которая спасает крестьянку от всех ее мук. И поэт устами своей героини славословит и благодарит благодетельницу:

Спасибо губернаторше
Елене Александровне!
Я столько благодарна ей,
Как матери родной!

И снова:

Тому кланяться,
Кто сильнее меня,
Кто добрей меня!
Губернаторше,
Доброй душеньке
Александровне.

И этим-то гимном доброжелательной барыне будет закончена вся поэма «Кому на Руси жить хорошо», если мы примем распределение частей, которое предлагается Василием Гишпиусом. И тогда на некрасовский вопрос:

Где же ты, тайна довольства народного? —

будет единственный ответ: в барской ласке, в барской филантропии. Всей поэме будет придан либеральный характер, ей совершенно несвойственный.

И этот результат будет куплен ценою насилия над хронологией творческой работы Некрасова, ибо нельзя же забывать, что «Пир на весь мир» написан гораздо позднее «Крестьянки»! Если бы мы последовали указаниям В. В. Гишпиуса, нам пришлось бы, наперекор хронологии, печатать ту часть, что написана в 1873 году, после той, что написана в 1876 году. Читатель мог бы притти к ложному убеждению, что Некрасов постепенно перешел на позиции либералов.

То предположительное чередование частей, на которое ссылается В. В. Гишпиус, Некрасов наметил в 1876 году, когда у него оставалась надежда, что ему удастся закончить поэму и напечатать ее отдельною книгою, когда он не знал, что его болезнь смертельна. Но поэма осталась недописанной. До нас дошли только ее фрагменты. Мы не знаем, какие изменения внес бы в нее Некрасов, если бы ему посчастливилось обработать ее окончательно для издания отдельной книгой. Может быть, он выбросил бы эпизод с «Губернаторшей», как выбросил в свое время последнюю главу «Тишины», как выбросил вступления к «Княгине» и «Филантропу», написанные им для того, чтобы обмануть и задобрить цензуру. Об этом мы можем только гадать. Но несомненно, что, указывая предположительный порядок частей, Некрасов имел в виду будущую готовую книгу, законченную поэму, а не те разрозненные части, какими мы располагаем теперь. В отношении же разрозненных частей нам остается одно: хронология. Мы должны, не мудрствуя лукаво, печатать фрагменты поэмы в порядке их написания.

Этих фрагментов три:

1. «Пролог» и первая часть.
2. «Крестьянка».
3. «Последыш» и «Пир на весь мир».

Эти три самостоятельные единицы, не подлежащие искусственной спайке, нужно печатать как таковые — в последовательности их написания.

Некоторое минимальное нарушение хронологии, конечно, происходит и при этом чередовании частей («Последыш» был написан до «Крестьянки»), но «Последыш» и «Пир на весь мир» имеют между собою такую крепкую сюжетную связь, что являются неделимым целым.

Хотя мы не считаем возможным и нужным выдавать разрозненные части эпопеи за целое, все же, при осуществляемом нами расположении частей, поэма в глазах читателя приобретает некоторое подобие цельности. В последней из написанных Некрасовым

глав на вопрос: «Кому на Руси жить хорошо?» читатель получает точный и определенный ответ, вполне выражающий предсмертное убеждение Некрасова: тем, кто отдает свою жизнь на служение народу.

Таким образом поэма заканчивается не прославлением ласковой барыни, костромской губернаторши, «добррой душеньки Александровны», но бессмертным гимном во славу народа:

В рабстве спасенное
Сердце свободное,
Золото, золото
Сердце народное.

Этот вариант не требует никакого насилия над датами и не заставляет нас ломать хронологию.

Независимо от Гиппиуса на такой же композиции частей настаивала Е. В. Базилевская в обширной статье «К творческой истории «Кому на Руси жить хорошо», причем она ссылалась не только на рукописные и текстовые данные, но и на «некоторые соображения идеологического характера», которые, впрочем, остались в её статье нераскрытыми («Звенья», М.—Л. 1935, т. V, стр. 469—470).

Споры по этому вопросу еще не закончены, но в последнее время, насколько мы можем судить, концепция Базилевской и Гиппиуса уже не встречает в науке сторонников. По крайней мере и украинская исследовательница В. Т. Плахотишина, и азербайджанский ученый В. Костромеев в опубликованных ими работах высказывались за ту композицию ее отдельных частей, которая осуществляется нами (см. В. Т. П л а х о т и ш и н а, Из творческой истории поэмы «Кому на Руси жить хорошо», «Научные записки Харьковского государственного педагогического института», т. III, Харьков, 1940, стр. 198; В. К о с т р о м е е в, К изданию поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», «Труды Азербайджанского государственного университета им. Кирова», т. II, вып. 1, 1940, стр. 34).

С сильной аргументацией в пользу принятого нами расположения частей выступил и горьковский ученый С. А. Червяковский в статье «Творческая работа Некрасова над поэмой «Кому на Руси жить хорошо» («Труды Горьковского государственного педагогического института им. А. М. Горького», вып. VIII, Горький, 1940, стр. 27). Таково же мнение другого исследователя, посвятившего этой теме специальную работу: «О композиции поэмы Н. А. Некра-

сова «Кому на Руси жить хорошо» («Литература в школе», статья М. Н. Старенкова, 1946, № 2, стр. 32—33).

В последнее время был выдвинут еще один план расположения частей поэмы «Кому на Руси жить хорошо». План этот принадлежит автору диссертации о поэме Некрасова, Н. Г. Дмитриеву. Во многих отношениях диссертация имеет несомненную ценность, но в отношении плана расположения частей поэмы ее доводы представляются нам недостаточно вескими. Н. Г. Дмитриев подчеркивает, что, по первоначальному плану Некрасова, «Последыш» должен был войти в первую часть поэмы в качестве VI главы, а потом был выделен в самостоятельную 2-ю часть, и что «Крестьянка», ставшая теперь на место «Последыша»; разрывает эту естественную связь ради связи «Последыша» с «Пиром». Поэтому он считает наиболее правильным следующее распределение частей:

1 часть, «Последыш», «Крестьянка», «Пир на весь мир».

Главным доводом в пользу своего предложения автор считает то обстоятельство, что всякая иная композиция нарушит внутреннюю хронологию: в «Крестьянке» жнут, в «Последыше» косят. Н. Г. Дмитриев отмечает вполне законченный характер «Последыша» («А за луга поёмные наследники с крестьянами тягаются дондесь...») и полагает, что, написав эту концовку, сам автор лишил «Последыша» какой бы то ни было связи с «Пиром».

Мы не можем припять этот план, так как он нарушает ясно выраженную волю Некрасова, который дважды указывал в примечании к «Пиру», что эта часть поэмы непосредственно следует за главою «Последыш». «Пир на весь мир» есть прямое продолжение «Последыша»; между теми событиями, которые изображены в заключительном эпизоде одной части, и теми, которые изображаются в первом эпизоде другой, едва ли прошло больше суток. И этот краткий срок Н. Г. Дмитриев предлагает в интересах хронологии растянуть самым противоестественным образом, вклинив между двумя частями, расположенными в неразрывной последовательности, около 3 000 стихов, разрывающих повествовательную ткань! «Последыш» и «Пир на весь мир» связаны между собою не только единством времени, но и единством места: как указано выше, действие обеих частей происходит против Бабайского монастыря, на низменном лугу левого берега Волги. Если принять предложенную Н. Г. Дмитриевым композицию частей, окажется, что странники в течение одного дня побывали в Клину, выслушали подробный рассказ Матрены Тимофеевны обо всех перипетиях ее жизни, о подвигах Савелия богатыря святорусского, выполнили за нее полевые работы и моментально воротились на прежнее место.

V. НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ ЗАМЫСЛЫ И ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ,
ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПОЭМЕ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

По плану Некрасова, «Пир на весь мир» не является заключительной частью поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Это видно хотя бы из следующих строк его рукописи, относящихся к севастопольскому герою Овсяникову:

Зимой в далеком Питере
Нежданно наши странники
Паткнулись на служивого
С его бессменной спутницей.
О нем и о Настасьюшке
Речь будет впереди.

А так как события, описанные в «Пире на весь мир», относятся к ранней осени (Григорий в IV главе собирает грибы), можно не сомневаться, что относящаяся к зимнему времени «петербургская часть» эпоса должна была, по замыслу поэта, явиться одной из ближайших частей, следующих за «Пиром».

В эту же «петербургскую часть» должен был, очевидно, войти эпизод, о котором мы знаем из письма А. А. Буткевич к библиотеграфу С. П. Пономареву (от 13 дек. 1878 г.):

«Когда дойдет дело до поэмы «К(ому) на Р(уси) Ж(ить) Х(орошо)», пристройте, если найдете полезным, недавно открытый мною листок, он написан рукою брата. Очевидно, это план для дальнейшего развития поэмы, — вот он:

Прибытие в Петербург искать доступа

К вельможному боярину
Министру государеву.

Встреча с царской охотой и пребывание в облаве:

Глядели, любовались,
И с умиленьем думали
«Дойдем и до тебя!»

(ЛН 3)

Очевидно, петербургскими эпизодами и должна была завершиться поэма.

Один из современников Некрасова вспоминал тотчас же после смерти поэта: «Большие надежды возлагал он на свою поэму «Кому на Руси жить хорошо». Уже больной, он раз говорил с одушевлением о том, что можно было бы сделать, «если бы еще года три—

четыре жизни. Это такая вещь, которая только в целом может иметь свое значение. И чем дальше пишешь, тем яснее представляешь себе дальнейший ход поэмы, новые характеры, картины. Начиная, я не видел ясно, где ей конец, но теперь у меня все сложилось, и я чувствую, что поэма все выигрывала бы и выигрывала» (ЛН, стр. 204).

Но своеобразие работы Некрасова над поэмой «Кому на Руси жить хорошо» заключалось, как известно, в том, что, кроме конца поэмы, ему предстояло написать и ее середину, так как между 1-й частью и «Крестьянкой», равно как и между «Крестьянкой» и «Последышем», оставались сюжетные пробелы, которые необходимо было заполнить. Возможно, что именно после «Крестьянки» предполагалась еще одна часть (или вернее: глава), посвященная моровой язве на реке Шексне; эту главу Некрасов предполагал назвать «Смертушка».

Сюда относится следующая прозаическая запись Некрасова:

«По бечевнику бродят полуживые лошади, тут же валяются мертвые. По реке плывут лошадиные трупы. Ночь. По берегам местами разложены костры, у которых видны фигуры судорбочих. Слышится песня:

На правом берегу поют:

Жена к реке,
А муж за ней,
«Куда идешь?»
— Портки стирать.
«Портки стирать?»
А где ж они?
Утоишься, —
А детки-то».

На левом берегу поют:

В руке топор,
В другой вожжа
«Куда идешь?»
— Тебе на что?
Жена глядит
И в ноженьки:
«Голубчик муж,
Не вешайся».

«Это песня, — поясняет Некрасов, — из новой главы «Кому на Руси жить хорошо», которую я собираюсь писать. Действующие лица — семь мужиков, сторож, ветеринарный врач, на пикете офицер путей сообщения, посланный своим начальством для дознания о сибирской язве, под утро, среди этой обстановки, — вопрос крестьян к исправнику, рассказ его, которым я покачиваю с мужиком, который утверждал, что счастлив ч и н о в н и к ».

Этот рассказ исправника сохранился в прозаической записи:

«И точно видишь, — говорит исправник, — грехам на тебе и счету нет. Да только не в том они — не в тощей курице и пр. Пальцем в небо попала литература. А подымай выше! Грехи на тебе самые черные. Прежде думал: исполняю долг, закон — и спал спокойно. А тут не стало спать. Пуще всего подати, подати да мужицкие ваши преступления. Как позовет тебя губернатор да даст

приказ во что бы ни стало к такому-то числу такую-то сумму очистить!.. Ну и едешь во все свое царство, в уезд, словно в воду опущенный — знаешь, что везешь туда горе, слезы, и столько этих слез и горя. Самому на себя странно; думаешь, ну, что я нос-то опустил в самом деле? — Ведь не на разбой еду? долг исполнять. А тут тебе совесть или какой-нибудь г. Щедрин на память придет, долг долгу рознь!.. Зверем-то не всякий родится, даже редко, чтоб чувствовал удовольствие, как зубы валяются изо рта мужиков, борода редееет, да чтоб кричал, бранился, все это комедия; совсем невесело залезать в бабий сундук, где у нее праздничное платье, да холст на саван, отрубить горенку, вести на продажу коровенку и видать, как ребята за нее цепляются, как за кормилицу... ну да сами знаете... ну так вот тут устой. Дери бороды, бей в зубы! А преступления? То и знай «не виноват», а ты его под кнут, а ты его в Сибирь. А то взятки. Ячница! Сивуха! Сколько ни надери коры в лесу, кроме лаптей ничего не поделаешь из нее. А и тут случалось покрывать, и вот за какую-нибудь бедную девку, что спас от плетей (родила, хотела подкинуть, утопила), вот та моя-то курица простится, думаешь... Я вор! Не знаете, где воры-то. Вы воры, что ли? Ну, а я чем хуже вас? Какие такие мои прихоти? По Сеньке шапка».

Об этом монологе исправника см. в настоящем томе на стр. 622.

К главе о Шексне, вероятно, относится и тот рассказ ветеринара о смерти крестьянской лошади, который печатается в настоящем томе на стр. 412 («Умрет жена у пахаря»).

Сюда же относится приводимая на стр. 569 запись Некрасова о сибирской извке.

Глава была задумана Некрасовым раньше, чем «Пир на весь мир». Еще летом 1873 г., то есть во время работы над «Крестьянкой», он написал из-за границы своему другу А. Н. Еракову: «желал бы иметь от тебя к Диешпу материалы для Шексны» (Н. А. Некрасов, Собр. соч., М.—Л. 1930, т. V, стр. 508).

Материалов, относящихся к другим ненаписанным частям поэмы, почти не сохранилось. Остались лишь разрозненные записи, которые, быть может, Некрасов предполагал использовать именно для этих частей, хотя не исключена возможность, что эти наброски так и остались бы в его черновиках. Приводим записи, которые, по нашей догадке, должны были относиться к главе (или части), посвященной купцам:

«Как многие источники торговли отняты у русских рутинных купцов усовершенствованиями. Пароходы уб(или) коноводки и расшивы. Кто-то мне рассказывал, что какие-то ремни в крестьянской сбруе делаются за-границей из нашей кожи (справиться!).

«Купец умирает. Когда ему плохо, выдает по 3 к. на нищего, когда поотпустит, по 1½».

Отношение поэта к буржуазии, к купечеству, к наступлению капитала на деревню — резко отрицательное на всем протяжении поэмы. «Купец у Некрасова, — говорит современный исследователь, — неизменно характеризуется, как «купчик-выжига», «первый вор», а его губительная роль определеннее всего видна на судьбе примерного крестьянского труженика Якима Нагого:

С купцом тягаться вздумалось!
Как липочка ободравный,
Вернулся он на родину
И за соху взялся.

В главе «Горькое время — горькие песни» дан яркий образ прасола Еремина, «брата купеческого», который скупал у крестьян

Что ни попало, лапти ли,
Теленка ли, бруснику ли,
А главное мастак
Подстергать оказии,
Когда собирались подати
И собственность вахлацкая
Пускалась с молотка.

(А. Е. Голин, Некрасов, М. 1941, стр. 127.) Ср. образы этих деревенских хищников в других произведениях Некрасова: в пьесе «За стеной», в стихотворениях «Влас», «Горе старого Наума» и др.

Отдельные наброски (неизвестного назначения):

Как пароход идет ночью по Волге — описать.

Мстеры-богомазы, чеканщики риз.

Как коня куют.

Какое-нибудь страшное злодейство, какие иногда делают мужики почти необдуманно без плана и тотчас попадают. Да как же вы прежде не подумали, что попадетесь, что скрыть нельзя будет? Да так, Игнаха сказал: пойдем, ограбим кабак у Шестерина. — Можно! Всего их двое, он да жена. Поехали к Гордею, сказали ему. «Я лошадь запрягу, — говорит, — вы добро-то и вынесете». Да что ж вы думали делать? Ну ведь целовальник и его жена люди живые, не дадут тоже вам своего добра так. — Вестимо не дадут. — Что ж, вы убить, что ли, их решились? — Коли убить, об этом и речи не было. Так как же?.. Да как бог... как тоись оно там, а убивать не

думали, да знай я, что кровь прольется, да я первый... — Да неужели же из вас никто не думал, что есть закон и проч. — Да как пискнула она-то да сказала: «злодеи, кнута захотели!» — ну тут словно осветило, а до той поры не думали.

Дровнишки раскатилися,
Его подшибло полозом,
Он в дровни и ушал.

Ежели, кипятя молоко, упустить, у коровы будет вымя болеть.

Испей воды настоенной
На громовой стреле.

Небо очистил как яйцо.

Катастрофа на железной дороге, которой свидетелями были страпники; или голова на рельсах.

VI. КОММЕНТАРИИ К ОТДЕЛЬНЫМ ЧАСТЯМ И ГЛАВАМ ПОЭМЫ

П р о л о г

(Стр. 153)

По мнению некоторых современных исследователей, сюжетная схема «Пролога» имеет много общего со сказкой о «Правде и кривде», находящейся в сборнике А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» (М. 1859—1863, № 66). Предполагается, что скатерть-самобранку Некрасов заимствовал из сказки «Королевич и его дядька», напечатанной в том же сборнике (№ 67 а). При этом не раз называют определенную сказку, из которой Некрасов будто бы заимствовал образ говорящей птицы (см. И. К у б и к о в, Комментарий к поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», М. 1933, стр. 14—16). Указывают, что самый вопрос: «кому на Руси жить хорошо?» Некрасов будто бы взял из былины «О птицах», опубликованной в «Песеннике» 1780 года, а также в «Песнях, собранных П. Н. Рыбниковым» (т. I, М. 1861, стр. 485) (Е. Б а з и л е в с к а я, Из творческой истории «Кому на Руси жить хорошо», «Звенья», М.—Л. 1935, т. V, стр. 452—466).

Все эти предположения едва ли верны. «Пролог» несомненно является синтезом многих сказочных мотивов великорусского народного творчества, с детства знакомых Некрасову, и приурочи-

вать к какому-нибудь определенному книжному источнику всякую деталь его «Пролога», значит недооценивать силы великого мастера, органически связанного с народной стихией.

Некрасов был таким знатоком народных образов, народного мышления, что когда, например, он вводил в свой «Пролог» фольклорную цифру семь («семь временно обязанных», «слеталось семь филинов», «с семи больших дерев»), это вовсе не значило, что он взял эту цифру из такой-то сказки, помещенной в таком-то издании. То же относится и к «скатерти-самобранке» и к «говорящим птицам» и т. д.

Семь временно обязанных. — Крестьяне, которым в 1861 году была дарована «воля», были обязаны работать на своих прежних помещиков до 1863 года; в 1863 году были выработаны особые уставные грамоты, определяющие, какую плату за свой земельный надел должен платить государству каждый «освобожденный» крестьянин. Считалось, что после того, как крестьяне станут уплачивать этот налог, они из «временно обязанных» перейдут в разряд «крестьян-собственников».

Первая часть

Глава I

ПОП

(Стр. 165)

Священник, беседующий с крестьянами в этой главе, резко отличается от других представителей сельского духовенства, каких обычно изображал в своих стихотворениях Некрасов. Ср., например, «Пьяную ночь»:

Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди: стоят три дольщика:
Поп, царь и господин.

Священник, выведенный в этой главе, гуманен и совестлив, ему самому тяжела его паразитарная роль, благодаря чему Некрасов получает возможность рассказать его устами о крестьянской нужде.

Когда же поэту понадобилось изобразить типичного деревенского «ластыря», он дал в главе «Демущка» отталкивающий образ корыстного и бездушного служителя церкви, вполне солидарного с теми чиновниками, которые творят свой несправедливый суд над крестьянкой.

Строки о неуважительном отношении русского крестьянства к служителям культа тесно связаны с соответствующим местом знаменитого письма Белинского к Гоголю: «Неужели же в самом

деле вы не знаете, — писал Белинский, — что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадю, попову дочь и попова работника. Не есть ли поп на Руси для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства?» (В. Г. Б е л и н с к и й, Письма, СПб., т. III, 1914, стр. 233).

Ой, избы, избы новые, рядны вы, да строит вас не лишняя колеска, а кровная нужда. — Речь идет об избах, построенных после пожара (см. гл. «Пьяная ночь»).

Какой ценой поповичем священство покупается. — Окончивший семинарист-попович мог получать место умершего или уволенного священника лишь в том случае, если женился на его дочери (см., напр., «Очерки бурсы» Н. Г. Помяловского, гл. III, «Женихи бурсы»).

Законы, прежде строгие к раскольникам, смягчились. А с ними и поповскому доходу мат пришел. — Раскольники давали православному духовенству обильные взятки за то, что оно в своих лживых отчетах начальству свидетельствовало, будто те выполняют обряды государственной церкви. Но начиная с 1864 года всеми делами о раскольниках стала ведать гражданская власть.

Воздухи — вышитые платки, которыми в православных церквях покрываются «священные» сосуды.

Треба — церковный обряд (крещение, венчание, отпевание покойника).

Глава II

СЕЛЬСКАЯ ЯРМОНКА

(Стр. 177)

Изображая пореформенную деревню шестидесятых годов, Некрасов счел необходимым отметить появление в ней новой категории людей, выходцев из интеллигентской среды, сочувственно изучающих крестьянскую жизнь. В «Сельской ярмонке» эти народолюбцы представлены в образе Павлуши Веретенникова, странствующего по деревням для собирания народных пословиц и песен:

Похвалит Павел песенку, —
Пять раз спюют, записывай.
Понравится пословица,
Пословицу пиши!

Именно в те годы, когда писалась поэма, русская фольклористика выдвинула таких замечательных собирателей устных произ-

ведения народа, как А. Ф. Гильфердинг, П. Н. Рыбников, П. В. Шейн, Е. В. Барсов, П. И. Якушкин, И. Г. Прыжов, С. В. Максимов и др. Некрасов высоко ценил их труды. Судя по черновикам «Сельской ярмонки», в лице Павла Веретенникова он намеревался вывести одного из таких фольклористов, П. И. Якушкина, с которым был близко знаком:

Лицо его дворянское
(Лица не переделаешь)
Им впрочем примелькалося
На постоянных двориках,
В харчевнях, в кабаках.
Горазд он был баляспитать,
Носил рубаху красную,
Поддевичку суконную,
Смазные сапоги.

Портретность этого изображения несомненна. Якушкин действительно происходил из старинной дворянской семьи. Судя по воспоминаниям его друзей и знакомых, он действительно «ходил мужиком» — в кумачовой рубахе, в черной суконной поддевке и в худых крестьянских сапогах. Харчевни и кабаки были для него действительно излюбленным местом сближения с народом (см. воспоминания о нем Н. С. Лескова, Д. Д. Минаева, П. Д. Боборыкина, Н. С. Курочкина и др., приложенные к книге: П. И. Якушкин, Сочинения, СПб. 1884). В черновиках «Сельской ярмонки» указана еще одна черта, сближающая Веретенникова с Павлом Якушкиным:

Лицо его корявое
Крестьянам примелькалося.

Собирая народные песни, Якушкин, как известно, заразился «в спопутной деревне» оспой, следы которой остались у него на лице (там же, стр. IX).

Некрасов дружески относился к Якушкину, заботился об улучшении его бытовой обстановки, печатал в «Современнике» его лучшие вещи, в том числе замечательный очерк «Велик бог земли русской», где дана резко отрицательная оценка крестьянской реформы (см. письма Якушкина к Некрасову. ЛН 2).

Существовало мнение о Павле Якушкине, как о безидейном этнографе, чуждом политической борьбы шестидесятых годов. Так, Н. С. Лесков указывал в вышеназванной книге, что «политика Якушкина занимала очень мало или, точнее сказать, — она его совсем не занимала... Над социализмом <...> Якушкин смеялся <?!>» (стр. XI—XII). То же утверждал и В. О. Португалов: «В его по-

хождениях, боже упаси! решительно не было никакой политической подкладки. Все его хождения в народ имели чисто литературные цели» (стр. ХСIV). Это, конечно, неверно: очерки, помещенные Якушкиным в «Современнике» и «Отечественных записках», свидетельствуют о близости выдающегося фольклориста к революционно-демократическому лагерю.

Столь же близок к этому лагерю был другой замечательный этнограф шестидесятых годов — П. Н. Рыбников, собиравший песни и былины Онежского края. Поэт в одном из первых вариантов намеревался назвать своего героя фамилией исследователя:

Сказал тот барин Рыбников.

Справедливо говорит о П. Н. Рыбникове современный советский ученый М. К. Азадовский: «Как собиратель-фольклорист он принадлежит несомненно к той же генерации фольклористов, что и Худяков и Прыжов, идейным вождем которой был Добролюбов» (М. К. А з а д о в с к и й, Добролюбов и русская фольклористика, «Советский фольклор», М.—Л. 1936, стр. 23; ср. М. М. К л е в е н с к и й, Вертепники, «Каторга и ссылка», 1922, № 10, стр. 18—43).

Тот отрывок из «Сельской ярмонки», где говорится о желанной поре, когда крестьянам станут доступны такие писатели, как Белинский и Гоголь, был использован В. И. Лениным в статье «Еще один поход на демократию», направленной против либерала Щепетова, который в кадетском журнале «Русская мысль» выступал с «обсуждением» революции 1905 года, называя этот год «тревожным и беспокойным», «сплошь запутанным», так как в революции участвовали широкие народные массы. Восставая против такого диничного отзыва, В. И. Ленин говорит в своей статье: «Некрасов восклицал в давно-давно прошедшие времена:

... Придет ли времячко
(Приди, приди, желанное!),
Когда народ не Блюхера
И не милорда глупого,
Белинского и Гоголя
С базара понесет?

Желанное для одного из старых русских демократов «времячко» пришло. Купцы бросали торговать овсом и начинали более выгодную торговлю — демократической дешевой брошюрой. Демократическая кшшжка стала базарным продуктом. Теми идеями Белинского и Гоголя, которые делали этих писателей дорогими Некрасову — как и всякому порядочному человеку на Руси, — была пропитана сплошь эта новая базарная литература...

... Какое «беспокойство»! — воскликнула мящая себя образованной, а на самом деле грязная, отвратительная, ожиревшая, самодовольная либеральная свинья, когда она увидела *на деле* этот «народ», несущий с базара... письмо Белинского к Гоголю» (В. И. Ленин, Сочинения, изд. 3-е, т. XVI, стр. 132).

Когда в 1918 году в Ленинграде молодая советская власть организовала в условиях блокады и гражданской войны Литературно-издательский отдел (при Народном комиссариате просвещения) для печатания и распространения в народе сочинений Гоголя, Белинского, Чернышевского, Льва Толстого, Тургенева, Чехова, на каждой книге, выпущенной этим первым советским издательством, был напечатан тот же отрывок из некрасовской «Сельской ярмонки», который цитировал Ленин в вышеприведенной статье.

Среди некрасовских черновиков обнаружен другой вариант этих замечательных строк:

Эх, эх, придет ли времячко,
Когда (приди, желанное)...
Швырнув под печку Блюхера,
Милорда беспардонного
И подлого шута,
Крестьянин купит Пушкина,
Белинского и Гоголя —
На кровный купит грош...

(См. варианты на стр. 476)

Имя Пушкина — здесь не случайность. Даже в самый разгар борьбы за «гоголевское направление» в искусстве, когда с именем Пушкина ошибочно связывали представление о безидеальной поэзии, Некрасов оставался верен своему всегданнему благоговению перед Пушкиным. «Поучайтесь примером великого поэта любить искусство, правду и родину, — обращался он к молодежи в «Современнике» 1855 года, — и если бог дал вам талант, идите по следам Пушкина, стараясь сравняться с ним, если не успехами, то бескорыстным рвением, по мере сил и способностей, к просвещению, благу и славе отечества!» (ЛН, стр. 263—264). Для Некрасова не существовало дилеммы: «либо Пушкин, либо Гоголь», никогда не противопоставлял он гоголевского направления пушкинскому.

Никола Великий — 22 мая (9 мая по стар. стилю).

Шляки — крестьянские шапки.

Штофные лавочки — ларьки, торгующие водкой.

Ренковский погреб — подвальное помещение, где торгуют виноградными винами.

Подол на обручах — модная женская одежда шестидесятых годов, «кринолин», широкая юбка на стальных обручах, придававшая ей вид колокола.

Петров день — 12 июля (29 июня по стар. ст.).

Косуля — соха.

Изделья кимряков — обувь, изготовленная кустарями-сапожниками в с. Кимры Калининской обл.

Офени — странствующие торговцы.

С Лубянки — первый вор! — Оптовая торговля лубочной литературой в Москве проходила главным образом на Лубянке (ныне улица Дзержинского).

Блюхер (1742—1819) — прусский фельдмаршал, участник битвы под Ватерлоо в 1813 году.

Архимандрит Фотий (1792—1838) — монах-священник, воинствующий реакционер.

Синко — преступник, судившийся в 1860 г. за изготовление фальшивых ассигнаций.

Балакирев — придворный шут Петра I. «Собрание анекдотов о Балакиреве» было популярной лубочной книжкой.

«Английский милорд» — «Повесть о приключениях английского милорда Георга», сочинение Матвея Комарова. Впервые напечатано в 1792 году.

Глава III

ПЬЯНАЯ НОЧЬ

(Стр. 188)

В центре этой главы — образ бедняка-крестьянина Яким Нагой и его страстная речь в защиту трудового крестьянства.

Как видно из черновых набросков, Некрасов первоначально намеревался изобразить в качестве этого защитника крестьян фабричного рабочего; в одном из вариантов читаем:

Фабричный кудри русые
Встряхнул, окинул с валика
Очами соколиными
Шумящую толпу
И крикнул зычным голосом:
«Ой, царство ты мужицкое!
Гуляй, коли гуляется,
Шуми, шуми вольней!»

Далее в рукописи следовал тот дифирамб героическому труду «мужицков», который в окончательной редакции произносит Яким Нагой.

Плетюх — большая корзина.

Глава IV
СЧАСТЛИВЫЕ
(Стр. 200)

Смысл этой главы заключается в том, что в «освобожденной» деревне нет и не может быть ни одного человека, который был бы подлинно счастлив, причем, по справедливому замечанию одного из современных исследователей, «в галлерее «счастливицев», которые выводятся здесь: солдат, каменотес, рабочий, крестьянин-белорусс и т. д. — охвачены почти все стороны жизни трудовых масс. При помощи образа солдата показана страшная тяжесть военной службы, образ белоруса таит в себе жуткую повесть о голодном вымирании деревни под властью помещиков и буржуазии, рассказ каменщика — характернейшая история людей труда на капиталистических предприятиях» (С. А. Червяковский, Творческая работа Некрасова над поэмой «Кому на Руси жить хорошо», «Труды Горьковского государственного педагогического института им. А. М. Горького», вып. VIII, 1940, стр.29).

Упоминаемый в этой главе праведный бурмистр Ермил Гирин был первоначально изображен Некрасовым в прозаической повести «Тонкий человек» (1853) под именем Потанипа, мудро управляющего обширным имением. Имя в повести тоже называлось Адовщина. Сравнивая повесть с поэмой, мы находим в иных местах почти буквальные совпадения текста.

В поэме:

— Каким же колдовством
Мужик над всей округою
Такую силу взял?
— Не колдовством, а правдою!

В повести:

«— Что ж, он колдовство какое знает, по-твоему? Простой мужик... а получше немца управляет!.. Чем он вам так страшен?
— Чем страшен? Правдой страшен! — резко сказал ямщик. — Да правдой же и люб!»

В повести, как и в поэме, родственник бурмистра попадает по рекрутскому набору в солдаты, но в повести бурмистр остается верен своему гражданскому долгу, а в поэме бурмистр, несмотря на свою преданность интересам крестьян, кривит душой ради спасения родственника.

Слово Адовщина в повести толкуется так: «Вишь ты, раскольников у них много. Ну, покоя веку так и прозвали: адóвщина да адóвщина немрущая». Как указывает один из современных исследователей, Адовщина с трех сторон охватывала владимирское име-

ние отца поэта — А. С. Некрасова (А. В. П о п о в, Топография поэмы «Кому на Руси жить хорошо», «Литература в школе», 1946, № 2, стр. 41). «Адовщина» принадлежала некогда князю Одоевскому и называлась «Одоевщиной». В подстрочном примечании к повести Некрасов сообщает, что праведный Потанин списан им с натуры: поэт видел такого бурмистра в одном из уездов Владимирской губернии (Н. Некрасов, Тонкий человек, М. 1929, стр. 67 — 78).

История с покупкой мельницы тоже основана на подлинном факте: в «Отчете о современном положении раскола» П. И. Мельников-Печерский еще в 1854 г. описал, как богатый нижегородский раскольник Петр Егорович Бугров, «многократный миллионер», за полчаса до переторжки о казенном подряде на перевозку соли из оптовых магазинов «опротью бросился на нижний базар и там, сказав торговцам: «Братцы, давайте денег скорее», снял перед ними свой малахай. Через четверть часа в малахай было накидано 20.000 рублей серебром, с которыми Бугров поспел на переторжку во-время, и поставка осталась за ним» (П. У с о в, П. И. Мельников, его жизнь и литературная деятельность, предисловие к I тому Полного собр. соч. П. И. Мельникова (Андрея Печерского), СПб. — М. 1897, стр. 154).

Впоследствии Мельников-Печерский изобразил Бугрова в романе «В лесах» под именем Потапа Чапурина и рассказал тот же случай в первой главе романа (Полное собр. соч. П. И. Мельникова (Андрея Печерского), т. II, СПб. 1909, стр. 8). Но между Гириным и Бугровым-Чапуриным огромная разница: один всю жизнь служил интересам народа, другой — богатый кулак-спекулянт.

Рассказ о Ермиле Гирине заканчивается кратким упоминанием о бунте раскрепощенных крестьян:

Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Испуганной губернии,
Уезда Недыханьсва,
Деревня Столбники.

Крестьянские волнения после реформы 1861 г., обманувшей ожидания народа, приняли массовый характер. «...великая реформа, — говорит В. И. Ленин, — не могла быть приведена в исполнение без помощи военных экзекуций и расстреливания крестьян, отказывавшихся принимать уставные грамоты» (В. И. Ленин, Сочинения, изд. 3-е, т. IV, стр. 101).

По официальным (сильно преуменьшенным) данным, за два года — 1861 и 1862 — было 1172 случая волнений и беспорядков;

из них 797 случаев потребовали для умирения военной силы. Волнениями было охвачено 2 607 селений (А. П о п е л ь н и ц к л и й. Как принято было положение 19 февраля крестьянами, «Современный мир», 1911, № 2, стр. 223; см. также И. И г н а т о в и ч, Волнения помещичьих крестьян от 1854 по 1863 г., «Минувшие годы», 1908, стр. 81—92).

Возможно, что именно к одному из тогдашних крестьянских волнений относятся следующие прозаические записи Некрасова:

«Не давая пахать оттягиваемой земли, кр(стьяне) ложились в борозды, где должна была проходить соха».

«Помещик, употребивший свои пожарные инструменты, как средство устрашения и мщенья».

Характерно, что Некрасов (несомненно, под влиянием цензуры) оборвал на полуслове речь священника, рассказывающего в этой главе о восстании крестьян. К той же теме он вернулся в следующей главе («Помщик»):

Да иногда пройдет
Команда. Догадаешься:
Должно быть взбунтовалось
В избытке благодарности
Селенье где-нибудь!

Более подробно развить эту тему Некрасов в то время не мог. Лишь через тридцать лет после смерти поэта в печати могли появиться его стихи, изображающие жестокие методы, при помощи которых правительство Александра II обычно умирало крестьян (см. во 2-м томе настоящего издания стихотворение «Бунт»).

Сам государев посланный. — Ко времени объявления «воли» в разные губернии были командированы свитские генералы и флигель-адъютанты с широкими полномочиями по умирению недовольных крестьян (История СССР, 1940, т. II, стр. 425).

Вертоград — сад, виноградник. Церковно-славянское выражение «вертоград христов» означает рай.

Пеуны — петухи.

Трюфели — дорогие грибы.

Кострика — древесина льна и конопля.

Губонин Петр Ионович — железнодорожный делец, миллионер (о нем см. примечание на стр. 609).

Палата — казенная палата, орган министерства финансов, ведавший государственным имуществом и строительной частью.

Лобанчики — золотые монеты.

Ассигнации — бумажные денежные знаки.

Гривна — старинная медная монета.

Жандармский корпус — политическая полиция, находившаяся в ведении министерства внутренних дел.

Трешник — конейка.

Семешник — две копейки.

Кутейники — прозвище служителей церкви.

Ценик — сарай.

Глава V

ПОМЕЩИК

(Стр. 220)

Венгерка с бранденбурами — короткая куртка, расшитая шнурами.

Борзовицки — охотники, стерегущие зверя с борзыми собаками.

Варилы-варом гончие — см. примеч. Некрасова к стихотворению «Псовая охота» (т. I настоящего издания, стр. 40).

Двунадесятый праздник — один из двенадцати главных церковных праздников.

Посредники — мировые посредники, на которых возложено было упорядочение отношений между «освобожденными» крестьянами и помещиками. Защищали интересы помещиков.

КРЕСТЬЯНКА

(Из третьей части)

(Стр. 236)

Об этой части поэмы см. настоящий том, стр. 633—638.

Глава I

ДО ЗАМУЖСТВА

(Стр. 247)

В день Симеона — 14 сентября (1 сентября по стар. ст.).

Наля — нахал.

Гарнитур (правильно: гродетур) — плотная шелковая ткань.

Глава II

ПЕСНИ

(Стр. 252)

Екатеринин день — 7 декабря (24 ноября по стар. ст.).

Благовещенье — 7 апреля (25 марта по стар. ст.).

«Казанская божья мать» — 21 июля (8 июля по стар. ст.) — церковный праздник.

Глава III

САВЕЛИЙ, БОГАТЫРЬ СВАТОРУССКИЙ (Стр. 259)

О Савелии, богатыре святорусском см. стр. 623—624.

Под Варною убит — во время русско-турецкой войны 1828 года при взятии крепости Варна (на берегу Черного моря).

Глава IV

ДЕМУШКА (Стр. 270)

Решаемся высказать предположение, что весь эпизод с Демущкой возник у Некрасова на основе соответствующих причитаний Ирины Федосовой, у которой в «Плаче по убитом молнией» изображается суеверное отношение крестьян к медицинскому вскрытию:

Приедут как судьи неправосудны,
Будут ца́трошить надежную головушку,
По частям резать по мелким кусочикам;
Как распорют его грудь да эту белую,
Как повынут то сердечушко ретивое,
У тебя тут у печальной у головушки
Обмирать да стане зяблая утробушка,
Буде жаль тошно надежной головушки.
Ты послушай же, спорядная суседушка:
Не жалий бедна любимой покрутушки,
Заложы - снеси крестьянницу богатому,
Ты проси да золотой казны по надобью,
Запродай свою любимую скотинушку,
Набери да золотой казны бессчетной;
Как приедут дохтура да славны лекари,
Как со этого со города Петровского,
Попроси да бедна добрых ты людшек,
Своих сельских проси бедна начальничков,
Писарев проси победна хитромудрых,
Штоб вступились по победной головушке,
Уговорили б дохтуров да оны лекарей,
Задарили б золотой казной бессчетной,
Штоб надеженьку твою не патрушили,
Штобы белой его груди не пороли,
Штоб сердечушка его не вынимали,
Штоб назолушки тебе не надавали,
Штобы придали ко матушке сырой земле
Телеса то бы его да без терзания.

(«Причитания Северного края», собранные Е. В. Барсовым,
ч. 1, М. 1872, стр. 249—250.)

Глава V

ВОЛЧИЦА

(Стр. 280)

В рот яблока до Спаса не беру. — Спас — народное название церковного праздника («Преображенья господня») 19 августа (6 августа по стар. ст.). Есть яблоки до Спаса считалось грехом.

Глава VII

ГУБЕРНАТОРША

(Стр. 294)

Чей памятник? «Сусанина». — Памятник Ивану Сусанину в Костроме.

Шандал — подсвечник.

Глава VIII

БАВЬЯ ПРИТЧА

(Стр. 303).

У гроба Иисусова молилась. — Гроб Иисуса Христа по христианской легенде находится в Иерусалиме.

Гора Фавор и река Иордан (в Палестине) — места, связанные с евангельскими легендами о жизни Иисуса Христа.

ПОСЛЕДЫШ

(Из второй части)

(Стр. 307)

Когда «Последыш» появился в печати, критики реакционного лагеря заявили в своих статьях и рецензиях, что Некрасов изобразил фантастический случай, ибо в России будто бы не было и быть не могло таких «бесмысленных <!> анекдотов» и «невозможнейших <!> фарсов» (В. Г. А в с е е н к о, Реальнейший поэт, «Русский вестник», 1874, № 7, стр. 440—441).

Между тем, если судить по мемуарам, относящимся к эпохе крестьянской реформы, сюжет «Последыша» весьма недалек от тогдашней действительности. Нечто подобное было, например, в селе Щуколове, Дмитровского уезда, Московской губернии. В 1861 г. владелица этого села долго скрывала от своего мужа, разбитого параличом, факт «освобождения» крестьян. Живший в той местности декабрист А. В. Поджино писал об этом случае так: «Во избежание вторичного окончательного паралича, она <помещица> скрывает от него <своего мужа> случайную эмансипацию

<т. е. освобождение крестьян> и ежедневно счастливый еще помещик отдаёт попрежнему приказания старосте: «завтра сгон, собрать баранов, баб не спускать» и пр. (Н. А. Белоголовый, Воспоминания и другие статьи, М. 1897, стр. 114).

Но, конечно, дело не в правдоподобии этого частного случая, а в изображении общего факта — «вражды-войны» между раскрепощёнными крестьянами и их господами. Чувства крестьян к помещику выразились здесь наиболее отчетливо в крестьянской шутке:

«В крошечный ад провалимся,
Так ждёт и там крестьянина
Работа на господ!»
— Что ж там-то будет, Климушка?
«А будет что назначено:
Они в котле кипят, ешь,
А мы дрова подкладывать».

Эти стихи воспроизводят подлинную поговорку крестьян, издавна существующую в русском фольклоре. Еще в начале шестидесятых годов среди народных пословиц, собранных В. И. Далем, была опубликована следующая: «Мы и там служить будем на бар: они будут в котле кипят, а мы будем дрова подкладывать» (Вл. Даль, Пословицы русского народа, М. 1862, стр. 789).

Таким образом дело не в том, что Некрасов описал в «Последыше» якобы редкостный случай, а в том, что те отношения, на почве которых этот случай возник, были обыденными фактами. После «великой реформы» взаимная ненависть крестьян и помещиков, вопреки надеждам либералов, дошла до крайнего ожесточения, и здесь заключается главная тема «Последыша». Именно поэтому цензурное ведомство отнеслось к «Последышу» с особенной строгостью: от цензуры не укрылось стремление Некрасова разоблачить тот обман, при помощи которого наследники старого князя, принадлежавшие к пореформенному поколению помещиков, ограбили «освобожденных» крестьян.

Цензор Лебедев в феврале 1873 г. писал о «Последыше» в своем докладе Главному управлению по делам печати:

«Означенное произведение <...> отличается от предыдущих пьес крайним безобразием содержания и, не имея никакого литературного и художественного достоинства (!), носит характер пасквиля на все дворянское сословие. Желая олицетворить в своем герое Последыше большинство дворян, не бывших в состоянии с подобающим благоразумием принять и перенести акт освобождения крестьян, Некрасов заставляет героя своего, заслуженного

старого князя, сойти с ума от такого оскорбительного акта для дворянского достоинства и в сумасшествии прибегать к самым шутовским и неуместным проделкам... Принимая во внимание, что в стихотворении «Последыш» поэт хотел представить в мрачном свете и отталкивающим виде не только прежних дворян, владельцев крепостными <sic!>, но и настоящих, так как молодые наследники представлены им также бесчестными и не сдерживающими данного слова, и этою картиною дать почувствовать читателю, насколько нравственнее благородного сословия простой народ, цензор приходит к такому заключению, что озабоченное стихотворение может служить возбуждением антагонизма между высшим и низшим классами общества и составляет оскорбление для дворянского сословия» (В. Е. Е в г е н ь е в-М а к с и м о в, В руках у палачей слова, «Голос минувшего», 1918, № 1—4, стр. 90).

В одном из комментариев к «Последышу» мы высказали предположение, что случай, который описывается в этой части поэмы, мог быть рассказан Некрасову доктором Н. А. Белоголовым, в свою очередь узнавшим о нем из вышеприведенного письма декабриста Поджио. И. Н. Кубиков оспаривал эту догадку. Основное его возражение заключалось в том, что Некрасов, познакомившийся с Белоголовым в ноябре 1872 г., не мог в полгода написать такую длинную вещь (И. К у б и к о в, Комментарии к поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», М. 1933, стр. 91—92). С этим возражением нельзя согласиться. Многие свои стихотворения Некрасов писал очень быстро: «Герои времени» написаны им в 14 дней, «Княгиня Трубецкая» — в 20 дней, «Княгиня Волконская» — тоже, «Дедушка» — в 10 дней.

Петровки — Петров день — 12 июля (29 июня по стар. ст.).

Шапка белая высокая, с околышем из красного сукна — общедворянская форменная фуражка.

Уставная грамота — документ, определяющий отношения между помещиками и крестьянами, «освобожденными» манифестом 1861 г.

«Положение» — «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», законодательные акты об «освобождении» крестьян.

Фалетур — фореитер, верховой, правящий передней лошадей при запряжке цугом.

Газовый (казовый) — конец ткани, вытканый особенно чисто, оставляемый в куске сверху, напоказ.

Курьерская подорожная — документ, дававший право военным курьерам получать лошадей на казенных почтовых станциях впе очереди.

ПИР НА ВЕСЬ МИР

(Из второй части)

(Стр. 343)

Некрасов писал «Пир на весь мир» во время предсмертной болезни, в 1876—1877 гг. Судя по рукописям этих стихов, он тогда же проектировал дальнейшее развитие сюжета и намечал новую часть поэмы «Кому на Руси жить хорошо», которая должна была явиться продолжением «Пира на весь мир» (см. настоящий том, стр. 646).

В соответствии с демократическим подъемом семидесятых годов «Пир на весь мир» отличается от прочих частей поэмы более выраженной революционной направленностью.

По словам цензора Н. Е. Лебедева, поэт выставил в своем произведении «в самых мрачных красках всевозможные страдания мужика, весь ужас прежнего рабского его положения, весь безграничный произвол помещичьего права <...> Рисуемые поэтом картины страданий, с одной стороны, и произвола — с другой, превосходят всякую меру терпимости и не могут не возбудить негодования и ненависти между двумя сословиями» («Голос минувшего», 1918, № 4—6, стр. 97).

Председатель цензурного комитета А. Г. Петров предупредил редакцию, что та книга «Отечественных записок», в которой появится «Пир на весь мир», будет немедленно подвергнута аресту. Издатель Краевский, «пользуясь беззащитностью уже безнадежно больного Некрасова, по собственному усмотрению, не дожидаясь формальных требований цензурного комитета, изъял из ноябрьской книжки «Отечественных записок» за 1876 г. «Пир на весь мир» (ЛН 2). Для Некрасова это было тяжелым ударом. По словам его сестры, он «послал за цензором Петровым и битых два часа доказывал ему всю несообразность таких на него нападок. Он указывал на множество мест в предшествовавших частях той же поэмы, которые, с точки зрения цензоров, скорее могли бы были подвергнуться запрещению; разъяснял ему чуть не каждую строчку в новой поэме, то подсмеиваясь над ним ядовито, то жестоко пробирая и его и всю клику <...> Петров пыхтел, сопел и отирал пот с лица, как после жаркой бани, и только по временам мычал отрывистые фразы: «да успокойтесь, Н. А.» или «вот поправитесь, переделаете — тогда и пройдет» (Автобиографии Некрасова, ЛН, стр. 174—175).

Через несколько дней Салтыков-Щедрин в письме к П. В. Анненкову сообщал о поэте (25 ноября 1876 года): «...Этот человек, повзвешанный и воспитанный цензурой, задумал и умереть под игом

ее. Среди почти невыносимых болей написал поэму, которую цензура и не замедлила вырезать из 11-го №. Можете сами представить себе, какое впечатление должен был произвести этот храбрый поступок на умирающего человека. К сожалению, и хлопотать почти бесполезно: все так исполнено ненависти и угрозы, что трудно даже издали подступиться. А поэма замечательная: в большинстве довольно грубая, но с проблесками несомненной силы. Вот ежели бы был стыд, то этого бы не сделали, хоть ради того, что человек тридцать лет служит литературе и имеет имя...» (Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собр. соч., М. 1939, т. XIX, стр. 82).

Доктор Белоголовый, лечивший в ту пору Некрасова, приводит в своих «Воспоминаниях» следующие слова Некрасова о цензурных мытарствах «Пира на весь мир»: «Вот оно, наше ремесло литератора! когда я начал свою литературную деятельность и написал первую свою вещь, то тотчас же встретился с ножницами; прошло с тех пор 37 лет, и вот я, умирая, пишу свое последнее произведение и опять-таки сталкиваюсь с теми же ножницами!» Как ни старались успокоить его друзья, он очень горячился и несколько раз принимался за переделки поэмы, пользуясь короткими промежутками между страшными болями и записывая стихи на отдельных листах бумаги» (Н. А. Белоголовый, Воспоминания, М. 1897, стр. 451).

Переделав «Пир на весь мир» и устранив те места, против которых восставало цензурное ведомство, Некрасов сделал новую попытку напечатать поэму, причем в песню о «доле народа» вставил в угоду цензуре две строчки, прославляющие Александра II:

Славься, народу
Давший свободу!

Но поэма попрежнему оставалась «исполненной угрозы и ненависти», и цензура снова вырезала «Пир на весь мир» из декабрьской книги журнала. Поэт, снова пригласив к себе председателя цензурного комитета, продолжал настаивать, чтобы ему разрешили печатание «Пира». Петров, со своей стороны, умолял поэта пожалеть <!> цензоров, которые пострадают на службе, если разрешат его стихи.

«— Не лишайте нас куска хлеба, — говорил он поэту, — мы люди семейные. Не водружайте свои стихи на развалинах нашего существования. Завершите свое поприще добрым <!> делом; отложите печатание этих стихов» («Современник», 1913, № 1, стр. 229).

Получив от Ф. М. Достоевского ошибочную информацию, будто проф. В. В. Григорьев, начальник Главного управления по делам печати, считает возможным печатание «Пира на весь мир», он обратился к Григорьеву с письмом, где просил отменить запрещение цензора.

«Я, — говорил он в письме, — принес некоторые жертвы цензуре Лебедеву, исключив солдата и две песни, но выкинуть историю о Якове, чего он требовал под угрозой ареста книги журнала, не могу — поэма лишится смысла. Уродливости, до которых доведено крепостное право, с тем и приведены, чтобы ярче выделить благоденствие отмены его. Неужели поэма подлежит искажению за то, что в ней есть мрачные песни и картины, относящиеся к крепостной эпохе? Но зато в ней есть и светлые перспективы. Решение зависит от вашего превосходительства. Я же, признаюсь, жалею и тех мест, на исключение которых согласился, — я сделал это против убеждения» (Н. А. Некрасов, Собр. соч., М. — Л., 1930, т. V, стр. 579).

Григорьев, очевидно, не согласился с этим истолкованием поэмы, и «Пир на весь мир» остался под цензурным запретом.

Но в январе 1881 г., т. е. через три года после смерти Некрасова, Салтыков-Щедрин, воспользовавшись временным облегчением цензурного гнета, снова представил это стихотворение в цензуру. На посту начальника Главного управления по делам печати находился сменивший Григорьева Н. С. Абаза, который и выразил Салтыкову готовность дать разрешение на печатание «Пира». «Пир» снова был представлен тому же цензору Лебедеву, и на этот раз Лебедев не возражал против опубликования тех же стихов, которые он сам запретил. «Пир» появился в февральской книге «Отечественных записок» 1881 г. в сильно искаженном и урезанном виде, причем в тексте были сохранены две строки, написанные поэтом против воли:

Славься, народу
Давший свободу!

Сестра поэта, увидев эти строки в корректуре, сообщила Салтыкову, что они были написаны «покойным братом со скрежетом зубов, — лишь бы последнее дорогое ему детище увидело свет», и просила вычеркнуть их из журнала. Но Салтыков не мог исполнить ее просьбу: «то-первых, потому, что поэма уже отпечатана, а, во-вторых, и потому, что она в этом виде была у Абазы» (Письмо М. Е. Салтыкова к Н. К. Михайловскому от 3 февраля 1881 г. — Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собр. соч., т. XIX, М. 1939, стр. 190—191).

Из текста «Отечественных записок» были исключены песни «Веселая», «Барщинная», «Солдатская» и большое количество отдельных стихов, причем в редакционном примечании, очевидно, по требованию цензуры, указывалось, будто их исключил сам поэт! В том же 1881 г. появилось в издании сестры поэта первое однотомное собрание «Стихотворений Некрасова», и туда вошел «Пир на весь мир» с теми же цензурными купюрами. «Слава» Александру II осталась и в этом издании.

Нужно ли говорить, что она находилась в резком противоречии со всем содержанием поэмы: недаром в знаменитой притче «О двух великих грешниках» тогдашняя революционная молодежь почуяла призыв к революции.

Характерно, что цензура не усмотрела ничего криминального в этой притче о кровавой расправе с тираном, и пропустила ее беспрепятственно. Цензуру сбили с толку два обстоятельства: во-первых, «древняя быль» была вложена в уста благочестивого странника и окрашена церковным колоритом; во-вторых, в лице жестокого тиранина был выведен польский помещик. Цензура, поощрявшая (после польского восстания 1863 г.) отрицательное отношение к полякам, не заметила, что в пане Глуховском не было ничего такого, чем, в отношении жестокости, он мог бы отличаться от любого из русских помещиков.

Запрещенные цензурой отрывки поэмы так и не вошли в собрание стихотворений в течение тридцати пяти лет. Хотя в 1908 г. критик А. А. Измайлов опубликовал по копии, хранившейся у Ф. Ф. Фидлера, почти все исключенные цензурой отрывки («Русское слово», 1903, № 27), издатели продолжали печатать поэму с теми же цензурными вырезками. В 1920 г. стала известна принадлежавшая А. Ф. Кони рукопись всей поэмы «Кому на Руси жить хорошо», и таким образом мы получили возможность напечатать «Пир на весь мир» в бесцензурной редакции. Сравнивая эту рукопись с текстом, который был опубликован Измайловым, мы убедились, что и измайловский текст был кое-где искажен в угоду цензурному ведомству.

Так, в публикации Измайлова отсутствовали многозначительные строки о Грише:

Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

В измайловском варианте «Солдатской» не было строка о георгиевском кресте. Там было гораздо «цензурнее»:

Ну-тка, служивенький, по миру, по миру!

Точно так же в «Веселой» стихи о царе и барине были заменены таким образом:

В рекруты мальчишек,
В дворню дочерей!

Обращаясь к начальнику Главного управления по делам печати с просьбой о разрешении «Пира на весь мир», Некрасов, естественно, скрыл от него подлинную тенденцию этих стихов. Из тактических соображений он в своем письме указал, что стихи эти будто бы посвящены обличению недавно отмененного рабства и что таким образом их основная задача заключается будто бы в том, чтобы ярче выделить благодеяние отмены его.

Но, конечно, подлинные цели были у Некрасова иные. Под прикрытием показного сюжета таился другой сюжет — тот самый, который, по словам Щедрина, был исполнен «угрозы и ненависти». Начать с того, что крестьяне затеяли «пир на весь мир» по ошибке: они были уверены, что их господа сдержат свое обещание и отдадут им заработанные ими луга.

Крестьяне не предвидели,
Что не луга поемные,
А тяжбу наживут, —

то есть «освобожденные крестьяне» не знали, что их воля сопряжена с безземельем. Едва только им стали ясны подлинные перспективы их жизни, —

Пропали люди гордые
С уверенной походкою,
Остались вахлаки,
Досыта не едавшие,
Несолоно хлебавшие,
Которых вместо барина
Драть будет волостной.

Хотя двух последних стихов не было в подцензурной редакции, но и без них было ясно, что после объявления «воли» эти люди остались такими же нищими,

К которым голод стукнется
Грозит: засуха долгая...
Которым прасол выжига
Урезать цену хвалится
На их добычу трудную.

А если присоединить к этому мрачную «Солдатскую» песню и стихи о деревенском шпионе, из-за которого — уже после реформы — были выпороты десятки «свободных» крестьян, и притчу

о Кудеяре, этот явный призыв к беспощадной расправе с насильниками, а также сочувственное изображение революционера Гриши, станет ясно, как далек подлинный сюжет этой части поэмы от ее внешнего, показного сюжета.

Яснее всего подлинный сюжет вскрывается в третьей главе («И старое и новое»), из которой явствует, что деревня попрежнему бесправна («вместо барина драть будет волостной»); что она отдана в лапы кулачества («прасол выжигает урезать цену хвалится»); что она делается всечасной жертвой правительственных репрессий (намек на подавление восстаний) и т. д. и что единственное ее спасение — в революционной борьбе, которая здесь воплощается в образе Гриши (см. С. А. Червяковский, цит. соч., стр. 29).

По поводу притчи «О двух великих грешниках» (в первой главе «Пира на весь мир») см. указанную выше статью Н. П. Андреева.

Сюжет для стихов «Про холопа примерного — Якова верного» дан Некрасову А. Ф. Кони летом 1873 г. Кони рассказал поэту действительный случай, происшедший в Рязанской губернии: местный помещик «зверски обращался со своими крепостными, находя усердного исполнителя своих велений в своем любимом кучере — человеке жестоком и беспощадном. У помещика, ведущего весьма разгульную жизнь, отнялись ноги, и силач-кучер на руках вносил его в коляску и вынимал из нее. Любимый сын кучера хотел жениться, но барин не позволил, так как невеста приглянулась ему самому. Молодой парень затосковал и однажды, встретив помещика, упал ему в ноги с мольбой, но, увидев его непреклонность, поднялся на ноги с угрозой. Тогда он был сдан не в зачет в солдаты, и никакие просьбы отца о пощаде не помогли. Отец запил, но недели через две снова оказался на своем посту, прощенный барином, который слишком нуждался в его непосредственных услугах. Вскоре затем барин поехал куда-то со своим Малиютою Скуратовым на козлах. В лесу была заброшенная дорога. На эту дорогу, в овраг, называвшийся Чортово Городище, внезапно свернул кучер, не обративший никакого внимания на возражения и окрики сидевшего в коляске барина. Проехав с полверсты, он остановил лошадей в особенно глухом месте оврага, молча, с угрюмым видом отпряг их и отогнал ударом кнута, а затем взял в руки вожжи. Почувяв неминуемую расправу, барин, в страхе, мешая просьбы с обещаниями, стал умолять пощадить ему жизнь. — Нет! — отвечал ему кучер, — не бойся, сударь, я не стану тебя убивать, не возьму такого греха на душу, а только так ты нам солон пришелся, так тяжело с тобой жить стало, что вот я, старый человек, а через тебя душу свою погублю...—И возле са-

мой коляски, на глазах у беспомощного и беспокойно кричащего в ужасе барина, он влез на дерево и повесился на вожжах» (А. Ф. К о в и, Некрасов — Достоевский, П. 1921, стр. 21).

Среди первоначальных набросков «Пира на весь мир» сохранилась следующая прозаическая запись Некрасова о «старообрядце Кропильникове» (изображенном во 2-й главе):

«Еще старик, говорящий правду всем — и начальству. Его везут в острог, он и тут не сдастся; крестьяне поражены, но сами же снаряжают подводу (для доставки старика в острог). Речи странника: близко пришествие антихриста; исправник и пр. слуги его фарисеи и мытари...»

И другая прозаическая запись — о шпионе Егорке Шутове, выведенном в 3-й главе:

«Как мужики распоряжались с шпионами из своих. Мне рассказывали о крестьянине-шпионе, который возбудил подозрение в мужиках тем, что, ничего не делая, одевался щеголем и всегда имел деньги, — вот они добрались, откуда... И сообразив, что это за птица, заманили его в лес и избили. Мужик-шпион убрался из своей деревни, но всюду, где он ни появлялся, его били — по наказу. Помнится, что история эта кончилась трагически» (ИЛИ).

Впоследствии сестра Некрасова сообщила, что поэт слышал этот рассказ в 1874 г. в селе Карабихе, Ярославской губернии, от исправника или акцизного чиновника (Письмо А. А. Буткевич к С. И. Пономареву от 13 декабря 1878 г., ЛН 3).

Гениальная песня «Русь», завершающая IV главу «Пира на весь мир», в первоначальном варианте называлась «Песня Петина», потом — «Песня Гришина» (см. факсимиле, приложенное к настоящему тому). Знаменитые слова этой песни:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная —
Матушка Русь, —

не раз были использованы В. И. Лениным. В статье 1908 г. «Лев Толстой, как зеркало русской революции» В. И. Ленин привел эту некрасовскую формулу, характеризуя противоречивые условия, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века (В. И. Л е н и н, Сочинения, изд. 3-е, т. XII, стр. 332). В статье 1918 года «Главная задача наших дней» эти же некрасовские слова взяты эпитафией, и они же проходят через

всю статью: «добиться во что бы то ни стало того, — писал В. И. Ленин, — чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной.

Она может стать таковой, ибо у нас все же достаточно осталось простора и природных богатств, чтобы снабдить всех и каждого если не обильным, то достаточным количеством средств к жизни. У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь».

Тот же некрасовский образ появляется в конце статьи, где В. И. Ленин говорит о необходимости усвоить передовую технику и наладить высокую организацию труда: «Это как раз то, что требуется Российской советской социалистической республике, чтобы перестать быть убогой и бессильной, чтобы бесповоротно стать могучей и обильной» (В. И. Л е н и н, Сочинения, изд. 3-е, т. XXII, стр. 375, 376 и 378). Те же строки Некрасова использовал товарищ Сталин в своей речи «О задачах хозяйственников» (И. С т а л и н, Вопросы ленинизма, 11-е изд., 1945, стр. 328).

Сергей Петрович Боткин — профессор медицины, знаменитый терапевт, лечивший Некрасова (1832—1889).

I

ГОРЬКОЕ ВРЕМЯ — ГОРЬКИЕ ПЕСНИ

(Стр. 347)

Прасол — скупщик, посредник между крестьянином и купцом.

II

СТРАННИКИ И ВОГОМОЛЬЦЫ

(Стр. 357)

Ложка с рукой благословляющей — деревянная ложка, на конце черенка которой вырезаны пальцы, сложенные в крестное знаменье; такие ложки продавались во многих монастырях.

Быль афонская. — В 1821 году афонские монахи приняли участие в восстании греков против турок. Они были разбиты турками. Всего погибло до 4 000 монахов.

«Ачаков» — Очаков, турецкая крепость на Черном море, взятая русскими войсками в 1791 году.

Пецуур — мешок.

Райк — деревянный ящик с передвижными картинками, на

которые смотрели сквозь круглые стекла. Хозяин райка, раешник, сопровождал показывание картин своеобразной стихотворной речью.

А коли семь-то рубликов платить, так черт с тобой. — В 1868 г. проездной тариф на железной дороге был сильно повышен.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ К ПОЭМЕ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

Пролог

Печатается по *Стих* 1873, т. III, ч. V, стр. 9—27.

Впервые — *С* 1866, № 1, стр. 5—12, с подписью «Н. Некрасов». Вторично, вместе с главой I «Поп» — *ОЗ* 1869, № I, стр. 197—208, с примечанием: «Пролог» был уже напечатан в 1866 году».

Вошло в отдельно напечатанную пятую часть *Стих* 1869—1873 и перепечатано в V части *Стих* 1873.

Наборная рукопись главы — в составе *ЛБ* 5745, л. 1—7 об. (на л. 7 об. начало текста следующей главы). Писано на отдельных листах, в несколько приемов.

Над текстом — заглавие «Кому на Руси жить хорошо» и (вместо зачеркнутой; цифры «1») «Пролог». Первоначально «Пролог» входил в счет глав, которые отмечались не заглавиями, но цифрами. Следующая за «Прологом» глава, теперь носящая заголовок «Глава первая. Поп», в рукописи обозначена как «Глава II».

Под текстом подпись «Н. Некрасов».

Глава I

ПОП

Печатается по *Стих* 1873, т. III, ч. V, стр. 28—48.

Впервые — *ОЗ* 1869, № 1, стр. 208—220, с подписью «Н. Некрасов». Вошло в отдельно изданную пятую часть *Стих* 1869—1873 и перепечатано в V части *Стих* 1873.

Ст. 47—49 и 410—416, впервые появившиеся в *Стих* V. 1873, являются не восстановлением цензурного пропуска, а последующей вставкой, так как в наборной рукописи они также отсутствуют. Двум строкам точек (ст. 158—159) в наборной рукописи ничего не соответствует.

Неполная черновая рукопись главы «Поп» (два листа, содержащие ст. 1—249) — в составе *ЛБ* 5745, л. 7 об. — 10.

На лл. 7—8 первые полторы страницы заняты окончанием белой записи «Пролога» (использованной в качестве наборной рукописи). Далее идет глава «Поп», названная: «Глава II». В результате правки лист кончается стихом 50.

На лл. 9—10 — черновой текст, являющийся непосредственным продолжением записей предыдущего листа. Он охватывает ст. 51—249. Следующие листы не сохранились.

Отдельные наброски, относящиеся к началу главы (ст. 1—37), — *ИЛИ*, Ф. 203, № 12, лл. 25—26. Наброски предшествуют единому сводному тексту и, возможно, были записаны еще вне связи с главой «Поп»; упоминание о попе в них отсутствует; в таком случае записанные на том же листе отдельные наброски начала следующей главы — «Сельская ярмонка» — могут быть трактованы как их непосредственное продолжение.

Наборная рукопись главы «Поп» — в *ЦГЛА*, без подписи и даты.

Писана набело, с последующей значительной правкой. Ст. 1—51 представляют собою более поздний и белой текст.

Следует отметить три незачеркнутые в рукописи куски, отсутствующие в печатных текстах. Один, ст. после 37 (о «Московском строкуласте»), был почти дословно использован Некрасовым в другом месте, в речи Якима Нагого, обращенной к Павлуше Веретенникову, — ср. главу III «Пьяная ночь», ст. 236—252. Два других — ст. после 266 и ст. 337—338 — могли не попасть в окончательный текст по цензурным соображениям.

Глава II

СЕЛЬСКАЯ ЯРМОНКА

Печатается по *Стих* 1873, т. III, ч. V, стр. 49—68. По наборной рукописи восстановлены ст. 311—313.

Впервые *ОЗ* 1869, № 11, стр. 567—577 (вместе с главой III «Пьяная ночь»); подпись: «Н. Некрасов».

Неполная черновая рукопись главы (связный текст ст. 29—201 и наброски ст. 231—287) в составе *ЛБ* 5745, лл. 11—15.

Над текстом — «Глава III». Следует отметить отсутствие в этой редакции ст. 1—28, 38—44 и 162—186.

Полная наборная рукопись — *ИЛИ* 203, № 12, лл. 4, 6 и 15—20. Первоначальный текст набело, со значительной правкой, был перебелен с указанной выше черновой рукописи.

Последний лист, повидимому, является куском какой-то промежуточной белой редакции: он записан набело (впоследствии

подвергнут незначительной правке) и начинается двумя стихами — концом не дошедшего до нас текста — которые зачеркнуты:

Да что мужик? видали мы
Мужицкую-то дурь!

В конце же этого листа зачеркнуто четыре стиха:

Довольны наши странники
Вот праздничек — так праздничек!
Здесь мужики не промахи,
Умеют погулять!

Эти стихи, замененные при правке концовкой главы «Сельская ярмонка», являлись непосредственным переходом к дальнейшей рукописи, составившей следующую главу «Пьяная ночь», которая первоначально начиналась стихами:

Повымахали косточки,
Повымотали душеньку

и т. д.

Стихи эти также были зачеркнуты при разделении глав.

Глава «Сельская ярмонка» была оформлена и выделена в период последующей правки. На отдельном листе были приписаны ст. 1—28 и ст. 288—366.

При разделении глав был частично перераспределен их материал: рассказ о мужике, вывалившем воз («с поделкой деревянной» (ст. 205—218), первоначально находился в той части рукописи, которая отошла к следующей главе.

Глава III

ПЬЯНАЯ НОЧЬ

Печатается по *Стих* 1873, т. III, ч. V, стр. 69—90. Ст. 231 восстановлен по наборной рукописи *ИЛИ* 203, № 12 (где он не зачеркнут).

Впервые — *ОЗ* 1869, № 2, стр. 577—690 <590> (вместе с главой II — «Сельская ярмонка»); подпись: «Н. Некрасов».

Как можно судить по рукописям, первоначально глава «Пьяная ночь» (без центрального эпизода — разговора Веретенникова с Якимом Нагим) являлась концом предыдущей главы «Сельская ярмонка».

Разговор Веретенникова с Якимом Нагим (ст. 155—403) появился позднее и разрабатывался независимо (возможно даже, что

первоначально он должен был составить особую главу) и потом был вставлен в главу «Пьяная ночь», отколовшуюся от главы «Сельская ярмонка».

При этом последовательность эпизодов «Пьяной ночи» была изменена: рассказ о мужике, захватившем в овраг, вывалившем воз и ругающем топор, был перенесен в предыдущую главу («Сельская ярмонка», ст. 205—218); рассказ же о том, как секут лакея, попавшегося в воровстве, — в следующую главу («Счастливые», ст. 715—728).

В наборной рукописи «Пьяной ночи» еще видны следы этой переработки.

Черновые наброски и рукописи главы сосредоточены в *ЛБ* (5745, лл. 16—28); несколько набросков на отдельном листе — в составе *ИЛИ*, Ф. 203, № 12, л. 24.

Полная наборная рукопись хранится в *ИЛИ*, в составе Ф. 203, № 12, лл. 5, 7, 9, 13, 11—12, 3, 14, 8 и 10. Лист белой рукописи (переход от предыдущей главы и начало настоящей), непосредственно предшествующий наборной рукописи и входивший ранее в наборную рукопись предыдущей главы — *CXLV б* 21, лл. 161, 162.

Наиболее ранний набросок — на л. 16 в составе *ЛБ* 5745. На полях — отрывочные наброски.

Следующий набросок — первые двадцать строк «начала» (продолжение предыдущей главы, начиная с места позднейшего разделения глав) — там же; далее на лл. 18, 18 об, 19 и 19 об. — много разрозненных карандашных набросков, относящихся ко всей главе.

Далее, на лл. 20—21 и 26—27 — первый сводный текст главы, первоначальная редакция продолжения предыдущей главы, начиная с места позднейшего разделения глав и до первоначального конца. Первые страницы — набело, без правки, далее — значительная правка. Существенно отметить иную, чем в окончательном тексте, композицию главы: после «начала» (включающего ст. 205—218 и 406—411 предыдущей главы и описание завтрака крестьян) идут ст. 15—37, 115—125, 88—98, 444—449, 99—114, ст. 715—729 следующей главы, далее 126—137 вместо 433—434, 404—417, 435—440 и 458—472. Таким образом в эту редакцию, кроме ст. 155—403, не включены также ст. 38—87, 138—154 и 418—429. Над текстом запись: «Соловьиная роща. Разливы, деревни в воде. Мстеры, разные промыслы по местностям. Собачник. Хмельники».

В описанной редакции, как уже указывалось, отсутствует

разговор Веретенникова с Якимом Нагим¹, который записан, в двух последовательных редакциях², на лл. 22—23 и 24—25 в составе того же *ЛБ* 5745. Вторая редакция переходит в отдельные разрозненные наброски.

В обеих редакциях отсутствуют ст. 236—252 (этот кусок первоначально находился после ст. 37 главы «Поп»), 267—285 и 292—304. Во второй редакции — существенный вариант после ст. 317.

Отдельные наброски на темы рассуждений Якима Нагого о пьянстве — на л. 24 в составе *ИЛИ* 203/12.

В *ИЛИ* в составе 21200/СХ б 21, л. 161, 162, сохранился лист первоначальной беловой редакции, ранее составлявший непосредственное продолжение последнего листа наборной рукописи предыдущей главы и потом откинутый, когда эта глава получила новый конец (четыре стиха, вписанные вместо четырех стихов, связывавших две главы). Лист этот представляет большой интерес для истории текста главы — именно на нем (как и на последнем листе рукописи предыдущей главы) нанесена правка, разделившая главы: зачеркнуты первые полторы страницы, — сорок пять строк, связывавших две главы, — взамен которых на полях записаны пятнадцать строк в качестве начала новой главы, и одновременно с этим впервые надписан заголовок — «Глава III. Пьяная ночь».

Текст этого листа после правки был перебелен Некрасовым на других листах, и таким образом описываемый лист не вошел в состав наборной рукописи.

Первоначальная беловая редакция (сохранившаяся полностью) состояла из двух независимых частей.

Беловая редакция была закончена до разделения глав «Сельская ярмонка» и «Пьяная ночь», — и первая часть беловой редакции состояла из тех листов продолжения «Сельской ярмонки», которые при выделении этой главы в нее не вошли; к этим листам относятся описанные выше лл. 161, 162 в составе *ИЛИ* 21200, лл. 9 и 8 описываемой рукописи и л. 28 в составе *ЛБ* 5745.

Вторая независимая часть первоначальной редакции — разговор Веретенникова с крестьянами — была записана на лл. 5, 7, 13 и 10 описываемой рукописи, вне всякой связи с первой частью, как отдельный рассказ (может быть — как отдельная глава). Эта часть была вставлена, уже в процессе правки, между лл. 9 и 8 первой части.

---

¹ В черновой рукописи Яким Нагой называется «фабричным из Бурмакина».

² Первая редакция охватывает ст. 155—317, вторая весь эпизод 155—403 (ст. 318—379, характеристика Якима Нагого, отсутствуют).

Название «Пьяные», надписанное на первом листе наборной рукописи (вставочный л. 5), было заменено окончательным: «Пьяная ночь» (какое было уже на откинутом листе).

Лл. 5, 7 (первые листы наборной рукописи) явились взамен описанного выше откинутого листа первоначальной беловой редакции (следующий лист наборной рукописи, л. 9, являлся непосредственным продолжением откинутого листа). Лл. 5, 7 также сильно правлены. После правки на л. 5 остались ст. 1—37, после которых зачеркнуты два эпизода, перенесенные ниже, в качестве ст. 85—107. На л. 7—ст. 38—107 (ст. 67—73 зачеркнуты и восстановлены; ст. 83—98 здесь вписаны).

На л. 9 (ранее непосредственно следовавшем за откинутым листом) — ст. 108—154. После ст. 125 вычеркнут эпизод: «секут лакея пьяного» (отнесенный в следующую главу в качестве ст. 715—725). После ст. 137 зачеркнут эпизод, частично использованный в конце той же главы (мужик с воза зовет жену) Вместо него Некрасов предполагал перенести сюда ст. 67—73, которые были зачеркнуты выше и вписаны на полях здесь; возможно, что эта вставка должна была явиться переходом к записям следующего листа (которые начинаются зачеркнутым стихом: «Помчался! Нашим странникам»; слово «Помчался» может быть отнесено к сотскому в ст. 67—73), но связка была осуществлена вставкой ст. 138—154; вписанные на полях ст. 67—73 были зачеркнуты и восстановлены на прежнем месте. Текст листа, до этой вставки, кончался ст. 404—405, перенесенными на л. 8 (который первоначально непосредственно следовал за л. 9), так как лл. 8 и 9 были разделены и между ними был вставлен разговор Веретенникова с крестьянами.

К этому разговору относятся лл. 11—12. Первая страница л. 11 подверглась такой значительной правке, что перед 11 л. был вставлен новый 13 л., на котором был перебелен текст ст. 155—185, начинавших 11 л.

На лл. 11—12 — ст. 186—275.

На л. 13 — ст. 276—335. Следует отметить вставку ст. 329—334 и вычерк стихов после ст. 317.

На л. 14—ст. 336—403, где надо отметить вставку ст. 343—368 и вычерк после ст. 396.

Внизу листа Некрасов собирался вставить сцену «Секут лакея пьяного», но вычеркнул вписанные стихи.

Лист, на котором был записан конец главы (ст. 463—472), оторвался от наборной рукописи и находится среди черновых рукописей главы в составе ЛБ 5745, л. 28.

Глава IV

СЧАСТЛИВЫЕ

Печатается по *Стих* 1873, т. III, ч. V, стр. 91—125.

Впервые — *ОЗ* 1870, № 2, стр. 563—582, вместе с гл. V «Помещик». Подпись: «Н. Некрасов». К заголовку примечание: «Пролог и первые три главы напечатаны в «Отечественных» зап<исках>» 1869 года, №№ 1 и 2». Вошло в отдельно изданную V часть *Стих* 1869—1873 и перепечатано в V части *Стих* 1873.

Куски черновой рукописи — в составе *ЛБ* 5745, лл. 30—39.

Ранняя запись начала главы, композиционно отличающаяся от окончательной, — на л. 32—32 об.; почти без правки. На л. 33—набросок, являющийся новой переработкой предыдущего, и далее отдельные наброски.

Следующая за этим черновая рукопись начала (ст. 1—72) начата на лл. 30—31 и продолжена на л. 34 с правкой и вычерками. Запись обрывается неоконченной сценой с нищими (ср. ст. 284—298). Основное композиционное отличие этой редакции — вставка ст. 266—283 между ст. 37 и 38.

Следующие записи на лл. 35—39 относятся уже к истории Ермила Гирина (ст. 307—620). Это — черновик ст. 307—316 (на л. 35), ранний черновик ст. 322—441 с одновременной и последующей правкой (лл. 36—37) и сравнительно более поздние черновики ст. 535—592 и 596—620, перемежающиеся отдельными набросками (лл. 38—39).

В этих последних записях следует отметить вариант ст. вместо 506 и отсутствие ст. 543—560.

Рукописи сохранились неполностью: отсутствуют записи, относящиеся к ст. 94—265, 442—534, и весь конец (ст. 621—760).

Первоначальные наброски — *ИЛИ*, Ф. 203, № 12, л. 23. Единый связный текст отсутствует, часть записей не оформлена в стихи. В то время, когда записывались эти наброски, они предназначались еще для предыдущей главы «Пьяная ночь», откуда были переставлены в настоящую главу.

Наборная рукопись — *ЦГЛА* 1610/1 — писана набело, с правкой.

Глава V

ПОМЕЩИК

Печатается по *Стих* 1873, т. III, ч. V, стр. 126—153.

Впервые — *ОЗ* 1870, № 2, стр. 582—598. Подпись: «Н. Некрасов» и дата под текстом: «1865 год». Вошло в отдельно напе-

чтанную пятую часть *Стих* 1869—1873, и перепечатано в V части *Стих* 1873.

Цензурный вариант ст. 586 восстановлен в *Стих* 1873.

Наборная рукопись — ЦГЛА 1611/1. Заглавие «Глава IV» исправлено на «Глава V». Подпись: «Н. Некрасов» и дата: «1865 г.». Ниже запись: «Такое впечатление на них сделал помещик, что они после часто вспоминали Идут ли мимо разрушенной усадьбы и проч. смеялись над Романом

Ай барин подрезал ты Роман<ушку>
<Под самый корешок?>».

Неполная черновая рукопись главы — в составе ЛБ 5745, лл. 40—47.

На лл. 40—43 об. — связный текст ст. 1—273, с незначительной правкой и вставками.

На лл. 44—46 черновые наброски ст. 327—349, 350—381, 382—408, 409—429, 542—567 и более мелкие отрывочные наброски, относящиеся к ст. 405—527.

Рукопись не охватывает всего текста главы — отсутствуют ст. 274—326 и 574—597; ст. 451—541 имеются только в виде отрывочных набросков, причем ст. 477—510 отсутствуют и в этих набросках.

КРЕСТЬЯНКА

Печатается по *Стих* 1873—1874, т. III, ч. VI, стр. 71—201.

Впервые — ОЗ 1874, № 1, стр. 5—74, с подписью «Н. Некрасов». Вошло в VI часть *Стих* 1873—1874, с датой на шмуцтитуле: «1873».

Все основные рукописи (сводная черновая и наборная) сосредоточены в ИЛИ, в составе 21200 (CXLV б 21). Отдельные наброски — ИЛИ, Ф. 203.

В отделе вариантов черновая и наборная рукописи воспроизводятся отдельно, здесь же они описываются в порядке глав.

ПРОЛОГ

Сводная черновая рукопись — на отдельных лл. 66, 86, 87, 88 (обложка — лл. 113—112) основного фонда. Текст писан набело, с перерывами, со значительной правкой и вставками. Конец главы (ст. вместо 271—391) после правки зачеркнут; позднейшая редакция этого места, предшествующая наборной рукописи, в сводной черновой отсутствует. Ст. 392—417 также отсутствуют.

Над текстом заглавие — «Кому на Руси жить хорошо. Часть вторая. II. Губернаторша». Листы рукописи — в обложке, на которой написано: «Кому на Руси жить хорошо. Часть вторая. Рассказ

второй. «Губернаторша». «Пролог» и дата: «Висбаден 1873 17/29 июля»¹.

В наборной рукописи текст «Пролога» занимает лл. 122—125 основного фонда.

Глава I ДО ЗАМУЖСТВА

Сводная черновая рукопись на лл. 71, 72, 74, 75 (обложка — лл. 163—164) основного фонда. Окончательная редакция этой рукописи большим количеством вариантов и отчасти композиционно отличается от печатной редакции, почему в отделе других редакций и вариантов воспроизводится полностью, в виде связного текста с предшествующими вариантами под строкой.

На л. 94 основного фонда — отдельные карандашные наброски и фольклорные выписки, предшествующие сводному тексту и частично использованные также в следующих главах «Крестьянки». Первые два наброска (существенно отметить, что они палеографически однокачественны со следующими записями) использованы в качестве ст. 2548—2550 главы «Бабыя притча» и стихов вместо 2221—2233 сводного чернового текста главы «Губернаторша». Остальные наброски относятся к ст. 493—501 («Чужая то сторонущка»), 428—450 (брат и мать будят Матрену) и 472—477 («Спасибо жаркой баенке») настоящей первой главы. Там же — набросок стихов о вышитой рубахе со ссылкой на IV часть сборника Рыбникова и запись нескольких фольклорных выражений.

В наборной рукописи текст первой главы занимает четыре листа — лл. 126—129 основного фонда. Заглавие окончательное: «Глава I. До замужства».

Глава II ПЕСНИ

В сводной черновой рукописи вторая глава составляет единое целое с третьей главой (охватывая ст. 619—1273), под общим заглавием «Дедушка Савелий». В наборной рукописи главы разделены в процессе правки (над текстом второй главы зачеркнуто первоначальное заглавие «Савелий, богатырь свиторусский» и заменено окончательным — «Песни»).

Сводная черновая рукопись — на лл. 95 и 76 основного фонда (начало, ст. 619—650, — на последнем, 75 л., рукописи предыдущей, первой главы). Текст писан с немногочисленными перерывами, с одновременной правкой и вставками, и непосредственно переходит,

¹ Наборная рукопись с самого начала озаглавлена «Крестьянка», позднее карандашом отнесена к третьей части поэмы: «Кому на Руси жить хорошо (Из третьей части)».

на обороте л. 76, в следующую, третью, главу без всякого обозначения новой главы (см. ниже).

На л. 95 подряд, без правки, записаны ст. 651—668 и 669 и след. Последние перечеркнуты и на следующем листе начаты вновь, в другой редакции. Под текстом этого продолжения помета: «Продолж. Гл. 2. Диесп. 25 Июля».

В наборной рукописи текст второй главы занимает четыре листа — лл. 129, 131, 132, 133 основного фонда.

Глава III

САВЕЛИЙ, ВОГАТЫРЬ СВЯТОРУССКИЙ

В сводной черновой рукописи третья глава составляет единое целое с предыдущей, второй главой (см. выше).

Сводная черновая рукопись — на лл. 76, 77, 89, 90, 91, 92 (обложка — лл. 65, 107) основного фонда.

На лл. 76—77 записаны (непосредственно вслед за ст. 836 предыдущей главы (ст. 837—962) с перерывом и значительной правкой в области ст. 858—862). Записям следующего (89) л. предшествовала черновая редакция, после переработки которой на лл. 89—90 ст. 962—1109 были записаны набело, с правкой и вставками (ст. вм. 962—980 — встреча Савелия с медведицей — вписаны); далее — перерыв и значительная правка в области ст. 1110—1124, после которых, опять набело, с незначительной правкой, ст. 1125—1176, непосредственно переходящие в связную запись следующего листа, после которых идут отдельные наброски ст. 1192—1220 и потом связанный текст ст. 1192—1273, с перерывом и правкой ст. 1210—1220.

Вставка ст. 863—875 осуществляет помету на полях предыдущего сводного текста: «Прибавить, как дедушка подсаживал семью д в у г р и в е н н ы й, с в а т ы».

Глава IV

«ДЕМУШКА»

Сводная черновая рукопись — на отдельных лл. 82, 83, 78, 79, 101, 104, 105 (обложка — лл. 108, 109). Начало (стихи вместо 1274—1345) композиционно отличается от печатной редакции.

Стихи вместо 1274—1490 написаны на лл. 82—83, 78, 79 набело, с правкой. На л. 82—83 — начало главы (помеченной цифрой «III» над текстом), в следующей последовательности стихов: 1326—1338, 1297—1325, вместо 1326—1338, 1339—1345, 1274—1296 и 1346—1426, на л. 78, 79 — ст. 1427—1490, записанные подряд, после которых в виде отдельных набросков — несколько последовательных редакций ст. 1491—1554; с нового л. 101 опять начаты ст. 1491—1526 (присоединившие к себе часть зачеркнутой предыдущей

редакции, ст. 1527—1554). На л. 104 — ст. 1555—1564, после которых — отдельные наброски стихов вместо 1565—1647 со значительной правкой и композиционными переделками (все наброски перечеркнуты). Наконец, на л. 105 — окончательная редакция стихов вместо 1565—1647, почти без правки.

Под текстом помета — «Висбаден».

Листы сводной рукописи в обложке — двойной лист, на котором написано заглавие вместе с датой: «Глава (после пролога) III. Демущка. Висбаден. Доко́нчил в Париже. Июль».

Ранняя редакция ст. 1346—1431 — на л. 69 основного фонда.

В наборной рукописи текст четвертой главы занимает шесть листов (лл. 141—146 основного фонда). Беловой текст композиционно отличается от сводного: стихи начала в нем расположены в окончательной последовательности. Кроме ряда незначительных вариантов, беловой текст отличается от сводного еще впервые появившимися в нем ст. 1568—1599.

Рукопись с незначительной правкой в конце.

Над текстом наборной рукописи заглавие: «Глава III. Демущка»; цифра III переменена на IV в результате разделения предыдущей главы на две главы.

Глава V

ВЛЧИЦА

Как в сводной черновой, так и в наборной рукописи пятая глава составляет единое целое со следующей главой (охватывая ст. 1648—2203) под общим заглавием: «Глава IV. Волчица». В наборной рукописи цифра IV в заглавии заменена цифрой V, в результате выделения главы «Песни» из главы «Дедушка Савелий».

Сводная черновая рукопись — на лл. 165, 166, 102, 103, 84 основного фонда. Текст — с рядом перерывов и значительной правкой и вставками, и на обороте 84 листа непосредственно переходит в следующую, шестую, главу без всякого обозначения новой главы (см. ниже).

На л. 165 — стихи вместо 1648—1652; далее на обороте л. 165 — первоначальная редакция стихов вместо 1653—1724, перечеркнутая почти без правки; ниже и на л. 166 вновь начаты те же стихи, в новой редакции, со значительной правкой. Внизу листа 102 помета: «Нужно прибавить о смерти деда».

Листы сводной рукописи (вместе со следующей главой) — в обложке; на ней — заглавие вместе с датой: «Глава IV. Волчица. Диеп. 3 Августа. Нужны прибавления».

На обороте обложки — правленные и зачеркнутые наброски ст. 1787—1886, предшествующие сводному черновому тексту.

Сохранились и предшествующие сводному тексту наброски начала главы на л. 68 основного фонда и несколько отдельных набросков ст. 1870—1882, 1862—1868, 1883—1886, 1853—1860 — там же, на л. 67.

В наборной рукописи текст главы «Волчица» занимает лл. 147—151 основного фонда; последние десять стихов переходят на следующий л. 152, где непосредственно идет текст следующей главы. Первоначальный беловой текст отличается от последней редакции сводного текста не только отдельными существенными вариантами, но и композиционно, — в основном совпадая с окончательной, печатной редакцией.

Над текстом наборной рукописи — заглавие: «Глава IV. Волчица» (цифра IV переделана на V).

Глава VI «ТРУДНЫЙ ГОД»

Как в сводной черновой, так и в наборной рукописи глава шестая составляет единое целое с предыдущей пятой главой (см. выше).

Сводная черновая рукопись — на отдельном л. 84 об., 85 основного фонда.

На полях 85 л. помета: «NB. Надо прибавить о положении солдатки и вдовы вообще», ст. 2164—2203 отсутствуют.

На л. 118 основного фонда — отдельные наброски ст. 2062—2063, 2069—2072, 2103—2113.

В наборной рукописи текст шестой главы занимает два листа — лл. 152—153 основного фонда. Беловой текст отличается от последней редакции сводного текста не только отдельными вариантами, но и отсутствием стихов вместо 1979—2008.

Глава VII ГУБЕРНАТОРША

Как в сводной черновой, так и в наборной рукописи седьмая глава составляет единое целое с последней, восьмой главой (охватывая ст. 2204—2644), под общим заглавием: «Глава 5 и последняя. Губернаторша».

Сводная черновая рукопись — на лл. 96, 97, 98, 99 (обложка — лл. 115, 114) основного фонда. Текст непосредственно переходит (на обороте л. 99) в следующую, восьмую, главу, начало которой ничем не обозначено.

Над текстом дата: «Диеш 4 Августа. Кончил 7-го».

На обороте обложки — зачеркнутая первоначальная редакция

начала седьмой главы (ст. вместо 2204—2220), предшествующая сводному черновому тексту и датированная: «Диепп, 4 Августа». Там же отдельные наброски, относящиеся к дальнейшим стихам главы.

Отдельные наброски, предшествующие сводному тексту и относящиеся к ст. 2452—2470, 2503—2506 седьмой главы и к ст. 2531—2537 следующей главы — на обороте обложки главы «Демушка», л. 109 основного фонда (см. вариант ст. вместо 2535—2537 сводного текста).

В наборной рукописи текст седьмой главы занимает пять листов — лл. 155—159 основного фонда, непосредственно переходя в текст следующей главы.

Беловой текст отличается от сводного рядом вариантов. В нем впервые появляются ст. 2316—2332 и 2471—2488.

В рукописи — незначительная правка.

ПОСЛЕДЫШ

Печатается по *Стих* 1873—1874, т. III, ч. VI, стр. 7—70.

Впервые — *ОЗ* 1873, № 2, стр. 521—556, с заглавием: «Кому на Руси жить хорошо. Часть вторая. Глава I. Последыш. (А. М. У<нквско>му)» и подписью: «Н. Некрасов». К словам заглавия «Часть вторая» — сноска: «Первую часть смотри в «Отеч. Зап.» 1869 года, №№ 1 и 2, — и 1870: № 2. И в отдельном издании: «Стихотворения Н. Некрасова», часть V, 1873 г.»

Вошло в шестую часть *Стих* 1873—1874, с датой на шмуцтитуле: «1872».

Наборной и сводной черновой рукописи не сохранилось. Отдельные наброски, относящиеся к одной из первых стадий фиксации замысла главы — *ИЛИ*. Единый связный текст отсутствует.

ПИР НА ВЕСЬ МИР

Печатается по *ОЗ* 1881, № 2, стр. 333—376, где опубликовано впервые, с редакционным примечанием: «Настоящая глава следует за главою «Последыш», помещенною в «Отечественных записках» 1873 г. Она была написана Некрасовым осенью 1876 г., но, по обстоятельствам, до сих пор не была напечатана. Точками при напечатании настоящей главы означены места, выпущенные самим автором».

По тексту оттиска (*ИЛИ* б) восстанавливаются отсутствующие в журнальном тексте ст. 175—206 («Веселая»), 224—237 («Барщипная»), 960—961, 1270—1316 («Солдатская»), 1336—1387.

Ст. 181—182, 189—190 и 205—206, отсутствующие в тексте оттиска, восстанавливаются по тексту гранок (*ИЛИ*, 12201).

Ст. 1386—1393 («Важная барыня») переносятся на их настоящее место, после ст. 1385; в журнальном тексте они были помещены после ст. 1245, одновременно с вычерком предшествовавших им ст. 1336—1387; этот вычерк лишил стихи «Важная барыня» связи с контекстом; Некрасов ввел их в новый контекст без дополнительной правки.

Исключаются сделанные для цензуры вставки двух одинаковых двустиший после 1415 и после 1419 («Слався, народу давший свободу»), вместе с куплетом, следовавшим за вторым двустишием:

Благослови!..
Господи правый!
Счастьем и славой
Дело Любви!

В ст. 1425 исправляется опечатка: вместо «Жизнь круговая» надо «Жизнь трудовая».

По тексту оттиска восстанавливается доцензурная редакция стихов вместо 246—249 и 453.

Доцензурная редакция стихов вместо 607—610, искаженная уже в тексте оттиска, восстанавливается по тексту гранок.

Песня «Средь мира дольного» (стихи 1557—1592) в журнальном тексте 1881 г. появилась в значительно измененной редакции: первые два трехстишия в ней отсутствуют, трехстишие 1581—1583 заменено тремя звездочками, а из 27 оставшихся стихов 14 (ст. 1563—1564, 1577, 1578, 1580, 1584—1592) изменены. Причины этих переделок, роль в них цензурных соображений — неясны, но явная дефектность и неполнота журнальной редакции (отсутствие строфы 1581—1583, рифмующей со строфой 1584—1586), заставляет обратиться к предыдущей редакции. Поэтому песня дается полностью в редакции оттиска (совпадающей с редакцией гранок), за исключением ст. 191 и 193.

Следующие за песней ст. 1593—1612 неоднократно перерабатывались, редакции гранок, оттиска и текста 1881 г. не совпадают, причем в результате этих переделок, несомненно, смягчалась политическая острота этого места.

Черновые рукописи «Пира на весь мир» сосредоточены в *ИЛИ* в составе 21200/CXLV621.

В них — первоначальный сводный текст первой трети главы.

Наиболее ранний набросок — на листе 2. Редакция начала близка к первоначальной сводной, но далее сразу развивается тема «кто всех грешней?», в сводной редакции отодвинутая рассказами

о «горьком времени», которые здесь только названы. В этой записи очень существенны обозначения заголовка: под общим названием поэмы «Кому на Руси жить хорошо» следует обозначение — «Глава II», без заглавия, предполагающее наличие «первой главы» той же части (повидимому, главы «Последыш»). Ниже — подзаголовок или план, программа главы «Пир на весь мир»: «Кто на Руси всех грешней. — Кто всех святей. — Легенда о крепостном праве». На обороте листа и (видимо — более поздние) на следующем листе 3 — отдельные наброски, относящиеся к разным местам поэмы.

Следующей рукописью является уже сводная редакция 530 стихов (что соответствует ст. 1—698 печатного текста), занимающая лл. 4, 6, 5, 46, 12, 10, 11, 13, 17, 20, 21, 30 об., 30 и 28 и переходящая на л. 21 об. в отдельные наброски ст. 705—743.

В сводном тексте использованы два более ранние отрывка (лл. 10, 13 и 20, 21). Из них первый соответствует ст. 160—237 окончательного текста. Второй, соответствующий 324—375 окончательного текста, очень близок к беловому тексту.

Песне «Барщинная» (в рукописи называющейся «Калиной») предшествовала песня «Пахомушка» («Есть у Пахомушки жена и дети»). В одном из промежуточных вариантов, принадлежащих еще к ранним слоям, песня «Пахомушка» была перенесена после «Калины», причем в соответствующем повествовательном вступлении к ней, не попавшем в окончательный текст, говорилось, что песня «Пахомушка» была занесена «барином странничком», которого

отправили
Потом в Москву с жандарами —
Недолго погулял.

Сводный текст озаглавлен иначе, чем ранние наброски начала, — указана часть, глава названа, подзаголовок (план главы) снят: «Кому на Руси жить хорошо. Часть II. Глава вторая. Поминки по крепям». Ниже дана сноска, поясняющая читателю место главы в общей композиции поэмы: «Настоящая глава непосредственно следует за главою «Последыш», напечатанной в Отеч(ественных) Записках 1873 года, № 2 и в отдельном издании стихотворений Некрасова — издание 6-е, часть IV». Страница не обозначена.

Описанная первая сводная редакция была перебелена рукою писца — частично с черновой рукописи (о чем свидетельствуют пропуски неразобранных слов и неправильно разобранные слова), частично, видимо, под диктовку Некрасова (о чем свидетельствуют

некоторые мелкие разночтения, которые не могли возникнуть без авторского вмешательства).

Перебеленный текст воспроизводит ст. 1—495 сводной редакции (что соответствует ст. 1—595 и 655—664 печатного текста). Ст. 487—496 перечеркнуты, вместо них записаны стихи, соответствующие ст. 586—590 печатного текста и являющиеся переходом к следующей рукописи (о которой см. ниже).

Перебеленный писарем текст Некрасов подверг большой правке, которая подчас не уместалась на полях и переносилась на отдельные листы.

Заглавие писарской редакции было механически списано с предыдущей сводной рукописи, но потом рукой Некрасова название главы «Поминки по крепям» изменено на окончательное: «Пир на весь мир».

Продолжением беловой рукописи является карандашная рукопись, имеющая характер сводной черновой (но продолжающая не сводную черновую рукопись начала, а именно «беловую»), охватывающая, по нумерации печатного текста, ст. 591—1403 (по нумерации первого сводного текста она начата ст. 487) и помеченная над текстом — «Ялта». Она занимает лл. 26, 27, 31, 32, 34, 35, 37, 40, 41, 43, 55, 44, 45, 47 и 49.

Сорок девятым листом (ст. 1403) кончается текст, писанный рукой Некрасова.

Связный текст продолжен на лл. 51, 56 — ст. 1437—1597 записаны рукой А. А. Буткевич¹ и правлены карандашом Некрасова, который на полях дописал ст. 1600—1621.

Этими стихами кончается связный текст — все дальнейшее (ст. 1679—1225) представлено только в виде отдельных набросков, которые на этой стадии работы, повидимому, не были сведены воедино, и наборная рукопись, в этой части, являлась первой сводной.

На лл. 61, 60 — наброски, относящиеся к ст. 1619—1623 и 1653—1727. Последовательность записей установить затруднительно — в отделе вариантов воспроизведены сперва подряд записи, расположенные в центральной части страниц, потом записи, лежащие ближе к краю.

На л. 53 — наброски, относящиеся к ст. 1683—1706 и 1780 и след.

---

¹ Этому беловому тексту предшествуют отдельные наброски ст. 1437—1443, 1479—1486, 1496—1497, 1533—1534, записанные ее же рукой на л. 52.

На л. 63 — запись ст. 1745—1779 (песня «Ты и убогая»), продолженная набросками ст. 1780—1795. Наброски предшествуют наброскам на лл. 61, 60, а запись песни сделана еще ранее, может быть до работы над сводной рукописью. Над текстом название: «Песня Петина», исправленное на «Песня Гришипа».

На л. 55 — запись ст. 1504—1527 («Соленая»), которые отсутствуют в соответствующем месте сводного текста и впервые были вписаны при правке наборной рукописи.

Текст гранок, в общем очень близкий к последнему рукописному (наборной рукописи ЦГЛА), отличается от него рядом незначительных вариантов. Вместо стиха «Где сносно мужику», в тексте гранок — «Где ладно обошлось». Это изменение, повидимому, вводит намек на недоразумение при разделе земель во время реформы 1861 г.

Никаких композиционных изменений в тексте гранок нет; в основном — это та же редакция наборной рукописи, только несколько доработанная в деталях.

Судя по отдельному оттиску «Отечественных записок», Некрасов продолжал стилистически дорабатывать поэму.

Но ранее этого оттиска необходимо рассмотреть текст нелегального издания «Пира на весь мир»¹, который занимает промежуточное положение между редакциями гранок и оттиска (хотя и был напечатан уже после смерти Некрасова).

Текст этого издания интересен лишь в том отношении, что он дает возможность разбить все разночтения между гранками и оттиском на две последовательные группы: большую, к которой относятся первоначальные поправки, уже попавшие в текст издания, и меньшую, группу поправок, сделанных несколько позднее и появившихся впервые только в тексте оттиска.

Редакция текста оттиска не является последней авторской редакцией — Некрасов продолжал работу и внес в текст еще ряд изменений. Экземпляр текста, на котором Некрасов нанес свои последние поправки, до нас не дошел, и мы судим о них на основании посмертной публикации в «Отечественных записках» 1881 г.

Именно эту посмертную редакцию надо считать последней

---

¹ «Пир на весь мир». Сочинение Н. Некрасова (глава из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», вырезанная цензурой из ноябрьской книжки «Отечественных записок» за 1876 г.; дополнена по рукописи автора). Цена 50 коп. С.-Петербург. 1879. Издание Петербургской Вольной Типографии». На четвертой странице обложки — дата: «16 декабря 1879».

авторской, делая поправку на подцензурные условия публикации.

Параллельно с творческой доработкой текста Некрасов был вынужден ряд мест заменить более цензурными вариантами, наиболее нецензурные вычеркнуть, а в одном случае даже вставить стихи, специально предназначенные для маскировки революционной поэмы благонамеренными тирадами.

В журнальном тексте, сверх текста оттиска, вычеркнуты и заменены точками ст. 175—206 («Веселая»), 1270—1316 («Солдатская»), 1336—1387 (рассказ о «пенциях», о «второразрядных» ранах, о тяготах, перенесенных солдатам на войне); изъяты без всякой замены ст. 224—237 («Барщивная»), 960—961, 1557—1562.

К цензурным вариантам, заменившим более резкие места, следует отнести варианты стихов вместо 246—249, 453, вместо 608—610, вместо 1594—1608.

Песня «ангела милосердия» (ст. 1557—1592) в печатном тексте получила новую редакцию, — возможно, также связанную с цензурными обстоятельствами; во всяком случае отсутствие одной из двух строф корреспондирующей рифмовки делает эту редакцию дефектной.

Таким образом, изучение корректурных и печатных редакций позволяет установить, что цензурные искажения, впервые появившиеся в тексте оттиска, по преимуществу относятся к журнальному тексту 1881 г., который в отношении стиля является последней авторской редакцией.

ПРИЛОЖЕНИЯ

«ИЗ ПОЭМЫ «РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ»

1 8 7 1

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ

Э п и л о г
(Стр. 397)

См. комментарий на стр. 585 настоящего тома.

Печатается по беловому автографу (ИЛИ).

Впервые опубликовано В. Е. Евгеньевым-Максимовым в «Некрасовском сборнике», II, 1922, стр. 72.

⟨ПЛАН ПРОДОЛЖЕНИЯ ПОЭМЫ «РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ⟩

(Стр. 398)

Написав «Русских женщин», Некрасов не считал свою тему исчерпанной. Кроме Трубецкой и Волконской, была еще одна «декабристка», подвиг которой он намеревался воспеть, — Александра Григорьевна Муравьева (жена Никиты Муравьева), обаятельная, самоотверженная, великодушная женщина, о которой все знавшие ее вспоминают с благоговейной любовью (см. записки декабристов Розена, Басаргина, Якушкина).

М. Н. Волконская писала о ней в мемуарах:

«У нее было любящее сердце, благородство сказывалось во всех ее поступках» (М. Н. Волконская, Записки, М.—Л. 1924, стр. 50).

Поэма Некрасова об этой замечательной женщине должна была служить непосредственным продолжением «Трубецкой» и «Волконской»: там говорилось о поездке «декабристок» в Сибирь, здесь — об их жизни в Сибири. Эту жизнь Некрасов предполагал изобразить во всех ее трагических подробностях. «Удивительно еще, как все они не умерли», — писал он в плане первой главы.

В плане второй главы он сделал в скобках помету: «Случай по поводу Рика». Рик, офицер горного ведомства, был тюремщиком декабристов. Он так жестоко обращался с ними, что они готовы были объявить голодовку (М. Н. Волконская, Записки, М.—Л. 1924, стр. 45).

В третьей главе Некрасов хотел описать ту «противозаконную» помощь, которую оказала Волконская разбойнику Орлову, бежавшему с каторги. Она дала ему денег, рискуя быть обвиненной в стремлении поднять бунт среди уголовных преступников (Там же, стр. 47—48).

Для четвертой главы была намечена сцена с А. Г. Муравьевой, впоследствии изображенная в Записках Н. В. Басаргина. Дело происходило еще в чигинской тюрьме. А. Г. Муравьева пришла на свидание с мужем и стала разговаривать с ним по-французски. Дежурный офицер подпоручик Дубинин был пьян и грубо потребовал, чтобы она говорила по-русски. Она не поняла, переспросила. Это привело пьяного в такое бешенство, что он схватил ее за руку и неистово закричал: «Я приказываю тебе говорить по-русски!» Муравьева в ужасе вскрикнула и бросилась в сени. Он побежал за нею. «Большая часть из нас, — рассказывает Басаргин, — и в том числе брат Муравьевой, граф Чернышев, услышав шум, отво-

рили из своих комнат двери в сени, чтобы узнать, что происходит, и вдруг увидели бедную женщину в истерическом припадке и всю в слезах, преследуемую Дубининым. В одну минуту мы на него бросились, схватили его, но он успел уже переступить на крыльцо и, потеряв голову, в припадке бешенства закричал часовым и караульным у ворот, чтобы они примкнули штыки и шли к нему на помощь. Мы в свою очередь закричали также, чтобы они не смели трогаться с места, и что офицер пьяный, сам не знает, что приказывает им. К счастью, они послушались нас, а не офицера, остались равнодушными зрителями и пропустили Муравьеву в ворота. Мы попросили старшего унтер-офицера бежать к плац-майору и звать его к нам. Дубинина же отпустили тогда только, когда все успокоилось» (Н. В. Б а с а р г и н, Записки, П. 1917, стр. 113—115).

В «Пятой главе» снова говорится о Муравьевой: «Муравьева плавала в лодке у крепости». Эта запись относится к весне 1826 г., когда Никита Муравьев вместе с другими декабристами находился в Петропавловской крепости, а его жена брала челнок и подплывала к месту его заключения.

Курьер, упоминаемый в этой главе, увез из Сибири декабриста А. О. Корниловича (см. статью П. Е. Щеголева «Благоразумные советы из крепости» в книге «Декабристы», П. 1920).

Спятие цепей с декабристов, о котором говорится в шестой главе, было произведено 1 августа 1829 года (см. Записки М. Н. Волконской, М—Л. 1924, стр. 54).

Седьмая глава (переезд в темный Петровский острог) основана опять-таки на «Записках» Волконской.

Восьмая глава посвящена Муравьевой. Говоря о «переведе из тюрьмы домой», Некрасов, как мы полагаем, имеет в виду Александру Григорьевну, поселившуюся близ Петровской тюрьмы и постоянно «переведе» туда и обратно.

Сюда же, по нашему мнению, относится фраза десятой главы: «в один-то из таких дней Муравьева простудилась». Здесь упоминается декабрист штаб-лекарь Ф. Б. Вольф (а не Вульф), пользовавшийся славой отличного медика. Когда заболела Муравьева, он просиживал у ее постели целые дни. Записи Некрасова «Больница», «Аптека», — по всей вероятности, означают, что в ведении Вольфа были больница и аптека при Петровской тюрьме.

Муравьева уже не вставала с постели. Она скончалась на пятом году своего пребывания в Сибири.— Ее смертельной болезнью Некрасов и намеревался начать эту часть поэмы. «Смерть стучится в нашу тюрьму. Она угрожает отнять у нас самый лучший перл— эту великодушную женщину».

Предпоследние записи плана мы относим к похоронам А. Г. Муравьевой: «Гроб... Живой мост... Погребение. Лампада неугасимая».

Последняя запись опять-таки, по нашему мнению, относится к ней: «не за танцы, не за шпоры, не за светские манеры полюбила она своего Никитушку».

1 8 7 5

〈ИЗ «СОВРЕМЕННОКОВ»〉

ЛИТЕРАТОР

(Стр. 399)

Библиограф П. А. Ефремов, сблизившийся с Некрасовым в 70-х годах, утверждал, будто в лице «литератора» изображен И. А. Гончаров («Доклады и отчеты русского библиографического общества», П. 1908, стр. 11).

Судя по беловому автографу, озаглавленному «Зала № 2», Некрасов первоначально намеревался поместить «Литератора» на одной из первых страниц «Юбиларов и триумфаторов».

В оригинале заглавия нет. Оно дано на отдельном листке, где Некрасов перечисляет всех выведенных им юбиляров: «Зала № 2, Литератор».

Печатается по беловому автографу (ЦГЛА).

Впервые напечатано К. Чуковским в *Стих* 1927, стр. 225.

НОВЫЙ ГУБЕРНАТОР

(Стр. 400)

Мы полагаем, что в этих стихах представлено типичное напутственное слово, обращенное министром внутренних дел (или министром финансов) к новичку-губернатору, отправляющемуся в провинцию на место службы. Министр внушает новичку, что главная задача его будущей деятельности — взимание налогов с крестьян:

Недоимку! недоимку!
Остальное — трин-трава.

Журнал Некрасова с негодованием указывал, что именно такова была финансовая политика тогдашних властей. Так, например, по словам журнала, председатель земской управы на IX сессии уездного Верхнеднепровского земского собрания в начале 1875 г. заявил: «Видевшись с начальником губернии

я<...> просил о принятии мер для взыскания недоимок полицейскими мерами. Недоимки это наша болезнь, которая без энергических мер станет хронической».

После чего земская управа постановила: «Просить господина исправника принять самые энергичные меры для взыскания всех земских недоимок» («Отечественные записки», 1875, № 5, стр. 157).

Печатается по беловому автографу (ЦГЛА). В перечне изображенных Некрасовым лиц помечено рукою поэта: «Зала № 5 — Новый губернатор».

Впервые напечатано К. Чуковским в *Стих* 1927, стр. 436.

«ВОЕННЫЙ ПИР... ВОЕННЫЙ СПОР...»

(Стр. 400)

В 1875 году в числе лиц, которые систематически получали крупные взятки от известного миллионера Овсянникова, поставлявшего русскому интендантству муку и осужденного за крупное мошенничество, оказались генерал-майор В. М. *Аничков*, состоявший при военном министре, и генерал-адъютант Д. С. *Мордвинов*, директор канцелярии военного министерства (см. Е. М. Ф е о к т и с т о в, «За кулисами политики и литературы», Л. 1929, стр. 334, 358).

Об этих двух казнокрадах и говорит «зарвавшийся оратор». Заключительная часть его речи посвящена военному министру Д. А. *Милютину*.

В журнале это стихотворение входило в состав «Героев времени» и было озаглавлено: Зала № 6. 3-я и 5-я строки читались так:

А**вор! В**вор!
В**ваш — не патриот...

Печатается по беловому автографу (ЦГЛА). Заглавия в рукописи нет, но на другом листке, перечисляя юбиляров, изображенных в сатире, Некрасов дал этой группе наименование «Военный спор».

Впервые — *ОЗ* 1875, № 8, стр. 330.

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КАЗЕННОЙ ПАЛАТЫ»

(Стр. 401)

Из-за цензурных условий стихотворение это полно недомолвок. По нашему мнению, содержание его таково. При помощи жестких полицейских мер председатель казенной палаты Гран-Пасьянсов полностью взыскал недоимки с крестьян. В министерстве финансов его усердие было оценено по достоинству: директор департа-

мента вызвал его в Петербург, чтобы выразить ему благодарность. Но, к удивлению директора, Гран-Пасьянсов не считает своего поведения заслугой и не намерен пользоваться теми же полицейскими мерами впредь. Он советует высшим властям никогда не прибегать к подобным мерам, потому что крестьяне, доведенные ими до нищеты и отчаяния, могут взбунтоваться.

В журнальном тексте это стихотворение было включено в сатиру «Герои триумфаторы» под № 9, но при перепечатке сатиры в «Последних песнях» опущено.

В черновом автографе директор называется: «юный делец со звездой».

Печатается по беловому автографу ЦГЛА.
Впервые ОЗ 1875, № 8, стр. 332.

ВОИНЫ
(Стр. 402)

Стихотворение «Воины» входило в состав сатиры «Юбиляры и триумфаторы» и было напечатано в журнале с указанием: «Зала № 12». В беловом автографе помечено: «Зала № 13». При перепечатке сатиры Некрасов исключил весь отрывок, — должно быть потому, что, по цензурным условиям, смысл его остался неясен.

Заголовок дан Некрасовым на отдельном листке, где поэт перечисляет описанных им юбиляров.

Печатается по беловому автографу (ЦГЛА).
Впервые — ОЗ 1875, № 8, стр. 336.

«ПОСЛУШАЙТЕ — НЕ МНОГО ЛЬ»
(Стр. 402)

В семидесятых годах царское правительство, испуганное растущим революционным подъемом, навязало учебным заведениям такую программу, по которой вместо наук, имеющих связь с окружающей жизнью, преподавались мертвые языки, латинский и греческий, чтобы воспитанники, поглощенные беспельной зубрёжкой, не могли увлекаться опасными для государственных основ естественными и социальными науками.

Вдохновителями этой реформы были влиятельный реакционный публицист М. Н. Катков и его ближайший сотрудник проф. П. М. Леонтьев (1823—1875), директор Лицея цесаревича Николая, издатель «Московских ведомостей». Один из его слушателей вспоминал впоследствии о нем: «Маленькая горбатая фигурка с злобными

глазами <...> на лекциях он был груб и третировал студентов, как мальчишек» (И. А. Худяков, Опыт автобиографии, Женева, 1882, стр. 32). Умер он 24 марта 1875 г. Похороны его состоялись 28 марта и удивили многих своей неподобающей пышностью. *«Московский Вестник»* — М. Н. Катков.

Печатается по беловому автографу (ЦГИА).

Впервые напечатано К. Чуковским в «Летописи дома литераторов», 1921, № 3, стр. 4.

«БЫЛИ ВЫ ВЧЕРА СТУДЕНТЫ»

(Стр. 402)

В 1875 г. министр юстиции граф Пален подал Александру II секретную записку «Успехи революционной пропаганды в России». В записке этой между прочим указывалось, что революционная пропаганда охватила 37 губерний, что в числе других обвиняемых к дознанию привлечены София Перовская, Кравчинский, Кропоткин, Клеменц и др. «Дознания показали, — говорилось в записке, — что многие лица немолодые, отцы и матери семейств, обеспеченные материальными средствами и более или менее почетным положением в обществе, не только не противодействовали, а напротив, нередко оказывали им видимое сочувствие, помощь и поддержку»... Вскоре эта записка утратила свой секретный характер, так как весь ее текст появился в антиправительственном заграничном издании («Записка министра юстиции гр. Палена». Женева, 1875).

Под непосредственным влиянием этой записки известным маркбесом Д. А. Толстым, тогдашним министром просвещения, был издан обширный циркуляр, обращенный к почитателям учебных округов министерства. В циркуляре, между прочим, говорилось:

«Оказывается, что революционеры избрали орудием своей гнусной пропаганды то, что для каждого честного и просвещенного человека составляет предмет особой заботливости и охраны — юношество и школу. И попятно: коммунистические их учения, kloпящиеся к ниспровержению всего общественного строя и всдворению, взамен его, анархия, до такой степени нелепы и дики, что они могут найти успех разве между детьми, недоучившимися юношами и неразвитыми простолюдинами. Но, к сожалению, эти дети и юноши, вместо того, чтобы найти в окружающей их среде и в своих семействах отпор преступным увлечениям и политическим фантазиям, встречают иногда, напротив того, одобрение и поддержку;

только этим и можно объяснить распространение социалистических теорий, давно осужденных здравой наукой: в 37 губерниях, как обнаружило судебное исследование, некоторые отцы и матери подбивали к ним своих детей. Это явление, в моих глазах, гораздо прискорбнее самой пропаганды... Оно подкрепляет меня в убеждении, что у нас нередко не семья поддерживает школу, а школа должна воспитывать семью... Пусть же наставники замечают в этом случае родителей...» (см. в настоящем томе примечание к «Зале № 2», входящей в состав «Юбиляров и триумфаторов»).

Эти-то два документа, натравливающие детей на родителей, и пародирует, как нам кажется, в своем стихотворении Некрасов. Строки о том, что отцы «распростерли объятья глупцам-агитаторам», соответствуют следующему месту записки гр. Палена: «Так, жена оренбургского губ. жандармского управления полковника Голоушева не только не отклонила своего сына от участия в деле преступной пропаганды, а напротив, помогала ему советами и сведениями. Так, профессор Ярославского лицея Духовской не только принимал к себе агитатора Ковалика, но познакомил его и, так сказать, ввел во внутреннюю жизнь студентов лицея... Так, весьма богатая и уже пожилая женщина Софья Субботина не только лично и открыто вела революционную пропаганду среди ближайшего крестьянства, но склоняла к тому же свою воспитанницу Шатилову... Так, бывший чембарский казначей Плетнев, прочитав найденную им у сына-гимназиста книгу революционного содержания, прямо заявил, что готовит сына «для народа...» («Записка министра юстиции гр. Палена», Женева, 1875, стр. 5—7).

Печатается по беловому автографу (ЦГЛА).

Впервые напечатано К. Чуковским в *Стих* 1920, стр. 557.

«ЗДРАВСТВУЙ, УМНАЯ ГОЛОВКА»

(Стр. 403)

Поповка — тип круглого военного судна, «изобретенного» генерал-адъютантом А. А. Поповым (1821—1898). Первая *поповка* «Новгород» была построена в 1873 году, вторая — «Вице-адмирал Попов» — в 1875 году. Обе *поповки* стоили государству огромных денег и оказались никуда негодными судами.

Горячим сторонником «поповок» был реакционный публицист М. Н. Катков, поместивший в своей газете ряд статей, восхваляющих эти плохие суда (см. напр., «Московские ведомости», 1875, № 64). Вообще журналистика того времени уделила этому «изоб-

которые уничтожили целые города и селения: было зарегистрировано 2 234 пожара, причинивших убытка на 4 903 360 рублей. «Телеграммы и корреспонденции в каждом нумере газет и поднесь только и наполнены, что известиями о громадных пожарах, свирепствующих по городам и всяем матушки России, — читаем в одной из газет того времени. — В городе Брянске сгорели 5 церквей, 90 торговых помещений, 352 дома, погорельцев 456 человек, убыток 2 160 000 р.» («Биржевые ведомости», 1875, № 225, от 18 авг.). Это и вызвало строки Некрасова:

Даже божии стихии
Ополчились на крестьян

и т. д.

Первоначально весь отрывок входил в состав сатиры «Герои времени».

Но цензура выбросила из этого отрывка 12 строк, начинающихся стихом:

Князь Иван закончил пренья...

и должно быть поэтому Некрасов исключил весь отрывок. Хотя по беловому автографу «Современников» нам удалось восстановить вычеркнутое цензурой, но ввести отрывок в текст «Современников» мы все же не сочли себя вправе.

Заглавие дано Некрасовым на отдельном листке, где он перечисляет отрывки, входящие в состав этой сатиры.

До сих пор было непонятно, о каких «рenegатах» говорится в сатире. Ключ к этой фразе мы находим в другом месте черпового автографа:

Тут же есть и рenegаты
Из помещичьей семьи,
Поверяют им магнаты
Вождедения свои:

«Мы благой пример проводим,
(Говорит известный князь):
Мы народ облагородим,
Вновь вступив с народом в связь.

Мы судебно-полицейской
Властью — право водворим». —
И с улыбкой фарисейской
Рenegаты вторят им.

Печатается по беловому автографу (ЦГЛА).

Впервые (с цензурными купюрами) ОЗ 1876, № 1, стр. 23.

«ДВОРЯНИН МНОГОЗЕМЕЛЬНЫЙ»

(Стр. 406)

Здесь намечен характерный для того времени тип: помещик, который после «раскрепощения» крестьян стал кулаком и процентщиком, грабящим крестьянскую массу при помощи новых пореформенных методов.

Печатается по беловому автографу (ЦГЛА).

Впервые опубликовано К. Чуковским в *Стих* 1931, стр. 262.

«ГДЕ, БЫВАЛО, ЛЕСА ВЕКОВЕЧНЫЕ»

(Стр. 406)

Первоначально эти строки входили в ту часть «Современников», где были описаны махинации Федора Шкуркина, при помощи которых он разорил крестьян-кустарей и таким образом принудил их идти к нему в кабалу. В раннем карандашном наброске этого эпизода было:

На болотах окрестные жители
Собирали без пошрины мох
Вы теперь бы... увидели...

Где, бывало, леса бесконечные

<и т. д.>

Впоследствии Некрасов записал это четверостишие на отдельном листке, очевидно, предполагая использовать его в дальнейшем тексте.

Печатается по беловому автографу (ЦГЛА).

Впервые опубликовано К. Чуковским в *Стих* 1931, стр. 262.

«ХОТЬ ТРУДИСЬ В ЯРМЕ ЖЕЛЕЗНОМ»

(Стр. 406)

Первоначально это четверостишие входило в состав того отрывка из «Героев времени», который озаглавлен «Дворянские скорби и радости» (см. в настоящем томе стр. 404). Впоследствии оно было вычеркнуто и перенесено поэтом на отдельный почтовый листок, где рукою А. А. Буткевич написано: «Из З<аписной> К<нижки>».

В первоначальном карандашном автографе есть такие зачеркнутые Некрасовым строки, тоже относящиеся к жалобе оскудевших дворян:

Где, — мечтал я, — мой наследник
Будет стражем и судьей,
Там свирепствует посредник
И бушует волостной.
люгует

Среди дворянских жалоб намечены поэтом и такие:

Покривились наши дома,
Повалилися сады...
Расхищение без меры,
Угнетенье без конца.

Печатается по беловому автографу (ЦГЛА).
Впервые напечатано К. Чуковским в *Стих* 1927, стр. 436.

«НАЧНЕМ С НЕДАВНИХ КРЕПОСТНЫХ»

(Стр. 407)

Стихотворение написано по поводу съезда дворян, происходившего весной 1875 года в Петербурге. Под прикрытием либеральных фраз дворяне требовали усиления помещичьей власти и ополчались против земских учреждений. Некрасов считал выступления дворян столь знаменательными, что написал несколько пародий на их речи для своей сатиры «Современники».

Из этих пародий туда включена лишь одна:

Вся беда России
В недостатке власти
<и т. д.>

Вторая пародия на различные дворянские речи хотя и была напечатана в журнале, но при перепечатке сатиры оказалась оттуда изъятой. Мы печатаем ее отдельно под авторским заголовком «Дворянские скорби и радости» (см. в настоящем томе стр. 404). Третья пародия — «Начнем с недавних крепостных» дошла до нас в черновике. Впоследствии Некрасов воспользовался ее фрагментами для нескольких мест сатиры.

Второй абзац был выделен поэтом для отдельного стихотворения «Школа», но впоследствии собственноручно зачеркнут.

Печатается по черновому автографу (ЦГЛА).
Впервые опубликовано К. Чуковским в *Стих* 1931, стр. 479.

«МУЖИЧКИ СМЕРЕННО ДОБРЫ»

(Стр. 408)

Черновой набросок из второй части «Современников», пересланный на отдельном листке рукой А. А. Буткевич.

Печатается по авторизованной копии А. А. Буткевич.

Впервые опубликовано К. Чуковским в *Стих* 1931, стр. 479.

«ВА! УГРЮМАЯ ТИХАЯ ЛИЧНОСТЬ»

(Стр. 408)

В экземпляре *Стих* 1873 известный библиограф П. Ефремов записал последние четыре строки этого стихотворения, озаглавив их «Из послания М. С. Щ.» В печати было высказано предположение, будто эти буквы означают, что эпиграмма направлена против знаменитого артиста Щепкина (Б. М о д з а л е в с к и й, Несколько дополнений к текстам Некрасова. «Некрасов по неизданным материалам Пушкинского дома», П. 1922, стр. 123—124).

Мы уверены, что это не так: строки о профессиональном доносчике никоим образом не могут быть отнесены к М. С. Щепкину тем более, что публикуемые нами предшествующие этому четверостишию 12 строк (оставшиеся неизвестными Ефремову) изображают «угрюмую тихую личность», не имеющую ничего общего с М. С. Щепкиным.

Печатается по беловому автографу (ЦГЛА).

Впервые напечатано К. Чуковским в *Стих* 1927, стр. 469.

«СТАРЕЦ НЕСКОЛЬКО ПОМЯТЫЙ»

(Стр. 408)

«ОН РОБКО ЖАЛСЯ НА ДИВАНЕ»

(Стр. 409)

«СОЛЬ КОММЕРЧЕСКОГО МИРА»

(Стр. 409)

«И ВНИМАЛИ ПРЕДСТОЯЩИЕ»

(стр. 409)

Печатаются по черновым автографам, входящим в состав первоначальной рукописи «Современников» (ЦГЛА).

Впервые опубликовано К. Чуковским в *Стих* 1931, стр. 478—480.

«ОН ДРУЗЕЙ ПОВСЮДУ ЛОВИТ»

(Стр. 410)

В четверостишии говорится о развращающем влиянии одного из героев сатиры «Современники», старого князя Ивана на молодежь того времени. В окончательном тексте Некрасов исключил эти строки.

Печатается по черновому автографу «Юбиляров и триумфаторов».

Впервые напечатано К. Чуковским в *Стих* 1931, стр. 478.

«ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА ТЫ БЫЛ»

(Стр. 410)

Одна из намеченных Некрасовым юбилейных речей в сатире «Юбиляры и триумфаторы». Речь не окончена, вследствие чего невозможно понять, почему удостоен юбилея редактор, руководивший газетой всего лишь четыре месяца.

Печатается по черновому автографу первой части «Современников».

Впервые напечатано К. Чуковским в *Стих* 1931, стр. 479.

«ОН ВРАНЬЮ СИЛЬНО ПОВРЕДИТ»

(Стр. 410)

Эпиграмма направлена против одного из критиков семидесятых годов — по всей вероятности против В. Г. Авсеенко, рептильного журналиста, занимавшегося в то время систематической травлей поэзии Некрасова с позиций «чистой эстетики». Упоминутый в этой эпиграмме Всеволод Крестовский — третьестепенный беллетрист реакционного лагеря, автор многочисленных любовных романсов.

Печатается по беловому автографу (ЦГЛА).

Впервые опубликовано К. Чуковским в *Стих* 1931, стр. 479.

«ДУШЕПРИКАЗЧИКА ОН ДОЛЖНОСТЬ ИСПРАВЛЯЛ»

(Стр. 410)

Один из первоначальных набросков, предназначавшийся для «Героев времени»; следовал за строками:

Вот вам отрывки разговоров
Ищите сами к ним ключа...

Печатается по черновому автографу (ЦГЛА).

Впервые напечатано К. Чуковским в *Стих* 1931, стр. 478.

«НА ПЛАТИНОВОЙ ТАРЕЛКЕ»

(Стр. 411)

Нам кажется, что в этих строках отражен тот эпизод из жизни известного миллионера фон-Дервиза, который впоследствии был бегло описан в «Воспоминаниях» С. Ю. Витте. Эпизод этот произошел во время празднования фон-Дервизом серебряной свадьбы. Празднование происходило в Италии. Отовсюду съехались гости. «И вот, — рассказывает Витте, — во время обеда он <Дервиз> встал и торжественно обратился к своей жене с благодарностью за то, что она в течение стольких лет была такой верной ему женой, что он очень ей благодарен и в знак благодарности делает ей подношение (в это время вопли люди и на подносе поднесли ей миллион рублей золотом). После этого он снова ее благодарил и просил его оставить, так как он больше не желает, чтобы она была с ним» (т. III, стр. 98).

Этот скандальный случай, как мы полагаем, и намеревался изобразить в своей сатире Некрасов.

О Дервизе см. в настоящем томе стр. 615.

Печатается по черновому автографу (ЦГЛА).

Впервые напечатано К. Чуковским в *Стих* 1931, стр. 479.

«НАЧАЛ ЖИТЬ С ЧУЖОЙ ЖЕНОЮ»

(Стр. 411)

Здесь, как нам кажется, изображен подлинный случай из жизни фон-Дервиза, который, нажив на железнодорожных постройках колоссальные деньги, удалился в семидесятых годах из России и увез с собой несколько миллионов рублей.

Вознамерившись жениться на графине Келлер, он предложил ее мужу значительную сумму денег, чтобы муж дал ей развод. Муж отказался от предложенной взятки и выразил удивление, «что нашелся дурак, который хочет жениться на его жене» (А. И. Дельвиг, «Полвека русской жизни», М.—Л., 1930, стр. 544).

Печатается по черновому автографу, находящемуся на том листе рукописи «Героев времени», где помещены первые наброски стихов о фон-Дервизе (в окончательном тексте фон-Руге).

Исправления сделаны по более поздней копии А. А. Буткевич (сентябрь, 1875).

Впервые напечатано К. Чуковским в *Стих* 1931, стр. 479.

«НУ, А С ВАМИ ЛИ, ИЗВЕКОВ»
(Стр. 411)

Этот отрывок был намечен Некрасовым в качестве одной из заключительных сцен сатиры «Современники». В окончательном тексте Зацепа после покаянных рыданий вовлекается в азартную игру:

Стол раскрыт — пошла забава,
Что ни ставка — капитал!

Здесь, в черновом наброске, игра была описана более подробно.

Печатается по черновому автографу второй части «Современников», *ЛВ*.

Впервые опубликовано К. Чуковским в *Стих* 1931, стр. 479.

1 8 6 3—1 8 7 7

〈ИЗ ПОЭМЫ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»〉

1. «УМРЕТ ЖЕНА У ПАХАРЯ»
(Стр. 412)

Эти стихи Некрасов, по всей вероятности, намеревался включить в ту ненаписанную главу поэмы «Кому на Руси жить хорошо», в которой он предполагал изобразить сибирскую язву на реке Шексне (см. настоящий том, стр. 648).

Рассказ ведется от лица ветеринара.

Печатается по беловому автографу *ИЛИ*.

Впервые — в статье В. Е. Евгеньева-Максимова, Предсмертные думы Некрасова («Заветы», 1913, № 6).

2. ПАХОМУШКА
(Стр. 414)

Эта песня предназначалась Некрасовым для «Пира на весь мир». Тотчас же после «Веселой» в черновике «Пира» были такие стихи:

Та песня семинарская
Не очень то понравилась
Степенным мужикам,
А только подзадорила:
Они свою затеяли,
Природную, вахлацкую,
И спели так, что на-небо
Как словно тучу вызвали —
Все ждали грянет гром!

(ИЛИ)

Этих «вахлацких песен» было вначале две: «Пахомушка» и «Калина». Но в окончательном тексте поэт оставил только «Калину», назвав ее «Барщинная».

В другом черновике «Пахомушке» предшествуют такие стихи:

«У нас такой нет песенки!»
Сказали наши странники,

и т. д.

(см. «Варианты и другие редакции» на стр. 545 и 546 настоящего тома).

Печатается по беловому автографу *ИЛИ*.

Впервые опубликовано К. Чуковским в *Стих* 1920, стр. 551.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

К ТОМАМ I—III

А

Автору «Анны Карениной» II, 499.

⟨А. Е. Мартынову⟩ («Со славою прошел ты полдороги») II, 462.
Актриса I, 370.

Ангел смерти I, 227.

⟨Аншечков⟩ («За то, что ходит он в фуражке») I, 427.

⟨Асташеву В. И.⟩ («Посылаю поклон Венъямину») II, 513.

«Ах, были счастливые годы» I, 70.

«Ах, что изгнанье, заточенье!» (из «Трех элегий») II, 356.

Б

Баба-Яга костяная нога I, 293.

Балет II, 244.

Баюшки-баю II, 425.

«Безвестен я. Я вами не стяжал» I, 133.

Безнадежность I, 267.

Белинский В. Г. I, 141.

«Белый день недолог» II, 533.

«Благодарение господу богу» II, 160.

«Блажен незлобивый поэт» I, 65.

Буканист и библиограф II, 522.

Бунт II, 434.

Буря («Долго не сдавалась Любушка-соседка») I, 99.

Буря («Не любил я ни грому, ни бури») I, 389.

«Бьется сердце беспокойное» (из «Трех элегий») II, 357.

В

В альбом I, 404.

⟨В альбом Марии Фермор⟩ («На скользком море жизни бурной») I, 403.

⟨В альбом О. С. Чернышевской⟩ («Знаком с Вами будущи лично») II, 502.

⟨В альбом С. Н. Степанову⟩ («Пишите, други! — Начат путь!») II, 502.

«Вам, мой дар ценившим и любившим» II, 410.
Ванька (из «На улице») I, 59.
В больнице I, 136.
В деревне I, 86.
В дороге I, 12.
«Великое чувство! у каждых дверей» II, 412.
Весна I, 289.
«Весь пыткой нравственной измятый» II, 538.
«Взглянув чрез много, много лет» (<П. А. Ефремову>) II, 522.
Вино I, 47.
«Витязь горестной фигуры» (<Послание Белинского Достоевскому>) I, 423.
Влас I, 103.
Влюбленному I, 159.
«В неведомой глуши, в деревне полудикой» I, 31.
«Внизу серебряник Чекалиш» II, 521.
«Внимая ужасам войны» I, 148.
«В один трактир они оба ходили прилежно» I, 388.
Водяной I, 257.
Возвращение II, 207.
Вор (из «На улице») I, 58.
Ворон I, 253.
«В полном разгаре страда деревенская» II, 153.
«Всеvyšней волею Зевеса» II, 501.
«В столицах шум, гремят витии» II, 40.
«В столицах шум — гремят витии» II, 501.
«В стране, где нет ни золота ни серебра» (<Экспромт на

лекции И. И. Кауфмана>) II, 525.
Встреча I, 416.
Встреча душ I, 228.
Вступительное слово «Свистка» к читателям II, 490.
Вступление к песням 1876—77 годов II, 398.
«В твоём сердце, в минуты свободные» (<Экспромт Н. П. Александровой>) II, 521.
Вчера, сегодня I, 271.
«Вчерашний день, часу в шестом» I, 50.
Выбор II, 263.

Г

Гадающей невесте I, 150.
Газетная II, 219.
«Где твоё личико смуглое» I, 157.
Генерал Топтыгин (из «Стихотворений, посвященных русским детям») II, 292.
Гимн «Времени» II, 478.
Говорун I, 172.
Горе старого Наума II, 382.
Горы I, 237.
Горящие письма II, 414.
Гробок (из «На улице») I, 59.

Д

«Да, наша жизнь текла мятежно» I, 54.
«Давно — отвергнутый тобою» I, 130.
20 ноября, 1861 II, 147.
Два издателя II, 508.
Два мгновения I, 242.
Дедушка III, 5.

Дедушка Мазай и зайцы (из «Стихотворений, посвященных русским детям») II, 321.

Деловой разговор I, 209.

Демону I, 151.

День рождения I, 404.

Деревенские новости II, 98.

Детство («В первые годы младенчества») II, 348.

Детство («Родился я в губернии») I, 405.

Дешевая покупка II, 144.

Дни благословенные I, 273.

«Дни идут... Всё так же воздух душен» II, 400.

Дома — лучше! II, 319.

До сумерек (из «О погоде. Часть первая») II, 65.

Дружеская переписка Москвы с Петербургом («На дальнем севере, в гиперборейском крае») II, 440

Дружеская переписка Москвы с Петербургом («Ты знаешь град—заслуженный и древний») II, 503.

<Дружинину> («Мы, посетив тебя, Дружинин») I, 413.

Друзьям II, 403.

Дума («О чем тоска и сокрушение») I, 287

Дума («Сторона наша убогая») II, 102

«Душа мрачна, мечты мои унылы» (из «Последних элегий») I, 83.

«Душно! без счастья и воли» II, 318.

Дядюшка Яков (из «Стихотворений, посвященных русским детям») II, 288,

Е

«Еду ли ночью по улице темной» I, 41.

«Если, мучимый страстью мятежной» I, 43.

«Если ты красоте поклоняешься» I, 421.

«Есть и Руся чем гордиться» II, 409.

<Ершов> II, 524.

<Ефремову П. А.> («Взглянув чрез много, много лет») II, 522.

«Еще скончался честный человек» I, 420.

Еще тройка II, 314.

Ж

Железная дорога II, 202.

Женщина, каких много I, 386.

Жизнь I, 264.

З

Забракованные II, 463.

Забутая деревня I, 155.

Загадка («Непостижкою святынею») I, 273.

Загадка («Художества любитель») I, 424.

За городом I, 79.

«За желанье свободы народу» II, 535.

«Замолчки, Муза мести и печали!» I, 158.

Застенчивость I, 67.

Затворница II, 530.

«За то, что ходит он в фуражке» (<Анненков>) I, 427.

«Зачем меня на части рвете»
II, 312.
«Зачем насмешливо ревнуешь»
I, 414.
Зеленый шум II, 148.
Землетрясение I, 248.
Земляку I, 233.
«Зимой играл в картишки»
(«Эпитафия») II, 535.
Зпне («Двести уж дней») II,
407.
Зине («Пододвинь перо, бума-
гу, книги!») II, 424.
Зине («Ты еще на жизнь име-
ешь право») II, 404.
Злой дух I, 240.
«Знаком с Вами будучи лично»
(«В альбом О. С. Черны-
шевской») II, 502.
Знахарка II, 81.

И

«И будем жить мы просто,
пошло даже» II, 536.
«Иван Иванович Штейнигерс»
(«Из афиши для «Кабинета
восковых фигур»») I, 428.
Из автобиографии генерал-
лейтенанта Федора Иллари-
оновича Рудометова 2-го,
уволенного в числе прочих
в 1857 году II, 446.
<Из афиши для «Кабинета во-
сковых фигур»> («Иван Ива-
ныч Штейнигерс») I, 428.
Извозчик I, 108.
Изгнанник I, 261.
«Измученный бесплодную
мольбою» I, 416.
Из поэмы: «Мать» («В насме-
шливом и дерзком нашем
веке») II, 415.

<Из поэмы «Мать»> («Увижу
ли уединенный сад») II, 529.
<Из «Сентиментального путе-
шествия Ивана Черно-
книжникова по Петербург-
ским дачам»> («Прихожу
на праздник к чародею»)
I, 429.
«Имени и роду» II, 528.
«И на меня, угрюмого, боль-
ного» I, 419.
«... И он их не чуждался в го-
ды оны» I, 405.
И скучно, и грустно! I, 377.
Истинная мудрость I, 231.
«И так за годом год... Конеч-
но, не совсем» I, 412.
«И тихой женщины какой-то»
II, 537.

К

Как празднуют трусу II,
396.
«Как ты кротка, как ты по-
слушна» I, 163.
Калистрат II, 157.
Карета I, 412.
Карп Пантелеич и Степанида
Кондратьевна I, 379.
«К ней!!!» I, 292.
Княгиня I, 160.
«Когда горит в твоей крови»
I, 388.
«Когда из мрака заблуж-
денья» I, 18.
Колизей I, 225.
Колыбельная песня I, 20.
Кому на Руси жить хорошо
III, 151.
<Из поэмы «Кому на Руси
жить хорошо»> III, 412.
Кому холодно, кому жарко!

(из «О погоде. Часть вторая») II, 214.
Коробейники II, 123.
К портрету** («Твоя права на славу очень хрупка») II, 500.
К портрету*** (Разведчан нами сей кумир) II, 535.
Красавице I, 275.
Крестьянские дети II, 108.
Крещенские морозы (из «О погоде. Часть вторая») II, 210.
«Кто долго так способен был» I, 418.
Кузнец II, 521.
Кумушки II, 155.

Л

Легенда о некоем покаявшемся старце, или седина в бороду, а бес в ребро II, 509.
Лето I, 413.
«Ликует враг, молчит в недоуменьи» II, 255.
«Литература, с трескучими фразами» II, 150.
Литературная травля, или раздраженный библиограф II, 482.
Литературная травля, или «не в свои сани не садись» II, 445.
«Любезна маменька, примите» I, 403.

М

<Мартынову А. Е.> («Со славою прошел ты полдороги») II, 462.
Мать («Она была исполнена печали») II, 316.

Маша I, 134.
Медвежья охота (сцены из лирической комедии) II, 266.
<Отрывки из «Медвежьей охоты»> II, 514.
Мелодия I, 288.
М. Е. Салтыкову II, 395.
«Милый, не брани его» (<Экспромт при отъезде Я. Дмитриева из Ярославля в Киев>) II, 525.
Могилы брата I, 268.
Мое желание II, 494.
Мое разочарование I, 207.
Мои детские годы I, 408.
Молебен II, 402.
Молодые лошади II, 435.
Мороз, Красный нос II, 166.
<Эпизод поэмы «Мороз, Красный нос»> II, 506.
Моя судьба I, 239.
Муж и жена II, 437.
Муза («Нет, Музы ласково поющей и прекрасной») I, 61.
Музе («О муза! наша песня спета») II, 405.
«Мы, посетив тебя, Дружинин» (<Дружинину>) I, 413.
Мысли журналиста при чтении программы, обещающей не падать литературных авторитетов II, 487.
Мысль I, 236.
«Мы с тобой бестолковые люди» I, 60.

Н

На Волге II, 83.
«Надрывается сердце от муки» II, 151.

Над чем мы смеемся II, 361.
Накануне светлого праздника II, 352.
«Наконец, не горит уже лес» II, 320.
«Намазав брови салом» I, 403.
На погорелом месте (из «Ночлегов») II, 375.
На покосе II, 499.
На постоялом дворе (из «Ночлегов») II, 372.
На псарне II, 91.
На родине I, 149.
«На скользком море жизни бурной» (<В альбом Марии Фермор>) I, 403.
Наследство I, 411.
На смерть Шевченко II, 106.
На улице (I — Вор; II — Проводы; III — Гробок; IV — Ванька) I, 58.
Начало поэмы («Опять она, родная сторона») II, 208.
Н. Г. Чернышевский (Пророк) II, 381.
«Не гордись, что в цветущие лета» I, 418.
Недавнее время II, 328.
    <Из сатиры «Недавнее время»> II, 511.
Незабвенная I, 241.
Незабвенный вечер I, 265.
«Не за Якова Ростовцева» II, 526.
«Не знаю, как созданы люди другие» I, 418.
Непопятная песня I, 260.
«Не рыдай так безумно над ним» II, 317.
Несжатая полоса I, 100.
«Несчастливые» II, 16.

«Ни стыда, ни состраданья!» II, 536.
«Ничего! гони во все лопатки» I, 414.
Новости I, 201.
Новый год I, 63.
«Но, любя, свое сердце готовь» II, 535.
Ночлеги (I — На постоялом дворе; II — На погорелом месте; III — У Трофима) II, 372.
Ночь («Я не сплю, не сплю — не спится») I, 271.
«Ночь. Успели мы всем насладиться» II, 59.
Нравственный человек I, 45.
— ну («Человек лишь в одиочку») II, 527.
Н. Ф. Крузе II, 60.

О

О. А. Петрову II, 499.
Обет I, 274.
Обыкновенная история I, 378.
«О гласность русская! ты быстро зашагала» II, 478.
Огородник I, 23.
«...одинокий, потерянный» II, 80.
«О Муза! я у двери гроба!» II, 433.
О, не склоняй победной головы I, 419.
«Он не был злобен и коварен» II, 536.
«Он у нас осьмое чудо» I, 428.
«О письма женщины, нам милой» I, 69.
О погоде. Часть вторая (I — Крещенские морозы; II —

Кому холодно, кому жарко) II, 210.

О погоде. Часть первая (I — Утренняя прогулка; II — До сумерек; III — Сумерки) II, 61.

«О, пошлость и рутина — два [гиганта]» I, 420.

Орина. мать солдатская II, 162.

Осень II, 431.

«О, сердце бедное мое!» I, 420.

Осипу Ивановичу Комиссарову II, 497.

«Отрадно видеть, что находит» I, 17.

Отрывки из путевых записок графа Гаранского I, 95.

Отрывок («Родился я в губернии») I, 198.

Отрывок («... Я сбросила мертвящие оковы») II, 428.

Отъезжающему II, 380.

Офелия I, 289.

II

Памяти <Асепков>ой I, 80.

Памяти Добролюбова II, 200.

Памяти приятеля I, 89.

Папаша II, 74.

Первый шаг в Европу II, 443.

Перед дождем I, 30.

Перед зеркалом I, 219.

Песни II, 256.

Песни о свободном слове II, 228.

<Из «Песен о свободном слове»> II, 495.

Песня («Всюду с музой пропикающий») II, 525.

Песня Еремущке II, 56.

Песня Замы I, 277.

Песня («Мало на долю мою бесталанную») I, 246.

Песня об «Аргусе» II, 448.

Песня («Отпусти меня, родная») II, 285.

«Песня о труде» II, 283.

Песнь Марии I, 371.

Пир ведьмы I, 258.

Письма I, 131.

«Пишите, други! — Начатпуть!» (<В альбом С. Н. Степанову>) II, 502.

Плач детей II, 104.

«Поверхностная, глупая насмешка» II, 536.

Подражание Шиллеру (I — Сущность; II — Форма) II, 439.

Пожарище II, 158.

Покойница I, 247.

«Поражена потерей невозвратной» I, 140.

Портреты I, 372

<Послание Белинского к Достоевскому> («Витязь горестной фигуры») I, 423.

Послание к другу (Из-за границы) I, 383.

Послание к Лонгинову I, 425.

Послание к соседу I, 377.

Последние элегии (I — «Душа мрачна, мечты мои увялы»; II — «Я рано встал, недолги были сборы»; III — «Пышна в разливе гордая река») I, 83.

«Посылаю поклон Венъямину» (<В. И. Асташеву>) II, 513.

Похороны II, 116.

Поэзия I, 236.

Поэт и гражданин II, 7.

Поэту («Где вы — певцы люб-

ви, свободы, мира) II, 394.
Поэту («Любовь и Труд — под горами развалин!») II, 413.
«Праздник жизни — молодости годы» I, 107.
Праздному юноше II, 436.
«Предмет, любопытный для взора» (<Чернильница>) II, 494.
Прекрасная партия I, 71.
Приговор II, 408.
Признание («Я пленен, я очарован») I, 282.
Признания труженика («По моей громадной толщине») I, 220.
Признания труженика («Те, которых часто я встречаю») I, 390.
Приметы II, 534.
Притча II, 516.
Притча о Ермолае трудящемся II, 201.
Притча о «Киселе» II, 452.
«Прихожу на праздник к чародею» (<Из «Сентиментального путешествия Ивана Чернокнижникова по Петербургским дачам»>) I, 429.
«Приятно встретиться в столице шумной с другом» II, 504.
«Пробил час!.. Не скажу, чтоб с охотой» I, 400.
Провинциальный подьячий в Петербурге I, 360
Провинциальный подьячий опять в Петербурге I, 366.
Проводы (из «На улице») I, 58.
Прости I, 169

«Прощай! Завидую тебе» (Т<ургене>ву) I, 168.
Прощанье I, 417.
Псовая охота I, 33.
«Пускай мечтатели осмеяны давно» I, 19.
«Пускай чуть слышен голос твой» II, 529.
Путешественник II, 370.
Пчелы (из «Стихотворений, посвященных русским детям») II, 291.
«Пышна в разливе гордая река (из «Последних элегий») I, 84
Пьяница I, 15.

Р

«Разбиты все привязанности, разум» (из «Трех элегий») II, 358.
Разговор в журнальной коптоте II, 486.
Разговор I, 283.
Размышления у парадного подъезда II, 52.
Родина I, 28.
Ростовщик I, 375.
Рукоять I, 274.
Русские женщины III, 21.
<Из поэмы «Русские женщины»> (эпизод «Княгини Трубецкой») III, 397.
<План продолжения поэмы «Русские женщины»> III, 398.
Русскому писателю I, 401.
Рыцарь I, 255.
Рыцарь на час II, 92.

С

«Самодовольных болтунов» I, 170.

- Саша I, 111.
 Свадьба I, 146.
 Свобода II, 143.
 Секрет I, 152.
 «Семьдесят лет бессознательно жил» I, 418.
 Сердцу I, 281.
 Сеятелям II, 401.
 Сказка о том, как царь Елисей хотел женить сына на луне, взять в приданое небо и двинуть рать на солнце, как все это не удалось и как царь Пантелей поправил и кончил дело благополучно I, 341.
 Скорбь и слезы I, 291.
 «Скоро,—приметы мои хороши», II, 533.
 «Скоро стану добычею тленья» II, 406.
 Слеза разлуки I, 291.
 Слезы и нервы («О слезы женские, с придачей») II, 119.
 Слезы и нервы («Кто ей теперь флакон подносит») II, 504.
 Смерти I, 270.
 «Смолкли честные, доблестно павшие» II, 411.
 Смуглянке I, 279.
 Современная ода I, 11.
 Современники III, 89
 <Из «Современников»> III, 399.
 Соловьи (из «Стихотворений, посвященных русским детям») II, 325.
 Сомнение I, 244.
 Сон II, 432.
 «Со славою прошел ты пол-дороги» («А. Е. Мартынову») II, 462.
 «Спрашивал я у людей» II, 535.
 С работы II, 311.
 «Среди моих трудов досадных» I, 409.
 Старики I, 402.
 Старость II, 429.
 Старушке I, 387.
 «Стихи мои! Свидетели живые» II, 51.
 Стихотворения, посвященные русским детям (I — Дядюшка Яков; II — Пчелы; III — Генерал Топтыгин) II, 288.
 Стихотворения, посвященные русским детям (I — Дедушка Мазай и зайцы; II — Соловьи) II, 321.
 «Стишки! стишки! давно ль и я был гений?» I, 200.
 «Стол накрыт, подсвечник вытерт» I, 410.
 Страшный год II, 362.
 Суд II, 296.
 Сумерки (из «О погоде. Часть первая») II, 70.
 Сущность (из «Подражания Шиллеру») II, 439.
 «Сыны «народного бича» II, 498.

Т

- «Так говорила (<...> актриса отставная» I, 419.
 «Так запой, о поэт! чтобы всем матерям» II, 533.
 «Так умереть? ты мне сказала» II, 538.
 «Так это шутка? Милая моя» I, 56.

Тишина II, 41.

<Из поэмы «Тишина»> («Но Русь цела, но Русь тверда») II, 461.

Тот не поэт I, 276.

Три элегии (I — «Ах! что изгнание, заточенье!»; II — «Бьется сердце беспокойное»; III — «Разбиты все привязанности, разум») II, 356.

Тройка I, 26.

Труженик («Те, которых часто я встречаю») I, 390.

Труженик («Я слушал, о мой друг, их пошлые рассказы») I, 421

Тургеневу («Мы вышли вместе... Наобум») II, 121.

Т<ургенев>у («Прощай! Завидую тебе») I, 168.

<Тургеневу> («Я посягну на неприличность») I, 411.

Турчанка I, 243.

«Ты всегда хороша несравненно» I, 44.

«Ты меня отослала далеко» I, 417.

Ты не забыта II, 430.

«Тяжелый год — сломил меня недуг» I, 132.

«Тяжелый крест достался ей на долю» I, 164.

У

Убогая и нарядная II, 47.

«Угомонись, моя муза задорная» II, 526.

«Уезжая в страну равноправную» (<Экспромт Е. О. Лихачевой>) II, 522.

«Умру я скоро. Жалкое наследство» II, 261.

Уныние II, 364.

<Из поэмы «Уныние»> II, 523.

«Устал я, устал я... мне время уснуть!» II, 500.

Утренняя прогулка (из «О погоде. Часть первая») II, 61.

Утро II, 359.

У Трофима (из «Ночлеги») II, 377.

Ф

«Фантазии недремлющей моей» I, 419.

Филантроп I, 90.

Финансовые соображения II, 480.

Форма (из «Подражания Шиллеру») II, 439.

Х

«Хоть все кричи ты: «луку, луку!» I, 403.

Ч

Час молитвы I, 278.

«Чего же вы хотели б от меня» II, 515.

Человек I, 261.

Человек сороковых годов II, 287.

<Чернильница> («Предмет, любопытный для взора») II, 484.

«Черный день! как нищий просит хлеба» II, 427.

14 июня 1854 года I, 106.

Чиновник I, 193.

Что думает старуха, когда ей
не спится II, 152.
«Что ни год — уменьшаются
силы» II, 107.
Что нового? II, 534.
Что поделывает наша внут-
ренняя гласность? II, 488.
«Что ты, сердце мое, расходи-
лось?» II, 79.
«Чуть-чуть не говоря: «ты —
сухая ничтожность!» I,
162.

Ш

Школьник I, 166.

Э

«Эй, Иван!» II, 307.
<Экспромт Е. О. Лихачевой>
(«Уезжая в страну равно-
правную») II, 522.
<Экспромт на лекции И. И. Ка-
уфмана> («В страде, где
нет ни золота ни серебра») II,
525.
<Экспромт Н. П. Александр-
овой> («В твоём сердце,

в минуты свободные») II,
521.

<Экспромт при отъезде Я.
Дмитриева из Ярославля
в Киев> («Милый, не бра-
ни его») II, 525.
Элегия II, 392.
<Эпитафия> («Зимой играл в
картишки») II, 535.

Я

«Явно родственны с землей»
II, 452.
«Я за то глубоко презираю се-
бя» I, 22.
«Я не люблю иронии твоей»
I, 53.
«Я посетил твоё кладбище»
I, 51.
«Я посягну на неприличность»
(«Тургеневу») I, 411.
«Я рано встал, недолги были
сборы» (из «Последних эле-
гий») I, 84.
«Я сегодня так грустно на-
строен» I, 102.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Н. А. Некрасов. Фотография Левицкого. 1864 г.
2. М. Н. Волконская в Чите. Акварель декабриста Н. А. Бестужева. 1829 г.
3. Автограф Н. А. Некрасова. Лист из рукописи «Современников».
4. Автограф Н. А. Некрасова. Лист из рукописи Пролога («Кому на Руси жить хорошо»).
5. 6. Автограф Н. А. Некрасова. «Русь» (из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»).

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	С т р а н и ц ы		
	текста	варн- антов	коммен- тариев
1 8 7 0			
ДЕДУШКА			
Дедушка	5	419	577
РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ			
1 8 7 1			
Княгиня Трубецкая	23	422	579
1 8 7 2			
Княгиня М. Н. Волконская	48	432	587
1 8 7 5			
С О В Р Е М Е Н Н И К И			
Часть первая. Юбиляры и триумфаторы	91	451	593
Часть вторая. Герои времени	104	451	604
1 8 6 3—1 8 7 7			
КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО			
Часть первая	153	467	620
Крестьянка (Из третьей части)	236	498	660
Последыш (Из второй части)	307	537	662
Пир — на весь мир (Из второй части)	343	540	665
Приложения	395		
Варианты и комментарии	415		
Алфавитный указатель к томам I—III	707		
Список иллюстраций	718		

Редактор М. Блицневская
Художник Н. В. Ильин
Технич. редактор Ц. Ермоленко
Корректор Л. Петрова

*

Сдано в набор 31/VII — 48г. Подпи-
сано к печати 30/IX — 48г. А06291.
45 печ. л. + 2 вклейки. 38,9 уч.-авт. л.
Формат бумаги 82 × 108¹/₃₂.
Тираж 50 000. Заказ № 8187

*

1-я Образцовая типография
имени А. А. Жданова
треста «Полиграфкнига» ОГИЗа
при Совете Министров СССР
Москва, Валовая, 28.

16p.